

Роман-журнал **XXI** век

Правда “Тихого Дона”

Феликс
КУЗНЕЦОВ

Г.В. СВИРИДОВ:

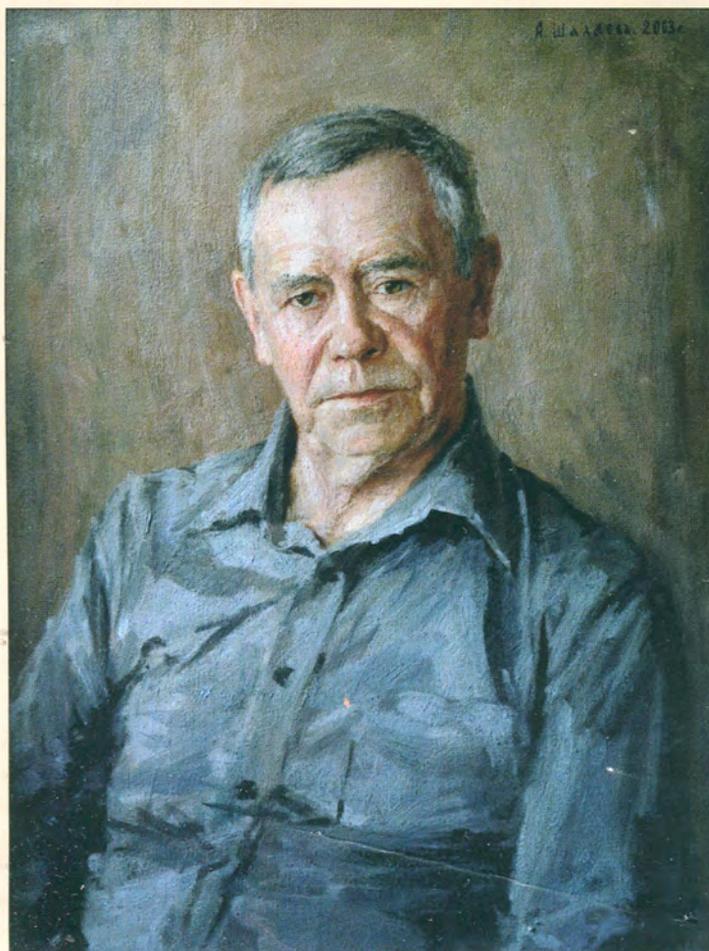
**Гений
остается
с нами**

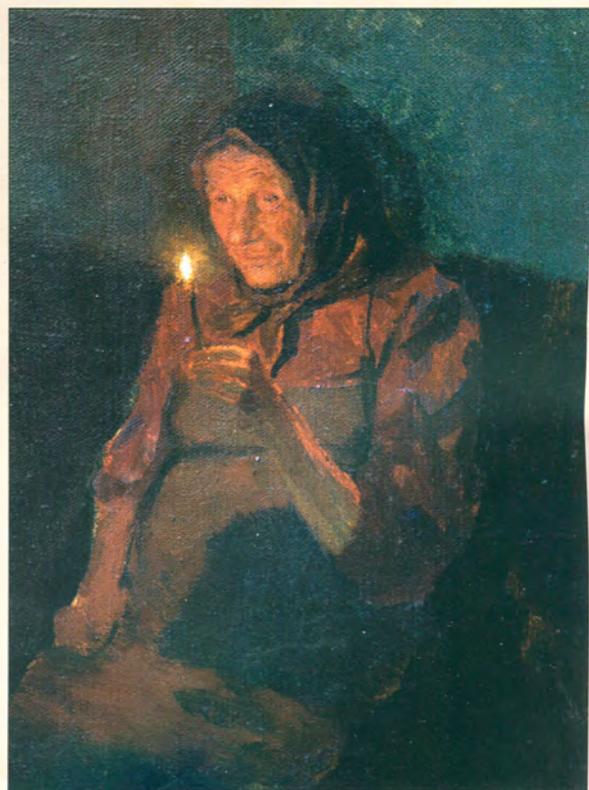
Художник Алексей ШАЛАЕВ

Тихая моя Родина

Портрет писателя
В.Г. Распутина

У обедни

«Не для житейского волнения,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновения,
Для звуков сладких и молитв»
А. С. Пушкин

ПУТЕВОДИТЕЛЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Роман-журнал XXI век

№ 8 (66) 2004

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

2 Дневник главного редактора
Гений остается с нами

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНЫХ СОБЫТИЙ

5 О конкурсе «Заветному
звуку внимаю»

ПРОЗА

- 7 **Яхья ХАККИ**
Светильник Умм
Хашим. *Повесть. Египет*
- 26 **Сергей ОВЧИННИКОВ**
Разговоры с собой
- 35 **Феликс КУЗНЕЦОВ**
Правда «Тихого Дона».
Продолжение. Начало №№ 1, 2, 3, 6, 7
- 72 **Софья ГУСЬКОВА**
Маленькая повесть об актрисе

ЛЮБИМЫЕ СТИХИ

- 17 **Нина ШЕВЦОВА**
- 97 **Елена ГАЛИМОВА**
«Вытку красно слово».
О поэзии Инглы Яшиной
- 99 **Инэль ЯШИНА**
- 106 **Владимир МАТВЕЕВ**

РАССКАЗЫ

- 18 **Александр БАРКОВ**
Пронькины выселки. *Рассказ*
- 66 **Тамара ЛОМБИНА**
Зина-капуста. *Рассказ*
- 108 **Владимир САПОЖНИКОВ**
Бомжик. *Рассказ*

КНИГИ О РОССИИ

62 «Земляки о земляках»: концепт

ДОКУМЕНТ ЭПОХИ

- 63 **Галина АКСЕНОВА**
«Помни войну!»
- 63 **Легенда о Петропавловске
и о С.О. Макарове.**
Из народных сказаний

ПАМЯТЬ

101 **Семен ШУРТАКОВ**
«Вам – все это, живые»

РУССКАЯ ДУМА

102 **Алексей СУВОРИН**
Популярная лекция о банках

РУССКИЙ КОСМОС

87 «Велик Бог Земли Русской!».
*Памяти Санкт-Петербургского гра-
доначальника В.Ф. фон-дер Лауница*

ТЕМА

104 **В.И. МЕРКУЛОВ**
Битва за «русское наследство»
начинается на
политическом поле...

МИР ИСКУССТВА

- 70 **Нина МАКСИМОВА**
Союз пера и кисти.
О художнике Алексее Шалаеве
- 110 **Филипп МОСКВИТИН**
«Мы учим на первоисточниках...»

Главный редактор Валерий Ганичев

Михаил Алексеев
Лев Анисов
Александр Арцибашев
Лариса Баранова-Гонченко
Вадим Белкин (*главный художник*)
Бронтой Бедоров (*Горный Алтай*)
Василий Белов (*Вологда*)
Владимир Бондаренко
Виктор Будаков
Николай Бурылев
Марина Ганичева (*зам. главного редактора*)
Владимир Гаврилов
Владимир Гусев
Геннадий Гусев
Георгий Зайцев
Геннадий Иванов
Валерий Исаев
Владимир Костров
Николай Коняев (*Санкт-Петербург*)
Сергей Котьяло
Лев Котоков
Владимир Курпин
Феликс Кузнецов
Станислав Куняев
Валентин Курбатов (*Псков*)
Виктор Лихоносов
Владимир Личутин
Юрий Лопусов
Сергей Лыкошин
Николай Лугинов (*Якутск*)
Игорь Ляпин
Исхак Машбаш (*Майкоп*)
Михаил Ножкин
Гарий Немченко
Виктор Николаев
Сергей Перевезенцев
(*первый зам. главного редактора*)
Николай Переяслова
Андрей Печерский
Андрей Поздняев
Михаил Попов
Геннадий Попов (*Орел*)
Александр Проханов
Валентин Распутин
Кавад Раш
Иван Сабилло (*Санкт-Петербург*)
Александр Сегень
Николай Сергованцев
Валентин Сорокин
Николай Скатов (*Санкт-Петербург*)
Константин Скворцов
Виктор Смирнов (*Смаленск*)
Александр Стручков
Леонид Фролов
Валерий Шамшурин (*Нижегний Новгород*)
Олег Шестинский
Семен Шуртаков
Михаил Чванов (*Уфа*)
Михаил Числов
Игорь Янин

На обложке: Кродику Святой Параскевы. Худ. А. Шалаев

Журнал издается при участии:
Союза писателей России,
Всемирного Русского Народного Собора,
Фонда подвижничества и просветительства
«И возродится Великая Русь»,
издательства «Московский писатель»,
ООО «Гренадеры»

Основан в 1998г.
Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по печати,
телекоммуникациям и средствам массовой коммуникации
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-3069 от 10 апреля 2000г.
Адрес редакции:
119146, Москва, Комсомольский проспект, 13.
Тел./факс: (095) 246-03-47

Выходит один раз в месяц
Журнал рекомендован к подписке
Министерством образования
Российской Федерации

Подписные индексы
на полугодие:
48542 — для индивидуальных подписчиков
48543 — для библиотек и учебных
учреждений

на год:
79172 — для индивидуальных подписчиков
79173 — для библиотек и учебных
учреждений

Дневник
главного
редактора

ГЕНИЙ ОСТАЕТСЯ С НАМИ

Шолохов. Бондарчук. Свиридов. Может быть, в полной мере мы только сейчас осознаем, что в конце XX века с нами рядом жили, при нас творили, с нами вели разговор три великих гения русской и мировой культуры. И казалось тогда, что это естественно, что так и должно быть — страна не оскудевает, у нас множество людей талантливых, социальные трения, мировые конфликты не вытравывают поле народное, не изничтожают ниву культуры, засеяется она Надеждой и Верой. И порукой этому были они — Свиридов, Бондарчук, Шолохов. Но век заканчивался, и уходили с ним его гении. Новый миропорядок корчил свои гримасы, и, кажется, уходила при нем в художественный мир ковыльная шолоховская степь, лазоревый погребальный веноч опустился на судьбу донского казака и полпыл по глады Тихого Дона. На экранах, знавших великую бондарчуковскую киноопею, стали мелькать разорванные, не сшитые гуманистической мыслью призраки современного синема. А неянность современной музыки, наряду с лязгом и грохотом попысы, как бы подтверждают, что музыкальный Парфенон Свиридова на многие века будет непрезойденным образцом излившейся из души России гармонии. А тогда три богатыря, приставив лань ко лбу, всматривались в даль: кто скачет встречь им оттуда, от горизонта — друг или враг? И гением творений своих защищали Отечество от темных сил зла. Уходили они, и наполнили на просторы России слякоть, туман, тьма. Но и сегодня мы верим, что их Талант — сберегающий, удерживающий, и чем глубже и шире мы приобщены к ним, тем больше надежды на то, что восторгается Свет, Разум, Доброта. А для этого надо помнить их, вызывать к жизни их строку, ноту, образ. Мое небольшое воспоминание и посвящено этому.

В центре Москвы на улице Герцена (совсем раньше и теперь Большая Никитская), недалеко от Консерватории замечательный художник и просветитель Юрий Иванович Селиверстов имел большую мастерскую, которую все время грозилась отобрать, но на век Юрия, который ему был отведен,

по крайней мере до конца его дней, она служила ему. Служила она и нам, там собиралась русская интеллигенция в конце 70-х, в 80-е годы, обсуждала многие проблемы, соединялась духом. В нескольких комнатах шли горячие разговоры в окружении поклонников, раскрывал литературные тайны Вадим Кожин, снисходительно улыбался на его речи признанный лидер интеллектуалов Петр Палиевский, на которого наседали нетерпеливые товарищи и требовали, чтобы он скорее написал «Великую книгу» (а что его книга будет великой, никто не сомневался). «Пиши, Петр, пиши», — умоляли они его. Петр снова снисходительно улыбался и с ухмылкой говорил: «Пиши, пиши! Я за вас думаю». Шутка была хороша и не без смысла. Рядом Петр Паламарчук спешил поделиться своими открытиями на ниве составления книги «Сорок со-роков» о московских порушенных и оставшихся храмах. Да, в начале 80-х некоторым из нас, как и его родным, это увлечение Петра было в диковинку. Церковь еще не заполнила духовное пространство интеллигенции. Но духовное поле в мастерской Ю. Селиверстова засеивалось. Тут повествовал о русских лицах, их системе образования в довоенной Югославии сам Никита Ильич Толстой, тут же собиратель творчества Ивана Ильина Юрий Лисица делился проектом выпуска первого собрания сочинений выдающегося отечественного мыслителя, читали стихи Юрий Кузнецов и Станислав Куняев, о недавно вышедших книгах, о русской истории или фрагментах из них информировал иронический Сергей Семанов, о космических видениях, юридических казусах и фантастике вещали космонавт Виталий Севастьянов, юрист Марат Баглай и шеголеватый Юрий Медведев. О почти запретном Ни-лусе рассказывал знаток отечественной церковной и национальной мысли Александр Стрижев, о Достоевском — горящий почти библейским огнем Юрий Селезнев. Ну и, конечно, музыка — ее не могло не быть тут, ибо в мастерской бывали, рассуждали о современной музыкальной культуре, судьбе русской песни, играли на фортепьяно, пели выдающиеся музыканты и исполнители: Владимир Минин, Валерий Гав-

рилин, Елена Образцова, Вячеслав Овчинников, Наталия Герасимова, Татьяна Петрова Татьяна, Синицына. Бывал и Георгий Свиридов. Такая встреча — подлинная музыкальная академия, из которой мы и перемещались в находившуюся рядом консерваторию. Очень часто и на концерты музыки самого Георгия Васильевича. Пожалуй, там, на этой оси: мастерская — консерватория, я и познакомился в глубинном смысле с великим композитором, его музыкой, многими его мыслями. У нас как-то принято разложить мудрецов, мыслителей по сусекам — отдельно философы, отдельно писатели, отдельно ученые, отдельно композиторы и т. д. Но Великое предопределение свыше в целом охватывает состояние трепетной души, всей земли, рода человеческого дано только гениям. Это ощутил Юрий Селиверстов и в своем масштабном, панорамном, художественном замысле «Русская дума» решил представить обществу портреты и мысли отечественных мыслителей. В ряду Любомудров оказались не только философы: Данилевский, Леонтьев, Флоренский, И. Ильин, Карсавин, но и люди литературной судьбы: Бахтин, Лосев, писатели: Достоевский, Гоголь, Блок, Толстой, конечно, Пушкин. И рядом, в этой галерее Мусоргский. Его появление в этом ряду великих осмыслителей судьбы России и мира мне стало ясно после слов Георгия Васильевича: «Мусоргский слышал музыку разрушающихся царств. Он видел судьбу нации, ее крестный путь». Да, это уже почти пророк, обозначенный другим гением и, конечно, тоже вошедшим в галерею «Русская дума» (портрет Свиридова с выразительными говорящими о композиторе руками).

На похоронах Селиверстова кто-то спросил меня: а на киноаппарат снимать можно? Я махнул с досадой: какая тут съемка. Сколько раз винил себя позднее, ведь над гробом было многое и важное сказано. В слезах и горести слова растворялись. Но как бы нам нужны были мысли Георгия Васильевича, высказанные у могилы. Слово было торжествен-

ное и печальное, о судьбе Художника в России, о его служении, о вере, об Отечестве, о Боге. И, конечно, о нашем друге Юрии Селиверстова. Мы стояли в оцепенении, ощутили заповедную глубину сказанного, но сцепление слов ушло, и осталось только впечатление бездонной глубины и запредельной высоты. После этих похорон у нас установилась тесная духовная близость. Не было, пожалуй, ни одного концерта музыки Свиридова, который мы бы со Светланой не посетили. По его высшей оценке были на всех гаврилинских вечерах. Особенно потрясли меня «Перезвоны», слышали мы их в исполнении вдохновенного хора под руководством выдающегося Владимира Николаевича Минина. Гаврилин в этой «симфонии-действе» (так он назвал «Перезвоны») стоит рядом со Свиридовым. Георгий Васильевич не раз с радостным поощрением говорил о таланте Валерия. Наша духовная ниточка крепла. Он приглашал нас, Костровых, Распутина, Крупина, Селезнева на концерты, просил звонить. Конечно, я не докучал, дорожа его временем, не надоедал, почти никогда не звонил сам. Но нередким и жданным был звонок домой или на работу в Союз писателей: «Свиридов говорит. Валерий Николаевич, как дела? Что нового?» — «Вы-то как, Георгий Васильевич? Как Эльза Густавовна?» — «Ну вот, заходите, и тогда расскажем о новостях». Повторного приглашения я, конечно, не ждал, но к встрече готовился, просматривал последние журналы, газеты, вспоминал, где, в каком театре бывал, что видел в провинции, собирался с духом и мыслями, всегда готовил один или два важных для меня вопроса. К Свиридову не на «приятственные разговорчики» идешь, а к исповедальному оконцу, к живительному колодцу, к сокровищнице мысли. Эх, как же я не решился испросить разрешения на диктофон, сколько же протекло мимо мудрости: а впрочем, хорошо, что не спросил, иначе потерялась бы естественность, не было бы наплывающих воспоминаний, да, возможно, и настороженность появилась бы (не у Георгия Ва-

сильевича, так у Эльзы Густавовны, оберегающей мужа от всяких неожиданностей, возможных отклонений, препятствий для главного в его жизни, для музыки).

Георгий Васильевич сначала расспрашивал: «А как там Распутин? А Василий Иванович, продолжает «Кануны»? Какая у него народная красота в «Ладе»? Вот бы так и по музыке создать свод народных песен, мелодий. По областям, по землям. Кто сейчас, по-вашему, лучший поэт у нас в России?» Я хоть и отнекивался: прозаик, да и председательствую в Союзе, скажешь об одном, другие обходятся, но вот мне по душе — Костров. Свиридов соглашается: «Мне тоже». Говорю о непрекращающихся нападках на русскую литературу, искажении классики, приклеивании ярлыков: шовинисты, черносотенцы. Он подбадривает: «Было хуже, вот в журнале «За пролетарскую культуру» Рахманинов и Прокофьев назывались «фашисты»! Вам человеческие ценности предписывают, хотя никто не говорит, что за ними, а нам модернизм навязывали и всякого рода программы разрушений в культуре. Ведь почти вся церковная архитектура разрушена. Разве можно храм Христа Спасителя восстановить? Но вы, писатели, молодцы и Владимир Алексеевич (Солоухин) молодец, клич бросили, соберем по пятаку. А вдруг?» — Георгий Васильевич преобразился, глаза искрились надеждой, он встал и возбужденно ходил возле стола, где мы пили чай. — «Вдруг соберется народ, власть не помешает, и встанет храм? Россия воспрянет!»

И таких разговоров, переливающихся из темы в тему, было немало. Приходили мы к нему и косяками. В один из вечеров, после договаривающегося звонка Юры Селиверстова мне: Распутин, Астафьев, Крупины — Володя и Надя, и я вторглись по его приглашению в хоть и большую, но сразу уменьшившуюся квартиру Свиридова. Он как-то беспечно был рад, смеялся вместе с хохочущим Астафьевым над умело рассказанными историями, отвечал на кучу вопросов и сам задавал их. Особенно вдохновенно рассказал нам о состоянии музыкального мира, о вторжении «музыкальной каббалы» Шёнберга, о движении музыкальной материи, в которой может быть сновровка, но нет духовно-нравственного смысла.

Мы молча слушали слова композитора, ибо мало кто мог в то время охватить всю панораму музыкального мира, его

смыслы, понятия, имена, звуки, мелодии, их соединение и гармонию.

Потом он с горечью говорил о потерях. Тут присоединились и мы, ибо погром русской культуры был любимым занятием антинациональных сил, которые в России были почему-то сильнее национальных. Действительно, каток зарубежного хлама, экономические преграды на пути классиков и современной литературы затрудняют подходы подлинных духовных ценностей к сознанию нашего человека — говорили мы. Свиридов вспоминает, что с разрушения церкви, музыкальной и литературной классики, хорового искусства из жизни начиналось изгнание всякого национального чувства, снижалась всякая положительная точка зрения на народное, национальное. Для этого наша культура, искусство объявлялись отсталыми или косными. С одной стороны, классово неполноценной считалась вся классика, а с другой — весь космополи-

тический модерн объявлялся новаторским, то есть революционным, созвучным эпохе. Он же был лишен национальных черт. Там, где классика не поддавалась ложному толкованию, ее искажали, ставили с ног на голову: «Пушкин — борец с самодержавием и т.д.». Это было и сейчас в полной мере делается. Свиридов разочарованно говорил о многих своих собратьях, а литература, ваши труды не дают мне впасть в отчаяние. Позднее он и написал в своих записках:

«Русские писатели

Мощный, суровый, эпичный Федор Абрамов.

Возвышенно-поэтический Василий Белов.

Пронзительный, шемящий Виктор Астафьев.

Драматичный Валентин Распутин.

Мягкий, лиричный южанин, мой земляк Евгений Носов.

Сергей Залыгин — тонкий и умный.

Блестящий эссеист Владимир Солоухин.

Я люблю и необязательно высоко (ставлю) их творчество, они украшение нашей литературы, (не говоря, конечно, о классиках Леонове и Шолохове. То, что эти люди — мои современники, не дает мне с такой силой почувствовать свое одиночество. Прекрасный, свежий, благоуханный, сильный, новый и вместе с тем, вечный Русский язык. По-новому раскрытые современные Русские характеры».

Какая востребованность, какая живительная необходимость ощущать слово! Свиридов, действительно, один из самых «литературных» композиторов. Когда в одной из бесед он ошеломил меня знанием и объяснением Блока, я наивно спросил: «А вы откуда это все знаете?» Он пожал плечами, а Эльза Густавовна со сдержанной гордостью сказала: «Георгий Васильевич по Блоку может защитить докторскую диссертацию». Позднее, когда я вспомнил эту фразу в беседе с В. Распутиним, он справедливо заметил, что Свиридов мог защитить докторскую диссертацию не только по Блоку, но и по Пушкину, Лермонтову, Некрасову, Тютчеву, Клюеву. И вспомнил, как они приехали со Ст. Куняевым вручить второе издание его книги о С. Есенине и еще раз убедились в его проникновенном, глубоком, нежном отношении к поэту. Он не только знал, любил его, но и со всей страстью бросался защищать его от всякого рода псевдотолкователей жизни поэта.

Удивительно, но Георгий Васильевич ценил и знал современных русских поэтов поглубже, чем многие литературные знаменитости. Он знал и любил Н. Рубцова, В. Кострова, Ю. Кузнецова, А. Прасолова, П. Васильева, С. Куняева, А. Передереева. Мы ходили к нему, как в Храм, на исповедь, а он с радостью бывал у нас в Союзе писателей. Недаром попросил, чтобы премию Сергея Есенина, которую ему присудила Рязань, вручить в Союзе. Это был торжественный и памятный для нас день. После вручения премии он и сказал, что ему приятно бывать у нас, у единомышленников, чего он иногда не ощущает среди своих коллег. Здесь же те, — продолжил он, — кто почитает Россию главной ценностью и смыслом этого мира, для кого Бог не метафора, а высшая суть. Да, он не раз говорил, что «хочет создать миф: Россия». И поэтому видел в русских писателях единомышленников и соратников на ратном поле культуры.

При всей фантастической занятости, требующей непрерывного сосредоточения, он не отказывался принять участие в работе Всемирного Русского Народного Собора, возглавляемого Святейшим Патриархом, общался с видными деятелями России. На III Всемирном Русском Народном Соборе мне было поручено вести пленарное заседание. В зале был цвет нации, представители большинства областей и земель России. В конце заседания я обратился к залу: «Ваше Святейшество, дорогие участники собора, наши гости, через несколько дней нашему выдающемуся композитору, ге-

нию отечественной музыки Георгию Васильевичу Свиридову исполняется 80 лет! Не знаю, удастся ли нам всем собраться и обратиться к Георгию Васильевичу тогда, но сегодня, когда мы все вместе, давайте поприветствуем его от имени Собора, от наших соотечественников!» Зал без команды встал и долго, долго, искренне и радостно аплодировал великому композитору. Георгий Васильевич, находясь в президиуме, вначале укоризненно покачал головой, а потом встал и приложил руку к сердцу. Вместе со всеми лучился и аплодировал Святейший Патриарх, премьер-министр, руководители палат Федерального собрания, депутаты Думы, руководители партий, казаки, ученые, военные, учителя, священство, в общем, представители всей России.

Свиридов ушел от нас с массой незавершенных творческих дел. Только по книге его мыслей, заметок, записок мы ощущаем, какой вулкан горел у него в груди. Но он гасил его, не давал вырваться увесистым глыбам истории и пылающим потокам лавы, сжигающим антикультуру, ибо тогда это бы увело его от той музыки, которую он писал ежечасно, хотя вся она и была проникнута этим чувством боли и трепета за Родину. Он и написал в дневника: «Я хочу создать миф: "Россия"». Пишу все об одном, что успею, то сделаю, сколько даст Бог». И Бог дал ему многое, а нам же счастье быть его современниками и слушать его божественную музыку.

Валерий ГАНИЧЕВ

«Заветному звуку внимаю...»

О МУЗЫКЕ И МУЗЫКАНТАХ

Государственный академический Большой симфонический оркестр имени П.И. Чайковского и Союз писателей России объявляют конкурс «Заветному звуку внимаю...» на лучшее художественное произведение о музыке, песне, композиторах, музыкантах в стихах и прозе.

К участию в конкурсе допускаются произведения малых форм: небольшая повесть, рассказ, цикл стихотворений, эссе, литературная миниатюра, опубликованные в период с 1 мая 2004 по 1 мая 2005 года. Победители получают премии в размере:

Первая — 5000 у.е.
Вторая — 3000 у.е.
Третья — 1000 у.е.

Специальный приз учреждается за лучшее произведение, посвященное 90-летию Г.В. Свиридова, которое будет отмечаться в декабре 2005 года. Председатель конкурса художественный руководитель БСО им. П.И. Чайковского В.И. Федосеев.

Сопредседатель В.Н. Ганичев, председатель Союза писателей России.

В жюри — известные писатели, музыканты, критики.

Произведения на конкурс выдвигают редакции журналов и издательств, творческие коллективы, физические лица.

Конкурсные работы присылать до 30 мая 2005 года на дискетах по адресу: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, телефон (095) 246-03-47, факс: (095) 246-03-47 с пометкой на конкурс «Заветному звуку внимаю...».

Итоги конкурса будут подведены в сентябре 2005 года.

Жюри конкурса «Заветному звуку внимаю...»

В.И. Федосеев — председатель
В.Н. Ганичев — сопредседатель

Члены жюри:

В.Г. Распутин	А.Ф. Ведерников
В.Н. Крупин	В. Калистратов
В.А. Костров	Л.Г. Баранова
Л.А. Барыкина	Р.С. Леденев
Е.Е. Нестеренко	А.Б. Вульф
М.В. Плетнев	О.И. Доброхотова
В.Н. Мишин	И.С. Вишневский

Мохамед Хамед Овейс. Рыба и люди.

ЯХЬЯ ХАККИ *Egyptem*

Перевод Ксении КИРПИЧЕНКО

Глава 1

Мой дед, шейх Рагаб Абдалла, был еще юношей, когда впервые приехал в Каир вместе со всей своей семьей, чтобы посетить святые места. Когда они подошли ко входу в мечеть Святой Зейнаб, отец подтолкнул его, и он, хотя этого и не требовалось, вслед за другими членами семьи упал на мраморный порог и стал осыпать его поцелуями, а ноги всех входивших и выходивших ступали чуть ли не по его голове. Если проходил какой-нибудь служитель веры, мнящий себя знатоком, он отводил взгляд, словно говоря: «Да хранит нас Аллах от подобной ереси, язычества и невежества». Большинство же людей просто улыбалось наивности и простоте этих крестьян, от одежды которых пахло молоком, землей и верблюжьей травой. Понятно было, что сердца их преисполнены благоговения, но они не находят другого способа выразить свои чувства — а ведь поступки оценивают по намерениям.

В скором времени дед в поисках заработка переселился в Каир, и неудивительно, что он решил поселиться в доме рядом с его любимой мечетью. Это был старый вакуфный дом, примыкавший к задней стене комнаты для омовений в мечети, в переулке, который так и назывался «Переулок Омования». «Назывался», потому что разрушительная длань Департамента благоустройства ликвидировала его, как и многие другие памятники Каира. Из-за безрассудства этой длани терялся сам дух старого города, но кто беспокоится, когда жертвами становятся камень и кирпич!

Там же, на площади, дед открыл торговлю зерном. Семья его жила под сенью святой Зейнаб и под ее покровительством, отмечая ее праздники как свои и отсчитывая время по призывам на молитву муэдзина ее мечети. Все удачи семьи приписывались милости Умм Хашим — будь то расширение торговли или окончание старшим сыном куттаба. Едва он закончил учебу, как отец привлек его к торговле, так как нуждался в помощнике.

Что касается второго сына дед, то он поступил в аль-Азхар, промучался там несколько лет и провалился на экзаменах, после чего вернулся в нашу деревню, чтобы исполнять там должности факиха и помощника кади. Оставался младший сын, мой дядя Исмаил, как говорится, последняя виноградина в грозди, — ему судьбой и благосостоянием отца была уготована более достойное и славное будущее. Сначала, когда отец велел ему учить Коран, он испугался, что его отдадут в аль-Азхар и уличные мальчишки будут бегать за ним и дразнить, как дразнят других юношей в чалмах:

— Эй, чалма, обернись — в обезьяну превратись!

Однако шейх Рагаб с сердцем, полным надежд, отдал его в государственную школу. Исмаилу очень помогло его религиозное воспитание и деревенское происхождение — отличавшие его скромность и терпение скоро позволили ему опередить остальных в учебе и заслужить уважение учителей. Одевался он не по моде, но опрятно. К тому же выглядел более взрослым и мужественным, чем его сверстники — балованные дети господ, косноязычные и неспособные ясно выразить свои мысли. Он учился лучше всех, и в чертах его

Яхья Хакки (1905-1993), юрист по образованию, дипломат, работавший в арабских странах и в странах Европы, принадлежит к поколению пионеров современной арабской прозы и считается классиком египетской новеллы. Он был членом первой ассоциации египетских новеллистов, так называемой “новой школы”, издававшей в 1925-26 гг. литературный еженедельник “Ал-Фаджр” (“Заря”). Повесть “Светильник Умм Хашим” (1944), самое известное произведение писателя, была написана в тот период, когда окончательно стала ясной неосуществимость надежд египетских просветителей на быструю модернизацию Египта путем заимствования знаний, передовых идей и научно-технических достижений у стран Европы. Сложная и болезненная проблема взаимоотношений Востока и Запада, науки и веры, рационального и иррационального (разума и сердца) оказалась в центре внимания многих литераторов, побывавших или учившихся на Западе и хорошо знакомых с западной культурой.

Образный, свободный от риторических штампов стиль, тонкое чувство юмора позволили Я.Хакки создать выразительный портрет египетского интеллигента в первом поколении, переживающего мучительную драму выбора.

СВЕТИЛЬНИК УММ ХАШИМ

лица безошибочно читались ум и способности. Все свои надежды семья возложила на него.

Он еще не вышел из юношеского возраста, а его уже называли не иначе как «господин Исмаил» или «Исмаил-эфенди» и обращались с ним как со взрослым мужчиной, подавали ему лучшую еду и фрукты. Когда он занимался, отец разговаривал только шепотом и голос его дрожал от нежности, а мать ходила на цыпочках. Даже Фатима ан-Набавийя, двоюродная сестра Исмаила, круглая сирота, прекращала свою обычную болтовню и молча садилась возле него, как рабыня возле своего господина. Она никогда не ложилась прежде, чем он заканчивал свои занятия, словно уроки, которые он готовил, были и ее уроками, сидела и смотрела на него, не отрываясь, своими большими глазами с покрасневшими веками, а ее пальцы постоянно двигались, ни на минуту не прекращая что-нибудь шить или вязать. И словно какой-то голос говорил Исмаилу: посмотри на эти руки, они обладают особой чувствительностью, живут своей странной жизнью, касаются каждой вещи, чтобы опознать ее. Как она не понимает, что признак приближающейся слепоты у здорового человека — это когда его руки становятся его зрением?

— Иди ложись, Фатима.

— Еще рано, я не хочу спать.

Время от времени слезы, набежавшие на ее глаза, превращают Исмаила в неясный силуэт, она смахивает их рукавом и опять неотрывно смотрит на него. Вся мудрость мира заключалась для нее в его словах, когда он говорил ей что-нибудь. Господи! Сколько же секретов и тайн собрано в книгах! Как может язык выговаривать все эти незнакомые, чужие слова? И по мере того, как он рос в ее глазах, сама она все больше сжималась перед ним и как будто уменьшалась в размерах. Иногда его взгляд останавливался на ее косах, и он улыбался. Ох уж эти девушки! Если бы они догадывались, как пусты их головы!

Наконец он отправлялся спать, и только тогда семья чувствовала, что день завершен, и начинала думать о том, что Исмаилу может понадобиться завтра. Жизнь в доме, любое движение замирало, чтобы не нарушить его сон. Целое поколение шло на жертвы, лишь бы выучить, поднять одного своего отпрыска. Любовь домочадцев превратилась в какое-то инстинктивное, животное чувство. (Так беспокойная курица неподвижно и покорно высививает свои яйца, распластавшись на них, как молящаяся монашка.) Что это — дар щедрого сердца или следствие жестокой необходимости, давящей, как оковы? Семья так обожала свое дитя, что ради него была готова была отказаться от всего, лишиться себя самого необходимого.

А в чем же здесь красота, спросите вы? Ответ на этот вопрос — у меня в сердце, там же, где остались те далекие дни, воспоминания о которых заставляют его биться чаще. Я вижу перед собой своего деду, шейха Рагаба, в орле чистоты и света. И мою бабушку — госпожу Адилю, добрую и наивную — только глупец мог бы назвать ее человеком. Если она — человек, то кто же тогда ангел? И как многого лишился бы мир, если бы в нем не было подобных крохотных и верующих душ!

Глава 2

Год за годом Исмаил оказывался в числе лучших учеников. После объявления результатов экзаменов всех соседей, и даже прохожих, угощали щербетом. Торговка таамией и гадалка издавали возгласы радости и славили Аллаха, а уста Хасан — цирюльник и лекарь квартала — неплохо зарабатывал на благоволиях, которыми госпожа Адиля велела окурить дом. В благодарность за успех сына она исполнила обет, данный ею Умм Хашим, — приготовила лепешки с бобами, чтобы раз-

дать бедным. Но не успела Умм Мухаммад с корзиной на голлове появиться на площади, как лепешки были мгновенно расхвачены, а корзина исчезла вместе с салфеткой, которой она была накрыта. Умм Мухаммад вернулась домой смущенная, путаясь в своем подоле и не зная, сердиться ей или смеяться над жадностью нищих, промышляющих возле мечети Святой Зейнаб. Этот случай все члены семьи пересказывали друг другу несколько дней как анекдот.

Так рос Исмаил, хранимый Аллахом и Умм Хашим. Он редко выходил за пределы квартала и площади. Самым дальним его маршрутом были прогулки к Нилу, где он либо бродил по берегу, либо стоял на мосту, любуясь рекой. Когда приближался вечер и солнце палило уже не так немилосердно, а тени светлели и удлинялись, площадь словно приходила к себе, освобождалась от лишних людей и понемногу пустела. И человек с острым слухом и ничем не отягощенной совестью мог расслышать разносящийся по ней тихий глубокий вздох. Быть может, это вздыхал сиди аль-Атрис, привратник Госпожи (ведь это имя ее слуги). Быть может, он в своем жилище смывал с рук и отряхивал с одежды дневные заботы, усаживался поудобнее и облегченно вздыхал? Если случится тебе услышать этот тяжелый вздох, взгляни на купол мечети, ты увидишь вокруг него сияние, которое то ослабевает, то усиливается, как свет фонаря, раскачиваемого ветром. Это и есть светильник Умм Хашим, висящий над гробницей святой, — даже стены не могут скрыть его свет.

А площадь снова постепенно наполняется. Безликие горбленные фигуры с потухшими глазами, одетые во что придется, вернее, в то, что попалося под руку. Жалобные занывания торговцев:

— А вот горячие бобы...

— Насыщайся и слава Пророка...

— Мягкая редиска...

— Мисвак узаконен Сунной Пророка...

Что за скрытая обиды их гложет? Какая тяжесть лежит у них на сердце? Но при этом на всех лицах — довольство и смирение. Как легко они все забывают! Жалкие пиастры и миллимы проходят через многие руки; здесь нет установленных законов, стандартов и цен, а есть обычаи и понятия: торг, недомер, недoves... Мера может быть обманной, а весы — фальшивыми, но все здесь делается с благоволением. Рыды людей сидят на земле вдоль стен мечети, некоторые лежат прямо на мостовой. Мешанина из мужчин, женщин и детей, известно, откуда они взялись и куда потом денутся, они — как плоды, упавшие с дерева жизни и сгнившие под ним. Здесь — школа попрошак. Один, с сумкой, полной объедков, которая уже явно тяжела для него, кричит:

— Люди добрые, ради Аллаха, подайте кусок голодному!

Полуголая девица, вдруг выросшая посреди переулка, взывает:

— Мусульмане, вы жертвуете на покровы для святой, не оставьте раздетой женщину!

На звонкий голос из окон высовываются головы, умоляющие взгляды девицы никого не оставляют равнодушным, и на нее сыплется куча тряпья и обносков. В мгновение ока девица исчезает, и непонятно, улетела она или провалилась под землю.

А этот слепой торговец толчеными приностями продаст тебе что-нибудь только после того, как ты поприветствуешь его, а он ответит на твоё приветствие — таков обычай купли-продажи.

День заканчивается, и брюхо торговца солеными отливает от его бочек, а ноги токаря несут домой своего хозяина, оставляющего в мастерской недоделанную работу и инструменты. Вечер продолжается, легкий ветерок приносит про-

хладу. Из кофеен слышится смех, то приглушенный, то громкий — смех «гашишников». Если пройти от площади к началу улицы Марасиних, можно услышать крики пьяных в винной лавке Анастаса, которую жители квартала в шутку называют «Девичачьей». Из нее, шатаясь, выходит разбушевавшийся пьяный, пристает к прохожим:

- А ну, покажите мне самого сильного футувву!
- Пошел вон, ненормальный!
- Да оставьте его в покое, бедолагу...
- Аллах ему судья...

В это час некое подобие веселья овладевает печальными, усталыми призраками с площади — нет больше забот и тревог. Будущее — в руках Божьих, по его воле люди сближаются; один, болящийся, забывает о своих жалобах, другой спускает деньги на каляян или в карты, и... будь что будет. Не слышно стука стalkerивающихся чаш весов, исчезают ручные тележки, тушатся свечи в корзинах. В это время Исмаил заканчивает свою прогулку по площади. Он знает здесь каждый угол и каждый камень, крики торговцев для него привычное дело, в этих местах для него нет тайн. Толпа окружает его, и он сливается с ней, как капля дождя, проглоченная океаном. Он привык к одному и тем же, похожим одна на другую картина, они не вызывают у него никакой реакции, ни любопытства, ни скуки. Толпа не радует и не раздражает его, он с ней — одно целое. Он слышит, но не слушает голоса, смотрит на фигуры, но не видит их. Однако все это обладал удивительной способностью незаметно проникать в душу, оседать где-то в ее глубине, сливаться с ней и постепенно становиться ее сущностью. Но пока его взгляд еще не способен разглядеть это чудо жизни... здоровые глаза просто смотрят.

Глава 3

Исмаил взрослел, в теле его бурлили жизненные силы, и словно две противоположные силы рвали его на части. С одной стороны, он избегал людей, с другой же — совершенно не мог выносить одиночества и начал чувствовать странное наслаждение, вливаясь в толпу посетительниц мечети, особенно многочисленных в дни зийарат. В этой толпе ему казалось, что одежда — ненужный барьер между телами, тепло которых он ощущал при случайных соприкосновениях и толчках. Среди этих тел он испытывал удовольствие купающегося в стремительном потоке воды, неважно, чистой или мутной... запахи пота и духов не только не раздражали его, он втягивал их в себя с жадностью. В дни паломничества мечеть посещали и некоторые проститутки — сиди аль-Атрису было велено пропускать всех — они платили, чтобы поставить свечку у гробницы или во исполнение обета, да наставит их Аллах на путь праведный и да сотрет с их чела печать предопределения! Исмаил видел их и раньше, но не обращал внимания. Теперь же он стал задерживать на них взгляд и даже поджидал прихода одной из них, которую выделял среди всех остальных и которая приходила во все дни зийарат. Смуглая, с темными локонами и нежными губами, она отличалась от своих подруг молчаливостью и стройной фигурой. У других походка была расслабленной, усталой, она же — как будто спешила к какой-то цели, сама себе хозяйка. Руки опущены вдоль тела, лишь иногда мелькнет обнажившийся при ходьбе локоть. Если присмотреться, на нем заметны сияния и ушибы, но все же в изгибах ее рук чувствуется скрытая порочность.

Исмаил улыбается, когда видит шейха Дердири, служителя при гробнице святой, среди женщин он — как петух среди кур. Знает их всех по именам и спрашивает о тех, что не пришли; от одной он берет свечку, для другой расчищает проход к ящику для обетов. Вдруг его настроение меняется и он начинает кричать на них и подталкивать к выходу. К шейху

подходят также женщины и мужчины, чтобы попросить немного масла из светильника Умм Хашим — этим маслом лечат глаза, свои или своих близких. Считается, что излечиться с помощью благословенного масла может только истинно верующий — ведь у человека не может быть зрения, если нет разума. А если кто не выздоравливает, то виной тому не масло, просто Умм Хашим пока не благоволил к этому человеку. Может быть, он наказан за свои грехи или еще не очистился от скверны, но он должен терпеть и ждать, и придти к гробнице снова и снова. Терпение — истинная опора в земной жизни и единственный способ к обретению жизни загробной.

Масло было хорошим источником средств к существованию для шейха Дердири, но тем не менее следов благополучия в его внешнем облике не видно, на нем всегда одна и та же грязная рубаха и та же пыльная чалма. Что же он делает со своими деньгами? Закапывает под камень? Его друзья подозревают, что он спускает их на гашиш, приводя в доказательство его не проходящий кашель и склонность к шуткам и анекдотам. А разгадка в том, что шейх часто женился и разводился, и не проходило и года, чтобы он не завел себе новую молодую жену. Исмаил хорошо знал шейха, потому что часто приходил к гробнице и привык сидеть с ним после вечерней молитвы, слушая его рассказы. Старик проникся особым расположением к юноше, которое и побудило его однажды вечером рассказать ему то, о чем он не рассказывал другим:

— Ты знаешь, си Исмаил, в ночь на пятницу приходит сюда наш Господин Хусейн вместе с имамом аш-Шафии и имамом аль-Лейсом, в сопровождении госпожи Фатимы ан-Набавийи, госпожи Айши и госпожи Сакины и с отрядом конницы, над которой развеваются зеленые знамена. От их одежды исходит аромат мускуса и роз, они занимают свои места по правую и левую руку от Госпожи и начинают вершить суд. Рассматривают жалобы людей и хотели бы все их удовлетворить, но время еще не пришло. К кому же каждый обиженный и сам обидчик. Как тут быть?

В такую ночь этот маленький светильник, который ты видишь над гробницей, излучает свет нестерпимый, ослепляющий, я даже глаз на него поднять не могу. А масло его становится целительным, но я даю его только тем страждущим, о которых знаю, что они этого достойны.

Исмаил слушал рассеянно, задумавшись о смуглой молчаливой девушке, и обернулся к шейху, только когда тот указал пальцем на светильник: он был похож на спокойный всевидящий глаз. Его мягкий свет, падающий на гробницу, похож на лучи, исходящие от прекрасного лица матери, когда она кормит младенца, покоящегося в ее объятиях. Фитиль горит то ярче, то слабее, в унисон тому, как вспышки нежности в ее сердце перемежаются тихими славословиями Аллаху. Светильник — страж гробницы, он словно плывет над ней, а цепочки и не видно, так она высоко. Любый источник света — символ борьбы между давящей тьмой и спасительным светом, любви, но не эго. Он светит без борьбы. Здесь нет ни востока, ни запада, ни дня, ни ночи, ни вчера, ни завтра.

Исмаил вздрогнул и даже не смог понять — что это кольнуло его в сердце!

Глава 4

Как раз в год своего совершеннолетия Исмаил окончил школу. Он вышел с экзамена на стелень бакалавра недовольный собой и мучимый сомнениями. Когда объявили результаты, оказалось, что экзамен он сдал, однако далеко не первым.

Все надежды и ожидания его семьи и его самого были связаны с тем, что он поступит в медицинское училище, но там ему неожиданно отказали в приеме. Приблизился новый учебный год, а решение все еще не было принято. У Исма-

или был выбор — или поступать в педагогическое училище, или еще раз сдавать экзамен на степень бакалавра и потерять год, но оба эти варианта были ему не по душе; шейх Рагаб волновался не меньше сына. Некоторые его знакомые думали, что он удовольствуется для сына должностью, право на которую дает степень бакалавра, или сделает его своим помощником, чтобы потом передать ему свое дело. Если бы они знали, на какие высоты мечтал возвести сына шейх Рагаб. Шейх обходил знакомых, спрашивая у всех совета, пока кто-то не сказал ему:

— А почему бы тебе не послать сына в Европу?

После этих слов шейх Рагаб всю ночь ворочался на боку набок.

Он подсчитал, что такое решение будет стоить ему от десяти до пятнадцати фунтов в месяц, не считая расходов на дорогу и одежду, подходящую для северного климата. А разлука с сыном? Разве его мать согласится? Или она пожертвует своими чувствами ради будущего Исмаила? А осият ли они посылку пятнадцати фунтов ежемесячно? Тогда всей семье придется потуже затянуть пояс. И сколько это все продлится? Шесть или семь лет. А трудное время, как известно, тянется влode медленнее. Шейх Рагаб услышал призыв к вечерней молитве, а потом и к утренней. Наконец он забылся и во сне услышал тихий голос, который сказал ему:

— Предоставь все воле Аллаха...

Когда он проснулся, решение было принято. Мать поняла, что расставания не избежать, и молча смирилась с этим, хотя слезы текли из ее глаз ручьями. Куда? За границу! В самом этом слове было что-то звенящее и таинственное, оно пробралось, как загадочный и пугающий призрак, в дом, где не прекращалось чтение Корана, а шариат олицетворял собой и право, и науку. Призрак улелся в укромном уголке, свернувшись в клубочек, и спал там, торжествующий и довольный! Отец утверждал, что это благо, которое надо принять от неверных не как унижение, а чтобы овладеть их же оружием. Мать же содрогалась при мысли о предстоящем сыну переезде через океан и о грозящем ему холоде. Заграница виделась ей землей где-то на краю света, покрытой снегом и льдом, и населенной людьми, хитрыми и коварными, как джинны. Что же до Фатимы ан-Набавийи, то сердце ее сжималось, так как она слышала, будто европейские женщины ходят чуть ли не нагишом и что они все до одной — искусные соблазнительницы. И если Исмаил уедет, то неизвестно еще, каким он вернется, и вернется ли вообще!

Отец собрал все деньги, какие смог; мать продала свои украшения, чтобы купить билеты на поезд и на пароход и теплую одежду, спасающую от европейских холодов. И вот подошел срок отъезда и настало время прощаться.

Семья собралась, молчаливая и печальная, сердца у всех трепетали, а глаза были полны слез. Отец сказал Исмаилу:

— Вот мой наказ тебе: живи в Англии так же, как ты жил здесь — дорожи своей верой, следуй ее предписаниям. Если ты осугнишься хоть раз, неизвестно, куда это тебя заведет. Мы, сынок, хотим, чтобы ты вернулся к нам преуспевающим человеком, чтобы мы не краснели перед людьми. Я уже старик, и все наши надежды — на тебя. Тебя будут вводить в соблазн европейские женщины, но они — не для тебя, а ты — не для них.

Отец немного помолчал и продолжил:

— Мы с твоей матерью решили, что Фатима ан-Набавийя будет тебя дожидаться, потому что ты более всех подходишь ей, а она — тебе. Она — дочь твоего дяди и у нее, кроме тебя, никого нет. Если хочешь, давай в этот день все вместе прочтем «Фатиху», чтобы твоему путешествию сопутствовали благословение и удача.

Исмаилу ничего не оставалось делать, как согласиться. Он вложил свою руку в руку отца и прочитал «Фатиху»; мать пла-

кала, а растерянная девушка не знала, радоваться ей или печалиться.

Исмаил предвидел, что однажды это случится, но не ожидал, что именно в тот вечер. Они ведь росли с Фатимой ан-Набавийей вместе, как брат и сестра, и он редко смотрел на нее такими же глазами, как на свою смуглянку.

Он читал «Фатиху», но мыслями был далеко. Читал, чтобы угодить отцу, сердце подсказало ему, что он обязан сдержать обещание. «Но почему? Почему?» Все это так залуцано и непонятно, ведь он до сих пор чист и добродетелен, он никогда не был близок с женщиной. И было бы ложью — а Исмаил не был лжецом — отрицать, что его влечет и к смуглой девушке, и к женщинам вообще, и, особенно, к женщинам Европы!

Глава 5

Исмаил ходил попрощаться с друзьями, а потом дошел до площади. Приближался час заката. В ушах Исмаила звучали привычные крики торговцев, но ему показалось, что жизнь на площади как-то изменилась, стала не такой, как раньше. Как будто люди двигаются быстрее. Проходят, и ни до чего им нет дела! Разве вся жизнь — гонки? Как бы ему хотелось, чтобы кто-нибудь из этих спешащих людей остановился и обменялся с ним парой слов. Но никто не обращал на него внимания. Площадь была похожа на гигантский мурaveйник, где все двигались, сталкивались друг с другом и разбегались в разные стороны. Ноги сами привели Исмаила к гробнице святой, где, против обыкновения, было тихо и пустынно. Шейх Дердари стоял с опущенной головой, и вид у него был такой, словно он очень устал или чего-то боится. Исмаил обошел вокруг гробницы и, приблизившись к стене, которая разделяла места для женщин и мужчин, заметил какой-то силуэт — и узнал свою смуглянку, которая стояла там, прислонясь лбом к стене. Исмаил застыл на месте и услышал, как девушка шепчет:

— О, Умм Хашим, святая покровительница, не оставь мои мольбы без внимания, не отворачивайся от меня! Прошу тебя о милости, не откажи мне. Ты чиста перед Аллахом, Он хранит тебя и милостив к тебе. Твое сердце создано для сострадания. Если не к тебе обращаешься большим, слабым и обиженным, то к кому? Если все о нас забыли, вспомни ты! Когда же прекратятся страдания, предначертанные мне судьбой? Как же ты допускаешь, что мое тело не принадлежит мне и муки, которые я терплю, разрываю его на части! Вот я на ступеньках твоей гробницы, поверженная, отчаявшаяся, я хочу очнуться от кошмарного сна, в котором я живу с тех пор, как Аллах оставил меня своей милостью. Я покорила и терпела власть этого кошмара, я между жизнью и смертью, но не сдаюсь, пока ты со мной. Так сколько же мне еще терпеть? Даю тебе обет, что в день, когда все это закончится, я украшу твою пречистую гробницу свечами. Пятьюдесятью свечами, о Умм Хашим, сестра Хусейн!

Девушка припала губами к стене гробницы, и поцелуй ее шел от сердца, а не от расчета. Кто усомнится в том, что Умм Хашим так же приблизилась к стене с другой стороны и ответила на поцелуй?

Исмаил собрался было выйти из мечети, чтобы догнать девушку и поговорить с ней, но ноги его не слушались. Он хотел излить ей все, что было у него на душе: хотел сказать, что предстоящая разлука с семьей и с родиной ради чужой страны, одиночества и неизвестности разбивает ему сердце; хотел спросить, почему сердце его так трепещет при виде нее, как не трепещет в присутствии ни одной другой женщины. Или все это ему только кажется? Хотя тайный голос звучит в его сердце и обещает раскрыть ему тайну, но тысяча и один покров заглушают этот голос, заставляют его умолкнуть. Скорее всего, девушка не заметила Исмаила, не почув-

твоя его присутствия. И он, спасаясь от своего смятения, поспешил к шейху Дердири, чья болтовня пролилась бальзамом на его душу. Он стоял в молчании перед гробницей, в лачах светильника, то касаясь рукой стены, то утирая лицо. Это было последнее, что он помнил о Каире. Все, что происходило с ним после выхода из мечети, представлялось ему как нахлынувший на него мощный, стремительный поток, в котором он барахтался, потеряв представление о месте и времени. Смутные картины, неразличимые голоса. Прощание с семьей, рыдания и слезы. Потом вокзал, поезд, порт с его суетой, впервые увиденный пароход и его гудки. Я представляю себе Исмаила, поднимающегося по трапу, молодого, но медлительного и солидного, как старец, его любопытствующий взгляд, толстый живот. Все в нем выдавало деревенского жителя, простого и наивного, которому неуютно в городе. Дядя признавался мне потом, что в багаже у него лежали деревянные башмаки, потому что шейх Рагаб слышал, будто в Европе люди имеют обыкновение носить обувь в домах и не всегда совершают омовение. Он с улыбкой описывал мне и свои широченные и длиннющие шаровары, с цветным шнурком вместо пояса; в руке же он нес полную корзинку пирожных, испеченных для него матерью и Фатимой ан-Набавийей.

И пароход отправился в путь.

Глава 6

Прошло семь лет, и пароход вернулся.

Кто же этот элегантный молодой человек с хорошей фигурой, высоко поднятой головой и сияющим лицом, который вприпрыжку спускается по трапу? Боже мой, это же Исмаил собственной персоной. Но нет, прошу прощения, это — доктор Исмаил, врач-офтальмолог, специалист, обладающий, как о том свидетельствуют дипломы английских университетов, редкими способностями и уникальными знаниями. Один профессор шутил говорил Исмаилу:

— Держу пари, что в Вас, мистер Исмаил, переселилась душа жреца-врачевателя эпохи фараонов. Ваша страна нуждается в Вас, ведь это — «страна слепых»!

У профессора создалось впечатление, что знания словно внушены Исмаилу свыше, что за его уверенность и спокойствием стоит многовековой опыт поколений, живших до него, а ловкость пальцев унаследована от рук, которые валяли из твердого камня статуи, неотличимые от живых людей.

— Добро пожаловать домой, Исмаил. Мы так скучали по тебе. Мы не видели тебя семь лет, которые показались нам веками. Сначала твои письма приходили постоянно, а потом все реже и реже и уже не могли утолить нашу жажду знать о тебе как можно больше. Так утлои ее теперь и займи свое место в семье. Ты увидишь, что она — как механизм, который остановился и покрылся ржавчиной, потому что из него вынули мотор. О, если бы ты знал, скольким семья пожелтовала для тебя!

В ночь накануне прибытия Исмаил спал лишь урывками и с рассветом выскочил на палубу. Он боялся пропустить момент, когда покажется берег Александрии. На горизонте ничего не было видно, однако ноздри его учуяли в воздухе какой-то новый запах, который он не ощущал раньше. Первым существом, которое родина выслала ему навстречу, была белая птица, которая одиноко кружила в вышине над пароходом, гордая и свободная. И что заставляет корабли так медленно при прибытии и так спешить при отплытии? Конечно, что им до радости возвращения, до пассажиров и их чувств! Исмаил не сообщил родственникам о сроке прибытия корабля, чтобы не утруждать своего старого отца путешествием в Александрию, он собирался телеграфировать им о времени прихода поезда в Каир. А вот и приветно мигающий

маяк, и песчаный берег, почти вровень с водой. О, Египет, ты — словно огромная ладонь, протянутая морю, гордая со знанием своей необъятности. Вдоль твоих берегов нет ни корабных подводных камней, ни горных преград. Ты — как дом, в котором все дышит спокойствием и безопасностью... А вот появилась первая лодка, в ней — старик с седой бородой, ссутулившись, сидит на носу лодки, похожий на обезьяну, и ловит рыбу. На нем старая чиненая рубаха, которая когда-то была голубой. Взгляд Исмаила упал на египтянку, стоявшую у борта рядом с ним, и он заметил, что она смотрит на рыбака со слезами на глазах и невнятно шепчет:

— Египет! Египет!

Как же старик услышит ее, если он не обращает внимания на целый пароход! Их много, пароходов, прибывающих и отплывающих, которые чуть ли не задевают его лодку, но ничто не может поколебать его закрытый мирок, нарушить однообразное, повторяющееся изо дня в день течение его жизни. Исмаилу захотелось окликнуть этого старика, поприветствовать его или помахать ему платком. Какими незначительными становятся все условности и правила поведения в подобные мгновения, когда чувства кипят и сердца переполнены! Прозвенел колокол, прозвучавший, как погребальный, и гигантская туша парохода немедленно стала добычей многочисленной армии людей, похожих на муравьев. Солдаты, офицеры, наши братья-окупанты, вперемешку с египтянами в фесках, носильщики, менялы, встречающие. Толкотня, давка, выкрики, объятия, поцелуи. И Исмаил — в центре этой круговерти — с жадностью впитывает все происходящее вокруг. С радостной улыбкой на губах он напрягает слух и взгляд, желая все увидеть и все понять. Если приглядеться к нему, можно заметить, что лицо его потеряло былую округлость, а в уголках рта появились складки. Раньше у него был детский, постоянно приоткрытый рот, теперь же сомкнутые губы выдавали решительность и уверенность в себе. Исмаил прошел таможенно и сел в коляску. Стук колес, слушаешь то по асфальту, то по мостовой, напоминал ему день его отъезда. Сейчас этот день казался ему затерявшимся в далеком прошлом, далеком, как сон... Как же могла сохраниться память об этом дне после семи лет, которые он провел в Англии, и которые полностью изменили его жизнь? Он был чист и утратил свою чистоту, не брал в рот вина и привык пить, танцевать с левушками и вести распутную жизнь. Но это падение искупилось приобретениями, не менее для него важными и удивительными. Он научился наслаждаться красотой природы, любоваться заходом солнца — как будто на его родине закаты были менее прекрасны — и испытывать удовольствие от укусов северного холода.

Хотя за это время у него не было никого, кроме Мэри, его подруги по учебе, и ее было достаточно, чтобы забыть прошлое. Смуглый восточный юноша покорила ее сердце, она предпочла его прочим и приняла в свои объятия. Подарив ему себя, Мэри стала его первой женщиной, она вывела его из апатии и сонливости, вселила в него уверенность и решительность, открыла неведомые ему прежде горизонты красоты — в искусстве, в музыке, в природе, а главное — в человеческой душе.

Однажды он сказал ей:

— Я смогу жить спокойно, когда составлю для себя программу, которой буду следовать.

Она засмеялась:

— Дорогой Исмаил, жизнь — не четкая программа, а постоянно возобновляющийся спор.

Он зовет ее: «Пойди сюда, давай посидим», а она отвечает: «Вставай, давай пройдемся». Он рассуждал о браке, а она — о любви, он рассказывал ей о будущем, а она — о настоящем моменте. Раньше он все время искал вне себя что-то, на что он мог бы опереться в жизни: религия и вера, принципы, на которых он был воспитан, все это для него было подобно ве-

шалке, на которую он повесил свое дорогое пальто. Мэри же говорила ему: «Тот, кто нуждается в вешалке, всю жизнь будет сидеть рядом с ней, охраняя свое пальто. Главная опора должна быть у тебя в душе». Больше всего она боялась любых оков, а он — свободы. То, что Мэри ему принадлежала, было предметом растерянности Исаила, а его растерянность служила предметом ее насмешек. Он держался на расстоянии от людей, тщательно взвешивая возможность дружбы с ними, и придавал большое значение тому, как он выглядит в глазах окружающих. Он всегда был готов сделать комплимент тому, кто жаждал комплимента, но сердце его в этом не участвовало. Знакомство он рассматривал как столкновение двух личностей, из которого один выходит победителем, другой — проигравшим. Что же касается Мэри, то она любила всех людей в целом, но далеко не всеми интересовалась. Знакомство для нее было просто встречей, а дружба оставалась вопросом будущего. И при всей ее благожелательности к людям, она решительно избывалась от слабых, глупых, от много мнящих о себе, от подлых, скучных и лицемерных людей. А освободившись от балласта, сближалась только с теми, в чей дружбе могла быть уверена.

Мэри видела, как Исаил подолгу просиживает рядом с самыми тяжелыми из своих больных, особенно внимательно относясь к тем, чьи нервы и разум оказались пораженными разрушительной силой времени, — и как же много таких в Европе! Он сидел молча, выслушивая их жалобы, великодушно подстраиваясь под их больную логику. Однажды Мэри стала свидетельницей того, как группа больных столпилась вокруг Исаила, и каждый пытался ухватиться за него и завладеть его вниманием. Она подошла к нему и резко сказала:

— Ты же не Иисус Христос! «Кто руководствуется ангельской моралью, падает жертвой морали зверей!» и «Врачу, исцелись сам!» Эти тонущие люди ищут протянутую им руку, и, если найдут, утопят и ее вместе с собой. Эта восточная широта души — зло, потому что от нее нет толку, а бесполезное дело оставляет после себя только чувство слабости и унижения. Твое отношение к ним даст лучший результат, если не выставлять его напоказ.

Ее слова ранили его прямо в сердце, он чувствовал, что они, как нож, рассекают те живительные узы, которые связывали его с окружающими людьми. И однажды он проснулся и обнаружил, что его внутренний мир полностью разрушен, в нем не осталось камня на камне. Религия оказалась ему суеверием, выдумкой, предназначенной для того, чтобы управлять массами людей. А человеческая душа обретает силу и счастье лишь в том случае, если отделяется от толпы и противостоит ей, сливаясь же с толпой — слабость и беда.

Его нервы не выдержали блужданий в этом лабиринте мнений, в которых он запутывался и увязал все глубже. Он заболел, перестал учиться, его терзали постоянные тревоги и страхи, взгляд стал беспокойным.

И именно Мэри спасла его. Она увезла его в деревню, в Шотландию, где днем они совершали прогулки пешком, или на велосипедах по окрестным полям, или удили рыбу, а ночью она, не скупясь, дарилла ему радости любви. К счастью, в отличие от многих его молодых соотечественников, оказавшихся в Европе, он смог выдержать это испытание и вышел из него словно заново родившимся, более сильным и крепким душой. Утратив веру в Бога, он обрел еще более твердую веру в науку и думал теперь не о прелестях жизни в раю, а о красоте природы и ее тайнах. И, быть может, лучшим доказательством его исцеления было то, что он начал избываться от власти Мэри над собой. Он уже общался с ней не как ученик с наставником, а как коллега с коллегой, на равных. И не удивился, и не слишком страдал, когда она оставила его ради юноши своей национальности и цвета кожи. Как всякому творцу, ей наскучила ее уже завершенная работа. Исаил

исцелился и потерял для нее все свое очарование, стал таким же, как и другие ее знакомые. Поэтому она нашла себе нового друга... Но Исаил не мог покинуть Англию, не увидев Мэри в последний раз. Он пригласил ее, она не отказалась и пришла к нему, а он даже не спросил себя, знает ли об этом ее новый друг или остается в неведении. И она подарила ему себя еще раз, поскольку это не имело для нее большого значения, было, скорее, чем-то вроде рукопожатия, прощального приветла.

Садясь на велосипед, она крикнула ему:

— Надеюсь, мы увидимся с тобой когда-нибудь в Египте. Кто знает! Значит, до свидания, я не говорю «прощай».

Современные женщины! Как бесстрашно они встречаются испытания. Древо жизни висится перед ними, увешанное разнообразными плодами, и у них — отличный аппетит: они не печалются из-за одного плода, ведь на дереве еще много таких же!

Глава 7

Удивительное явление, которому я не могу найти объяснения, — придя в себя после отношений с Мэри, Исаил обнаружил, что он — жертва новой любви. Потому ли, что сердце никогда не пустует? Или Мэри, сама того не заметив, пробудила его сердце, и оно ожгло? Раньше чувства Исаила по отношению к Египту были какими-то смутными и неопределенными — он был подобен песчинке, смешавшейся с остальным песком, неотличимой от него, хотя и существовавшей отдельно от любой другой песчинки. Теперь же он начинал чувствовать себя звеном длинной цепочки, крепко-накрепко связывающей его с родиной. Египет представлялся Исаилу Спящей красавицей, заснувшей от прикосновения волшебной палочки злой колдуньи. На красавице украшения и покрывало — все в блестящем — для первой брачной ночи, и она прекрасна так, что дух захватывает и невозможно отвести глаз. Но когда же она проснется? Когда? И чем больше Исаил любил Египет, тем больше его раздражали египтяне. Но ведь они — его народ, его племя, и они не виноваты в своих грехах, они — жертвы невежества, бедности, болезней и долгих лет гнета. Исаил не раз смотрел в глаза смерти, шупал пульс у прокаженных, дышал одним воздухом с больными лихорадкой, так неужели он отступит теперь, когда надо будет прикоснуться к этим людям, ведь он — плоть от плоти их и кровь от крови? Он поклялся самому себе любить Египет, несмотря на все отвратительное, с чем ему придется там столкнуться. Мэри научила его быть во всем самостоятельным, и вряд ли после этого он поддастся предрассудкам и заблуждениям египтян. Ведь недаром же он жил в Европе и вместе с ней молился на науку и на силу ее логики. Он предвидел долгую борьбу с теми, с кем ему придется столкнуться, но по молодости лет борьба эта представлялась ему не такой уж опасной, и он рвался в бой! И Исаил представлял себе, как он будет излагать публике свои взгляды и теории в газетных статьях или выступая с докладами в каких-нибудь обществах.

Поезд тронулся, а Исаил так и не отправил телеграмму. Он не знал почему, но ему не хотелось встретиться со своими родными на вокзале, среди шума, гама, толкотни. Он хотел увидеться с ними дома, вдаль от посторонних глаз, но не мог представить, какое впечатление его внезапное появление произведет на его старых родителей. Он вспомнил о них, и его сердце сжалось. Сможет ли он отблагодарить их, хотя бы частично, за все то, что они для него сделали? Ведь он возвращается во всеоружии, так, как мечтал отец, и он пробьет себе дорогу в первые ряды. Он не станет поступать на государственную службу, а откроет врачебный кабинет в престижном районе Каира. Он поразит сначала кайрицев, а потом и всех египтян своим необыкновенным мастерс-

твом и опытом. А если на него посыплется деньги, он освободит отца от работы, купит ему участок земли в их деревне, чтобы он жил на покое. И тут лицо Исмаила омрачилось. Он вспомнил, что не привез семье из Европы никаких подарков, и спросил ее:

— А что во всей Европе подошло бы для папы и мамы?

А для Фатимы ан-Набавий? Воспоминание о ней привело его в замешательство — ведь он все еще был связан своим обещанием. Он вернулся свободным, и не будет ему оправдания, если он уклонится от женитьбы на ней. Но это сложный вопрос, и лучше оставить его на потом.

Он выглянул из окна и увидел пробегающую мимо деревню, запыленную и разоренную, как будто над ней пронеслась песчаная буря. Продавцы на станциях стояли в рваной одежде, часто дыша, как загнанные животные, и обливались потом.

Когда коляска въехала на тесную улочку аль-Халиг, которая была слишком узкой для трамвая, она показалась Исмаилу еще отвратительнее и ужаснее, чем он ожидал: повсюду грязь, мухи, бедность и разрушение. Сердце у Исмаила сжалось, ему стало горько, но вместе с тем его решимость лишь укрепилась.

Он остановился перед домом, взял в руку дверной молоток и постучал, и этот стук совпал с биением его сердца. Он услышал, как тонкий голос изнутри с характерной интонацией каирских женщин протянул:

— Кто та-ам?

— Это я, Исмаил! Открывай, Фатима!

Глава 8

— О, Исмаил, как ты жесток! Как неразумна молодость!

Мать едва не упала в обморок; потеряв дар речи, она прижимала сына к себе, целовала его лицо и руки, всхлипывала и заливалась слезами. Господи! Как же она постарела, сморщилась, как ослабли ее голос и зрение! Воистину, тот, кто отсутствует, питает иллюзию, что, вернувшись к дорогим ему людям, он найдет их такими же, какими оставил много лет назад. Какой-то голос в глубине его сердца шепнул:

— Она ведь ничего из себя не представляет как личность! Она просто глупок какой-то пассивной доброты.

К нему с мягкой улыбкой подошел отец. Он посидел, хотя и не ссутулился, остался прямым. Во взгляде его застыло выражение вечной усталости и терпения, он производил впечатление человека, у которого спокойная совесть, а на плечах — тяжкая ноша. Позже Исмаил узнает, что, даже когда отец чуть не разорился во время кризиса, и дела его шли совсем плохо, он ни разу ни на один день не задержал банковский перевод для сына. Исмаил не мог припомнить, чтобы он отказывал себе в чем-либо, или был вынужден экономить, или поторопиться с отъездом из Англии. Он развлекался в Шотландии со своей подружкой и ел бифштексы, а его отец безвылазно сидел дома и на ужин довольствовался вареными бобами или редиской.

Исмаил краем взгляда обвел дом — он стал то ли темнее, то ли темнее, чем раньше. Неужели они все еще пользуются керосиновой лампой? Мебель — ветхая, рассыпается на глазах, и хотя она здесь стоит уже долгие годы, выглядит, как бензика в чужом доме. И почему под ногами — каменные плиты, где же ковер?

Умм Мухаммад, как всегда, сидит тарелок и кастрюль, заголосила было от радости, но он прикрикнул на нее:

— Не надо, образумься, тетушка.

Но где все-таки Фатима ан-Набавий? Наконец она появилась, и Исмаил увидел перед собой девушку в расцвете молодости. Ее косы, дешевые стеклянные браслеты, ее жесты — все в ней кричит о том, что она — простушка из самой глухой

деревни. Неужели это та, на ком он женится? Он мгновенно понял, что не сдержит своего обещания. И зачем у нее повязка на глазах? Ей придется задирать голову, чтобы увидеть его лицо. Ясно, что после его отъезда болезнь глаз у нее продолжала прогрессировать, и дело уже зашло далеко.

Ужин был готов, все сели, и, конечно, это ради него был накрыт стол белого дерева, за которым обычно никто не ел. Они не притрагивались к еде из-за слишком большой радости, он — из-за потрясения, которое заставило его очнуться. Исмаил признавался мне впоследствии, что даже в тот момент, когда радость возвращения под родной кров, казалось, должна была отвлечь его от сравнений, сопоставлений и критики, он снова и снова спрашивал себя — как он сможет жить среди них? Как найдет себе место в этом доме?

Ему пригостили постель. Шейх Рагаб хотел во что бы то ни стало поскорее уйти в свою комнату, чтобы дать возможность сыну отдохнуть после утомительного путешествия. Мать тоже старалась уходить, как ни трудно ей было оторваться от сына. Но прежде чем выйти из комнаты, обратилась к Фатиме:

— Фатима, походи сюда, я закапаю тебе в глаза.

И Исмаил увидел в руках у матери маленькую склянку; Фатима легла на пол, положила голову на колени матери, и та стала капать ей в глаза какую-то жидкость из склянки, а Фатима охала, но терпела боль.

Исмаил спросил:

— Что это, мама?

— Это масло из светильника Умм Хашим. Фатима привыкла, что я закапываю ей его каждый вечер. Нам принес его твой друг, шейх Дердири. Он тебя помнит и всегда спрашивает о тебе. А ты его помнишь?

Исмаил подскочил как ужаленный. Ну не парадокс ли, что он, врач-офтальмолог, в первый же вечер по возвращении на родину сталкивается с подобным способом лечения офтальмии?

Он подошел к Фатиме, поднял ее, снял с нее повязку и осмотрел глаза. Он обнаружил, что болезнь поразила веки и повредила глазные яблоки. Если бы ему удалось подобрать подходящее успокаивающее средство, девушку можно было бы вылечить. А горячее жгучее масло лишь ухудшало ее состояние.

И он закричал на мать так, что чуть не сорвал голос:

— Как тебе не стыдно, мучительница! Ты же правверная, ты молишься, как ты можешь верить в эту чушь и суеверия?

Мать онемела; потеряв дар речи, она бормотала что-то невразумительное.

Исмаил заметил в дверях фигуру отца в короткой белой рубашке, с такой на голове и с мрачным лицом. Предчувствовало ли его любящее сердце такую неприязнность? Это кто же? Может быть, что-то в поведении Исмаила, в его жестках и взглядах с первой минуты заронило опасения в его душу? Что за крик? Что стярслось?

Наконец мать заговорила, поминутно поминая Аллаха:

— Бог с тобой, Исмаил, сынок. Господь наш да вразумит тебя, это ведь не какое-то лекарство из аптеки. Это всего лишь благодать Умм Хашим.

Исмаил был подобен разъяренному быку, перед которым взмахнули красной тряпкой:

— Эта ваша Умм Хашим доведет девочку до слепоты, вот тогда узнаете, что у нее за лекарства. Я сам, своими руками вылечу ее так, как никакая Умм Хашим не сможет.

— Сынок, так ведь многие люди вылечиваются благодаря маслу из светильника Матери немощных, пользуются им, и Господь посылает им исцеление. Мы тоже всю жизнь привыкли полагаться на Аллаха и Умм Хашим. Она обладает чудесной силой.

— Не знаю я ни Умм Хашим, ни Умм Шайтан.

Воцарилась гробовая тишина. В этом доме ежедневно читали Коран, в нем постоянно жило эхо сур Священной книги, эхо призывов на молитву. И все это словно вдруг пробулдылось, всколыхнулось и тут же умолкло, угасло, отступив перед тьмой и страхом... Не было всему этому жизни рядом с чужой душой, явившейся из-за морей.

Он услышал голос отца, который доносился откуда-то издалека:

— Кто ты говоришь?! Это все, чему ты выучился за границей? Все, что мы получили, — это сын-безбожник?

Все поступки Исмаила после этих слов говорят за то, что старая болезнь нервов внезапно дала рецидив и обрушилась на него с новой силой. Он на секунду потерял сознание, почувствовал, что в горле у него пересохло, в груди все горит, в голове шумит и что он куда-то проваливается. Он вскочил, обвел всех страшным взглядом. Мать сразу как-то съехала, уменьшилась в размерах, а отец поспешил отойти в сторону. Исмаил накинул на мать, пытаясь отобрать у нее склянку, сначала она было впилась в нее, но потом разжала руки. Он резким движением выхватил склянку и молниеносно выбросил в окно.

Звон осколков на мостовой был подобен взрыву первой гранаты в сражении.

Исмаил растерялся на мгновение, огляделся вокруг, перевел взгляд с лица матери и Фатимы на лицо отца. Оно выражало сострадание и жалость, но Исмаил не увидел и следа понимания и терпимости. Во всех глазах читался страх, и это разозлило Исмаила еще больше. Он бросился к двери, по пути заметил отцовскую трость, схватил ее и выбежал из дома. Он не откажется от борьбы с невежеством и предрассудками, и это будет борьба не на жизнь, а на смерть!

Глава 9

Он вышел на площадь и увидел, что она, как обычно, заполнена людьми, на которых лежит неизгладимая печать нищеты и унижения. Неужели эти люди — современники века, который привел в движение все силы природы?! Эта толпа — какое-то скопище древностей, обломки разрушившихся колонн, загораживающие путь идущему. Что это за животные крики? Что за убогая еда, которую жуют эти рты? Он вглядывался в лица, но все они казались ему сонными или лицами людей, накурившихся опиума. Ни одного лица с человеческим выражением. Вот они, египтяне: грубое, болтливое, голое и босое племя, его моча — кровь, его испражнения — глисты. С униженной улыбкой принимают они затрепанные, сыплющиеся на их затылки. А сам Египет? Истоптанная полоса глины и ила, затерявшаяся в пустыне, над ней жужжат рои мух и комаров, от края к краю бродят по ней стада тощих буйволов... Площадь переполнена торговцами семечками, бобами, миндалем, «дубинками стражников», харисой и самбукой, по миллону штуки. По краям площади — многочисленные кофейни прямо на тротуаре, рядом со стенами, все оборудование такой кофейни — очаг, кувшин да кальян. Тела посетителей годами не знают воды. Для них мыло и феникс — одно и то же. Перед Исмаилом прошла девушка с подведенными бровями, насурьмленными глазами, завернувшая в покрывало так, чтобы подчеркнуть ширину своих бедер и чтобы был виден подол платья. Чадра не скрывает ее лица. Что толку в этом клочке ткани, которым она прикрывает нос? Фу! Что может быть отвратительнее и лицемернее этого зрелища! Люди тут же начинают виться вокруг нее, как кобели, которые никогда не видели самку! Застойность этой жизни убивает всякий прогресс, здесь не существует понятия времени, только наркотические сны и грезы спящего на восходе солнца...

Если бы Исмаил мог схватить каждого из них за локоть, встряхнуть изол всей силы и сказать:

— Проснитесь! Очнитесь от беспоезны спячки, приди в себя, открой глаза. К чему все эти бесполезные споры? Болтовня, перебранки по пустякам? Вы живете в плену суеверий, верите в идолов, совершаете паломничества к могилам и ищете защиты у мертвецов!

Он споткнулся о ребенка, брошенного на тротуар. Вокруг него толпились нищие, демонстрируя свои болячки и увечья, которые служили им законным средством заработать на пропитание, словно были знаками снизошедшей на них благодати или каким-то ремеслом, профессией.

Исмаил почувствовал, что это скопище изуродованных конечностей давит ему на грудь, не давая дышать. Некоторые вострешные натянулись на него, как слепцы, передвигающиеся на ощупь. Это всеобщее благодушие не что иное, как слабость, эта доброта — глупость, терпение — малодушие, а веселье — разложение.

Исмаил вырвался из давки и побегал к мечети, вошел в нее, пересек двор и прошел к гробнице. Вместо воздуха она была наполнена тяжелыми испарениями варварских лухов. А вот и светильник. На его стекле осела пыль, цепочка почернела от копоти. От него исходил душливый запах горящего масла, и он больше чадил, чем светил. Его лучи — прямое свидетельство суеверий и невежества. Под потолком снуют летучие мыши, при виде которых Исмаила пробрала дрожь. Вокруг гробницы толются люди, подпирают ее, как бревна, неподвижные, вцепившиеся в ее решетку. Вот мужчина, он вымалывает у Умм Хашим какую-то милость. Исмаил сначала не разобрал, в чем дело, но потом понял, что он просит ее покарать его врага, разрушить его дом и оставить его детей сиротами. Исмаил обернулся и заметил в углу гробницы шейха Дердири, который осторожно, тайком, словно контрабанду, передавал мужчине с повязанной женским платком головой маленькую склянку. Исмаил потерял власть над собой, он уже не осознавал, что делает. В ушах у него стоял звон, в глазах помутилось, он встал на цыпочки, размахнулся и ударил тростью по светильнику. Посыпалось стекло, а он кричал, как безумный:

— Я... Я... Я...

Он не смог закончить фразу (и кто знает, что бы он сказал?). Толпа набросилась на него, навалилась сверху; он упал на землю, потеряв сознание. Они били его и пинали ногами, поранили голову, по лицу его текла кровь, одежда была разорвана.

Потом мы узнали, что он был уже близок к смерти там, под ногами толпы, но шейх Дердири узнал его и спас от гнева людей. Он крикнул:

— Оставьте его! Я его знаю. Это си Исмаил, сын шейха Рагаба из нашего квартала. Отпустите его, вы что, не видите, что он одержимый?

Шейх Дердири принес его домой, положил на кровать, и в радостный день возвращения Исмаила семья собралась вокруг него, оплакивая его утраченный разум.

Неужто Аллах проклял тот день, когда ты уехал, Исмаил? Если бы ты остался с нами, Европа не испортила бы тебя, и ты бы не потерял рассудок. Насколько легче было бы тогда твоим родным, стране и религии!

Мать била себя по лицу, отец вздыхал, скрывая боль и гнев, а Фатима заливалась слезами.

Глава 10

Прошло много дней, а Исмаил все еще оставался в пестле. Он упорно не желал ни с кем общаться и лежал, повернувшись лицом к стене, не произносил ни слова и ни у кого ничего не просил. Немного придя в себя, он начал размышлять о том, не лучше ли ему вернуться в Европу, чтобы жить среди людей, которые понимают, что такое жизнь. Ведь в уни-

верситете ему предлагали должность помощника преподавателя, а он по глупости отказался; но, может, они еще примут его, если хорошенько попросить. И почему бы ему там не жить, не завести новую семью, подалее от этой несчастной страны? Зачем только он покинул Англию с ее прелестными деревьями, с ее тихими вечерами и суровой зимой? Зачем приехал в эту страну, где небольшой дождик воспринимают как катастрофу, как неожиданно нагрянувший потоп? Им и невдомек, что там под дождем и градом живут молчаливые люди с твердым взглядом, которые борются с ураганами. А что пользы бороться в такой стране, как Египет, и с таким народом, как египтяне? Ведь они на протяжении долгих веков жили в унижении и находили в этом удовольствие, наслаждались этим!

Потом он задремал, и мысли его перепутались. Он походил на птицу, попавшую в силос, а затем посаженную в клетку, — сумеет ли он из нее выбраться? Он чувствовал, что крепко связан с этим домом, который он не выносит, и с этой ненавистной ему площадью. Сколько бы он не пытался, он не сможет от них избавиться.

Но вот однажды утром Исмаил проснулся и почувствовал в себе необычайную энергию. В подобном состоянии человек обычно бросается из одной крайности в другую совершенно неожиданно и без всякой видимой причины. Исмаил рано утром вышел из дома и вернулся, неся сакваж, полный пузырьков, бантов и баночек; он начал лечить Фатиму по правилам своей медицины, своей науки. В Европе ему пришлось иметь дело более чем с сотней подобных случаев, и успех ни разу не изменил ему. Так почему бы ему не добиться успеха и с Фатимой? Девушка доверилась ему без страха; гораздо больше, чем болезнь, ее волновало то, что Исмаил будет заниматься ею, что она станет предметом его заботы и внимания. Отец и мать держались в стороне, но не осмеливались ни в чем возражать сыну, опасаясь за его здоровье.

Он занимался Фатимой утром и вечером, перед сном. Прошел день, второй, третий, четвертый, неделя, потом другая, глаза Фатимы были все в том же состоянии, а затем оно вдруг резко ухудшилось, глаза воспалились, и она почти перестала видеть.

Исмаил удвоил рвение, заново перепробовал все виды лечения, он осматривал веки, выворачивал их, закапывал капли, мазал мазями, делал примочки, использовал все, что только могла предложить медицина; он был знающим и образованным врачом, но все-таки видел перед собой слепицу Фатиму, и никакие хитрости его науки не могли ее спасти.

Он водил ее к своим коллегам с медицинского факультета, показывал профессорам, и все они соглашались с выбранным им методом лечения и рекомендовали продолжать.

И он боролся и проявлял упорство... Наконец однажды Фатима проснулась утром, открыла глаза и ничего не увидела... Погас последний лучик его надежды.

Глава 11

Исмаил бежал из родительского дома, где Фатима все время была у него на глазах, и ее слепота была доказательством его слепоты. Во взглядах отца и матери он читал осуждение. Что же случилось? Почему он потерпел неудачу? Он ничего не понимал. Куда теперь идти? Он еще не начинал работать, и у него не было ни сил, ни желания обращаться к государству, чтобы его назначили врачом в какую-нибудь отдаленную деревню. Он продал свои книги и кое-какие инструменты, привезенные из Европы, и поселился в тесной комнатке в пансионе мадам Ифтали, толстой гречанки, которая начала эксплуатировать его, как только заполучила в свои руки. Она готова была брать с него деньги даже за утреннее приветствие, заставляла его платить за тот шаг, который ей приходилось

сделать, чтобы открыть ему дверь, а однажды выставила счет за лишний кусок сахара, который он взял за завтраком. Исмаил представлял, как она улыбается, роясь в его карманах. Вся ее добыча — несколько сигарет, но она торопливо, с жадностью, хватает и их. Уже с утра она просит его не засиживаться в комнате допоздна, чтобы не расходовать электричество. Без сомнения, европейцы в Египте сделаны из другого теста, чем те, которых Исмаил видел в Европе. Он заперся было в своей комнате, но подобное обращение гнало его на улицы, по которым он и слонялся с утра до позднего вечера. И каждый вечер оказывался — сам не зная как — посреди площади ас-Сайида Зейнаб, бродил вокруг отцовского дома, заглядывая в окна, в надежде увидеть лицо Фатимы или услышать ее голос. Фатима стала его жертвой, и, несмотря на это, не жаловалась... не возмущалась... ни разу не упрекнула его. Она с готовностью поверила ему, а он погубил ее, и она не оттолкнула руку своего мучителя... Исмаил простаивал на площади долгие часы, задумавшись, и мысли его витали где-то далеко, а в ушах звучали старые, знакомые выкрики, те же самые, что и прежде. Почему они не меняются? Наверное, каждый отец передает сыну по наследству свою профессию, свой напев и свое место на площади. Несчастные! Все, что служил им, делали им одолжение и требовали за свою службу несообразного с ней вознаграждения. Никто не служил им из любви к Аллаху или к ним самим. Однако они шли за каждым, кто казался им искренним, крепко держались за него и отказывались видеть его слабости и измены. Это народ, который состарился и впал в детство. Но если бы нашелся кто-то, кто повел бы его за собой, он смог бы одним махом проделать путь до зрелости, ведь путь известен, былая слава еще не забыта, она живет в воспоминаниях.

Исмаил спросил себя: найдется ли во всей Европе площадь, сравнимая с ас-Сайида Зейнаб? В Европе — огромные прекрасные здания, великолепное искусство, а все люди одиноки, разобщены, каждый воюет с каждым, пускает в ход когти и зубы, нападают друг на друга со спины и добиваются выгоды любыми способами. Жалости и сочувствия они отводят время лишь после окончания рабочего дня, это для них такое же развлечение, как кино и театр.

Но... нет, нет, если следовать этой логике, придется к отрицанию и разума, и науки. А кто же откажется признать европейскую цивилизацию и прогресс? И кто станет отрицать отставание Востока, его невежество и болезни? Так рассудила История, и приговор ее обжалованию не подлежит. У нас нет иного выхода, кроме как признать, что мы — как дерево, которое расцвело, какое-то время приносило плоды, а потом зачахло.

Исмаил убегает с площади в свою комнату и всю ночь думает о том, как бы ему снова попасть в Европу. Но тем не менее на следующий вечер снова возвращается на свое привычное место на площади Ас-Сайида.

Глава 12

Наступил рамадан, а Исмаилу и в голову не пришло поститься. Он стал проводить на площади еще больше времени и заметил, что в воздухе, в атмосфере, в людях появилось что-то такое, чего не было раньше. Как будто все вокруг, живое и неживое, сбросило старые одежды и нарядилось в новые. Воцарилось ощущение мира и спокойствия после яростного сражения.

Исмаил без конца рассуждал сам с собой: почему же он потерпел неудачу? Он вернулся из Европы с огромной сумой, набитой знаниями, но, заглядывая в нее теперь, обнаруживает, что сума пуста, там нет ответов на его вопросы. Отошавшая и бесполезная, сума сделалась легка, но ее вес оттягивает Исмаилу руки.

Он оглядел площадь. Задержался взглядом на толпе людей, и толпа увлекла его за собой. Он стал улыбаться шуткам, которые доносились до его слуха, смех и крики торговцев напомнили ему о днях его юности... Наверное, на свете нет другого такого народа, как египтяне, которые сохраняют свой характер и нрав, какие бы перемены ни происходили в их жизни и какие бы правители ими ни правили. Мимо Исмаила проходили его соотечественники, словно сошедшие со страниц Джабарты. Исмаил почувствовал себя увереннее, ощутил под ногами твердую почву. Перед ним была не толпа одиночек, а народ, связанный едиными узами: своего рода верой, вызревшей и окрепшей под лучами многих эпох. И лица людей снова начали обретать для Исмаила выражение и смысл, которых он не видел в них раньше. Здесь его место, здесь спокойствие и уверенность, оружие вложено в ножны. Там лихорадочная и нервная деятельность, непрерывная борьба, оружие постоянно должно быть готово. Но зачем сравнивать? Тот, кто любит, не сравнивает и не сопоставляет, ведь если сравнение входит в дверь, любовь улетает в окно.

Наступила Ночь Предопределения... Исмаил вспомнил об этом, и сердце его наполнилось странной тоской. Он воспитывался в почитании этого праздника, верил в особое место этой ночи среди других ночей. В другие ночи, даже в праздничные, он никогда не испытывал такого благоговения и смирения. Ночь Предопределения представлялась ему белой звездочкой на черном челе небес. Сколько раз в эту ночь, если он поднимал глаза, небо изумляло его такими прекрасными звездами, каких не увидишь в другие ночи года.

Он отлежал на мгновение от своих мыслей и вдруг услышал тихие глубокие вздохи, разносящиеся по площади. Это, конечно, сиди ал-Атрис. Исмаил взглянул вверх. Купол парил в струящихся потоках света. По телу Исмаила пробежала дрожь. Где ты, о свет, которого я не видал целую вечность? Привет тебе! Спала телена с моих глаз и с моего сердца, и я проник в то, что раньше было скрыто от меня. Нет науки без веры. Фатима не верила в меня, она верила в твою благодать, великодушие и милосердие. В твою благодать, Умм Хашим!

Склонив голову, Исмаил вошел в мечеть и увидел, что вдоль ее стен пляшут огоньки украсивших ее пятидесяти свечей, шейх Дердири берет их одну за другой у высокой смуглой девушки с кудрявыми волосами. Это же Наима, та самая девушка! Но теперь ее губы не сжаты плотно, и когда она говорит, притрагиваются зубы, белые и блестящие, как жемчужины. Достаточно один раз взглянуть на нее, чтобы забыть о существовании любого безобразия.

Она терпела и верила, и Аллах простил ее. И вот, спустя семь лет, она пришла выполнить свой обет. Она не отчаивалась, не роптала и не теряла надежды на милость Аллаха.

А он — образованный молодой человек, умный и интеллигентный — зазнался, восстал и потерпел крах, вознесся и был повержен.

Исмаил поднял глаза: светильник был на своем месте, похжий на спокойный глаз, всевидящий и всепонимающий. И ему показалось, что светильник кивает ему и улыбается.

К нему подошел шейх Дердири, спросил о здоровье и новостях. Склонившись к шейху, Исмаил прошептал:

— Сегодня — благословенная ночь, шейх Дердири, дай мне немного масла из светильника.

— Да уж, тебе повезло... Это — и Ночь Предопределения, и ночь на пятницу.

Исмаил вышел из мечети со склянкой в руках и про себя крикнул площади и ее обитателям:

— Идите все ко мне! Среди вас есть такие, кто причинял мне боль, лгал мне и обманывал меня. Но, несмотря на это, в моем сердце сохранилось место для вас со всей вашей грязью, невежеством и ущербностью. Вы — это я, а я — это вы, я — сын этого квартала, сын этой площади. Время было не-

справедливо к вам, но моя любовь к вам сильнее и крепче любой несправедливости и гнета.

Он вбежал в отцовский дом и крикнул Фатиме:

— Иди сюда, Фатима! Не теряй надежду на выздоровление, я принес тебе благословение Умм Хашим! Оно прогонит болезнь, избавит тебя от страданий и вернет зрение, оно станет острее, чем прежде.

Дернул ее за кося и продолжал:

— А еще я научу тебя, как следует есть, пить, сидеть и как одеваться, я сделаю из тебя человека.

И Исмаил снова вернулся к своей науке и к медицине, но теперь его поддерживала вера. Он не отчаялся, когда обнаружил, что болезнь крепко вцепилась в свою жертву и прогрессировала, он боролся за спасение Фатимы с неослабевающим упорством, не падал духом и не сдавался. И вот блеснул лучик надежды. Благодаря его усилиям состояние Фатимы день ото дня улучшалось, наконец все последствия первого, неудачного лечения были преодолены. На последнем этапе она шла к выздоровлению быстрыми шагами.

Когда Исмаил в один прекрасный день увидел ее перед собой здоровой, полностью исцелившейся, он заглянул в свое сердце, опасаясь найти в нем удивление и недоверие, и не нашел ни того, ни другого.

Глава 13

Исмаил открыл врачебный кабинет в квартале аль-Багала, рядом с ат-Телал, в доме, годящемся для чего угодно, но только не для приема людей с большими глазами. Плата за прием — один пиастр, и она никогда не возрастает. Пациенты его — не разорчивые, балованная публика, а одни босяки бедняки. Удивительно, но слава о нем дошла даже до близлежащих деревень, не говоря уж о том, что она распространилась по всему Каиру. Дом его всегда полон феллахов, которые вместо платы приносят ему яйца, мед, кур и уток.

Сколько же сложных операций он провел своими руками с помощью таких средств, увидев которые, европейский врач только изумленно покачал бы головой! В работе он чаще опирался на свой опыт и интуицию, хотя, конечно, руководствовался полученными знаниями. Отказывался от лишних инструментов и лекарств, больше полагался на Аллаха, а потом уж на науку и руки, и Аллах благословил и его науку, и руки. Исмаил не ждал разбогатеть, построить дома, купить земли, а всегда стремился лишь помочь своим бедным пациентам обрести исцеление.

Он женился на Фатиме, и у них родилось пять сыновей и шесть дочерей. Любитель вкусно поесть, под конец жизни он стал тучен и лезв, жадно и много ел, всегда был в прекрасном расположении духа и то и дело смеялся. Одевался он небрежно, рукава и штанины брюк у него вечно были усыпаны пеплом от сигарет, которые он прикуривал одну от другой. Страдал астмой, отчего лицо его стало красным, а на лбу всегда блестели капли пота. Дышал, как паровоз. Глядя на него, трудно было понять, хорошо ему или плохо. Когда смех застревал у него в горле, смеялись его глаза — нет глаз более выразительных, чем глаза легочных больных: в них так и прыгают лукавые чертики. В этих глазах одновременно и любовь, и понимание, хитрнка и доброта, они словно говорят тебе:

— Мое и твое существование — это еще не все, на свете есть еще красота, и радость, и тайны, и свет. Счастливы тот, кто сумел это почувствовать...

Жители квартала ас-Сайида Зейнаб до сих пор вспоминают его с любовью и благодарностью, а потом просят Аллаха отпустить ему грехи. Какие? Из большого уважения к покойному вслух об этом не говорят, но по взглядам и улыбкам я догадываюсь, что дядя всю жизнь любил женщин. В этой любви словно находили выражение его самотерпение и любовь к людям вообще.

Да упокоит его Аллах...

«...Мы пришли в этот храм не венчаться...»
 А прощенья и мира просить
 Для души, не умевшей смиряться,
 Угождать и гордыню гасить.

...Умный, желчный, матерый, прекрасный,
 Некрасивый и честный чудак,
 Власть вещей признавал он опасной,
 Разрешил лишь вино и табак.

Мол, поэту иметь не пристало
 Вдоволь хлеба, тепла, красоты.
 И семья с ним как флаг трепетала
 От вселенской сквозной пустоты.

Подражателям, единоверцам
 Восхищённым — не верил давно.
 И в миру человеческим сердцем
 Не согрелся. И встало оно...

* Ю. Кузнецов

Лес, осенью просвистанный насквозь,
 Лес, тайно изнуренный короедом,
 Он умирает стоя — ветви врозь —
 По замыслу, что и ему неведом.

Заслуги леса — мир и тишина,
 Всем хлеб и кров, кто нищ и презираем.
 Большая молчаливая страна,
 Чем ты больна? Мы так и не узнаем.

Для новых гимнов хватит старых слов
 И старых пуль — для всех детей беспечных.
 Кровь порождает кровь, и рвет покров
 Ярь свежих сил и вещей снов запечных.

И мир — как лес, просвистанный насквозь
 Потоком усвистевшего озона:
 Обрушен свод. Заплакала икона.
 Прости нас, мать. И вновь покров набрось...

Мокрой шкурой трется дождь у двери.
 Не медведь ли по стеклу скребет?
 Не усну. Характер крут у зверя:
 Нет ключа — он дверь с петель сорвет.

Стыдной жаркой одурью истомной,
 Нежностью звериной озорной,
 Как зрачок его, Сибирью дремной —
 Мама, что он делает со мной...

Словно необратимый процесс
 Грезы — тайной, ночной, крамольной, —
 Ах, какой мне явился лес —
 Целомудренный, белоствольный!

Липким дегтем лицо хлестал,
 Сыпал в косы жуков как школьник,
 Что в черемухе мне шептал
 Пьяный вор, соловей-разбойник!

...Как от хмеля, очнусь в избе,
 Хлопоча пред свекровью хмурой.
 Что-то помню сама в себе,
 Улыбаюсь счастливой душой...

Сонное улье смиренных тепло,
 Ворох грибной утомительной лени...
 Пламя листвы облизало колени,
 Плечи куснуло, гортань обожгло.
 Знаешь, мой буйнопомешанный лес
 В год переврал адреса, интерьеры,
 Гнезда рассыпал, обрушил пещеры,
 Выселил белок. И ежик исчез.
 Сжег муравейники, змей без числа,
 Сосны ржавеют и вымерзли птицы,
 Стадо кабанье разрыло грибницы,
 Плесень в оврагах гнилых расцвела.
 Вот — за веселие в доме чужом —
 Вот как он мстил мне, грозя то и дело:
 Если не хочешь — гори все огнем,
 Если не любишь — гора! И — горело...

В ДОМИКЕ ЧАЙКОВСКОГО В КЛИНУ

«Хозяина дома неть.
 Просят не звонить».
 (Табличка на двери)

Флигелек. Остывший кофе в чашке.
 На столе газета шелестит.
 Шмель-ворчун купается в ромашке,
 Занавеска по ветру летит.

А хозяин бросил настужь двери,
 В поле свищет, райская душа...
 Ей сквозь век позора и безверья
 Родина внимает не дыша...

КОНЕЦ НОЯБРЯ

Обледененье дорог и садов,
 Стекол, ступенек, подъездов, стоянок.
 Вспышки искрящих во льду проводов,
 Сбитые шпильки москвитянок.

Даже в трамвае, листовая Дюма,
 Даже в метро, задремав от удущья,
 Слушаю звон.
 Костенеет зима,
 Вздрынула ворсом пальтишко верблюжье.

Горбит река осетровый хребет,
 Космос в колодцах застроек пылает.
 Свет ускользает, и сна почти нет.
 Кто-то сгребает, бренчит, рассыпает...

Жизна
 Мелуцова

Александр БАРКОВ

ПРОНЬКИНЫ ВЫСЕЛКИ

Рассказ

Худ. А. Шалнев. Первые прототипы Село Селищи

*О память сердца! Ты сильней
Рассудка памяти печальной...
К. Батюшков*

На дворе май победного 1945-ого.

Сержант Николай Чижов проснулся в предрассветной майской синеве, долго лежал на спине, прислушиваясь к порывистому гудению ветра за стеклами вагона, то к затянному с хрипотцой тяжелому дыханию спящего неподалеку слепого танкиста. «Эх, если бы жизнь можно было повернуть назад... Крутанул ручку — и пошло-поехало-покатило, как в кино, при замедленной съемке...» — подумал сержант. После недавнего ранения под Прагой санитарный поезд мчал его на восток. Вагоны походили на госпитальные палаты: узкие койки подвешены вдоль стен на пружинах.

Николай прильнул к окну: за стеклом мелькали стальные пути, пронеслись будки, обгоревшие пристанционные постройки. Внезапно поезд вырвался на простор — блеснула вдаль река и потянулись заросшие бурьяном поля, луга, пепелища, разрушенные осиротевшие поселения...

Чудеса порой творит память человеческая! Ей все подвластно... Подвластно воскрешать людей, до мелочей восстанавливать дни и ночи в землянках, рейды по тылам врага в жестких кирзовых сапогах под надсадный, раздражающий душу гул стервятников над головой...

Внезапно опаленную войной память солдата озарили детство, юность, словом, как на ладони предстала вся его недолгая жизнь.

...Вот я, Колька Чиж, вихрастый, с золотистой, выгоревшей на солнце макушкой и курносый, облупленным носом. В одной руке — ломоть ржаного хлеба, в другой — хворостина... Хлеб пекла бабушка Дарья. Он пахнет печным дымком и капустным листом, который подкладывают под ковриги на противень.

По вечерам бабушка рассказывает мне сказки, и я засыпаю под ее неторопливый старческий говорок. Мне снятся цари, кол-

дуньи, лешие... А на зорьке я ношусь с хворостиной по лугу, пасу норовистую черную телку Осьмуху с белым пятном на лбу.

Сидя в затишье под ракетами, украдкой сам пытаюсь сочинить сказку. Начинается она так: «Жил да был на свете веселый сапожник Иван Шальнов. Стучал с утра до вечера молотком, молотком... Вся округа его башмаки носила да песни под гармонь пела...» Но дальше я, хоть убей, ничего не могу придумать. У меня не хватает фантазии, и потому я завожу любимую песню Ивана:

*...На закате ходит парень
Возле дома моего,
Поморгает мне глазами
И не скажет ничего...
И кто его знает,
Зачем он моргает,
Зачем он моргает...*

Телка наша, Осьмуха, перестала жевать, подняла круторогую голову. Дивится на меня: с чего бы это я вдруг запел? Ну и глупая! Ведь с песней время летит куда быстрее.

Но скоро мне не до песен будет, мне есть больно хочется, а до завтрака еще с часок, надо затянуть поясок потуже. Солнце выглянуло из-за леса. Я прикрываю глаза и слышу: поодаль бродит расседланый стреноженный конь, шиплет траву. Конь легонько заржал. За рекой ему шелестом листья отозвался красный сырой осинник. А вот и долгожданный, протяжный бабушкин окрик: «Ко-о-люн! Сту-у-пай-ка живей! Олады сты-ы-нуть...»

К Троице дед Прохор белил русскую печь, малюет на ней веселого петуха с красным гребнем. Бабушка Дарья моет полы, вешает на окна кружевные занавески, сажает на противень румяных жаворонков с глазами-клюквинами. А наш сосед, хромой сапожник Иван, перестает стучать молотком, надевает белую рубаху навыпуск, хромовые сапоги с калошами, шляпу. Садится на крыльцо, закуривает сигарку, степенно разводит гармонь.

Заслышав удалые переборы, к его дому спешат девки, смеясь на ходу и легонько повизгивая. Парни идут поодаль вразвалочку, горланят частушки:

*Где мы с залеткою сидели,
Была украинный угол,
А теперь на это место
Черт корягу приволок...*

Поодиночке тянутся к гармонисту деда и бабки вспомнить молодость, полюбоваться на внуков.

Девки стали полукругом, сгрудились и запели про любовь-кручину да про раздулку... Эта немудреная, забористая песня разлилась, расплескалась по деревне, по распахнутым настежь оконцам, отозвалась громким припевом из ближней избы. Едва песня смолкла, как коренастый, широколицый плотник Василий схватил за руку подружку, потянул ее на круг и, подмигнув гармонисту, стал подбивать ее на вихревую пляску.

Допоздна не смолкает по воскресеньям гармонь Ивана, подзадовывая и холостых, и женатых, и вдовых...

*Гармониста я любила,
Слушать песенки ходила.
Мне за эти слушечки, эх!
Давали по макушке...*

Разве что внезапно оборвет удалую музыку ночной сторож Емельян, вынырнув из тьмы бороатым лешаком и затарабанив своей неразлучной колотушкой, или кородый Митяй ни с того ни с сего дико захохочет закричит на всю округу филином.

После обеда, по воскресеньям, словно снег на голову, врывается в село радостный призыв вездесущих мальцов:

— Дядя Игнат еди-и-т!

— Кино! Кино нынче будет!

И разом горластая, босонгая ватага мчит на дорогу встречать кинопередвижку: только пыль за ними столбом.

— Дядя Игнат, какое кино нынче привезли? — интересуюсь я.

— Чапай, Коляша. Слыхал про такое?

— Да ведь и в позапрошлый раз, кажись, тоже был Чапай?

— Был да сплыл. Зато это — особый Чапай! Там он тонет в реке Урал, а тут выплывает...

— Не может такого быть, дядя Игнат!

— В кине, Коляша, все может быть. Придешь крутить динаму?

— А как же!

По сему торжественному случаю сторож Емельян оглушительно бьет колотушкой в рельсу.

«День-день!» — летит над деревней. Все от мала до велика, кажется, только и ждут не дождутся этого развеселого звона. Нарядно одетые мужики и бабы выходят на главную улицу, долго, с любопытством рассматривают афишу, укрепленную на воротах школы.

Возле правления колхоза меж двух берез натягивают белую простыню. Передние скамейки засыпали ребитышки, точно вешнюю опушку подснежники. Суровый на вид, но справедливый кинемеханик Игнат разогнал их, а на освобожденные места усадил почтенную публику.

На вздрагивающем от порывов ветра экране борется за правое дело Чапай.

Всклипывает, роняет слезу бабушка Дарья. Мужики кряхтят, отдуваются, топча сапогами цыгарки. Сзади, за их спинами, жужжит и гремит аппарат. А приводим его в действие мы, вихрастые угловатые деревенские огольцы. Выстроившись один за другим, по очереди крутим железную ручку. По одной части на каждого. Но если кто-нибудь из нас, случаем, зазеваается, тут уж не жди пощады!

Дядя Игнат расправляет могучие плечи, глухо кашляет в кулак:

— Шевелись! Шевелись, хлопцев! Не знаю, как тебя величать по бабушке? Ворон не считай! Пупом не свети! Крути знай!

У кинемеханика черная окладистая борода, густые брови срослись на переносице. Ухо с серебряной серьюгой. Курчавые волосы с проседью. Бабка прозвала его за это «цыганом». Но сколь ни грозен дядя Игнат, мы горячо любим его, ведь он для нас — настоящий волшебник!

Когда фильм закончился, то чуда не произошло. Чапай, как и прежде, утонул в водах седого Урала. Однако спустя несколько лет я все-таки увидел чудо: Чапай выходил из широких вод Урала на берег и звал солдат на бой с фашистами. То был «Боевой киноборник»! Мне довелось видеть его в партизанском отряде.

Зима в тот год стояла глухая, морозная. По утрам в избе скрипят под ногами половицы. На окнах ледяные узоры. Мать в белом фартуке хлопочет у печи.

Дед Прохор с охалкой сухих березовых дров шумно переступает порог, отряхиваясь с полшубка снег. Глухо бросает:

— Морозец знатный! Никак, за сорок перевалило. Елки в лесу трещат!

Я лезу на печь за валенками. Мне не терпится выбежать на улицу, поиграть в снежки. Но дед становится в дверях и преграждает путь:

— Куда ты, пострел?

— В лес... охота послушать, как елки трещат...

— Потеплеет, тогда вали — гоняй сколько влезет. А теперь нелзя, нос поморозишь!

— Я его гусиным салом смажу.

— Слышь, на дворе бревна ухают от мороза. Сиди-ка дома покуда! Никакое сало тебе не поможет!

— Дед, а зверье в лесу как же? В такой-то лютый мороз?

— Зверье зимой под снегом. Зверье, как говорится, и в ус не дует!

Белка в теплом дупле прычтается. А косой пострел зацп под ракиновым кустом в белоснежной лежке день коротает. А все потому, что у каждой зверушки есть своя норка, свой родной уголок...

— Как у нас изба?

— Во-во! Похожа корова на быка, токмо стать не така.

— Дед, а что ежели бы у нас избы не было?

— Знаю дело, окончили! Запомни, Никола, родной угол не только кров дает, он перво-наперво бодрость духа в человека вселяет...

Посоветовавшись тайком о чем-то с дедом и бабкой, мать ушла и привела к нам в избу моего однокласску Женьку Гусакова.

— Как дела, Жень? — спросил я.

Гусаков опустил голову:

— Мать заболела.

— Что с ней?

— Кто его знает, — пожал плечами Женька. — Опухла она сильно и ходить не может. Поутру я помогал отцу запрягать в сани Милашку.

— Где же мать теперь?

— Отец повез ее в городскую больницу. Километров за тридцать от Выселок. Далеко...

Глаза у Женьки черные как вишни и печальные-печальные. Дед отозвал меня в сторонку и шепнул на ухо:

— Ты, Колонь, вот что, сделай милость, повесели-ка Женьку!

— Угу, — согласно кивнул я и тут же вывалил из ящика на стол и разложил перед гостем свои богатства: старинный медный пятак; длинный, бронированный линкор с железными пушками, разноцветные фантики от конфет...

— Выбирай что хочешь!

Но Женька так и не притронулся к игрушкам, не позавидовал моим «драгоценностям». Он молчаливо ходил по избе из угла в угол, но нигде не мог найти себе места.

И вдруг я услышал громкий надрывный плач в бабушкиной комнате. Я бросился туда. Оказалось, Женька спрятался за шторой возле окна и утирает горячие слезы.

— Что с тобой?

Но Женька отвернулся и заревел еще громче.

Пришла мама:

— Что струсилось, сынок?

— Ничего, — промычал Женька. — Мне показалось, что вон в том темном дальнем углу стоит моя мама. Я обрадовался, побежал к ней, гляжу — а там нет никого. Померещилось...

К вечеру мороз обмяк и сделалось тихо-тихо. Дед кликнул нас с Женькой и мы пошли гулять.

Искрились снега. Избы — с толстыми седыми бровями над окнами, с высокими папахами на крышах. В овраге лай, визг — собачья свадьба.

— Как бы нашего Дружка собаки не погрызли, — беспокоюсь я. — В тот раз ему заднюю лапу прокусили и хвост ободрали...

— Это уж его, шалопутного кобеля, дело, — усмехается дед. — Хозяйвам туда влезать негоже!..

Небо над нами прикрыли ветви сосен, а хвоя расцвела звездами. Звезды мерцали холодным, лучистым светом.

За оаколицей над деревней выкатилась желтая, как спелая дыня, луна.

Узкая тропа, протеренная по снегу, петляет от калитки к реке.

Рыбятишки катаются с ледяной горы на салазках, с визгом курвякаются на ухабах в сугробы.

Я глянул с пригорка. Далеко-далёко видно кругом. Высокие сугробы по берегам Десны. Глухой бор темнеет вдали. Редкие огни в окнах...

— Ну-ка, дед, скажи? — Мне любопытно знать. — Почему нашу деревню так чудно назвали — Пронькины Выселки?

— Ишь ты, Микола, — усмехается дед Прохор, поглаживая окладистую борода. Когда у деду хорошие настроение, он всегда величает меня Миколой. — Значит так, Микола, слушай да на ус мотай. Это хорошо, что у тебя к нашей деревне интерес. Ведь родники малые реку большую водой поят...

— Как Волгу, к примеру?

— Не токмо Волгу. На Руси и других рек хватает. Правда, не таких больших, как Волга. Наша Десна, к примеру. На карте она невелика. А народу эвон сколь по берегам кормит да поит. Места тут благодатные! Прежде зверья и птицы водилось — не перечеть. Бояре да купцы на охоту из белокаменной столицы в наши привольные края наведовались. Уток, дупелей, вальдшнепов сотнями били. Ягоды да грибы в Москву на ярмарки бочками возили.

— А почему в нашем учебнике об этом ни слова?

— В книгах о многом не сказано. Ну да погоди, Микола, время придет... тогда и напишут. А сейчас мы о Пронькиных Выселках с тобой толкуем. Значит, поселился здесь Пронька-беглый. Право, не знаю — не ведаю, с каких краёв он пожаловал и облобовал эти привольные места... От него и пошел наш род: дети, внуки, правнуки... С той поры и стали величать нашу деревню Пронькины Выселки. А еще Пронька-беглый обладал недожиной силой. Первостатейный охотник был. Зимой белку в глаз бил, чтобы шкурку не испортить. Лис и куниц добывал. Логова злындней, брянских волков, истреблял. Однажды под Новым год страшного медведя-шатуна, который жиру за лето не накопил и спать в берлогу, как все косопляе не лег, укоротил. Шатун тот по кличке «Черная пасть» с голодухи всю здешнюю округу в страхе и трепете держал. По деревням шастал — коров, лошадей, овец резал, на крестьян и зазевавшихся рыбятишек нападал... Словом, кровавый разбой чинил на брянской земле. Только у хабрца-Проньки на Черную пасть, поднялась, не дрогнула железная рука, он его рогатиную порешил.

Надо признать, поселение наше год от года крепло, богатело. Последнего Проньку, оборотистого, зажиточного хозяина, у которого мельница-крупорушка была да стадо коров, признали кулаком-богатем. Позавидовали, что он лошадей держал да масло сбивал на личном сепараторе. Нагрянули волостные власти из Брянска, словно буран на степь. Мельницу отобрали. Раскулачили! Дом порушили. Коров порезали. Лошадей угнали. А самого Проньку со слами в Воркуту... Не выдержал Пронька казенного лагерного режима и по примеру своего предка сбежал. Покуролесил годка четыре по разным городам да весям, здоровье себе подорвал, но, видать,

лучше угла родного ничего не нашел. Хозяйственный был мужик. Снова принялся землю пахать. На Десе плотину возвел, словно умелец-бобер. Мельницу построил. Хозяйство начал, как говорит-ся, с нуля, поселившись украдкой на краю болота...

— А потом?

— Что потом? Потом на болото мелиораторы нагрянули. Решили его осушить. Думали, торф на удобрение пойдет. А торф-то оказался ни на что не пригодным. Даже на топливо. Зато зверье да птицу истребили порядком. Вскорости умер Пронька. Однако добрую память о себе на селе оставил. Глянь яблоневый сад на взгорье у реки — эвон какой! — загляденье. Дом на каменном фундаменте из кондолового леса. Век будет стоять... Да ты сам с усам, видишь!

Кони, почуяв близость родного хлева, заржали с радостью. То возвращался обоз из города. Колхозники отвозили туда на санях обручи для кадушек и бочек. По оврагам и по берегам вдоль Десны в Выселках кустится много лесины. Вот смекалистые мужики и сбили артель по изготовлению обручей. А лядят они обручи в свободную от сельскохозяйственных забот пору — зимой.

Осенье, после трудов праведных, гудит на всю деревню разудалая колхозная свадьба. Поутру все подшучивали да подзадоривали друг друга:

— Глянь-ка! Сапожищи-то у Васьки!

— У дальнего колодца слышать, как скрипят! Будто на капустном листе!

— Ты так думал! — Ладный, крепко сбитый колхозный плотник Василий шегольски постукивает рукой по голенищу. — Худых не держим!

И правда, вид у Василия ухарский. Гуляка, да и только. А ведь он мастер на все руки. Но еще большим шеголем выглядит сторож Емельян. Лицо у него морщинистое, загорелое, все в бороздках и узелках. Русые кудри с проседью. Зато глаза не по годам веселы и быстры. В будни усы его висят книзу, точно два пучка рыжей соломы, а сегодня они по-гусарски закручены вверх. Рачесана и приглажена окладистая пышная борода. Да и весь Емельян в новом, с иголочки, костюме горит и сверкает, будто начищенный медный самовар.

— Красный нос, как мак цветет! Сразу видно, кто идет! — приветствует его председатель.

Светясь неистребимой радостью, Емельян пожимает протянутые ему руки, охлаживает усы, степенно усаживается за стол.

Тем часом свадьба уже в полном сборе. В избе, как говорится, яблоко упало негде. Дубовые столы сдвинуты в ряд. Тарелки с пирогами, капуста, помидоры, антоновка. Холодцы, яйца, соленья, варенья. Мужики звенят стаканами, хрустят огурками, горланят:

— Горь-ка-аа!

Молодой чубатый гармонист в черной махонькой кепочке, чудом держащейся на макушке, притулился в уголке на табурете. Опустил голову, отвернулся к стене и, будто не замечая хмельного свадебного веселья, криков и застольного шума, выводит:

— Эх, яблочко!

Румяная, голубоглазая соседка Настя поднялась из-за стола, подбоченилась... Легкая, статная, как березка. Любо-дорого поглядеть!

— Разойдись, народ! Настя Гутова идет!

Настя ойкнула, передернула плечами, присела. И пошла, пошла... Звонко, отчаянно затопали каблукки.

Задорный наигрыш двухрядки и нарядная красавица Настя с огневным взглядом из-под круглых бровей, дрящящая каблукками пол, разбередили душу Емельяна. Не утерпел старый, ноги сами понесли его в круг и, заложив одну руку за спину, а другую за шею, он пустился в пляс, напевая:

*Борода моя кустится,
Дотянулась до колен...
Хотел снова я жениться,
Да теленок околеа... Ох! Ох! Ох!*

В удалой русской пляске закружилась изба. Посыпались табулетки. Завенела посуда на столе. Беленая печь, казалось, тоже но утерпела, струннулась с места, вот-вот хлопнет выюшкой о выюшку и пойдет топотать вслед за плясунами.

Потолок ходуном заходил над головой. Всех захлестнула вихревая удаля плясунов. Повскакав с мест, они бросились в круг. А гармонист играл все шибче, азартнее... Пляска набрала силу. По кругу, в такт музыке и оглушительным присвистам, лебедушкой порхала Настя, то и дело ускользая от настигавшего ее буйного плясуна, коренастого плотника Василия. Но каждый ее шажок, каждое движение были подчинены и послушны кавалеру. Порой Настя замирала, чуть слышно перебирая ногами, и напевала:

*Ой, подружка, дробь бей.
Чтобы выходило.
Ты такого полюби,
Чтобы сердце ныло...*

А подружка ответила ей так, что все покатались со смеху:

*Полюбила водолаза,
Только горе с ним одно:
Как захочешь целоваться —
Полезай к нему на дно...*

Я тоже не утерпел, соскочил с лавки, пролез на четвереньках под столом и, войдя в круг, начал плясать вместе с Настей, Емельяном, Василием и мужиками, шнырявшими взад-вперед.

— Ходи! Ходи шибче! — подзадоривал меня сторож, бормоча себе под нос:

*Эх, яблочко да наливочка,
А по мне всех милей наша Ниночка!*

Внезапно мать рассердившись, потянула меня за руку, отвела в сторонку:

— Ишь, плясун выискался! Затопчут ведь!

Силком привела меня в избу, стала укладывать спать. Но в тот вечер я никак не мог заснуть — за окнами долго еще гремела и бучевала свадьба. Как из пригоршни горох, сыпались частушки:

*Расчудесны в Проньках избы,
Запевают петухи,
Хороши наши девчата,
Еще лучше женихи...*

Бархатному мужскому баску Ивана вторил бедовый Настин голос:

*Ой, сват ты мой, сват!
Сивая борода,
Убирай под печь ухавет,
В дом идет молодец!*

Наконец изрядно захмелевший, усталый Емельян поклонился в пояс почтенной публике и от души поблагодарил гармониста:

*Гармонисту за игру,
За игру кипучую,
Два соленых огурца,
Картошку рассыпучую...*

Той развеселой, неусыпной ночью мне приснились светло-серые в яблоках кони с пеной у рта, с огнем из-под копыт, бескрайний простор и черное небо в звездах...

Солнечный, майский, безмятежный денек.

Дом наш стоит на юру и глядится в воду, а за Десной темнеет еловый бор.

«Ку-ку, ку-ку», — считает годы кукушка. Ее слушаю я и дед Прохор, сельский мудрец, знаток трав, зверья, птиц, деревьев. А где-то далеко-далеко за рекой, за лесом, за мельничной плотиной, ей откликается томное, застенчивое: «куу... куу...»

Прохор — невеселый кряжистый старик с коротко стриженной седой бородкой клинщиком. У него длинные жилистые руки, высокий лоб, серо-голубые глаза с прищуром. Он нагнулся и поднял с земли лист.

— Угадай-ка шельмец! С какого дерева?

Я пригляделся к листу: по форме и зубчикам определил:

— Оляха.

— Правильно, Микола! А вон тот — резной?

— Тот, — призадумываюсь я. — Да, кажись, рябина.

— Молодец, Микола. Рябину в наших краях уважают, величают северным виноградом. Сладка и горчит капельку. Наособицу хороша после первого морозцу. И людям, и птицам, и зверью в радость.

«Плыть-плыть-плыть...» — невдалеке раздался протяжный раскатистый крик.

— Слыхал? — проводив глазами большую черную птицу, спросил дед. — То черный дятел-желна на свою лесную «деланку» спешит. У ней там делов по горло...

— Каких таких делов?

— Хворые деревья лечит...

— Давай, — предлагаю я деду Прохору, когда дятел, плавно нырнув меж елками, скрылся в бору, — спросим у кукушки: сколько годков тебе жить осталось?

— Вали!

Я считаю «ку-ку» до пяти. Внезапно птица смолкла.

— Деда, а потом?

Прохор с грустью в глазах опустил голову.

— Потом? Потом, видно, придет пора помирать, коли лесная цыганка не шутит. Ведь после семидесяти, почитай, каждый год подарок.

— И тебя не будет?

— Стало быть, не будет.

— Совсем-совсем?

— Ну и пострелёнок, пристал как репей... Да ясное дело, коль помру, то не будет меня на этом свете, и точка.

— А нам в школе учителька говорила, что того света нет вовсе. Значит, и тебя совсем-совсем не будет. Никогда больше не будет?

— Выходит, так. Учителька твоя зря не скажет.

— Но это же несправедливо. Вот ты жив, травы, чагу, корешки разные собираешь, корзинки плетешь... И вкруг тебя нет...

— Через несколько лет я помру, зато ты подрастешь, окрепнешь, укоренишься. Соловьи будут звонко свистать да бить в «лешеву дудку». Кондовый лес будет стоять. Наша деревня... Природа останется. Старые пни корчуют, а молодые деревья растут. Жизнь продолжается. Так уж на свете спокон веков завелено, Микола!

В ту пору ни дед, ни горбоносая колдунья Марья, да и никто на селе не мог предположить, что предсказания рябохвостой лесной цыганки окажутся пророческими. Через пять лет грянула война.

Вспомнилась Вера Бубнова, круглолицая хохотушка с зелеными доверчивыми глазами. С ней я учился в одной школе, только она ходила в соседний класс.

Впереди маячили экзамены, и учительница поручила мне подтянуть по математике отстающую Бубнову...

— Теорема Пифагора — это же так просто... — начал с усмешкой я.

— Если вы не можете понять объяснение учителя на уроке, то давайте, отстающая Бубнова, зубрить со мной теорему наизусть...

— Колонь, можно тебя об одном попросить... Не ехидничай! Не называй меня больше на «вы»... Хотя я и бестолковая.

— Хорошо, не буду.

— И отстающей не дразни. Ну, подумаешь, математика не дается! Зато я всю восьмую главу «Онегина» наизусть выучила. Хочешь почитаю?

— Отстающая... Футы, Вера... Мы же должны повторить теорему Пифагора. Повторяй за мной. Сумма квадратов катетов...

— Сумма квадратов катетов...

— Равна...

— Равна...

— Квадрату гипотенузы...

— Гипотенуза, гипотенуза — река Советского Союза.

— Отстающая... Вера, не отвлекайся. Пифагор...

— Пифагоровы штаны — во все стороны равны! Колюнь, ты глянька в окно — весна, солнышко, апрель... Апрель, на дворе звенит капель?

— Отстающая Вера, что у вас в голове?

— Как это что? Любовь... Да любовь, Колюнь!

— Но мы же проходим не литературу, а математику...

— Все равно, Колюнь, я люблю...

— Кого?

— А хотя бы тебя!

— Ну, пускай... Стой! Погоди! Что ты сказала?

— А что слышал...

— Нет, отстающая... Нет, Вера, давай все-таки сперва останемся в рамках теоремы...

— Хоть убей меня! Не хочу я сейчас никакой теоремы. — С того дня занятия прервались. Не вышел из меня репетитор... Внезапно у Веры умерла мать. Старший брат вскоре женился, и она переехала к одинокой тетке в Брянск, стала работать в клубе. А я остался в родном селе. По совету отца пошел в кузню учеником к мастеру. Приезжая в город за покупками, я улучал час-другой и наведывался к Вере в клуб послушать музыку.

Перелистывая журналы на столе либо играя в шахматы, краем глаза наблюдал, как разбитные городские парни крутились вокруг хорошенькой девушки, вели бойкие разговоры... Заметив меня, Вера подбегала, здоровалась:

— Ну как там Выселки, Колюнь? Как поживает родимый братец? — Я опускал глаза и несвязно рассказывал о новостях в деревне. А сам чувствовал, что с каждым свиданием Вера нравилась мне все больше и больше. Я не мог насмотреться-налюбоваться на незаметно повзрослевшую и похорошевшую школьную подругу, с душевной мягкостью в голосе, румянцем на щеках и легким городским лоском...

— Что хочешь послушать, Колюнь? «Аргентинские танго» или фокстрот «Рио-Рита»?

— Танго, — отвечал я, смущаясь.

С каждым же вкрадчивым словом и взглядом я замечал, что мы всё крепче привязываемся друг к другу. Между посетителями клуба, гремящие и задиристые увалыни, без стеснения приглашали на танцы любую понравившуюся им девушку.

Однажды Вера отпросилась у заведующего клубом пораньше, решив провести брата. Мы повстречались с ней на станции, я взял билеты в кассе, и мы заторопились на пригородный поезд.

На станцию Зуйки прибыли, когда уже сгустились сумерки. Сбежав с платформы, очутились в березовом мелколесье. На дворе, как и год спустя, стоял голубой, пахнущий стальной озерью апрель. Вязкая глинистая дорога вывела нас к Лебяжьему озеру. Тяжелая громада льда на озере, подплавляемая весиными водами, потемнела: со дня на день растает. Затаяв дыхание, мы слушали, как в ельнике бьют в звонкие «бубны» главные «музыканты» русского леса зяблики. Все в округе — и шелест сырой прошлогодней листвы под ногами, и шум легкого ветерка, обдувающего медвяным ароматом цветущей вербы, и тонкий пошвист порхающего над талыми водами чирка — все эти звуки, шорохи и запахи весны западали в душу, кружили голову, вселяя в меня потаённый восторг. Но, странное дело, почти всю дорогу мы держались молча. «А ведь на душе было так празднично и так много хотелось сказать Вере. Да и лучший случай для этого вряд ли когда представится!» — корил я себя, то убыстряя, то сбавляя шаг. Голова слад-

ко кружилась, а сердце билось так часто, того и гляди выпрыгнет из груди. Раздольно гуляла над нами апрельская ночь, а звезды были добрыми попутчиками. В темно-багровом небе взошла малиновая луна. Зыбким светом озарила поля, ближний лесок, наполнив округу предчувствием чего-то значительного, но еще неизведанного. По скользкому щелястому мостку мы перебежали Ерёмин ключ, прервавшийся на днях в мутную, кипучую речку.

Внезапно там — на противоположном берегу ключа, нас охватило чувство близости друг к другу. И моя рука потянулась к руке Веры. Хотя на том взгорке шелестели под ветром такие же точно стройные белобокие березы, как и на этом, но нам дорог был именно тот бережок, ведь на нем стояли Пронькины Выселки, на нем призывно сверкали огни в избах. Здесь жили самые дорогие, близкие нам люди, здесь пролегла родимая сторона.

Луна поднялась на вершок в небесах и радушно поглядывала на нас. Я проводил Веру до ее дома, стоявшего вблизи Лебяжьего озера. Мы неотлучно смотрели в глаза друг друга возле калитки, не решаясь проститься. Но вот с неба сорвалась звезда, прочертила огненную стужку и, не долетев до земли, погасла. Я обнял Веру за плечи и неумело ткнулся губами в ее пухлые губы. Поразительно, но сквозь всю войну я пронес вкус того первого поцелуя. Мне казалось, что от Веры пахло цветущей вербой. Но вдруг девушка затрепетала и отпрянула назад. Я застыдился и тоже отступил на шаг. Вера прошмыгнула в калитку и махнула мне на прощание рукой. Вспоминает ли она про тот поцелуй возле калитки или уж забыла давно!

«Чук! Чук!» — мерно стучат колеса... Гудит, посвистывает паровоз. Кажется, это было вчера. Меня провожают в армию. Девчата, пошухавшись меж собой, песни завели про «Свет-горюч камень», про «Катюшу» и про то, «как родная меня мать провожала». Плывут голоса по деревне от дома к дому, от плетня к плетню, легко, плавно, точно в лодке меж бережков качаются. Лихо ходит в руках Ивана гармонь:

Заиграй, Шальново, сильнее,

Запавей-ка, молодежь,

Наши брянские мастушки —

Лучше в мире не найдешь...

Вера подхватила голосисто, залихватно:

Я миленка провожала,

Говорила: не тужи...

И наказ ему давала:

Верио родине служи!

— Ты, Коляша, вот что, — отечески похлопал меня за столом по плечу сторож Емельян. — В солдатах того, долго не засиживайся. Переходи в лейтенанты... А там, глядишь, и до генерала недалеко... Куда лучше, как Котовский, на коне!

Косоглазая набожная бабка Федосьевна осекла его:

— Ну, понес без коле! Какой из его Котовский? Окстись!

— А почему бы и нет? Сорока ты короткохвостая! — напустился на нее Емельян. — Коляша ведь не криво посажен. Коней сызмальства любит. И скачет лихо. Попробуй, угонись-ка за ним! Чем не Котовский!

— Эва куда хватил! — поддержал Федосьевну дед Прохор. — Нынче времечко другое, голова твоя садовая. Ежели все в маршалах да в генералах подалутся, кто в рядовых служить будет? Кто?

— А что, разве генералы не воюют? — возражал Емельян.

— Как же, воюют! Иначе не было у них эсволь орденов да медалей. Да в атаку-то рядовые идут... Генералы в штабу карандашом: туда — роту, сюда — взвод...

— Генерал — стратег! Без его карандаша грамоте не выиграешь, трендер ты старый... Шас ведь не суворовские года — вперед с саблей! Смелость города берет!

— Э-э, не скажи, многим нашим восначальникам не мешало бы у Суворова поучиться...

— Чему же учиться, коли не секрет? Как танки из дрововика подвизать?

— Не смеши Выселки! Танки? — хохотнул дед. — А тому поучиться, как надо любить солдата! Небось слышал, как фельдмаршал Суворов солдат величал: «Орлы! Чудо-богатыри!»

Улучив минутку, я поднялся из-за стола и шепнул Вере на ухо:

— Выйдем-ка на два слова...

— Куда?

— Ну-у, на волю... Духота здесь. Накурили старцы! — В зеленой озины «пить-полоты», «пить-полоты» наперелой кричали перепела.

— Вера, что же это с нами?

— А так, ничего... ничего особенного.

— Любили ведь мы друг друга...

— Может, и была меж нами любовь, да сплыла.

— Как сплыла?

— А вот так. Я тебе первая взяла да и сказала... А ты смолчал...

— Так разве дело в словах? Любил я тебя без слов. Не так, как этот...

Ну музыкант, который на балалайке звенел.

— На балалайке звенел?

— Да...

— Небось, слышал?

— Что слышал?

— А то, что с музыкантом у меня разрыв, Колюня. Деревня ты не отесанная!

— Будто сама городская.

— Запомни, Колюнь! Девушке надо говорить о любви, а не молчать, как сыр. Молчание — не всегда золото!

— Хочешь, я тебе сейчас всё скажу... — Я восторженно смотрел на Веру и в душе моей, казалось, звучала дивная музыка.

— Сейчас уже поздно. Глянь, парни-то в грузовик садятся. Тебе рукой машут.

— Жди меня, Вера. Скоро вернусь из армии. Время быстро летит...

— Хорошо. Ждать тебя буду. Тогда и поженимся.

— Гляньте! Тучи над Выселками! Враг на границе! — заполошно крикнул вслед новобранцам юродивый Митяй.

— Типун тебе на язык! — оборвала его жилистая, строгая бабка Федосеевна — Счас я его по балде вдарю! — Вскипел сторож Емельян. — Тогда точно война начнется. Федосеевна и отвела от греха Митяя подальше, в сторонку.

...Помню Женьку Гусакова на вокзале. Мы присели молча на скамейку, а потом он встал и, глядя мне в глаза, полушутя-полусерьезно сказал: «Значит, так! Задача ясна, товарищ Никола-Кузнец! Вам надлежит защищать нашу советскую Родину от разных гремучих гадов и паразитов! Выселки на тебя надеются! Так что не подкачай! Учти, скоро я приду к тебе на подмогу!»

На душе у меня сразу стало веселее от его бодряще-шутливого напутствия.

Мы крепко обнялись с Женькой на прощание.

— По вагонам! — подал команду лейтенант. Началась шумная погрузка в эшелон.

Новобранцы покидали на полки свои немудреные вещички и, сразу посерьезнев и повзрослев, скупчились в тамбурах.

Раздался третий звонок — и паровоз, окутанный едким дымом, загудел. Вагоны медленно, вразвалочку тронулись в путь...

К тому времени Гитлер прибрал к рукам больше половины Европы и его несметная, вооруженная до зубов армия двинулась на восток, к нашей границе.

Август 41-го. После ускоренной подготовки на курсах стрелков наша часть разместилась возле белорусского поселка Граневичи. Солдаты не раз поминали тогда слова вождя: «На территории врага... Малой кровью...» А меж тем «стервятники» бросали бомбы на наши села и города, гитлеровцы нагло рвались вперед, захватывали нашу землю, косили нас из гаубиц и пулеметов.

Сперва мы держали оборону, а затем перешли в наступление. Тут я впервые познал, что такое война: черные, выжженные дотла деревни, расстрелянные возле клуба солдаты, изнасилованные, с выколотыми глазами женщины. Более всего поразил меня один русоловый мальчонка с проломленной головой. Он лежал, распластавшись навзничь, в кювете. Придорожная трава была в крови. Рядом валялся его темно-синий ранец. Из ранца на траву выпали тетради, узкий деревянный пенал и рисунок, где изображался первомайский парад. Пушки и могучие танки гремят по брусчатке. В голубом небе тучи красновоздушных самолетов. И все это на фоне гордо высящегося красного Кремля. Я поднял рисунок с земли и прочел надпись в уголке: «Тарас Гилевич, третий «Б». Накрыв бездыханное тело маленького белорусского художника шинелью, постоял молча и с тяжестью на сердце бросился догонять свою часть, шепча на ходу «Тарас Гилевич, третий «Б»...»

Возле села Нежанковичи фрицы жестоко поизмыывались над нашими пленными солдатами. На дне песчаного карьера кучей лежало более сорока тел, похожих сверху на груды кровавого мяса, на рубленного свирепым и пьяным мясником.

Внезапно на правом фланге показались танки с черными крестами. Шесть средних немецких танков. Следом за ними крадась пехота.

Подулив машины врага на близкое расстояние, мы забросали их гранатами.

С боем выходили из окружения, неся большие потери. Но и гитлеровцам досталось — четыре танка запылали на пути к лесу.

Свист, грохот разрывов...

— В укрытие! — крикнул сержант!

Да какое там, к дьяволу, укрытие?! Тем укрытием были кусты полыни да пилотка. С винтовкой да гранатами мы стояли против танков и бронемашин. В школе с радостью и гордостью мы пели хором песню: «Если завтра война, если завтра в поход, мы сегодня к походу готовы...» Учительница ставила нам за дружное исполнение пятерки по пеннию... И генералы на предвоенных первомайских парадах наверхика тоже получали от своего высокого начальства благодарности и награды. Какие пушки громыхали по брусчатке! Тучи самолетов закрывали небо над Красной площадью. В общем, «броня крепка и танки наши быстры...» Необстрелянные, мы стояли насмерть на белорусской земле. Причем без брони и без танков...

Стучат колеса. Ревет паровоз.

Припадая к земле, мы то ползли, то поднимались и бежали во весь дух сквозь дымовую завесу, грохот и свист пуль к спасительному лесу.

Лязг, скрежет оружия! Стоны. Хрип. Вопли. Смертельная схватка! Пригибаясь к земле, я с трудом миновал дорогу и только ступил на опухшую, как впереди ранула мина.

Сильный толчок! В голове будто что-то лопнуло, оборвалось и я лечу в бездну. Больше ничего не помню... Кто знает, сколько времени я пролежал без сознания? А когда очнулся, бой уже кончился. С великим трудом я повернул будто налитую свинцом голову, и увидел: лежу возле комя сосны. Гимнастерка на мне разорвана, ноет плечо. По лицу стекает в рот теплая липкая кровь.

Надвигаются сумерки. Пытаюсь ползти, надо двигаться несмотря на головокружение и потерю крови. С детства силенкой Бог меня не обидел, да и вообще не в моем характере падать духом и умирать... Ведь это же первый бой! Собрав волю в кулак, я приказал сам себе: «Ты должен выжить, Николай! И всем чертям назло должен вернуться в строй!» Чудом оставшись жив, я торопил каждую минуту, час — не прикончили фрицы — и слава тебе господи! И вновь в ушах гром минометов, вой «стервятников», звуки трубы... Идет в атаку пехота. А когда я уже совсем потерял счет времени:

— Дядя, а дядя, ты — живой? — в нескольких шагах от меня стоял мальчик.

— А ты кто?

— Ались Минкевич.

— Пи-и-ть...

— Сейчас, я мигом... Дядя, ты погоди... Не умирай, дядя!

— Очнулся я в хате. Нащупал рукой теплую русскую печь, почув-
ля запах ржаного хлеба... и успокоился.

— Где ты его нашел, сынок? — спросила Алесьа мать протяжным
и нежным голосом.

— Случайно наткнулся, на опушке.

— Ранен?

— Ага. В голову и плечо в крови...

— Перевязал раны?

— Не... промыть маленько промыл, а перевязать не смог. Да и нече-
м было. Он больно пить просил.

— Напоил?

— Ага. Потом он сознание потерял.

— Как же ты его дотащил?

— На волокуше...

— Никто, случаем, не видел?

— Что ты? Не бойся. Тень, хоть глаз выколи...

— Где я? — чуть слышно шепнули губы.

— У своих, — ответил Алесь.

— А ты кто такой?

— Да мы уж знакомились там... в лесу. Разве не помните?

— Не помню, тебя не помню... А вот филин кричал...

— Живет тут один ушастый хохотун в нашем бору.

— Воды-ы-ы...

— На-ка, попей, голубок, — поднесла кружку к губам женская
рука.

— А вы... Вы, кто?

— Я — мать Алесьа, Полина. Да ты лежи, лежи. Я подержу кружку...

— Как я попал сюда?

— Алесьа на тебя в лесу наткнулся. Спас...

— Ну, спасибо тебе, парень. Век не забуду. А филин в лесу кри-
чал...

— Филин как филин, — усмехнулся Алесь. — Ух, ух-ху-ху-ху...

— Вера, Ве-рааа...

— Бредит солдатик, — вздохнула Полина. — Лицо у него бледное.

— Мне вновь привиделись Пронькины Выселки. Майское утро. Роса
сверкает под солнцем семицветным огнем на лугу. Щелястый
мосток перекинут через Ерёмин ключ. Вера стоит поодаль. Улыба-
ется. И вдруг это чудесное видение исчезает в пламени взрыва. Нет
ни солнца, ни мостка, ни девушки...

— Вера! Вера! Ве-е-ра!

— Ну, слава Богу, заговорил... Сперва я уж так беспокоилась. Вто-
рые сутки без памяти. Хорошо, что очнулся... А то, как впал в беспя-
мятство, лишь одно слово прошептал: Вера... Кто она?

— Невеста моя. Да что — невеста, считай, жена. Я слово ей дал...

— Что за слово?

— Слово...

— Как только вернусь с войны, поженимся.

— Только надо сперва поправиться. Если б знать, когда этой ока-
янной войне конец?

— Первый бой и...

— Стрельба тогда больно гремела. Кровля с крыши сыпалась. Сте-
ны рушились. Мы с Алесем в погреб спрятались. А потом вдруг все
стихло. Наши за реку отступили. Вот Алесьа и решил вечером в лес
сбежать, за хворостом...

— Ничего, ничегошеньки не помню... И голова сильно болит...

— Еще б не болела. Рубец-то вон какой, будто сохой проехали.
И контузия!

— А ты... Вы кто?

— Да Полина я, мать Алесьа...

— Не помню.

— А крик филина?

— Это помню... А Алесьа не помню. Ничего не помню. Почему
я бранный?

— Так ведь пришлось волосы убрать. Кроме плеча, и голове доста-
лось... Оттого и запомнил многое. Сколько тебе лет?

— Не знаю...

— Да-а... — покачала головой Полина. — А как величать?

— Николай.

— Из каких же ты мест, Коля?

— Деревенька Пронькины Выселки.

— Правда? А я сначала думала — шутишь... Какие-то Выселки.
Да еще — Пронькины? Ну, думаю, и хватил! А кто такой Пронька,
в честь которого вашу деревню назвали?

— Н-н-не знаю... Погоди-погоди... Кажется, мужик-трудолюбивый...
Мельницу держал, муку молот...

— Ну вот и хорошо.

— Что хорошо?

— Что деревеньку свою вспомнил. С Выселок и начнем...

— Что начнем?

— Лечение... Мой дед был народным лекарем: грыжу мог загова-
ривать, раны заживлял... У коров мастит вылечивал. Кое-чему и меня
научил. В деревне меня знахаркой кличут. Начальство, правда,
не больно жаловало. Даже сослать хотели. А люди шли... До нача-
ла, конечно.

«Тук... тук», — стучат колеса, глухо лязгают буфера, поскрипыва-
ют койки... И снова монотонный стук колес да шипение пара, клу-
бы летящего от паровоза...

— Ну-с, Николай, старый урок мы повторили. Теперь приступим
к изучению нового материала... — сказала Полина.

— Вам бы учительницей быть...

— Я и работала здесь до войны учительницей. Преподавала в на-
чальных классах.

— Знахарка? И вдруг учительница!

— Ну, допустим, знахарем или народным лекарем была не я, а мой
дед. Он — действительно много знал да умел, а я так, понаслышке...

— Отец, дед — один ответ.

— Да, эта страда: аресты да ссылки — пронеслась и по нашей бе-
лорусской земле. Отца и его брата сосылали. А я, как видишь, уше-
лела. Бог миловал. А сегодня, Николай, мы с тобой вот что вспо-
ним. Постараемся вспомнить... Ну-ка, сказывай про Пронькины
Выселки?

— Не помню, ничего не помню.

— А ты думай, Коля, вспоминай.

— Нет. Ничего больше не помню.

— Человеку без памяти тяжело. Его можно вовлечь куда угодно,
внушить ему что угодно. Но еще страшнее человеку без родины...

— Пора эта звалась в Выселках осенниками. Уже не осень в золо-
те, но еще и не зима в холоде...

— Ну-ка, ну-ка, Коля, вытягивай-вспоминай...

— Идешь, бывало, по зыбкому льду, а он просвечивает, трещит...
Рыбешки в испуге стреляют в разные стороны. Ближе к берегу на-
до идти, не отрывая подошв, иначе провалишься. А вокруг белым
облаком клубится вишневый сад...

— Николай! Да какой же вишневый сад клубится в осенники?

— Нет... ничего больше не помню.

— Да ты не торопись, Коля. Спешка-то, она, сам знаешь, где нуж-
на. Вот ты идешь по зыбкому льду...

— А вы видели, Полина, вы помните... Воздух по осени так чист
и прозрачен, что, кажется, можно заглянуть за горизонт...

— Ну-ну, чего замолчал?

— А что?

— Заглянуть за горизонт... Так и заглядывай!

— Вот еще сапожник Иван с гармошкой...

— Вот и больно хорошо! Ивана вспомнил. Что ж он играл?

— Частушки...

— Какие частушки?

— Ну эту... под которую рубаху рвут...

— Совсем хорошо! Раз шутить начал...

— Бывало, как у нас на свадьбе Иван заиграет, так никто на мес-
те не усидит. Всех в пляс подмывает. Да так, что штаны по швам
трещат! А частушки как запоет...

— Давай-давай, Коля! Какие такие частушки?
 — Не помню...
 — А ты вспоминай, Коля. Не торопи коня... Так что же пел Иван?
 — Не помню я... Вот разве что... Я любил по пяти, любил и по пятнадцати, успевал я целоваться раз по девятнадцати...
 — Ничего себе — Иван! Оборотистый! А еще что? Тяни, Коля, вытягивай...
 — Еще вот такая... Я любила Шуручку за его тужурочку. А теперь Тимошечку — за его гармошечку... Только Иван часто слова менял: «Теперь Емельяшечку — за его тельняшечку».
 — Ну, Коля, — умница ты моя! Ха-ха... Надо ведь... Такое вспомнил!
 — Так это же все у нас было. На родной стороне...
 — Слава Богу, дело пошло на лад. Все будет хорошо. Уж теперь-то я тебя выхожу, Николаша! Скоро ты затопашь по земле. Увидишь поля и леса. Зачернешь в пригоршни студёную воду из родника. Запахи луговой мяты и таволги закружат тебе голову. Ты будешь удивляться... Мы еще отомстим фрицам за всё!

А потом началась жизнь моя партизанская... Землянки. Слякоть по колено. Голодуха. Лютый мороз пробирал до самых костей. Ночные рейды по хуторам. Прорывы из окружения...

Паровоз ревел, впарывая темноту подслеповатых станций. За окном проплывали длинные пакгаузы. По перронам шагали женщины с мешками за плечами, с худыми, золотушными, укутанными чем Бог послал, детьми. И вновь состав разрезал сумерки, оставляя позади очередную станцию, вырывался на простор и мчался на восток.

Мы пили разведенный спирт из мензурок, закусывали хлебом да жидкой овсяной кашей. В груди сразу мягчало, глаза влажели, мы смотрели друг на друга с любовью. Нам было хорошо, словно в сказке.

*Шумел сурово Брянский лес,
 Стускались темные туманы,
 И сосны слышали окрест,
 Как шли на немцев партизаны...*

Запел кто-то под переборы трофейного аккордеона партизанскую песню. В вагоне вспыхнула тусклые электрические лампочки. Меж коек прошла молоденькая медсестра в белом халате, перетянутом в талии. Чем-то она очень походила на Веру. Из-под косынок кокетливо, будто невзначай, выбилась русая прядь.

Где-то нынче Вера? Помнишь ли наш уговор?

Раненые мечутся во сне на койках, бредят, скрипят зубами. Лейтенант приказывает в беспамятстве: «Заряжай, Соколенко! Заряжай, мать твою!»

Молодой поэт, раненный в ноги, прикрыв глаза ладонями, сочиняет стихи:

*...Стучат колеса,
 Стонут раненые,
 Раутся снаряды,
 Ухают бомбы
 В моём воспаленном темени.
 Я — шшелон,
 Я — шшелон,
 Я — шшелон военного времени.
 Свою страну, свой отчий дом
 Мы собой прикрывали.
 И победили, и победили,
 И счастье наше только в том!
 Было это всё, было,
 Да в камни холодные
 Позастыло.
 Я — вагон,*

*Я — паровик,
 Я — тяжелораненых
 Стои и крик...
 Любовь —
 Беда,
 Уж который год...
 Любовь на горе живет — не живет...
 Я — шшелон,
 Я — шшелон
 Военных дней.
 Суровое время,
 Железный путь,
 Многие позабыты,
 Многого не вернуть...*

Говор и крики в вагоне то вспыхивали, перекрывая друг друга, то вдруг гасли, разбредались порознь и текли неторопливо под однообразную музыку колёс.

Аккордеонист вполголоса затянул «Землянку»:

*Пой, гармоника, вьюге назло,
 Запутавшее счастье зови.
 Мне в холодной землянке тепло
 От твоей неасимой любви...*

Громкий отчаянный стон слепого танкиста оборвал песню: «Аа-а-а! Тяжко, братцы! Не мо-г-гу! Пристрелите ради Христа! Не хо-чу-у-у!» Танкист рухнул с койки на пол вагона и стал отчаянно биться...

К нему бросилась медсестра, подоспел врач. Да было уж поздно. Танкист внезапно затих. Затих навсегда. Обожженное бездыханное тело его укрыли белой простыней, переложили на носилки и унесли...

Тук... тук, тук... тук... — привычно стучат колеса. На столике, покрытом зеленой клеенкой, дребезжат миски и ложки...

Смахнув со щеки слезы, Чижов закрыл глаза. Он ехал домой. Возвращался на Брянщину, в тишину глухотанных лесов, где соловьи звенели прежде от зари до зари по берегам широкой привольной Десны, где пьянила горьковато-хмельным духом белопенная черемуха, где шептались под ветром буйные травы, да золотом отливали купавки... Ехал надыхаться вольным речным воздухом, порыбачить, успокоить душу и оправиться от крутых передряг... Словом, начать мирную жизнь.

Встреченный в полевод медсанбате Женька Гусаков, у которого была перебитая нога, рассказал, что, отступая, фрицы положили Пронькины Выселки. Они расстреляли почти всех сельчан, не успевших бежать в леса. А от матери нет вестей. Жива ли? Все чаще, тревожной бьётся, замирает сердце... А как же Вера?..

У полустанка поезд сбавил ход. Колеса стучат тише, глуше. В темном небе за окнами мирно, как шмель, прогудел самолет. Чижов отнернулся к стене и забылся коротким сном. И приснился он себе босоногим мальчонкой: бежит во весь дух по лугу босиком, только мокрые пятки сверкают да чубчик топорщится. На нем синие штаны, белая рубашка, в руках длинная хворостина. Он гонит в пропахший медвяным клевером и навозом хлев круторогую норовистую телку Осьмуху. Вечерует. Внезапно в кустах бузины ударило: тiu-тiu-тiu — с размаху ударил в "лешеву дудку" маэстро брянских лесов — соловей. Дед Прохор таких знатных пувунов-соловух с почтением Шалаялиным величал. Над опушкой вьютятся, бубенцами звенят лесные веронки. Удало, с переборами заливаются они в небесах, заветную мечту согревают, веру в чудо-чудесное сулят... А на взгорье в сумерках, переходящих в темноту, — Пронькины Выселки. Загораются лампочки в окнах. Над лугом пролетают несчетные стаи уток. Вот и под крышей его дома огонек вспыхнул, расцвел золотым одуванчиком...

ТУЛЬСКИЙ МУДРЕЦ СЕРГЕЙ ОВЧИННИКОВ

Как и в 1917 году, великий ветер из пустыни опять идет на Русскую Культуру. Да и на всю Русскую жизнь.... Песок забвенья опять заживо погребает наши святыни, и само живое дыханье, и саму русскую жизнь... Но в Ясной Поляне, где до селе поит нас неуявляющей водой великий Колодезь Русской Литературы — мудрец, пророк и писатель Лев Толстой — этот песок забвенья бессилён.

Кажется, что если бы сама пустыня Сахара вдруг восстала и прилетела сюда, в Ясную Поляну, она бы полностью пропала, утонула в бездонном Колодце, который называется «Лев Толстой».

Всякий раз, когда я приезжаю сюда ранней осенью на блаженные, яснополянские встречи писателей, я думаю о том, что на благодатной тульской земле, в этой Мекке Русской Литературы, должны явиться писатели — наследники великого мастера и жгучего народного печальника, сострадалца, заступника, у которых нестерпимо болит душа от наших бед и унижений...

Все-таки литература — это роши и аллен, а не только одинокие, могучие дубы...

Даже неопытный грибник знает, что если ты нашел в лесу неслыханный белый гриб — то ищи другие грибы, ищи грибницу... Не может щедрая тульская земля не рождать новые таланты!..

И вот я с радостью нашел тульского наследника великих толстовских философских и социальных исканий.

Его имя — Сергей Овчинников. Он врач по профессии... Врачами были Чехов и Булгаков... И это весьма повлияло на их литературу — в сторону великого сострадания вечно болящему человечеству... Но всякий настоящий писатель целитель души, а писатель-врач — лекарь души и тела...

От великого нашего русского одиночества — а нынешнее темное безвременье наше и есть наше крошечное одиночество, — Сергей Овчинников назвал свои записки «Разговоры с собой». Когда я читал эти разговоры, я понял, что автор горько, но мужественно беседует с нами, с Росией, с её Святой Историей и Надеждой...

Эти записки мудреца-современника говорят о том, что бесам не удалось загнать нас в колодцы одиночества, безмолвия и равнодушия.

Живая душа тульского врача вопиет...

И нас пробуждает к состраданию и борьбе...

Тимур Зулфикаров

Сергей ОВЧИННИКОВ Разговоры

Современная война идет прежде всего на уровне умов, религий, капиталов. Многие люди своим безмыслием и безволием делают себя безоружными, отводя себе роль скота, которым неласково помыкают.

Не бывает на земле свободы, уйдя от Бога, человек неизбежно приходит к дьяволу, хотя бы на бытовом уровне. Человек может сознательно выбрать хозяина или вообще не думать о горнем, но, в любом случае, абсолютно свободным ему не быть. В декларациях «свободы» всегда есть призыв к свободе от Бога.

Власть принадлежит богатым и сильным, независимо от общественного строя. Человеку свойственно желание встать на вершине иерархии, а потому демократия невозможна в принципе, как в любой стае приматов. А биологически мы — крупные приматы. Отличает нас от обезьян, по большому счету, возможность общаться с Богом, да еще творчество, но все это никак не связано с земной властью, деньгами, насилием, которыми увлечены многие.

Контрибуция, деньги, которые сейчас Россия платит Западу, — по займам, размещая свои валютные запасы в западных банках, покупая доллары и евро, вывозя свои частные капиталы за рубеж, — при сохранении военного противостояния НАТО и СССР ушли бы на вооружение. Народ бы эти деньги все равно бы не увидел, разве что в виде бесплатной медицины и образования. Но мы имели бы сильную армию, без которой сейчас рискуем лишиться права иметь свое государство, культуру, цивилизацию.

Численность русских сокращают пропагандой нравственного разложения, наркоманией и алкоголизацией, нагнетанием страха. Люди умирают от водки и наркотиков, боятся рожать. Испуганным народом вообще легче управлять, в том числе контролируя рождаемость. Если рядом с клеткой, в которой живут хомяки (обыватель весьма похож на это животное характером и склонностью делать запасы), поселить kota или перед клеткой ежедневно убивать других хомячков, то ее обитатели, вроде бы находящиеся в безопасности, перестанут размножаться. Но вообще население России сокращается медленнее, чем рассчитывали многие, из-за того, что русские люди привыкли жить автономно от государства, которое их никогда не баловало, русских защищают домены (дружеские сообщества), огромная территория, относительная слабость власти. Кроме того, активно размножаются кавказцы, мусульмане, которых у нас много, — у них особый информационный код, телевизионная пропаганда на них меньше действует, русские несчастья их не трогают, а навязываемые образцы поведения не прививаются.

Если б не переселенцы, наша провинция опустела на треть, как в военное время. Да, многие приехавшие размыывают славянское ядро нашего суперэтноса, но их появление все же лучше, чем стремительное вымирание нации, тем более что дети переселенцев, в большинстве своем, ста-

г. Тула с собой

нут русскими азербайджанцами, молдаванами, украинцами, а потом просто русскими. Наша земля и культура воздействуют на них особым воздухом, низким солнцем, холодом, магнетизмом православия, энергетикой лесов, специфическим набором трав, которые проникают в людей с молоком и продуктами. Волосы и кожа пришельцев становятся бледнее, глаза расширяются, православная культура внедряется в их души. В инъекциях чужой крови ничего страшного нет (напротив, это условие пассионарного подъема), если эти вливания не катастрофически велики, иначе принимающему организму грозит разрушение.

Интелектуальная, творческая элита в России часто имеет смешанную кровь — славяно-еврейскую, славяно-немецкую, славяно-татарскую, славяно-кавказскую. Смешанная кровь — одно из наиболее частых условий гистерезиса, биологического и пассионарного подъема. Славянской крови, для пользы дела, иной раз требуется отвердитель, постороннее организующее начало.

Во второй половине жизни (после тридцати пяти лет) многие поступки обесмысливаются и человеку, с острым чувством смысла, продолжать прежнюю жизнь становится невозможно, тоска наваливается смертная. Лекарство — жить для других, для Бога, ведь для себя что-либо делать уже логически незачем.

Россия не Ирак, сопротивление оккупации здесь будет еще более мощное. В мировом правительстве это понимают и пытаются вначале изменить психологию наших людей, чтобы мы не сопротивлялись. Оккупация всегда более терпима населением, исповедующим близкие агрессору ценности.

Мне скажут, что и не надо твердить об агрессии, для нас опаснее Китай. Мы, мол, станем составной частью единой мировой западной цивилизации, добровольно делясь нефтью, лесом и газом с другими ее частями. Ведь никто же не говорит об агрессии европейской части России по отношению к Сибири, когда мы пользуемся сибирской нефтью. Но Россия и сейчас делится с Западом, позволяя уходить туда своим умам и капиталам, перейдя на западную валюту, почему же так бедно живут те, кто делится? А потому, скажут, что многие русские плохо или не там работают, да еще пьют, воруют. Такие люди в любой части мира не имеют хорошей работы и потому пребывают в бедности. Почему для русских кто-то должен создать особые условия? Те, кто способен работать, ориентироваться на единую мировую экономику, и сейчас живут хорошо, а остальные — лишние. Нужно переключаться, тихо погибнуть или жить в условиях натурального хозяйства. Никто, мол, мешать не будет.

Многие русские и сейчас живут в условиях натурального хозяйства, зарплаты и пенсии большинства явно недостаточны для выживания.

При капитализме интересно жить молодым и сильным, особенно живущим в столице и крупных го-

родах. А слабым и старым, да еще провинциалам капитализм обычно не нравится, они с ностальгией вспоминают советские времена, когда почти все в жизни было гарантировано. Социализм имел множество положительных сторон, да вот люди слишком избаловались, перестали ценить бесплатную медицину, образование и жилье, им захотелось «мерседесов», загородных вилл, рафинированных пороков. Никто не верил, что все это достанется лишь избранным, самым жестоким и хитрым, а остальные останутся рабами. Теперь уж назад пути нет, в нынешних условиях тотального контроля над сознанием революция почти невозможна.

Когда мы слушали Горбачева, чувствовалась вызывающая раздражение интонационная фальшь, хотя слова о «социализме с человеческим лицом» он говорил правдивые. Мы не знали еще, наивные, что любые слова, произнесенные с главной трибуны страны, теперь мало что значат. Когда смотрели на Ельцина — было стыдно и страшно. Нынешний президент способен этих двух абсолютных разрушителей, из него мог бы получиться хороший лидер, если бы он смог и захотел прекратить вывоз капиталов из России, сохранить народную собственность на естественные монополии, укрепить наши производственные, науку, армию, образование.

В душе русского неистребимо живет социализм, коллективизм, соборность. В нашем климате не выжить поодиночке. И потому в России должна быть общественная собственность на естественные монополии, частная собственность в этой сфере — предательство.

Наша армия и наука слабеют, а значит, президент и правящая элита не собираются сохранять обособленность, специфичность нашей страны, ориентируясь на растворение России в западной цивилизации. Центры этой цивилизации находятся в Америке и Европе, а мы, в лице нашей правящей элиты, согласились с нашей провинциальностью. Современные ракеты, самолеты, спутники, лазеры, вертолеты и подводные лодки нужны не сами по себе, за ними стоит возможность самостоятельно решать — кем быть (русским, татариним, бурятом, чувашем, американцем, евреем, всецеловеком), как жить (ни во что не верить, молиться в православном храме, мусульманской мечети, буддийском дацане, католическом соборе, или принадлежать сатане), чему учить собственных детей... Иначе все это за нас решат другие люди.

Огромную Россию невозможно еще сплеленать любой Армией, нельзя безнаказанно уничтожить Россию и ядерным оружием, при таких масштабах бомбардировок неизбежно пострадает вся планета, в том числе и агрессор. Поэтому выбрано другое оружие — целенаправленное разрушение сознания целого народа, с последующим управлением этим сознанием. Оказалось, пси-оружие гораздо сильнее атомной бомбы, ведь именно пси-оружием разрушили Советский Союз: мы сами, в приступе наведенного умопомешательства, разоружились, порушили свою экономику, теперь убиваем друг друга миллионами.

Со времен монгольского ига и смутного времени у России не было такого удручающего сочетания территориальных, экономических, духовных и человеческих потерь. В 1941-м было предельно тяжело, но большая часть страны оставалась свободной, работали научные центры, военные заводы, и народ, что самое главное, был душев-

но здоров, стоек. Сейчас же в стране уныние, на вывозимые капиталы работает вся страна, возвращение национальной самостоятельности, в условиях тотального контроля над сознанием, весьма проблематично.

Скоро человек, желающий остаться собой и мыслить самостоятельно, должен будет не просто выключить радио, телевизор, но еще и экранировать собственное жилище, автомобиль, рабочее место, питаясь только с собственного огорода. Не верите? Зря. Поинтересуйтесь у специалистов. Служба внешней разведки подтвердит: за рубежом и в нашей стране уже давно созданы, опробованы и успешно функционируют радиочастотное оружие, торсионные генераторы и многое другое. Уже десять лет работает американский проект HAARP. Еще в 80-е годы прошлого века США построили сеть башен, способных транслировать волны крайне низкой частоты, влияющие на сознание, а с 1994—1996 гг. работают установки HAARP, в частности на Аляске и в Гренландии, навоя свое излучение в различные районы земного шара. Эти излучения имеют огромные возможности, они могут изменять климат, нагревая ионосферу, менять направление ветров (помните непрерывный северный ветер весной 2003-го, во время американской войны в Ираке?), но главное, они способны контролировать сознание людей на огромных территориях, внушая апатию, уныние, страх или эйфорию, в зависимости от необходимости. Есть данные, что все эти технологии активно работали во время всех последних российских революций и путчей.

Людям следует знать: уже создано и опробовано скалярное оружие, оно есть, как минимум, у нас и американцев — особые трансляторы позволяют преобразовывать электромагнитную энергию в энергию скалярной волны, которая движется на десять порядков быстрее света, проникает сквозь все стандартные экраны и может использоваться для разрушения военных целей. Спутники со скалярным оружием уже на орбите, последнюю катастрофу американского космического челнока некоторые связывают с этим оружием.

Обнищание страны — лучший способ разрушить ее обороноспособность. Поэтому вывоз капитала из России, конечно же, не только цель, но и средство.

Старость и смерть, вот дело второй половины жизни, которая начинается не позже тридцати семи лет. И надо исполнить это дело хорошо, разумно, без надрыва, истерик. Вторая половина жизни и дается нам для того, чтобы, хотя бы напоследок, жить правильно — не убивая, не насилая, не собирая сокровищ, думая о большем, нежели никому не нужное, эфемерное, распадающееся тело.

Среди современных писателей много тех, кто обладает изощренной техникой, мастерством, но никогда не будет востребован. Я мог бы воспроизвести навскидку десяток известных имен. Их главная болезнь — гнилодушие. Кроме литературного мастерства нужно обладать еще и совестью. Где среди сегодняшних писателей те, кого будут перечитывать долго, стараясь найти в их творчестве ответы на главные вопросы жизни? Они есть. Из недавно умерших обязательно будут перечитываться Шукшина, Астафьева, Нагибина, хотя бы его дневники.

Впервые осознал, что пронзительно люблю свой народ и свою родину лет пять назад в православном храме, когда мы все вместе, со склоненными головами — у многих

были слезы на глазах, — молились за Россию. Мы вставали на колени и просили друг у друга прощения за все злое, что сделали когда-то людям. Я подумал тогда, что трудно любить наглуго и сильную страну, которая топчет все округ, уничтожая и насилая внутри себя всех, кто осмеливался думать мимо регламента. Слабужо и несчастную Россию любить легко, но в ней уничтожают все то, что ты любишь, а значит, иногда нужно мириться с собственной силой и победительностью.

До 37 лет у здорового человека логика возрастания жизни, затем логика увядания, когда, чтобы жить правильно, нужно давать плоды. Стареющее растение красиво своими плодами.

Встарости человек неизбежно слабеет, и потому желательно заранее подготовить себе окопы для грамотного отступления — хорошее жилище и работу, сносное здоровье, нормальную семью. Без этого стареющему человеку трудно выжить, без них старение превращается в стремительное и бесплодное разрушение.

Властвующий неизбежно унижает и насилует подчиненных. Стремиться к власти — значит стремиться к насилию, быть садистом. Все люди, которых я уважаю, не имели другой власти, кроме власти ума, совести, сострадания.

Рынок создает богатых, а богатые стремятся к монополии, поэтому свободный рынок в принципе невозможен.

Вконце двадцатого века средний белорус, словак, русский, был в десять (!) раз беднее среднего жителя Западной Европы. Такой разрыв невозможно объяснить лишь различными природными условиями жизни. Гитлер называл живущих в России «недочеловеками», говорил, что мы так и не смогли создать полноценного государства. «Недочеловеки», правда, несколько раз наголову разбивали «полноценных» — во времена Александра Невского, Суворова, Кутузова, Жукова. Но вот с государством, действительно, проблемы. Русскими весь двадцатый век манипулировали особи с чужими идеями, которые использовали народ, как тягловый скот, как навоз, как дойную корову, как мясо. Идеи были разные, но отношение к народу одинаковое — потому что русские позволяют к себе так относиться. Может быть, хватит?

Славяне в эпоху великих переселений ушли из Восточной Европы, предпочтя совместной жизни с германскими племенами бедную, но свободную жизнь в более тяжелых климатических условиях, в провинциальной, по отношению к Европе, местности. Огромные пространства, заболоченность, бескрайние леса, лютой зимней холод прекрасно защищали живущих в России (смешавшихся с аборигенами, азиатами), от набегов рафинированных европейцев, теплолюбивых южан. Платой за свободу и возможность меньше работать (зимой полеживали на печи), за право быть добродушными, стал более низкий уровень жизни. Это нужно сознавать, ибо теперь многие русские вдруг решили стать богатыми, но рабами.

Планетарный удельный вес русских сокращался с 10 % в начале двадцатого века до 7 % в его середине и 5 % — в конце. Такими темпами лет через двадцать нас останется 3 %, мы рискуем превратиться в небольшой вымираю-

щий народ с диковинной регионарной культурой. Нам нужно стать зрелой, ушлой нацией, способной выжить в сегодняшнем изощренном мире.

В Москве сейчас треть населения — кавказцы, китайцы, вьетнамцы, молдаване, афганцы. Москва стала напоминать другие мировые столицы, ведь в Лондоне, например, более трети жителей — выходцы из бывших провинций некогда громадной Британской империи, в Берлине четверть населения составляют русские и турки. Это следствие свободы перемещения, наиболее шустрые из провинции всегда стремятся в столицы, где наибольшие возможности для самореализации, обогащения. Молодые приезжие готовы много и тяжело работать для этого, в отличие от рафинированных столичных детей. Раньше поток провинциалов в Москву искусственно сдерживался, теперь шлозы приоткрылись, главным сдерживающим фактором стала цена недвижимости в Москве. Коренным москвичам конечно же неуютно, но все это естественный процесс, имеющий и положительные стороны: центральный мегаполис превращается в цивилизационный «плавающий котел», международное общение здесь способствует рождению новых идей и культур... И все равно жаль прежнюю Москву, которую живущим в России хотелось защищать, которой можно было гордиться, которую можно было любить. Сейчас иной раз в российской провинции радуются московским несчастьям, считая, что Москва предала и ограбила Россию.

Вывоз капиталов из России достигает 50 миллиардов долларов за год. На эти деньги мы могли бы иметь достойные зарплаты и пенсии, хорошую армию, бесплатное высшее образование, мощную науку. Но нет, много уходит, лишь часть прибывает от продаж нефти, леса, металлов, газа тратится на социальные пособия, содержание власти, на телевидение и газеты, которые (слава Богу, не все) страшным огнеметом прохлывают по умам и душам людей, чтобы те не задумывались, не требовали, не возмущались.

При тоталитаризме власть достается не промышленникам и банкирам, а политическим авантюристам. Первые управляют через деньги, вторые через кровь и страх. Других рычагов управления людьми просто нет, к разуму люди, в массе своей, редко прислушиваются, живут эмоциями. Человек слишком эгоистичен, чтобы поступать разумно, — он поступает, как ему выгодно, а это не одно и то же. Управление через деньги сравнительно бескровно, но пули, кровь, страх и при демократии всегда наготове, на случай, если перестанут действовать деньги, как в случаях с Рохлиным, Лебедем и множеством упрямыцев поменьше.

Русские сказки иногда просто чудовищны — в одной из них Иван идет добывать царю коня и невесту (зачем он вообще отправился к царю?), но сам этого, из-за посредственности, сделать не может и пользуется услугами волка-оборотня, то есть «продает свою душу», чтобы самому иметь царевну и волшебного коня. На пути назад братья (хороша семейка!) убивают Ивана, затем он с помощью оборотня оживает, убивает братьев и живет счастливо! Как будто можно убить братьев и после этого жить счастливо.

Большинство провинциальных авторов пописывают от случая к случаю, а настоящая литература произво-

дится смертельно раненым или влюбленным профессионалом, который кричит от радости или боли.

Только бесцельное, в земном смысле, творчество достаточно широко, чтобы стать интересным. А потому весьма полезно, когда не печатают.

В молодости все дается само собой — здоровье, красота, ум, талант, силы, обаяние. Молодым кажется, что можно бесконечно черпать из этого бездонного колодца, и вдруг открывается дно. Тут ужасаешься — ведь ничего же еще не сделал! Главная ошибка молодости в том, что мы тратим силы, талант и время на пустые развлечения, попойки, бесконечное добывание денег, приобретение.

Удивительно, почему многие люди так пугаются и удивляются своей «ранней» смерти, ведь они к тому времени давно уже ни к чему не годны и лишь бессмысленно коптят небо.

От несправедно найитого исходит яд, и дети нуворишей этим ядом отравлены. Здорового ребенка, для его же счастья, готовить нужно не к бездельной роскоши, а к служению людям, оснащая его инструментами для этого служения — душевным здоровьем, развитыми талантами, образованием.

На телевидении явный «культ личности» президента и наиболее видных политиков, отслеживаются их малейшие телодвижения, все хорошее в жизни страны связывают лишь с ними, а все плохое — с «террористами», несчастными случаями, разгильдяями.

Советы народных депутатов были русской разновидностью демократии, подозрительно быстро выродившись в декоративную ширму для всевластия коммунистической партии, ее генерального секретаря. Демократия и в советское время плохо приживалась на русской земле. Партия стала закрытым орденом, а народ превращали в управляемое и эксплуатируемое быдло. В конце XX века партийная верхушка решила избавиться от социализма — одни из меркантильных соображений, другие из ненависти к собственной стране, третьи для того, чтобы понравиться Западу, который они боготворили. Четвертые просто ничего не понимали и подчинились демагогам.

Когда реставраторы социализма, ГКЧП, пробовали вернуть историю в старое русло, чувствовалось, что все это «от мира сего», а ведь история providenciальна. Время «красных духов» к концу двадцатого века в России, действительно, закончилось, и даже самые сильные и талантливые люди не могли бы повернуть историю вспять. В таких случаях нужно не бороться с историей, а «возглавить ее», хотя это, конечно, пошло. Можно при этом не отказываться, по возможности, от своих главных принципов. Возможности эти, правда, невелики.

Литературная одаренность сочетается обычно с особой страстностью, эмоциональностью, повышенным жизнелюбием художника, иногда — с душевными уродствами, патологией характера. Слабостей в художниках всегда с избытком. Карточные игры с денежными долгами — Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Толстой... Изощренный эгоизм — Лермонтов, Есенин,

Маяковский, Набоков... Стремление к роскоши — Горький, Набоков... Не говоря уже про алкоголь. Потому что писателю нельзя приближаться излишне близко, если вы хотите его и дальше идеализировать. Но, изредка, встречаются среди писателей нравственные уникалы: Толстой, после духовного кризиса, Чехов — его любовь к публичным женщинам почти невинна, — и, кажется, Солженицын.

Коммунистов апологеты Советской России сравнивают с «опричниками», «стальным поясом», который стягивал страну. Может быть. С опричниками этими расплачивались продвижением по службе, властными постами, это и привлекло в партию огромное число приспособленцев, которые затем Россию предали. Та система не могла эффективно работать без постоянных репрессий и чисток в собственных рядах. Поэтому, когда Сталин уничтожал раз за разом партийную и военную верхушку, нагнетая страх, это не было ошибкой или следствием его паранойи, это было хорошо им осознанное условие нормального функционирования тоталитарной системы, профилактика, иногда чрезмерная, перерождения советской верхушки. Без террора «опричная» система работать не может.

Любовь, жертвенность, служение людям так же редки в стремящихся к власти, как алмазы в навозной куче. Именно поэтому народ свято хранит память о каждом таком алмазе.

Демократия, хотя бы частичная, невозможна без правосудия, почти автоматического, как в США, когда в суд идут по пути на работу, когда суд совершается за час, за десять долларов, хотя бы вы судились с президентом страны или министром финансов. У нас же некоторые суды работают как торговые палатки, продающие свои решения тем, у кого больше денег, выказывая принципиальность на простом, безденежном народе, чудовищными сроками наказывая бытовое воровство и бытовое насилие. Затем туберкулез и СПИД в тюрьмах убивает этих людей, а потому наши тюрьмы — один из инструментов сокращения населения.

Усетин, грузин, армян, азербайджанцев способного, талантливого ребенка учит весь род, чтобы затем пользоваться его услугами. У кавказцев вообще предельно жестко регламентируется половозрастное поведение каждого члена рода, и человек, нарушающий эти правила, лишается помощи рода, становясь беззащитным. У евреев понятие рода, похоже, распространяется на всех иудеев. А русские живут семьями, или доменами (общность друзей), которые очень уязвимы сейчас, потому что маленькие. Такое жизнеустройство, как у кавказцев, евреев, китайцев, делает их, в современных условиях, гораздо более защищенными, а русские проигрывают. Нам нужно срочно восстановить очаги солидарности — национальной, религиозной, корпоративной, — иначе мы будем продолжать вымирать.

Люди зачем-то нужны Господу, а потому взращивание детей благословенно. Господь наказывает людей, лишая их ребенка, и благословляет, даря здорового чадо. Нормальная женщина к двадцати пяти годам страстно хочет ребенка, осознавая деторождение как свое предназначение. Бездетная женщина уже к тридцати годам ушербна, неприкаянна, жалка. Поэтому, когда моло-

денькие девушки делают аборт — «я еще молода для ребенка», — они рискуют всей своей жизнью.

Многие личные несчастья происходят из-за того, что человеку не хватает душевной чуткости узнать суженого, недостает терпения дожидаться его, или сил, чтобы удержать. Когда узнаешь его, не разжимай руку, терпи, прощай, иногда этот человек встречается только раз в жизни. Упустишь, предашь — и вся жизнь насмарку.

Создавая у себя кальку американского общества, мы обрекаем себя на вторичность, провинциальность, на вечное заискивание перед патроном. И ладно бы взяли за образец близких нам по климату норвежцев или шведов, нет же, взяли субтропических островитян американцев, потому только, что они нас (с помощью внутренних предателей) победили, разрушили. Никогда мы второй Америкой не станем, у нас другие история, климат, народ, религия. Мы не сможем так использовать мир, как они используют долларом, не сможем наживаться на чужих войнах, потому что это будут войны с нашим участием или участием тех стран, с которыми мы связаны общими границами, одним континентом. Ведь мы находимся на перекрестке Евразии.

Распад России начался, когда наверху оказались люди, подобные Горбачеву и Ельцину. Им сумели подсунуть негодную кальку, сделали так, что они приняли реализовать чужие планы, как свои. Главным стимулом Горбачева были, конечно же, не деньги, а то, что он искренне считал происходящее в нашей стране неправильным, а то, что на Западе, — правильным. Он слишком ценил мнение «цивилизованного мира», гордился, что его «важачки» на Западе. Ему внушили, что Запад главное, разумнее, лучше. И они, вместе с Ельциным, вдвоем сделали больше ЦРУ и армий НАТО. Вот что значит грамотно и к месту примененное оружие по изменению сознания!

У России, действительно, было много ошибок, но ведь были прекрасная социальная система, огромные достижения в науке, космонавтике. Была, наконец, самостоятельность, свобода страны как высшая ценность. Про это никто не говорил, видели только плохое, людям внушили мысль, что все нужно разрушить. И разрушали, воровали сами у себя, не думая, что самим же работать негде будет! Затем приватизация, махинации с ваучерами, акциями. Посвященные и приближенные получили огромную собственность, а ничего не понимавшие люди потеряли все. Полученные за ваучеры заводские акции у нас, например, в городе на руки не выдавали, простых владельцев акций шантажировали увольнением, заставляли продавать за гроши, по цене килограмма сахара за одну, тогда как после оказалось, что акция стоит тысячу долларов! И уж потом, когда государственная собственность была присвоена, снизили зарплаты, часть людей выкинули на улицу, порушили социальную сферу, свергнув многих в ужасающую бедность. Технология разрушения России была заранее разработана, сейчас это абсолютно ясно. Определенные силы на Западе, Востоке и внутри страны направляли, субсидировали разрушение России, делая ее более слабой, покладистой, предсказуемой. То, что все это приведет к невероятным страданиям русских, спокойной не допускалось, но ведь с чужой стороны действовали военные люди, кадровые разведчики — на войне как на войне, — чего им было жалеть

нас? Но с нашей-то стороны им помогали те, которые выросли здесь! Вот что страшно!

Да ведь они презирали свою страну и свой народ за грязь, хамство, нищету, раблепство, хотели стать такими же богатыми, как верхушка на Западе, и стали такими. Чтобы понять все это, достаточно послушать самого откровенного из них — Коха.

Люди с частицей еврейской, армянской, корейской, азербайджанской крови, говорящие на русском языке, более жизнеспособны сейчас в России, нежели генетические славяне. Многие русские в апатии, потеряли веру в свои силы, отчаялись, потому что у них нет ничего, кроме России, а Россия все еще деградирует.

Когда человек живет в холодном северном климате, питается хлебом, грибами, ягодами и картошкой, пьет много водки, шесть месяцев в году не получая достаточно солнца, не только его волосы светлеют и редеют, нос краснеет и округляется, бледнеет кожа, от недостатка йода округляются глаза — еще и характер меняется. Русские живут неторопливо, долго отдыхают, отлеживаясь зимой после весенне-летнего аврала, привыкнув иметь вокруг себя огромное жизненное пространство, хорошо защищающее их. А шустрые семиты, кавказцы, китайцы или вьетнамцы способны работать постоянно, выживая на кусочке выжженного пространства, их причила к этому жизнь — и теперь они выигрывают конкуренцию у русских. На планете простора все меньше, русским нужно привыкать суетиться и быть более жесткими, если хотим выжить.

Подозреваю, что страстными антисемитами часто становятся люди с долей еврейской крови, которые хотели бы стать евреями, но их не приняли (суровые законы наследования по материнской линии), и они возненавидели не принявших, обиделись, стали обличать. Во многих антисемитах сквозит подозрительно личное неравнодушие к теме. Мне вот, например, евреи нравятся (среди них я встречал много добрых и порядочных людей, да и в слабостях они бывают милы, со своими наивными хитростями, с детским эгоизмом, которые великолепно сочетаются с взрослым изощренным умом и талантом), когда они не занимаются разрушением нашей страны.

Мне и немцы, англичане, американцы нравятся, при том же условии. Многие их качества не вызывают ничего, кроме восхищения. У Германии, Англии, США нужно учиться многому, не стесняясь этого и не забывая своих корней.

Азиатов русские обычно терпят — сказываются давние контакты с ними, привычка. А негров русская провинция отвергает, в Туле темнокожие учащиеся университета не могут свободно гулять в городе, без риска быть забытыми насмерть подростками, пьяными парнями. Недавний пожар в московском студенческом общежитии для темнокожих, с десятками жертв, из того же ряда. Скорее всего, это была месья за торговлю наркотиками, которой занимались некоторые темнокожие студенты. Очень жаль невинных. При этом наркоторговцев из числа цыган, азиатов, русских — не трогают. Уж если бороться с наркоторговцами такими способами, то со всеми!

республики, Молдова, Прибалтика. Все те же 250 миллионов на бывший Союз — сокращение на миллион в год, о котором говорят многие, касается именно русских, общее число живущих в России падает гораздо медленнее. Происходит именно славянская катастрофа, и это страшная, огромная проблема, ведь русские объединяют страну, это универсальная российская скрепа.

А сколько еще уехало в Германию, США, Израиль, Австралию, Францию, Канаду? Миллионов десять. Великое переселение народов, мир «новых кочевников». А сможет ли Россия прокормить 140 оставшихся миллионов собственными продуктами? Ведь скоро кончится нефть и покупать продукты будет не на что. Учитывая, что сейчас треть земли в наших краях не обрабатывается, пожалуй, сможет. Хлеба у нас будет достаточно, а производство мяса, рыбы, фруктов и овощей можно быстро увеличить в несколько раз. Но первое время, после сокращения импорта продовольствия, будет очень тяжело, поэтому сегодняшнее российское невнимание к селу преступно. Умные японцы покупают у своих крестьян тонну риса за триста долларов, хотя имеют возможность купить китайский рис в три раза дешевле.

Мы сможем выжить лишь в одном случае — дав детям хорошее образование (в сочетании со спартанским воспитанием), объединяясь, поддерживая друг друга. Разобщенно, как сейчас, не выжить.

Тело может принять много другой крови, не страшно, главное — сохранить душу.

«Так вы хотите быть нищим русским или богатым европеем?» — спросят многие. Я думаю, хорошо бы попытаться жить достойно, оставаясь русским. «Это невозможно», — скажут многие. В этом расхождении суть разделения на «западников» и «славянофилов». При этом часто душа у славянофилов хочет одного, а тело другого, многие убежденные славянофилы телесно ведут жизнь западников. Вообще же любые крайние позиции бесплодотворны.

Взрослый, зрелый человек обычно живет рядом с людьми, у которых снижены умственные способности, — рядом с детьми (милые, очаровательные), сумасшедшими, стариками (некоторые старики умнее молодых, но это исключение из правила). Состояние зрелости ума для человека временно и нестойко. Только достиг пика, и уже начинаешь снижение. В больших семьях дети, старики, сумасшедшие всегда присутствуют, и потому «жизнь с идиотом» — обычное человеческое дело. Более того, жизнь без них ущербна! Тут что-то не до конца нам понятное. Что-то вроде отношений людей и ангелов, мы ведь, по отношению к ангелам, тоже неполноценные.

Как больно жить! И как сладко! Мы не умеем целиком отдаться Господу, и нас мучит чудовищная развоплощенность наших душ. Мы умеем взять сладкое тут и там, от греха и святости, но это раздвоенное мучительно, как если бы мы жили с двумя женщинами, служили двум хозяевам, воевали сразу на двух сторонах фронта. Нажали курок, мгновенно переместились в другие окопы и выстрелили навстречу своей же летящей пуле, рискуя попасть под нее.

144 миллиона граждан России, 10 — Белоруссии, — 15 Казахстана, 50 миллионов украинцев. Еще южные

Если удастся воспитать ребенка так, чтобы он получал острое наслаждение от книги, театра или концерта,

слушая музыку или путешествуя, тогда ему, скорее всего, не нужны будут искусственные радости наркотиков и алкоголя.

Добрый, милый ребенок, любящий всех, сталкиваясь с реальной жизнью, получает удар за ударом: постепенно уясняя себе гадкую житейскую мудрость: «не делай добра — не будет зла».

Очень важна способность человека различать главное и второстепенное. Огромное количество людей тратят свои усилия, время, деньги на достижение пустого, даже вредного, проявляя чудеса изобретательности, выказывая громадные силы. А другой, даже имея малые силы, так использует их, что из его жизни получается бриллиант, как у Серафима Саровского, Ивана Павлова, Иоанна Кронштадтского, Чехова. Всего лишь правильный выбор ориентиров, а результаты разнятся, как жизнь обычного и святого.

В большой стае приматов, кроме единого вожака, есть лидеры небольших внутренних группировок, азартно грызущие своих соплеменников, преувеличенно демонстрирующие подчинение главному вожаку, который как бы делегирует им часть своей власти. В человеческой стае все абсолютно то же.

Вокруг каждого, кто находится наверху, толпится жадная толпа желающих привилегий, их бесполезно гнать от себя, с тем же успехом можно отталкивать воду. Даже сильный человек слаб, быстро привыкает к лестям, заискивающим рылам, собственной «значимости», а затем, когда высокие кресла из-под таких выдергивают, людей жутко ломает, иногда насмерть.

Некотрые, с виду сильные мужчины, заранее ищут хозяина, чтобы кормиться с его стола, заискивая, услуживая. Другие, на вид слабые, никогда кланяться не будут, предпочитая нищую свободу и самостоятельность. На уровне тела первые почти всегда выигрывают.

Есть ли масоны в провинциальной России? Конечно. Во всех крупных городах, в каждом областном центре уже открыто работают ложи, первичные организации «вольных каменщиков». Большинство их членов — очень влиятельные люди. В Туле среди них есть редакторы и ведущие корреспонденты известных газет и телеканалов, обитатели «белого дома», банкиры, крупные предприниматели, профессора и преподаватели университетов, писатели, художники, режиссеры, артисты. Есть среди них даже православные священники, работники силовых ведомств и представители криминальных структур. Многие находятся на низших степенях посвящения, им внушают, что стать масоном большая честь, что масоны — это люди, обеспечивающие мировой прогресс и движение к свободе, равенству, справедливости. Обязательно перечисляют список видных единомышленников. Новообращенный узнает, что более половины европейцев и американцев, фигурирующих в школьных учебниках начиная с XVII века — масоны. Говорят неопитам, что профанический мир поражен многими социальными язвами, религиозными, национальными, классовыми перегородками, из-за которых люди убивают и насилуют друг друга. Масоны же, мол, отвергают эти предрассудки, и объединяют всех здравомыслящих людей, готовы работать для свободы и прогресса, ведя мир к благоденствию, планете без голода, войн, насилия, ненужных

границ. Многие так и остаются на низших степенях посвящения, с помощью магических ритуалов приобщенные чему-то им несущественно. Истинный смысл ритуалов для них не раскрывается, дается облегченное толкование действий, производимых с их участием (в каждой ложе ритуалы несколько отличаются). На более высоких степенях посвящения, куда допускаются особо верные и способные, человеку приоткрывается более глубокий смысл происходящего, дается другая концепция миропонимания, включая легенду об Адонае, добром и злом Богами, специфически интерпретируются общезвестные исторические факты. Если человек не пугается приоткрывшихся ему мрачных тайн и остается верным, для него открывается доступ к высшим степеням посвящения, о которых непосвященным, в том числе мне, известно мало. Можно лишь догадываться, кто находится на вершине масонской пирамиды, и человек ли это, но степень могущества интернациональной масонской элиты сейчас, действительно, как никогда высока.

Чем же отличается империя от просто государства? Национальное государство подразумевает сравнительно однородность, титульную нацию, единую культурную, историческую и культурную общность, претензии людей, там живущих, на общую территорию. Империя в переводе с латыни означает верховную власть — то есть в империи подразумевается верховная власть кого-то (народа или интернациональной элиты) над другими нациями. СССР, без сомнения, был империей, а сейчас создается мировая империя под руководством подконтрольных мировому правительству наднациональных элит. Каждый должен знать «этапы большого пути» новой грандиозной постройки. Начиналась новая империя в средневековье деятельностью масонских лож и близких им политиков, интеллектуалов. В XX веке были созданы объединительные структуры — Римский и Бильдербергский клубы, Трехсторонняя комиссия, МВФ. Эпохальными событиями стали распад Варшавского блока и СССР, объединение Европы. Двадцать пятая сессия известного форума в Давосе, в 1996 году, официально утвердила глобализацию как «приоритетное направление развития человечества в прошлом, настоящем и будущем». В 2001 году, в Генуе, была произведена инаугурация мирового правительства, которое официально поставило своей целью ввести человечество в состояние «устойчивого развития». В 2002 году, в Кананаскисе, кажется, было продолжено формирование транснациональных управленческих структур, одним из главных направлений деятельности которых было признано «введение единых стандартов удостоверений личности и способов ее биометрической идентификации и отслеживания всех перемещений, заработков, покупок». Скоро у мирового правительства будут беспрецедентные рычаги власти, более мощные, чем, например, у Гитлера, Сталина, в Эвиане, в 2003-м, на форуме присутствовал уже расширенный объем участников, чтобы создать как бы демократическое большинство, сделав принятые решения обязательными для исполнения, вплоть до «согласованной редукции несогласных». Конечная цель — «формирование глобального информационно-сетевого общества», единый планетарный рынок, единая философия потребления, единая массовая культура. При этом философия и убеждения мировой верхушки не обсуждаются, наше дело молчать и подчиняться. Мы на глазах теряем свободу передвижения, свободу распоряжаться своими личными деньгами, теряем даже свободу убеждений! Если мои или ваши убеждения не слишком полит-

корректны, то вы потенциальный террорист и подлежите «согласованной редукции». Оруэлл, как говорится, отдыхает. Нам всем пора осознать: мы живем в условиях построения нового рабовладельческого общества, причем его строители вводят его явочным порядком, для маскировки прикрываются фальшивыми целями до профанов. Технологи отработаны до мелочей, сначала делают так, чтобы непосвященные не могли сопротивляться новым законам, а затем уже объявляют эти законы, прикрываясь благовидными целями.

Многие будут смеяться, но сатанизм уже выгоден, моден, прогрессивен, став мягким, удобным для исповедующих его, а верность христианским, иудейским, мусульманским принципам сопровождается массой неудобств. Интернет заполнен педофилией, предложениями совместно покончить жизнь самоубийством, публично вступить в половую связь, многие хотят, чтобы их убили и съели! А ведь это ритуальные действия людей, хорошо понимающих, кому они себя посвящают. Мы уже давно живем в эпоху бытового, неосознанного сатанизма, теперь же, чтобы войти в элиту, быть успешным, людей, похоже, заставят демонстрировать осознанный сатанизм.

Существует великая тайна смерти, послесмертия. Я не могу порой внутренне отвести от смерти взгляд, так она завораживает.

Самое страшное не то, что человек ошибся, — если сего станет мучить совесть, и он раскается, это порой ценнее, чем равнодушная безгрешность, — ужаснее, когда человек перестает различать доброе и злое, теряет чувство совести, то есть Бога, пусть неосознанное. Вот где настоящий ад.

Вчера добирался из Москвы на маршрутном такси, мои земляки 22–23 лет, работающие в столице охранниками, строителями, сторожами, в очередной раз удивили меня. В больнице, являясь на прием, они сдерживаются, а тут они были анонимны, — я был единственным из посторонних, — они, перестав стесняться, пили водку и пиво, матерились, по-козлиному реготали, рыгали, непрерывно бахвалились друг перед другом, что кого-то «отстегнут, в натуре» (изобьют). Собирались «хором» иметь каких-то девиц — «отзвонись, бя, в натуре, кобылам». Курили в салоне, пачкали сиденья ногами, рыдали — «растроился я из-за своих пацанов, люблю тебя, Виталик, в натуре, колдун я ё-ный, будь я проклят». Виталик молился на пол, их рвало... Несколько раз, вместе с водителем, я пытался их урезонить — они угрожали! В конце пути салон «газели» весь, буквально весь, простите, был измазан рвотой, испражнениями. Я вышел в своем темном, не отапливаемом октябрьском городке и отчетливо понял, что у моей родины незавидное будущее. Русские потеряли не только власть, заводы, газеты и телевидение, но еще и огромную часть молодежи. Эта часть нежизнеспособна и погибнет в ближайшие десять-пятнадцать лет от наркотиков, алкоголя, гепатитов, СПИДа, взаимного насилия. Старики умрут в силу естественных причин, в холодных квартирах, с нищенскими пенсиями. Если ничего не менять, опустевшая земля и далее будет заселяться китайцами, вьетнамцами, афганцами, выходцами из бывших республик Советского Союза. Нефтеносные и газоносные территории, трубопроводы, станции транспортировки газа и нефти будут находиться под контролем послушного Западу режима, в случае же политической не-

стабильности их станут охранять армии западных стран. Россия в нынешних границах сохранится, только если мировое правительство решит, что так им выгоднее, — в единой стране меньше транспортные тарифы, меньше расходы на управление... Если же нет, мы не сможем противостоять распаду страны. В этом случае европейскую Россию ждет очень тяжелая жизнь без нефтяных и газовых денег. Существование громадных мегаполисов Москвы и Петербурга в нынешнем виде станет проблематичным, русская культура окончательно станет периферийной, язык будет стремительно дрейфовать в сторону англо-американского, православие окажется далеко не первым в ряду «единого экуменистического пространства»... Я очень хотел бы ошибаться.

У нас до такой степени управляемая «демократия», что наши порядки вернее называть «олигократией». Несколько сотен человек, присвоивших огромную часть российской природной ренты, часть прибывлей пускают на подкуп и содержание власти, прессы, судов, продолжая захват и скупку еще неподконтрольных им прибыльных бизнесов в энергетике, химической отрасли, металлургии. Эти люди покупают депутатов и партии, имея послушных ставленников на всех этапах политического управления. Этим людям не нужны провинциалы, потребляющие часть природной ренты, не нужны сильные российская армия и другие силовые структуры. В случае гражданского или международного конфликта наших олигархов будут защищать иностранные армии, ведь большая часть их собственности зарегистрирована за рубежом. Более того, «своя» армия, «свое» государство — потенциальные враги олигархов и многих политиков. Учитывая пожелания западных патронов и свои экономические соображения, используя свое влияние на Думу, президента и правительство, прозападные политики и олигархи держат народ, нашу армию, ВПК, образование, науку на голодном пайке, чтобы они продолжали деградировать. Наша армия финансируется в небольшом объеме, чтобы она могла выполнять полицейские функции, но не имела возможности, в случае необходимости, защитить страну от армии США и объединенных войск Европы. Наши ракетные комплексы и подводные лодки круглосуточно сейчас отслеживаются, каждую подводную лодку, находящуюся в нейтральных водах, пасут несколько лодок и кораблей США и Англии. Если наша лодка вздумает пускать ракеты, она будет в течение нескольких минут уничтожена этим своим сопровождением, в точности как лодка «Курск». Российские стратегические бомбардировщики уже лет десять как устарели и потому будут уничтожены в первые же часы войны, на земле или в воздухе. Наши главные силы, ракеты «СС-20» с разделяющимися боеголовками, списываются на переработку по двести в год, а производится в стране за год шесть-семь ракет «Тополь» с моноблочной головкой. Эти моноблочные ракеты, в таком количестве, на взлете и даже до взлета будут уничтожены мощнейшими противоракетными системами США и НАТО. Россия почти уже на коленях, и порой честнее было бы видеть по телевизору выступающих олигархов и военных представителей США, НАТО, истинных наших властителей, а не их русскоговорящих, благообразных, лживых посредников.

Россия почти разгромлена, сейчас мировое правительство разбирается с мусульманами, а в самом конце возьмется за Индию и Китай. Если все пойдет по плану, на этом установление мирового господства будет закончено, количество евразийцев будет сильно сокращено,

и такое может наступить рабство, что жить не захочется. Очень хотелось бы ошибаться.

Можно ли сопротивляться тому, что происходит, в условиях крайней аполитичности народа, при сегодняшней нашей разобщенности? Сомневаюсь. Из телевизора на людей вываливается огромное количество противоположных идей, авторитетных мнений, в результате неподготовленный человек полностью теряет способность ориентироваться в жизни, у него нет своего мнения, он полагает, что все сложное в экономике, политике и культуре сделает за него элита. Меж тем наша элита, в большинстве своем, обычных россиян презирает, покупая для своих нужд тех, кто продажнее. И ведь платят сущие крохи — обычную зарплату журналиста, возможность иметь небольшой пост где-нибудь в провинции. Например, автору, написавшему детектив с убийствами, расчлененкой, изнасилованием детей, платят лишь триста-четыреста долларов, но некоторые и за двести, сто долларов готовы сделать любую мерзость, и сейчас востребованы именно такие.

Иной раз объяснить — значит подчинить, завоевать, присвоить. Психологи, литературные критики, политики это хорошо знают. Право на оценку, на интерпретацию подсознательно связывается с правом на власть.

Говорят, многие зарубежные слависты еще недавно субсидировались ЦРУ. Именно через славистов, зарубежные гранты и премии часто промывались мозги нашим литераторам, возомнившим себя общемировыми величинами. Оказалось, за вниманием к русской литературе стояло внимание к русской военной и политической мощи. Теперь слависты остались без работы.

«Иудаизм без Бога» — вот религия Гоббса, фон Хайека, Поппера, Сороса, Жакоба, Глюксмана. Ортодоксальный иудей стремится к самоизоляции от гоев, поэтому Бог мешает нынешним хозяевам мира. Лео Штраус, например, один из вдохновителей нового мирового порядка, поклонник Макиавелли и Маймонида, был не только антикоммунистом, но и воинствующим безбожником. Его ученики — Алан Блум, Джон Ашкрофт, Абрам Шульск, Зеев Хейфец, Пол Вульфовитц, Ричард Перпл, Дуглас Фейт, Давид Вурмсер, Збигнев Бжезинский, являются интеллектуальными лидерами нынешней Америки. Два десятка учеников Лео Штрауса, Милтона Фридмана, Бернарда Льюиса занимают ведущие посты в администрации Буша, разрабатывают стратегию Пентагона. Книжки, выступления этих людей нужно тщательно изучать, ведь они влияют на российскую жизнь больше, чем некоторые декоративные отечественные политики. Именно эти люди, вкупе с западными финансовыми воротилками — прямыми или опосредованными учителями, вдохновителями, а часто и просто хозяевами российских радикал-либералов.

«Исследовательские институты», ведущие идеологическую войну на всех мировых фронтах, сами американцы называют «think-tanks» — танки мысли. Действительно — идеи, мысли сейчас, в условиях информационного глобального общества, сильнее, чем танки. Российские политики, генералы этого долго не понимали, продолжая штамповать железяки. Вместо того чтобы субсидировать мозговой штурм стремительно меняющейся действительности, наша застойная верхушка превратила марксизм — устаревшую, ограниченную, да к тому же

антихристианскую теорию — в идейную догму, которая отравляла жизнь всей стране, душила необходимостью демонстративно присягать на верность этой мертвой и противостественной демагогии. В России не развивались философия, психология, идеология — и нас победили именно на этом уровне. Между тем именно идеи определяют ход истории, а не экономическая надстройка! Нас ведь победили идеями, мы сами потом разрушили свою экономику.

Главный смысл человеческой жизни — совершение личного выбора меж светом и тьмой, добром и злом, верхними и нижними слоями разумного космоса. Каждый свободен оспаривать, что именно считать светом и тьмой, делая выбор по свойствам своей души, сердца, совести.

Человеческая душа, похоже, все же идет от рождения к рождению, набираясь опыта, подходя к необходимости сделать выбор, пока не совершит его. Некоторое время человека и дальше испытывают в его выборе, а потом забирают навсегда. Дальнейшая его жизнь на земле терять всякий смысл.

Социализм, в русском исполнении, отрицал самую необходимость этого свободного выбора, превращая людей в фальшивых апологетов недостижимых «социальной справедливости», «равенства». А мы не для этого рождены, и потому социализм как феномен, затрудняющий свободный осознанный выбор, был сметен историей, Богом.

Мало умом принять решение, мозг должен прийти в соответствие с сердцем, лишь тогда этот выбор признают окончательным.

В небольших промышленных русских городах, таких, как Щекино, Новомосковск, Узловая, живет, в большинстве своем, второе-третье поколение выходцев из деревень. Эти люди ушли от земли, но до города многие понастоящему так и не дошли, не зная цены образованию, профессионализму, храму, книге, театру. Их души неприкаяны, они так и не нашли себе пристанища в мире, а потому стараются этот неуютный для них мир и себя, бесполезных, разрушить — городским вандализмом, наркотиками, пьянством.

Большая человеческая и наша личная история, видимо, имеет лишь небольшие возможности дрейфа. Мы свободны в интонациях, выборе собственного отношения к происходящему, само же великое действие истории, похоже, нам не подвластно. Но пытаться что-то изменить все-таки нужно, даже на краю гибели, даже в безнадежной ситуации. Сопротивляясь, мы не даем тьме поглотить нас.

По сути, мы имеем дело с опаснейшей сектой самобуйиц, которые захватили власть в мире. Они не верят в Бога, надеются выжить за счет эксплуатации, уничтожения других, но это ошибка.

И сейчас для России еще не все потеряно. Есть земля, которая кормит нас, храмы и монастыри, заводы, погосты, книги, наш великий язык, и потому нельзя опускать руки.

Феликс КУЗНЕЦОВ

*Продолжение**Начало в №№ 1, 2, 3 2004 года*

Правда «ТИХОГО ДОНА»

Глава пятая

«Дактилоскопия» прозы

Запах чеборца

В криминалистике (а обвинения в адрес Шолохова носят очевидно криминальный характер) базовое значение имеет принцип дактилоскопии — идентификации личности по рельефным линиям, так называемым папиллярам рук, обладающим свойствами неопровержимой индивидуальности и устойчивости рисунка.

Подобный подход возможен и при идентификации личности автора литературного произведения, когда документально устанавливаются рельефные линии, фигурально выражаясь, «папилляры» его личной судьбы, которые нашли очевидное воплощение в произведении.

Эту работу — своего рода текстологическую дактилоскопию романа — мы осуществляли и в предыдущих главах, — исследуя рукопись «Тихого Дона», прогностические ее особенности, историческую и литературную судьбу таких опорных для романа фигур, как Харлампий Ермаков и Павел Кудинов.

Подобная текстологическая дактилоскопия преследует цель — исследовать историческое, информационное пространство «Тихого Дона» и соотнести его с совокупностью исторических, жизненных знаний и представлений автора, — совпадают они или нет?

Краеведческие исследования и поиски в этом случае могут дать особенно значимый результат. Именно они помогают нам ощутить тот аромат «донского чебора», которым наполнен «Тихий Дон» и который неразрывно связывает его с донской землей и проясняет проблему авторства.

Что это значит — «донской чебор»? Ни в одном из многочисленных словарей, в том числе и «Словаре казачьих говоров», слова «чебор» мы не нашли. И только в «Казачьем словаре-справочнике» — не только историческом, но и диалектологическом словаре — мы нашли ключи к этому слову:

«Чебрец, чеборец — душистая трава с лиловыми цветами... Называют ее также чебор»¹.

Краеведы собрали немало свидетельств того, как земляки Шолохова восприняли появление романа «Тихий Дон». Он при-

шел к ним в выпусках «Роман-газеты» — самого массового издания тех лет — и в книжках «Московского рабочего» и Госиздата. Вот одно из свидетельств того времени — его привел краевед Иван Данилов в своей «Книге народной памяти» — «Донской чёбор». Иван Данилов приводит слова казака Петра Трофимовича Шапрана:

«— Когда вышли первые части «Тихого Дона», читали книгу всем миром. Полстаницы собиралось на баз моего отца, где при организации колхоза сделали бригадный двор. Сойдутся, рассядутся в кружок прямо на земле — отец им читает... Стемнеет, а расходиться не хотят.

Просят читать дальше. Зажигали лампу, выносили во двор и читали дальше... Ну, а керосина-то тогда у всех намале было... Решили, что каждый, кто хочет слушать «Тихий Дон», пусть принесет полбутылки керосина...

Ничего похожего на эти чтения я в жизни больше не встречал: катались по земле от смеха, плакали, спорили... Многих героев угадывали по поступкам, по жизни, другие в романе прямо названы...

Вот комиссар Малкин... Тот, что шутя отправлял людей на расстрел. Был такой в самом деле. У тещи моей останавливался, когда приезжал в Букованскую. Зайтис в дом и, не раздеваясь, в сапогах — бряк на кровать... Лежит и наганом играет, подбрасывает его под самый потолок...

Позже работал он в Москве, потом в Сочи»².

Это не придумано. Книга народной памяти и по сей день хранит воспоминания о том, как встретили «Тихий Дон» на Дону, о людях, которые узнавали себя в героях романа.

«Тихий Дон» буквально соткан из реалитй той жизни, которой жили земляки писателя, которая пропущена через биографию, память и душу М. А. Шолохова. И ничего другого, поскольку роман насыщен огромным количеством таких подробностей, деталей, наконец, персонажей, реальных людей, явившихся прототипами многих героев, знать о существовании которых мы только человек, который прожил жизнь в этих местах. Эти реальные факты жизни, перенесенные воображением и гением писателя в роман и ставшие его художественной плотью, не вытравить никакой клеветой.

Обратимся к свидетельствам скромных вёшенских учителей Н. Т. Кузнецовой и В. С. Баштанник, которые, как и другие краеведы, бережно собирали эти крупинки народной памяти, устанавливая, что «Тихий Дон» таит в себе правду многих реальных человеческих судеб, характеров и ситуаций. Краеведы улавливали в ходе этих бесед такие тончайшие нюансы, детали, привязывавшие «Тихий Дон» к Шолохову, придумать которые невозможно.

Они встречались и беседовали с людьми, которые узнавали себя в персонажах романа. К примеру, с братьями Ковалевыми (по-уличному — Ковальковыми), которые дали жизнь в романе братьям Шумилиным (по-уличному — Шамилям): «...О братьях Ковалевых все так в Каргинской и говорят: «Вот это Шамиль»³, — свидетельствуют сельские краеведы. Они рассказывают:

«Мы встречались с сыном Мартина Шамиля, Петром Мартыновичем Ковалевым... Петр Мартынович вспоминает о своей семье, о родителях следующие: «Отец не особенно грамотный был. Мы читали вслух «Тихий Дон», а он, отец, тогда сказал: это Мишка написал про меня, записал нас, говорит, Шамилями. И мать он описывает. Когда отец пришел, а сын на могилках кричал, а отец хотел его застрелить, а мать говорит: «Ты что, я на сносях хожу...» Этот подлинный случай был описан М. А. Шолоховым в первом томе «Тихого Дона»⁴. И действительно, в первых главах третьей части «Тихого Дона» читаем:

«Сухое тлело лето...»

По ночам на колокольне ревел сыч. Зыбкие и страшные висели над хутором крики, а сыч с колокольни перелетал на клад-

бище, ископанные телятами, стонал над бурями затравешными могилами.

— Худому быть, — пророчили старики, заслышав с кладбища сычные выголоски.

— Война пристигнет. <...>

Шумилин Мартин, брат безрукого Алексея, две ночи караул прокладую тпшу под кладбищенской оградой, но сыч — невидимый и таинственный — бесшумно пролетал над ним, садился на крест в другом конце кладбища, сея над сонным хутором тревожные клики. Мартин непристойно ругался, стрелял в черное обвислое пузо проплывающей тучи и уходил. Жил он тут же под боком. Жена его, пугливая хворая баба, плодовая, как крольчиха, — рожавшая каждый год, — встречала мужа упреками:

— Дурак, истованный дурак! Чего он тебе, вражина, мешает, что ли? А как Бог накажет? Хожу вот на послебах, а ну как не разгуюсь через тебя, чертяку?» (4, 241—242).

Во второй книге романа, — продолжают свой рассказ сельские краеведы, — мы находим описание того, как голосила вдова Прохора Шамиля по мужу, погибшему на полях войны.

«Билась головой о жесткую землю жена Прохора Шамиля, грызла земляной пол зубами, наглядявшись, как ласкает вернувшийся брат покойного мужа, Мартин Шамиль, свою беременную жену, нянчит детей и раздает им подарки. Билась баба и ползала в корчах по земле, а около в овечью кучу гуртились детишки, выли, глядя на мать захлебнувшимся в страхе глазами.

Рви, родимая, на себе ворот последней рубахи! Рви жидкие от безрадостной, тяжкой жизни волосы, кусай свои в кровь искусовые губы, ломай изуродованные работой руки и беися на земле у порога пустого куреня! Нет у твоего куреня хозяина, нет у тебя мужа, у детишек твоих — отца, и помни, что никто не приласкает ни тебя, ни твоих сирот...» (2, 241—242).

Оказывается, и эти строки отражают подлинную человеческую трагедию, о которой сельским краеведам рассказала дочь Ивана Ковалева — прототипа Прохора Шамиля, — Дегтярева Агафия Ивановна, 78-летняя неграмотная казачка станицы Каргинской. Краеведы привели запись беседы с ней:

«Шолохов описывал за маму, книга такая была. Когда дядя Алексей ездил под Турцию, приезжал оттедова, мать пришла, услышала. Я как раз была на мельнице, там говорят, дядя приехал, отца нету, мать там все на себе порвала, последнюю рубаху она на себе рванула. Что в книге писалось, то и она точно, мать-то, говорила. Только он не написал, что Ковалева. Кто-то у нас читал книгу, мужчина стоял на квартире, преподавал в мясосовхозе, а он эту книгу читал вслух, ишо мать живая была, и мать заплакала. Отец не вернулся. Погиб под Турцией»⁵.

По словам Агафьи Ивановны, дядя ее, Алексей Ковалев, как и Алексей Шамиль, был без руки, но обладал большой физической силой, был участником всех драк и кулачных боев и носил своей культурой разящий удар. В первой книге «Тихого Дона» сказано об Алексее Шамиле так: «Хоть и безрукий, а первый в хуторе кулачник. И кулак не особенно, чтоб особенный — так, с тыкву-гравянку величиной; а случилось как-то на пахоте на быка осерчать, кнут затерялся, — стукнул кулаком — лег бык на борозде, из ушей кровь, насилил отужался».

Другой старожил станицы Каргинской Илья Емельянович Фролов также подтвердил краеведам сходство Ковалевых и Шамилей: «Фактически он Алешку Ковальчонка косоруко описывал, у него одна щека дергалась, у Шолохова так и написано»⁶. Вспомним описание драки на мельнице: «Безрукий Алексей — посеред двора; мечется по поджарому животу холостой, завязанный в конце рукав рубахи, всегдашней судорогой дергается глаз и щека».

«У Алексея Ковалева (Алексей Шамиль), когда И. Е. Фролов читал казакам вслух первое издание «Тихого Дона» в «Роман-газете», текли по щекам слезы, — пишут краеведы. — Громкая

читка состоялась прямо на улице станицы Каргинской, у магазина. Собралась толпа хуторян, а когда стало темно, то стали просить, чтобы читали еще, принесли для этого керосиновую лампу.

Михаил Александрович Шолохов хорошо знал братьев Шамидей. Петр Мартинович Ковалев рассказывает: «Шолохов жил вот тут, недалеко. Он приходил к отцу подстригаться, с братом они старшим играли». Старожилы показывали нам дом, в котором жила семья Шолоховых, он стоял через улицу, почти напротив усадьбы Ковалевых»⁷.

«Антишолоховеды» с высокомерием относятся к этим свидетельствам простых людей, земляков Шолохова, к кропотливому и крайне важному труду краеведов. Они оставляют этот труд «за скобками», на их труды не ссылаются и не берут их в расчет.

Между тем для прояснения вопроса об авторстве «Тихого Дона» свидетельства краеведов исключительно важны. «Тихий Дон», как никакое другое произведение, укоренен в донскую землю, он в прямом смысле этого слова почти «физиологически» растет из нее.

Аромат местности, как и аромат времени, приходит в произведение через жизненный опыт его автора, через его знание людей, природы, истории, обычаев, топографии и топонимики, то есть через реалии места и времени, которые не могут быть плодом писательской фантазии, но наоборот — питают ее. Это в особенности относится к Шолохову, который, как вспоминает жена писателя Мария Петровна, «не любил <...> ничего придуманного, неверного»⁸.

Через комплексное исследование всей совокупности этих конкретных реалий места и времени мы можем прийти к постижению того исторического пространства, которое было освоено автором и органически включено в произведение.

«Комиссар арестов и обысков»

Характеризуя «Тихий Дон», Павел Кудинов говорил К. Приймем: «Почти в каждой главе «Тихого Дона» повествуется о событиях и фактах, которые были в жизни. Вот, скажем, урядник Фомин действительно был избран командиром вешенского полка, открыл фронт красным, на телеграфный приказ генерала Краснова «образумиться» Фомин из Вешек послал генерала в таратары матерной бранью по телеграфу... Точно описаны перегибы комиссара Малкина, мятеж в Сердобском полку, который привел к нам и поставил на колени монархист командир Врановский»⁹.

Прояснению вопроса об авторстве «Тихого Дона» помогает проверка подобных реалий «Тихого Дона» жизнью действительной, которую можно вести лишь опираясь, в меру возможностей, на архивные материалы, на свидетельства очевидцев и участников событий, на результаты работы краеведов.

Историческая идентификация «событий и фактов, которые были в жизни», а потом составили основу «Тихого Дона», с неизбежностью выводит нас на автора романа, как того человека, который «пропустил» эти события и факты через свою «душу живую».

«Антишолоховедение» подобной работой практически не занимается, что и приводит его к курьезам.

К примеру, литературовед Дх в «Стремени «Тихого Дона», доказывая, что текст романа, написанный якобы Крюковым, «испорчен» добавлениями «соавтора-двойника», приводит в пример упомянутый выше эпизод с Фоминим. Литературовед Дх считает «психологически невозможными»⁹, придуманными «соавтором» (то есть Шолоховым) слова командира вешенского полка Фомина в ответ на приказ «образумиться» и «встать на позицию»: «Катись под такую мать точка Фомин» (4, 120).

Однако реальность и подлинность этой ситуации подтверждается не только приведенным выше свидетельством Павла Кудина, но и самим Красновым, который писал в воспоминаниях: «Фомин ответил площадной бранью»¹⁰.

Фигура Якова Фомина проходит не только через «Тихий Дон», особенно — четвертую книгу, но и через «Донские рассказы», «Поднятую целину» и — главное — непосредственно связана с биографией М. Шолохова.

Шолохов лично знал Фомина. Елена Серебряковская, часто встречавшаяся с Шолоховым, когда в журнале «Нева», где она работала, выходила вторая книга «Поднятой целины», записала рассказ Михаила Александровича о том, как он, будучи юным продавцом, попал в руки банды Фомина:

«Гражданская война. Он в том еще возрасте, когда зовут только Мишей, посакал на коне в какую-то станицу вечером к знакомой девушке. Коня привязал, зашел. А вскоре топот по дороге, — Фомин со своей бандой! Мать той девушки живо дала ему другую мужскую одежду, успел переодеться, но уйти не успел: Фомин уж в избе. Кричит, красноармейцем считает (а оно так и есть, по сути дела). Тут только и спасешься, если артистом станешь. Юн еще, белокур, скажись юнцом-несмышльником».

Может, Фомин и поверил, что это мальчишка, однако почему не покочевряться?

— Снимай рубаху! Если красноармеец — на плечах от ремней потертости увидим. Волоски там чуть покочерче будут.

Проверили. Плечи как плечи, нет следов.

— А теперь штаны задири, покажи ноги. Кто в сапогах ходит — на икрах следы найдем!

Тешится Фомин. А парень поточнее рассчитывает, как держаться, чтобы интерес к нему поостыл. Ну, проверили. Ну, оделся, застегивается. Жалкенький подросточек. Тихо спрашивает:

— Можно до ветру выйти?

Фомин хохочет — довели парнишку.

— Или, кому ты нужен!

Выходит неторопко. И — на первого же ближе стоящего коня, и — айда, только его и видели. А кому нужен? Тогда он еще не знал, что нужен всему народу, всей советской молодой литературе. Но уйти сумел. Матерого волка перехитрил. «Два часа в плену у Фомина был», — подытоживал он у смесхой»¹¹.

Документально подтверждено, что в 1921–1922 годах Фомин прошел через биографию Шолохова, когда его банда не раз захватывала Каргинскую, Вешенскую. Когда Шолохов — как он пишет в Автобиографии — «был продработником, гонялся за бандами, которые бушевали на Дону до 1922 года. Нередко банды гонялись за его отрядом»¹². Это личное знание Шолоховым Фомина и получило отражение в «Тихом Доне», прежде всего — в четвертой книге.

Знал Шолохов и еще одного «героя» «Тихого Дона» — комиссара Малкина, о «подвигах» которого рассказывает в романе казак-старобрядец:

«... — Расстреливали людей. Нынче одного, завтра, глядишь, другого... <...> Вот, к примеру, в Букановской станице... <...> Комиссар у них стоит с отрядом, Малкин фамилия... Собирает с хуторов стариков, ведет их в хворост, вынает там из них души, телешит их допрежь и хоронит не велит родным. А беда иная в том, что их станинскими почетными судьями выбирали когда-то. <...> И вот этот Малкин чужими жизнями, как бог, распоряжается...» (5, 397).

Устами казака-старовра Шолохов раскрывает главную причину Вешенского восстания — «смывание над людьми», то есть издевательства над народом, красный террор ради физического уничтожения казачества.

Как уже указывалось выше, 24 января 1919 года Оргбюро ЦК РКП(б) приняло секретную директиву за подписью Свердлова, которая декретировала фактическое уничтожение казачества как сословия, физическое истребление всех богатых ка-

заков и тех, кто выступает против большевиков, создание трибуналов, реквизиции, выселение казаков на Север и в Сибирь и заселение их земель выходцами из северных и средних областей России. Это было началом массового террора в отношении казачества, который получил наименование «раскачивания». Красный казачий командир Ф. Миронов так писал об этой политике геноцида в отношении казачества в своем письме Ленину от 31 июля 1919 года: «Уничтожение казачества стало неопровержимым фактом, как только Дон стал советским...»¹³

Одним из проводников этой каннибальской политики в отношении казачества на Дону и был комиссар Малкин.

«...Тем часом идет по плащу старик — Линек по-улишному. Идет он с уздечкой на свое гумно, кобылу обротать и весть, а ему ребята шутейно и сказали: «Иди, Малкин тебя кличет». Линек этот еретическим своим крестом перекрестился, — они там все по новой вере живут, — шапку еще на плащу снял. Входит — трусится. «Звали?» — говорит. А Малкин как заржет, в бока руками взялся. «Аб, — говорит, — назвался грибом — полезай в кузов. Никто тебя не звал, а уж ежели пришел, быть по сему. Возьмите, товарищи! По третьей категории его». Ну натурально, взяла его и зараз же в хворост». Другого старика Малкин отправил «в хворост», то есть на тот свет только за то, что у него борода «просьяной венник». «Откуда? Как по фамилии? — и иржет, — ишь, — говорит, — бороду распушил, как ливосин хвостик! Очень уж ты на угодника Николая похож бородой. Мы, — говорит, — из тебя, из толстого борова, мыла наварим!» (4, 255).

Разве мог написать такие беспощадные слова в адрес «комиссаров» и «большевиков» «комсомолец» Шолохов? — задаются наивным вопросом «антишолоховеды». Автор книги «Стремя Тихого Дона» главу тридцать девятую третьей книги романа относит к числу тех, которые «явно не принадлежат»¹⁴ «соавтору», то есть Шолохову, и, следовательно, разоблачение Малкина осуществил Крюков. Но дело в том, что комиссар Малкин был реальной исторической личностью, печально известной на Дону, его хорошо знал именно Шолохов. Его жена Мария Петровна рассказывала Прииме, что до замужества, еще когда жила с родителями, она хорошо знала комиссара Малкина, который раскачивал станицу Букановскую. «Кстати, он тогда стоял у нас на квартире. Шеголеватый был, на день менял по две-три шинели, а то ходил весь в коже. Я Мише об этом рассказывала...»

«— Да, — продолжал рассказ жены Шолохов. — С этим Малкиным мне довелось встретиться в Москве. Тогда он уже работал в ОГПУ. А его букановские дела я описал в тридцать девятой главе третьей книги «Тихого Дона». Там о нем ведет разговор со Штокманом казак-старовер... Из-за этой главы и была задрана публикация романа в журнале «Октябрь» почти на три года. Мало того, уже тогда, когда разрешили печатать третью книгу романа, эта глава, вернее, этот эпизод с комиссаром Малкиным был кем-то выброшен. Но в первом книжном издании «Тихого Дона» третьей книги я все-таки добился восстановления этого текста. Спустя четыре года мы с Малкиным встретились, а поговорить было не о чем...»¹⁵

Тот факт, что комиссар Малкин был не только реальным, но и значительным лицом в системе ЧК, подтверждает справочник «Кто руководил НКВД 1934—1941» (М., 1999). На его страницах мы видим фотографию человека с холемым лицом и властным взглядом и читаем:

«Малкин Иван Павлович (1899, с. Кузьминское Рязанской губернии — 02.03.1939). Родился в семье плотника. Русский. В КП с 09.18. Депутат Верховного совета СССР I-го созыва.

Образование. 3 класса церковно-приходской школы.

Далее сообщается, что в отрочестве и юности Малкин был слесарем, в 1918 году стал красногвардейцем, участвовал в ликвидации анархистского мятежа в Лефортове.

«В органах ВЧК-ОГПУ-НКВД: начальник агентуры Особого отдела 56 стрелковой дивизии 01.1919. — 08.1919; сотрудник для особых поручений при Реввоенсовете 9 армии 08.1919. — 1919»¹⁶.

В примечании сказано: «Подавлял казачьи восстания в станицах Усть-Медведевская, Слещевская, Букановская. В романе «Тихий Дон» выведен в образе одного из эпизодических героев».

Далее подробно сообщается о продвижении Малкина по службе: занимал ответственные должности в управлениях ОГПУ и НКВД на Кубани, в Калмыкии, Таганроге, Ставрополе, был слушателем 3-месячных курсов руководящих работников ОГПУ в 1932-м, после чего возглавлял ОГПУ в Сочи, был начальником Управления НКВД Краснодарского края.

«Арестован 02.12.1938; приговорен Военной коллегией Верховного Суда 02.03.1938 к высшей мере наказания. Расстрелян. Не реабилитирован»¹⁷.

Шолохов, видимо, встречался с Малкиным в 1932 году, когда тот в течение трех месяцев был на курсах руководящих работников ОГПУ в Москве. Донской край Малкин покинул в 1921 году, когда был направлен «резидентом в тылу белой армии»¹⁸ в Новороссийск. То, что в середине 20-х годов Малкин получил назначение в Сочи, а потом возглавлял все Краснодарское НКВД и стал членом коллегии ОГПУ, свидетельствует о его очень высоком положении и иерархии спецслужб, — г. Сочи был местом отдыха Сталина, а потому находился под особым присмотром ОГПУ и НКВД. Высокое положение и авторитет Малкина в системе ЧК подтверждает и тот факт, что в 1937 году он был выдвинут в депутаты Верховного Совета СССР первого созыва. Они избирались в Верховный Совет одновременно, от соседних областей: Шолохов — от Ростовской области, а Малкин — от Краснодарского края.

В газетах Краснодарского края во время избирательной кампании в ноябре 1937 года были опубликованы целые полосы, посвященные Малкину. Приведем текст его выступления на одном из предвыборных митингов в Туапсе:

«В 1919 году Реввоенсовет IX назначил меня начальником Особого полевого отдела этой армии. Части Красной Армии с боями пришли в Новороссийск. Я был назначен комиссаром обороны Новороссийска и первым председателем Новороссийского ЧК. В 1921 году по поручению партии и правительства я был командирован в тыл Врангеля, где выполнял ряд задач, имеющих большое значение. После этого меня послали на подавление контрреволюционного восстания на Кубани» (газета «Ударник», 26 ноября 1937 г.).

«Посмотрите на товарища Малкина, он — олицетворение диктатуры пролетариата, — звали его ораторы, выступавшие на митинге. — Его жизнь — непрерывная борьба с врагами революции, с врагами народа»¹⁹.

Однако прошел всего год — и в декабре 1938-го Малкин был арестован, а в марте того же года расстрелян.

В Российском государственном военном архиве нам удалось найти документальные свидетельства изуверженных «подвигов» комиссара Малкина на Верхнем Дону. Они — в деле № 391 (опись 3, фонда № 192). Это — фонд Управления 9-й Кубанской армии Северо-Кавказского военного округа за 1918—1921 годы, тот самый, где служил Малкин и который подавлял восстания казаков на Верхнем Дону. Дело № 391 называется так: «Донесения штабов экспедиционных войск армии о ходе ликвидации контрреволюционных мятежей в донских станицах (14 марта — 11 мая)», когда Малкин был, по его послужному списку, «начальником агентуры Особого отдела 56 стрелковой дивизии».

В деле № 391 (лист 39) хранится сводка (донесение) от 16 марта 1919 года, подписанная более красноречиво: «Комиссар арестов и обысков Особого отдела IX [армии] Малкин» 20. Вот, оказывается, какую должность занимал в то время Малкин: «комиссар арестов и обысков». Такие комиссары существова-

ли непосредственно при трибуналах, в особых «отделах розысков и объектов» и были сотрудниками ЧК.

В сводке документов «Филипп Миронов» (М., 1997) находим подтверждение не только существования на Дону «комиссаров арестов и обысков», но и характеристику их деятельности:

«...Назначенные на ответственные посты комиссары станиц и хуторов грабили население, пьянствовали, злоупотребляли своей властью, чинили всякое насилие над населением. <...>. Отдел розысков и обысков при ревтрибунале, а также те же комиссары при производстве обысков отбирали вещи и продукты совершенно незаконно, <...> с совершением физических насилиев. Эти действия, в особенности отдел розысков и обысков, настолько возбудили население района, что было признано необходимым возможно скорейшей разгон этого отдела, что, однако, не было приведено в исполнение. <...> Как будет видно дальше, одной из серьезных и главных причин всеобщего восстания в Хоперском районе была, несомненно, и террористическая по отношению к мирному населению политика ревтрибунала, руководимая неправильными указаниями из Граждупра, и несознательное толкование этих указаний руководителями трибунала, сначала председателя трибунала Германа, а затем Марчевского при непосредственном горячем участии сотрудников трибунала Цислинского и Демкина»²¹.

Как явствует из сводки-донесения Малкина, он действовал в полном соответствии с данными ему полномочиями:

«11-го марта приехал в станицу Букановскую и там арестовал 26 человек. Так как там был комиссар Урюпинского отделения Емин, то я поехал в станицу Славскую, в станице Славской был комиссар из Урюпинского отделения тов. Фролов, он и арестовал главарей. Я пошел в разведку и нашел все приговоры и постановления выборных (у восставших). Приговоры явно контрреволюционные, в которых говорится: очистить от красных Дон и т. д. Я по подписям приговора начал арестовывать — арестовал 30 человек. После этого ко мне приходит казак 23-й дивизии, называвшийся коммунистом, сказал, что «эти ваши аресты возмущают народ, все старики стонут от арестов, я еду к тов. Миронову, который должен принять меры». Он еще добавил, что «тов. Миронову предложено командовать 9 армией, и он не согласился, а едет будто бы в Москву...».

14 марта вечером, когда я был у полкитама 15 дивизии, пришел нарочный и сказал, кто-то приехал от Миронова и хочет освободить арестованных и передуть комиссаров Особого отдела. После того тов. Вишунников сказал, чтобы пригоститься.

Утром 15-го марта распространились слухи, что в Вешенской станице 11 марта восстали казаки, разгромив склад с оружием, убив комиссара арестов и обысков Особого отдела.

Около 12-ти часов приехал тов. Веревкин и говорил, что хутора Шакин, Астахов, Михеевский и Калининский подняли восстание и присоединились к восставшим уже станицам. Чтобы проверить слухи, мы послали в разведку и обнаружили восставшие заставы в количестве 50 человек. Нами были приняты меры, выставлены 4 пулемета и 50 человек вооруженных, которых я собрал из находившихся здесь красноармейцев и местных коммунистов»²².

Высказав неодобрение Миронову — в чем он был согласен с реввоенсоветом 9-й армии, требовавшим от Троцкого «по политическим соображениям отозвать Миронова из пределов Донской области» (в документе подчеркнуто Троцкий)²³, — Малкин в своем донесении докладывает о бое с восставшими казаками: «Мы все время удерживали позицию, поддерживали сильный огонь из пулеметов и винтовок, но напора не выдержали, так как их было человек 400, и решили отступить за Хопёр в хутор Пески, заняв позиции на буграх. Отступление провели без потерь, в Песках находилось нас 60 человек и обоз. Я послал нарочного в станицу Кумылженскую для поддержки, посланный мой человек мобилизовал всех фронтовиков (которые

охотно пошли), которых мы вооружили, и они яростно борются с восставшими стариками. По сведениям, проверенным мною, в восставшей станице Славской восставших около пятисот человек, вооруженных винтовками (не все), в остальных восставших станицах идет мобилизация, от 17 до 50 лет.

Восставшими руководят есаул Алферов и Гришин. Алферов и Гришин и атаман хутора Калининского издали приказ: всем тем, кто найдет меня и Фролова, расстрелять на месте и освободить всех арестованных нами в целом ряде хуторов и станиц.

Комиссар арестов и обысков Особого отдела IX Малкин»²⁴. В главе «Тихого Дона» о предательстве Сердобского полка рассказано и об этом бое: «Малкин из Букановской вынужден был отойти на двадцать верст севернее, в станицу Славскую, а потом, теснимый повстанческими силами, развивавшимися бешеное наступление и во много раз численно превосходящими малкинскую дружину, за день до ледохода переправился через Хопер, утопив несколько лошадей, и двинулся на станицу Кумылженскую» (4, 315).

Эта поразительная точность информации у Шолохова о перемещениях «дружинных» комиссаров арестов и обысков Малкина под давлением превосходящих сил восставших, описание его пути (станция Славская, Кумылженская, переправа через Хопер), дословно повторяющее малкинскую «сводку-донесение», убеждают нас в том, что автор романа, помимо устных источников, имел доступ к закрытым архивам НКВД-ОГПУ, в частности, к архиву так называемых «Экспедиционных войск».

По свидетельству Левицкой, работника издательства «Московский писатель», помогавшей опубликовать «Тихий Дон», Шолохов во время ее поездки в Вешенскую в июле 1930 г. сказал ей, что «получил разрешение ГПУ пользоваться всеми секретными документами, касающимися Вешенского восстания»²⁵. Получил еще до ее приезда в Вешенскую и, следовательно, использовал эти документы для работы над третьей книгой «Тихого Дона».

Это был исключительно важный источник информации, дополняющий и уточняющий устные рассказы участников событий на Дону в 1919 году, прежде всего — Харлампия Ермакова и других.

И в таком случае понятна осведомленность автора «Тихого Дона» еще об одном событии, описанном и в романе, и в «историческом очерке» Павла Кудинова, — о мятеже в 204-м Сердобском полку.

204-й Сердобский полк

Шолохов неоднократно говорил о своей работе в архивах, когда создавал «Тихий Дон», имея доступ, в частности, к архиву ГПУ, к секретным документам, касающимся Вешенского восстания. Это, на наш взгляд, — еще один, исключительно важный аргумент в навязанном нам споре об авторстве «Тихого Дона»: кто еще, кроме него, мог быть допущен в ту пору к этим «сверхсекретным документам»?

Писатель в своей работе над романом опирался на комплекс источников информации о мятеже Сердобского полка. Это и архивные данные, и устное предание вкуче с личными впечатлениями и воспоминаниями его участников и современников (судя по данным архивов, 204-й Сердобский полк, базировавшийся в станице Усть-Хоперской, вел боевые действия и в хуторе Плешакове, где в ту пору жил Шолохов). Хуторскую «сотню», которая боролась здесь с красными, возглавлял хорунжий Павел Дроздов, в чьем курене и проживала семья Шолоховых.

Приведем донесения о боевых операциях 204-го Сердобского полка накануне мятежа (иногда в документах его сокращенно именуют 4-м Сердобским полком). Первые сведения об этом полке содержатся в приказе № 230 по IX армии карательному отряду Лазовского, отданном 15 марта 1919 года:

«В районе станиц Мигулинской, Казанской и Вешенской вспыхнуло контрреволюционное восстание, распространившееся в сторону IX Армии и угрожающее коммуникационным линиям армии. Границей восставшего района с востока является линия Терновская–Еланская–Горбатовская–Краснокутская. Для предупреждения роста восстания на Дону и беспощадной окончательной ликвидации его в этом районе приказываю образовать карательный отряд под командованием тов. Лазовского при начальнике штаба тов. Гомановском в составе 5 Замаурского конного полка при Конной батарее, 4 Сердобского пехотного полка, Московского Губернского пехотного полка, противоаэропланной батареи 23 дивизии и 2 заградительного отряда.

Задачей карательного отряда — уничтожить восставших и утвердить Советскую власть и порядок в районе Вешенской, Бовковской, Мигулинской, Казанской.

Во исполнение сего приказываю: <...>

4 Сердобский пехотный полк — сосредоточившись в Усть-Хоперской, следовать походной колонией через Еланскую на Вешенскую, где и получить дальнейшие задания от командира отряда²⁶.

Однако сведения «колонной» не получились. Из донесений командира карательного отряда следует, что «перед Плешаковым наступление было приостановлено ввиду отхода заградительного отряда. Противник этим воспользовался»²⁷.

Следующая телеграмма (датирована 12 апреля, 13 часов десять минут), направленная из станицы Усть-Хоперской начальнику экспедиционных войск 9-й армии, гласила: «Донскую, что в шесть часов противник силой около шести сотен с одним орудием атаковал полк... Убито двадцать пять человек. Убит командир полка. Противник отошел к Матвеевскому — Плешакову... На должность командира полка вступил командир 1-го батальона Слезкин»²⁸.

Но уже через день в штаб 9-й армии поступила новая, уточняющая телеграмма: «Доложите реввоенсовету что только что сейчас пришли биглецы (так. — Ф. К.) из Сердобского полка которые захватили с собой два пулемета и (неразборчиво — Ф. К.) человек команды по их словам Командир Сердобского полка и Командир Третьего батальона того же полка были застрелены измены Командир жив и невредим Телеграммы об убийстве послана самим Врановским сейчас всех биглецов опросим с представителем ревтрибунала армии и подробно донесем»²⁹.

Следом командование 9-й армии получило еще одно донесение: «Сердобский полк перешел на сторону казаков и обезоружил 2-й заградительный отряд. Лазовский взят на переправе у Ярского»³⁰.

Как мы помним, командир карательного отряда Лазовский, плененный и зверски убитый казаками, и его начальник штаба Гомановский входят в число действующих лиц романа «Тихий Дон».

Можно предположить, что ложное сообщение в телеграмме о смерти командира Сердобского полка Врановского понадобилось для того, чтобы прикрыть его тайную поездку на переговоры о сдаче полка, о чем и рассказано в «Тихом Доне».

В телеграмме от 15 апреля, подписанной командующим Гиттисом, говорится: «204-й Сердобский полк обезоружил 2-й заградительный отряд и, убив своего комполка, перешел на сторону повстанцев-казаков»³¹.

В следующей телеграмме сообщается, что на сторону противника перешло «триста восемнадцать штыков с двумя орудиями и десятью пулеметами»³².

Материалы архивных донесений помогают нам глубже понять суть повествования в «Тихом Доне» о мятеже в Сердобском полку, и, в частности, — тайный визит его командира к противнику с предложением о сдаче. Командир Сердобского полка в романе именуется не Врановским, но Вороновским — его казаки

«взяли» в районе хутора Бахмуткина — соседнего с хуторами Кривским и Плешаковым, а также станицей Усть-Хоперской, то есть там, где реально действовал полк и сотня Павла Дроздова. В романе приводятся близкие к архивным сведения о числе полученных повстанцами «надежных» штыков: «их оказалось сто девяносто четыре человека. <...>

Остальные сердобцы, восемьсот с лишним человек, были направлены пешим порядком по-над Доном в Вешенскую...» (4, 346).

Шолохов указывает и точную дату сердобского мятежа, совпадающую с датой телеграммы Гиттиса: «27-го, уже в сумерки» (4, 316) (14 апреля по новому стилю) Штокман и Иван Алексеевич получают предупреждение от солдат-сердобцев о начале бунта. Все это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что, работая над романом, Шолохов опирался не только на устные источники, но и широко использовал материалы закрытых архивов, которые и помогли ему воссоздать документально точную — вплоть до даты — картину мятежа Сердобского полка, охарактеризовать развитие этих драматических событий, равно как и выяснить истоки бунта.

Как установил С. Н. Семанов по архивным данным, 4-й Сердобский полк прибыл на Южный фронт в составе 3-й Уральской дивизии. В феврале 1919 года (очевидно, вследствие больших потерь) он вместе с другими частями (скорее всего — с остатками их) был влит в состав 23-й стрелковой дивизии и стал официально называться 204-й Сердобский стрелковый полк³³. «Таким образом, — заключает Семанов, — новая часть состояла из остатков некогда боеспособного подразделения, пополненного новобранцами»³⁴.

Семанов приводит сведения из документальных материалов 23-й стрелковой дивизии за март-апрель 1919 года о том, что командиром 204-го Сердобского полка был Виталий Врановский, бывший штабс-капитан царской армии; помкомполка — Виктор Волков, бывший поручик, оба они, судя по домашним адресам, родом из города Сердобск³⁵.

Видимо, Шолохов изучал те же архивные источники, поскольку он дает историю Сердобского полка с документальной точностью:

«Сердобский полк наспех сформировался в городе Сердобске. Среди красноармейцев — сплошь саратовских крестьян поздних возрастов — явно намечались настроения, ничуть не способствовавшие поднятию боевого духа. В роте было удручающе много неграмотных и выходцев из зажиточно-кулацкой части деревни. Комсостав полка наполовину состоял из бывших офицеров; комиссар — слабохарактерный и безвольный человек — не пользовался среди красноармейцев авторитетом; а изменники — командир полка, начштаба и двое ротных командиров, задумав сдать полк... вели преступную работу...» (4, 316).

Шолохов, несколько изменив фамилию командира полка, дал точную фамилию его помощника — «бывшего поручика Волкова» (4, 313).

Факт перехода Сердобского полка на сторону восставших не обошел вниманием и Павел Кудинов в своем «историческом очерке»:

«28 марта (то есть 10 апреля по новому стилю. — Ф. К.), — пишет он, — будучи на фронте 2-й дивизии, я получил телеграмму от командира 4-го Сердобского Сов [етского] полка следующего содержания: «Я, командир 4-го Сердобского полка, от имени всех солдат приветствую братьев восставших казаков и ныне со своим славным полком присоединяюсь к рядам доблестной армии восставших. Станица Усть-Хоперская занята мною. Комиссары переловлены и расстреляны. Веду бой с красными. Жду распоряжений. Врановский»³⁶.

Память несколько подвела Кудинова, и в определении даты мятежа Шолохов ближе к правде. Судя по данным архивов, мятеж случился 14 апреля. Телеграмма Врановского была направлена Кудинову, когда мятеж был уже подавлен.

Братья Дроздовы

Для прояснения проблемы авторства «Тихого Дона» на основе текстологической «дактилоскопии» романа немалое значение имеет не только устное предание, не только работа автора в архивах с «секретными документами», касающимися восстания, но и наблюдения, переживания самого Шолохова. Мы только что убедились в этом на примере «комиссара арестов и обысков» Малкина, когда личные воспоминания М. А. Шолохова и его жены Марии Петровны были подтверждены материалами архивов.

Описание мятежа Сердобского полка в «Тихом Доне» опирается также на собственные юношеские впечатления писателя, поскольку, как уже говорилось, мятеж случился в станице Усть-Хоперской — недалеко от хутора Плешакова, где жила семья Шолоховых и где Сердобский полк вел бои с казачьими сотнями, одну из которых возглавлял хорунжий Павел Дроздов, на чьей квартире Шолоховы жили.

Памятя о словах Павла Кудинова, что «почти в каждой главе «Тихого Дона» повествуется о событиях и фактах, которые были в жизни», приведем на этот счет еще одно свидетельство Шолохова, — с тем чтобы следом соотнести его с другими фактами и документами, подтверждающими его истинность.

Харлампий Ермаков не был единственным прототипом Григория Мелехова.

На вопрос Приимы, как был найден образ Григория, М. А. Шолохов ответил: «В народе... Григорий — это художественный вымысел. Даясь он мне не сразу. Но могу признать: образы Григория, Петра и Марьи Мелеховых в самом начале я писал с семьи казаков Дроздовых. Мои родители, живя в хуторе Плешакове, снимали у Дроздовых половину куреня. Мы с ними жили под одной крышей, и я для изображения портрета Григория кое-что взял от Алексея Дроздова, для Петра — внешний облик и его смерть — от Павла Дроздова, а для Дарьи многое позаимствовал от Марии, жены Павла, в том числе и факт ее расправы со своим кумом Иваном Алексеевичем Сердиновым, которого в романе я назвал Котляровым... Братья Дроздовы, — продолжал Шолохов, — были простые труженики, ставшие на фронте офицерами... А тут грянула революция и гражданская война, и Павла убивают. В глубоком яру их зажали и потребовали: «Сдавайтесь миром! А иначе — перебьем!» Они сдались, и Павла, как офицера, вопреки обещанию, тут же и убили. Вот это мне крепко запомнилось. А потом его тело привезли домой. В морозный день. Я катался на коньках, прибегаю в дом — тишина. Открыл на кухню дверь и вижу: лежит Павел на соломе возле пылающей печи. Плечами подперев стену, согнув в колене ногу. А брат его, Алексей, поникший, сидит напротив... До сих пор помню это... Вот я в «Тихом Доне» и изобразил Григория перед убитым Петром... Так же были взяты из жизни эпизод убийства Дарьей кума своего Котлярова и получение ею пятисот рублей наградных из рук генерала за эту расправу... Тогда, в хуторе, я хотел было побегать на площадь, посмотреть генерала, но отец меня не пустил: «Нечего глазеть на палачей!»... В разработке сюжета стало ясно, что в подоснову образа Григория характер Алексея Дроздова не годится. И тут я увидел, что Ермаков более подходит к моему замыслу, каким должен быть Григорий»³⁷.

Таковы личные воспоминания писателя, которые легли в основу ряда страниц «Тихого Дона». Частично мы их уже привели в главе, посвященной Харлампию Ермакову. Могут сказать, что личный опыт Шолохова о времени и обстоятельствах Вешенского восстания ограничен его подростковым возрастом. Но это возраст тайл в себе и немалые плюсы — свежесть и остроту взгляда, неумное мальчишеское любопытство, неугомонность и бесстрашие в поиске впечатлений.

Мы уже ссылались на результаты экспедиции по вешенской округе, которую провели краеведы Н. Г. Кузнецова и В. С. Баштанник в поисках живых прототипов романа «Тихий Дон». На их вопрос, не был ли кто в хуторе Плешакове похож на Григория и Петра Мелеховых, «...старый казак Алексеев Иван Алексеевич воскликнул: «Какие Мелеховы? Это же Дроздовы ребята, Алексей и Павел, а Дарья, Петрова жена, это — Мария, Мария Андреяновна»³⁸.

В дальнейших беседах со старыми казаками краеведы старались выяснить, в чем же находили хуторяне сходство между Мелеховыми и Дроздовыми.

«Павел Дроздов напоминал Петра Мелехова даже внешне. Когда мы слушали Наталью Васильевну Парамонову, родную племянницу Павла и Алексея Дроздовых, мы находили это внешнее сходство с портретом Петра, данным в «Тихом Доне»: «небольшой, курносый, в буйной повителе пшеничного цвета волос», «с пшеничного цвета усами». Наталья Васильевна говорит: «Дядя Павел был беленький, он был небольшого роста. Я дядю Павла помню, фотокарточка видела и живого все-таки помню его. Красиво он одевался, полушубок у него был вот тут опушенный. Дядя Павел офицер белый был».

Старый казак хутора Кривского Дергачев Матвей Иванович в молодости был знаком с братьями Дроздовыми, встречался с ними на плешаковской мельнице; Алексея он видел в последний раз, когда тот вернулся с германской войны. На наш вопрос, находил ли он сходство между Павлом Дроздовым и Петром Мелеховым, он твердо сказал: «Это не то что похоже, это точно, никуда не денешься, ведь он же был командир восставшей сотни в 1919 году».

И погиб Павел Дроздов так же, как Петр Мелехов в «Тихом Доне». Старожилы хорошо помнят, как жена Павла Мария Дроздова, охваченная злобой и чувством мести, убивала своего кума, Сердинова Ивана Алексеевича, который выведен в романе как большевик Котляров Иван Алексеевич»³⁹.

В памяти жителей хутора Плешакова сохранилась сцена, как Мария Дроздова убивала своего кума: «...она крикнула ему: «Расскажи, кум, как ты моего мужа убивал...» и стала избивать его, несмотря на то, как говорит Наталья Васильевна Парамонова, «он просил ее, что, кум, я не бил кума» (они кумовья), потом Мария выхватила винтовку у рядом стоявшего конвоира и выстрелила в Ивана Алексеевича»⁴⁰.

Любопытно, что пути Алексея и Павла Дроздовых разошлись, как и пути Григория и Петра Мелеховых. Наталья Васильевна Парамонова вспоминает: «Дядя Павел — офицер белый был, это известно. А уж вот дядя Алешка, этот же в красных служил...»⁴¹

Краевед Г. Я. Сиволов продолжил исследование истории семьи Дроздовых в хуторе Плешакове.

«По воспоминаниям старожилов, — пишет он, — братья Дроздовы (Павел и Алексей) были похожи на братьев Мелеховых, особенно Павел — небольшого роста, коренастый, с лихо закрученными пшеничного цвета прокуреными усами. <...>

В конце 1917 года с германского фронта братья Дроздовы вернулись домой живыми и здоровыми. Павел пришел в чине хорунжего, с двумя Георгиевскими крестами, Алексей — без чинов и наград»⁴².

В феврале 1919 года, — сообщает далее Сиволов, — в Плешакове вступили части Инзенской революционной дивизии красных, после ухода этих частей стали на правобережье прибывать карательные отряды, «начались обыски, аресты, самовольные расстрелы. <...> Казаки, возмущенные несправедными арестами, потянулись к оружию, у кого не было винтовок, вооружались шашками и пиками, сядились на коней. В Кривском и Плешакове в считанные часы сформировалась дружина <...> Из казаков Кривского и Плешакова хуторов сформировалась сотня, ее командиром выбрали хорунжего Павла Григорьевича Дроздова»⁴³.

Так началось в Пешлакове восстание.

«В первые дни восстания, — пишет Г.Я. Сиволов, — Михаил Шолохов стал свидетелем гибели командира пешлаковской повстанческой сотни хорулжего Павла Дроздова, на квартире которого он жил, а также расправы над пленными красноармейцами и еланскими ревкомовцами.

Хутор Пешлаков оказался в центре боевых действий повстанцев с красными, на его улицах возникали перестрелки и рукопашные схватки»⁴⁴.

Гибель Павла Дроздова, как и гибель Петра Мелехова в романе, случилась в самом начале восстания. Пытливые краеведы нашли людей, которые хорошо помнили, как это было.

В романе Петр Мелехов, командир повстанческой сотни, был убит в марте 1919 года. И действительно, архивные документы свидетельствуют, что 18 марта 1919 года в районе хутора Кривского, соседнего с Пешлаковым, красные вырубали около 80 казаков. Упорные бои шли и в районе Пешлакова, и в самом Пешлакове. Об этом пишет в своей книге «Тихий Дон»: рассказы о прототипах» Г.Я. Сиволов:

«По воспоминаниям старожилка хутора Пешлакова И. Г. Мельникова, трагические события этого дня развернулись следующим образом. В 3—4 верстах от Пешлаков, у Вилтова Яра (по роману — Красного Яра), заросшего густым дубняком, с крутыми обрывистыми краями конница красных окружила повстанческую сотню хорулжего Павла Дроздова. На германском фронте он показал себя храбрым воякой, по достоинству получил георгиевские кресты. Не имея навыков командования сотней, он неправильно оценил обстановку, выбрал неудобную позицию, заранее не выставил посты наблюдения, конные дозоры. В результате — полное окружение. Почувствовав безвыходность положения, часть казаков, бросив товарищей, прорвалась к лошадям и ускакала; те, кто не успел, бросились спасаться в Вилтов Яр. Среди них оказался Павел Дроздов. Выбить повстанцев из глубокого яра было делом весьма трудным. Красные пошли на обман: пообещали всех оставить в живых, если добровольно сдадутся и сложат оружие. Казаки поверили, стали выкарабкиваться из яра и складывать оружие. Когда пленение было закончено, началась расправа. Командир сотни Павел Дроздов был раздет до нижнего белья, затем убит двумя выстрелами в упор: в живот и в грудь. Многие были порублены шашками. Было убито и порублено 26 (по другим источникам 18—24) повстанцев. Один казак замешкался, побоялся выходить наверх: он остался в живых и рассказал об увиденном. Ночью кони порубленных и убитых сами пришли в хутор. Домой прибежал и конь Павла Дроздова»⁴⁵.

Трагические обстоятельства гибели повстанческой сотни, возглавлявшейся Павлом Дроздовым, прекрасно знали и долго помнили в хуторе Пешлакове. Естественно, знал их и Шолохов.

И хотя в «Тихом Доне» бой, где погиб Петр Мелехов, разыгрался не здесь, а под хутором Татарским, и яра, где он погиб, назывался не Вилтов, а Красный Яр, — действие в романе в значительной степени повторяет реальную жизненную драму, подробно воссозданную Г.С. Сиволовым. В основе ее — там и тут — неопытность и ошибка командира: и там и тут повстанцы пытались спастись от смерти в яру; часть из них успела ускакать; и там и тут случайно спасся замешкавшийся в яру казачок; и там и тут — обещания «отпустить» повстанцев при условии добровольной сдачи и беспощадная расправа над безоружными пленными. И даже такая деталь, как приказание раздеться перед казнью:

«Петро засуетился, скомкал снятые с ног шерстяные чулки, сунул их в голенища, выпрямившись, ступил с полшубка на снег босыми, на снегу шафранно-желтыми ногами.

— Кум! — чуть шевеля губами, позвал он Ивана Алексеевича. Тот молча смотрел, как под босыми ступнями Петра подтаивает снег. — Кум Иван, ты могол дитя крестил... Кум, не казни-

те меня! — попросил Петро и, увидев, что Мишка уже поднял на уровень его груди наган, — расширил глаза, будто готовясь увидеть нечто ослепительное, стремительно сложил пальцы в крестное знамение, как перед прыжком вобрал голову в плечи» (4, 219—220).

Гений художника преобразует сухую летопись фактов в эмоционально насыщенную, трагедийную картину жизни. Но бесспорно, что толчком для написания этой впечатляющей картины смерти Петра Мелехова, равно как — позже — и прошения с ним Григория Мелехова, послужили реальные факты жизни, о которых Шолохов не только был много наслышан и хорошо знал, но и видел своими глазами.

Продолжение сюжета — и в жизни, и в романе — связано с тем самым «кумом» Иваном Алексеевичем, к которому в последние минуты жизни обращается Петр Мелехов, ища у него спасения, и которого в отместку за мужа безжалостно убивает в романе Дарья Мелехова, повторив поступок жены Павла Дроздова, Марии.

Иван Алексеевич Сердинов, сочувствующий большевикам председатель полкового комитета, под своим именем и фамилией действовал уже в отрывке из «Тихого Дона» 1925 года. В окончательной версии романа «Тихий Дон» он поименован Иваном Алексеевичем Котляровым. Напомним, что Шолохов говорил об этом так: «...Для Дарьи многое позаимствовал от Марии, жены Павла, в том числе и факт ее расправы со своим кумом Иваном Алексеевичем Сердиновым, которого в романе я назвал Котляровым...»⁴⁶

Как видим, впечатляющая сцена убийства Дарьей Мелеховой в отместку за мужа своего «кума» Ивана Алексеевича Котлярова — опять-таки не выдумка писателя, но пропущенный через его «душу живу» известный ему реальный факт.

Ивану Алексеевичу Сердинову, истории его жизни и трагической смерти посвящен ряд работ донских краеведов, подтверждающих правоту слов Шолохова о том, что именно Иван Алексеевич Сердинов и его трагическая смерть от руки Марии Дроздовой послужили первоосновой данного сюжета в романе, неразрывно связывая творческую историю «Тихого Дона» с биографией писателя.

В 1965 году в журнале «Север» были опубликованы воспоминания об Иване Алексеевиче его сына Ивана Ивановича Сердинова, — им были посвящена статья Ал. Золототрубова «Ревкомовец из «Тихого Дона». Вот что рассказал журналисту Иван Иванович Сердинов:

«... Все, что написано Михаилом Александровичем в «Тихом Доне» об Иване Алексеевиче Котлярове, это жизнь и судьба моего отца. Он и стал его прототипом. И хутор Пешлаков, где мы раньше жили, и то, что отец работал машинистом паровой мельницы, и то, что он был избран председателем Еланского станичного комитета, и то, что он страстно ненавидел богатеев, открыто выступал против них, — все это жизнь моего отца»⁴⁷.

У сына сохранилась фотография отца — «усы длинные, глаза глядят строго»; сын прекрасно знал и помнил жизненный путь отца.

«Михаил Шолохов написал суровую правду. Кто выдал ревкомовцев? Предатели из Сердобского полка.

— Ваш отец был в этом полку?

— Да. Ревкомовцев-коммунистов белоказачки зверски избивали, когда гнали их в Пешлаков, — рассказывает далее Иван Иванович. — Моему отцу выбили один глаз. По-зверски поступали белоказачки и с рядовыми коммунистами... Дарья Мелехова убивала моего отца, так она названа в романе, а в жизни ее настоящее имя Мария Дроздова. Она была отцу кумой...»⁴⁸

И далее в очерке приводится рассказ о смерти Сердинова еланского казака Евгения Петровича Оводова, который был в числе плененных белоказачками коммунистов, но чудом остался в живых и видел своими глазами, как умирал Иван Алексеевич Сердинов:

«Тут к нему подбежала женщина — Мария Дроздова с винтовкой. Она приблизилась к Ивану Алексеевичу и ударила его винтовкой в лоб. Винтовка переломилась, а Иван Алексеевич упал на спину. Мария Дроздова выхватила винтовку из рук стоявшего рядом казака и приколола в грудь Ивана Алексеевича»⁴⁹.

В «Тихом Доне» эта сцена написана несколько иначе: Дарья Мелехова застрелила своего кума. Но в сути своей сцена убийства Котлярова в романе воспроизводит этот трагический жизненный эпизод не только с предельной эмоциональной точностью, но и огромной художественной силой и правдой.

Мятеж Сердобского полка, гибель Павла Дроздова (Петра Мелехова), убийство Ивана Алексеевича Сердинова (Котлярова), Марией Дроздовой (Дарьей Мелеховой) — все это в жизни и в романе завязано в один тугой узел, и все происходит в хуторе Пешакове, где во время Вещенского восстания жил Михаил Шолохов.

Рассказано в романе и о приезде генерала Сидорина в хутор Татарский, чтобы наградить «героинь-казачек» за подвиги в борьбе с красными⁵⁰. Сестры Ововоды, старожилы хутора Пешакова, были свидетелями этого события:

«Этот генерал сестрам Дроздовым по пятьсот рублей привез. Они пришли в белых длинных платьях с оборками, в черных коклюшевых шарфах, нарядные. На столе лежали деньги, кучки — пятьсот и пятьсот. Они убивали, это им награда. Подходит одна, берет деньги, и за пазуху, и другая за ней»⁵¹.

Прототип Половцева

Метод текстологической «дактилоскопии», когда рукопись текста романа сопоставляется с биографией автора, архивными источниками и свидетельствами очевидцев, помогает прояснить проблему авторства «Тихого Дона», сделать ее особенно прозрачной.

Приведем еще один конкретный тому пример. Как указывалось выше, уже в главах 1925 года рядом с Абрамом Ермаковым и казаком Сердиновым (в будущем — Котляровым) действует есаул Сенин, поддерживающий прокриловские настроения полковых командиров. Но еще раньше этот есаул возник в рассказе «Чужая кровь», в «Донских рассказах»: «Назначает его, Петра вашего, командир сотни в разезд... Командиром у нас был подесаул Сенин... Вот тут и случилось... Срубили Петра... Насмерть...» (1, 317–318).

Есаул Сенин действует и в окончательной редакции «Тихого Дона»: он участвует в казни Подтелкова и Кривошлыкова.

Об участии Сенина в казни Подтелкова рассказывает в своих воспоминаниях базовский казак Я. Ф. Патиков: «Сбоку Подтелкова шли Спиридонов и Сенин с оголенными шашками»⁵².

Более того: есаул Сенин проходит и в «Деле» Харлампия Ермакова, где содержится «Протокол допроса» Александра Степановича Сенина, казака станицы Боковской:

«Вопрос: Скажите, гр. Сенин, за что вы отбываете наказание в Новочеркасском исправдоме, с какого и по какое время?

Ответ: За сокрытие офицерского чина, прохождение под чужой фамилией и за то, что я принимал участие в суде над Подтелковым и другими, за команду группой расстреливающих, отбывал наказание с октября месяца 1921 года по 1926, октябрь месяц.

Вопрос: Принимал ли участие в суде и приведении смертного приговора над Подтелковым и Кривошлыковым и 74 человек членов их отряда во время восстания против Соввласти в 1918 году?

Ответ: Да, я принимал участие в суде и приведении смертного приговора Подтелкова и Кривошлыкова и 74 человек, подписывал приговор 30 человек как весь состав суда... Приговор в исполнение приводил я как командир роты, под моим командованием, насколько я помню, было человек пятнадцать каза-

ков, из которых ни одного не знаю по фамилии, тех, которые входили в мое командование по расстрелу, они все были добровольцами из других сотен»⁵³.

Особенно поражает то, что Шолохов, оказывается, знал Сенина и был у него в тюрьме. Михаил Обухов в статье «Встречи с Шолоховым» рассказывает об этом так:

«— Только что я был в тюремной камере и разговаривал с Сениным. — Шолохов помолчал. — Говорил с ним, смотрел на него и думал: скоро не будет этого человека. И Сенин отлично знает, что в ближайшие дни его ожидает расстрел...

Потом весь долгий вечер Михаил Александрович, видимо, находился под впечатлением своего свидания с бывшим есаулом. Он задумчиво сосал потухшую трубку, был молчаливей, чем обычно... В конце вечера он сказал нам:

— Не хотели разрешить мне увидеться с Сениным, но я настоял на своем, доказывая, что это один из персонажей «Тихого Дона». Свидание было мне крайне необходимо...»⁵⁴

Встреча эта была необходима писателю не только в связи с «Тихим Доном», но и с «Поднятой целиной». Как уже говорилось ранее, есаул Сенин — не только один из персонажей «Тихого Дона», но и прототип одного из главных действующих лиц «Поднятой целины» — Половцева.

«...Я из Новороссийска не уехал со своими, — рассказывает Половцев Якову Лукичу Островому, — не удалось. Нас тогда предали, бросили добровольцы и союзники. Я вступил в Красную Армию, командовал эскадроном, по дороге на польский фронт... Такая у них комиссия была, фильтрационная, по проверке бывших офицеров... Меня эта комиссия от должности отстрелила, арестовала и направила в Ревтрибунал. Ну, шлепнули бы товарищи, слов нет, либо в концентрационный лагерь. Догадываешься за что? Какой-то сукин сын, казнуя, мой старичник, донес, что я участвовал в казни Подтелкова. По дороге в трибунал я бежал... Долго скрывался, жил под чужой фамилией, а в двадцать третьем вернулся в свою станицу. Документ о том, что я когда-то был комэском, я сумел сохранить, попались хорошие ребята, — словом, я остался жить. Первое время меня таскали в округ, в политбюро Дончека. Как-то отвертелся, стал учительствовать. Учительствовал до последнего времени...» (6, 24).

Биография Половцева в «Поднятой целине» — это биография есаула Сенина в реальной жизни.

Визит Шолохова в тюрьму к Сенину был связан именно с тем, что в 1930 году он работал над первой книгой «Поднятой целины».

«Михаил Александрович на высказывания был скуп. Он больше любил слушать других. И, надо сказать, немногими словами умел вызвать на разговор. Но однажды, с трудом сдерживая волнение, он сам рассказал:

«Только что был в Миллеровском окружном управлении ОГПУ на свидании с бывшим есаулом Сениным. В дни сплошной коллективизации Сенин пытался организовать контрреволюционный мятеж на Верхнем Дону. Он — прототип Половцева в «Поднятой целине».

Нельзя сказать, что Половцев и Сенин — одно и то же лицо, — продолжает Обухов, — да это и понятно: Михаил Александрович писал не Сенина, а Половцева, собирательный образ врага. Думается мне, Сенин лишь многое прояснил писателю в этом, по-своему очень сложном, характере»⁵⁵.

Личность есаула Сенина неоднозначна, а судьба его, как большинство казачьих офицерских судеб тех лет, трагична. Об этом пишет К. Прийма. Он встретился в 1955 году с бывшим предревком станицы Боковской Наумом Федоровичем Телицыным, — земляком есаула Сенина. Вот что рассказывал Телицын Прийме:

«— Половцев — это осколок (видимо — сколок — Ф. К.), точный портрет одного есаула «...» Знал я его сымальства. Станничник он мой, из Боковской — Александр С. его звали. Окон-

чил Новочеркасское юнкерское училище, с мировой войны пришел подесаулом. Это он был командантом суда, который казнил Подтелкова и Кривошлыкова. Шолохов в «Тихом Доне» именно его упоминает. Отступал он от Новороссийска с Деникиным, а потом сдался под фамилией Евлантьева, вступил в Красную армию, дослужился до командира эскадрона... Что, похаживать по Половцеву?

— Да, эти веки жизни — половцевские.

— Потом, — продолжал рассказывать старик, — пролез этот... Евлантьев в следователи особого отдела Блиновской дивизии. В 1923 году (ошибка памяти, судя по показаниям самого Сенина — в 1921 году. — Ф. К.) в Ростове был опознан нашим станичником Малаховым и разоблачен. Присудил его трибунал к расстрелу, но по Всероссийской амнистии 1923 года он был помилован и послан на Соловки. Вернулся домой в Боксовскую в 1927 году, стал учителем в школе второй ступени. <...>...Стал учителем он и начал сколачивать свои силы против советской власти. К началу коллективизации он создал в хуторах и станицах Верхнего Дона кулацко-белоохранительский «Союз освобождения Дона», пытался поднять мятеж весной 1930 года... Высокий, сутулый, лобастый, с тяжелым взглядом глубоко заправших глаз, есаул С., то есть Половцев, был физически силен и крепок. Умел складно говорить. Учен был...»⁵⁶

Как все тесно переплетено на Дону: как вы помните, именно на чердаке того дома, где жил Сенин, когда учительствовал в Боксовской, К. Прийма обнаружил старую газету с письмом Павла Кудинова своим землякам. Это значит — интересовался Сенин Вешенским восстанием и судьбой его участников.

Шолохов в беседе с Приимой дополнил то, что рассказывал в 1930 году Обухову, — оказывается, писатель не только посещал Сенина в тюрьме, но позже познакомился и с его делом: «Дело есаула С. я хорошо знал и изучил его. Конечно, с известной долей художественного обобщения и вымысла дал его в образе есаула Половцева»⁵⁷.

Такова была методика сбора материала Шолоховым: он внимательно «изучал» личность, характер, обстоятельства жизни прототипа своего героя с тем, чтобы с помощью художественной обработки с известной долей вымысла создать обобщенный характер.

Этим путем, как мы убедились, он шел не только в ситуации Сенин — Половцев, но и в споре Харлампий Ермаков — Григорий Мелехов, в ситуациях со многими реальными людьми, которые стали прототипами героев его романа.

Плешаковская мельница

Краеведение оказывает неоценимую помощь литературоведению — особенно когда необходима литературоведческая и текстологическая «дактилоскопия» для атрибуции — прояснения или уточнения — проблемы авторства.

Именно краеведы чаще всего с особой тщательностью и пристальностью исследуют подчас скрытые нити, связывающие автора и его героев с той географической и жизненной средой, в которой родилось, возникло произведение, в нашем случае — «Тихий Дон». Именно они стремятся, часто по крупицам, собирать «бесценный и безвозвратно уходящий от нас материал» о жизни и творчестве писателя, уроженца их родных мест, — с пониманием, что «это дело ответственное: все до мелочей должно быть выверено, документально подтверждено, все должно иметь неоспоримые доказательства»⁵⁸.

Эти слова, выражающие принцип подхода к сбору и изучению материала о жизни писателя, истории его произведения, принадлежат одному из самых известных краеведов Дона — Г.Я. Сивоволу.

«Свой поиск прототипов я начал с исследования того окружения и той среды, в которой жил писатель, — рассказывает

краевед о своей работе. — Как известно, М. Шолохов в станице Каргинской с небольшими перерывами прожил около пятнадцати лет дореволюционного и послереволюционного периода. Здесь прошли его детские и юношеские годы, здесь накапливалось и осмысливалось все увиденное, услышанное и пережитое, формировалось его мировоззрение как человека и как писателя. На его глазах происходили исторические события огромной важности. Он жил среди казаков, иногородних, купцов, знал их повседневные дела и заботы, слышал их голоса, угадывал поступки, любовался красотами донской природы, впитывал в себя народную мудрость»⁵⁹.

Данные об интересовавших его казаках краевед тщательно отбирал. В центре его внимания оставалось то, что имело прямое отношение к роману — к тому или иному действующему лицу или событию: «ведь, занимаясь прототипами «Тихого Дона», я имел в виду прототипы не только персонажей, но и отраженных в романе событий»⁶⁰, — уточняет Сивоволов.

Поисковую работу облегчало то, что краевед знал многих старожилов, которые ему охотно помогали, думали над его вопросами, при повторных встречах и беседах рассказывали всплывшие в памяти.

Хотел бы особо подчеркнуть эту неожиданную формулировку краеведа: «...занимаясь прототипами «Тихого Дона», я имел в виду прототипы не только персонажей, но и отраженных в романе событий». Мы считаем это уточнение исключительно важным. Почему?

Да потому, что краеведы, ведя свой поиск, исследуя жизненный материал, как бы повторяют тот самый путь, который когда-то уже прошел автор.

Автор «Тихого Дона», как и любого другого реалистического произведения, не создавал его по принципу «бога из машины», не конструировал роман из головы, но брал информацию из жизни, обогащая ее своей мыслью и чувством, жизненным, духовным и душевным опытом. Это был путь сбора материала, расспросов, бесед с огромным количеством людей, имевших отношение к событиям, о которых решил написать, изучения печатных источников, привлечения резервуаров собственной памяти, т. е. огромная работа, сложный интеллектуальный и даже физический труд.

И весь этот путь вслед за писателями прошли краеведы и исследователи его творчества.

А теперь снова зададим вопрос, насколько вероятно, что автор «Тихого Дона» — не Шолохов? Что кто-то, нам неизвестный, не только обладал незаурядным писательским даром, жил в тех краях, прекрасно знал казачий быт, пережил трагические дни Вешенского восстания, но еще и лично знал многих и многих реальных людей, ставших прототипами героев «Тихого Дона», начиная с Харлампия Ермакова, — прототипа главного героя произведения.

Возникает естественный, причем изначальный вопрос: кто, если не Шолохов, мог пройти весь этот многотрудный путь постижения сложного жизненного материала, отразившего жизнь казачества и его трагедию, связанную с Вешенским восстанием? Кто — кроме Шолохова, помимо него — мог выйти на Харлампия Ермакова, ставшего главным прототипом Григория Мелехова, свидетеля и участника трагических событий гражданской войны на Дону? Кто — кроме Шолохова, помимо Шолохова из писателей, предлагаемых нам в качестве авторов «Тихого Дона», — держал в своей памяти пережитый опыт трагических дней Вешенского восстания? И кто еще лично знал этот сонм живых, реальных людей, ставших прототипами.

Нет другого человека, который, преследуя литературные цели, имел бы отношение к Харлампию Ермакову, был связан с ним, а также с другими казаками — жителями тех мест, участниками Вешенского восстания на Дону, который «собирает» бы в Вешенском округе материал для романа о гражданской войне на Дону, кто судьбой своей был бы связан с целым

рядом людей, ставших прототипами героев и персонажей романа «Тихий Дон».

Понятие «прототипа» применительно к «Тихому Дону» далеко от привычного понимания этой дефиниции. Строго говоря, речь идет не просто о «прототипах», но о реальных лицах, являвшихся для Шолохова в первую очередь — источником познания недавних исторических событий — мировой или гражданской войны.

В этом случае взаимосвязи: «автор — характер — прототип» настолько прочна, что ее не разрушить никакими искусственными мерами. Представим на мгновение, что будет, если в связке Шолохов — Григорий Мелехов — Харлампий Ермаков убрать Шолохова и подменить его кем-то, кто не был лично знаком с Харлампием Ермаковым; или вынуть из этой связки самого Ермакова, — и романа «Тихий Дон» не будет, потому что не будет в итоге Григория Мелехова. Ибо, как уже было показано, Харлампий Ермаков по отношению к Григорию Мелехову не просто прототип, который передал герою «Тихого Дона» какие-то черты внешнего облика или «служивской» биографии, — он еще и мощнейший аккумулятор целенаправленной и неукротимой духовной энергии, которая, пройдя через душу Шолохова, и вызвала к жизни могучий в своих трагических противоречиях характер Григория Мелехова.

Проблема прототипов — как персонажей, так и отраженных в романе событий, — исключительно важна для «Тихого Дона».

Помимо Харлампия Ермакова мы уже рассмотрели в качестве прототипов Григория и Петра Мелеховых братьев Дроздовых. Коснулись таких персонажей «Тихого Дона», как командующий Вешенским восстанием Павел Кудинов, начальник штаба мелеховской дивизии, а в жизни — преподаватель русского языка, учивший Михаила Шолохова, Михаил Копылов, подесаул Сенин, участник суда над подтелковцами, которого Шолохов навещал в тюрьме, Иван Алексеевич Котляров (в жизни — Иван Алексеевич Сердинов), большевик, убитый кумой Дарьей Мелеховой (в жизни Марией Дроздовой), братья Шамили (в жизни — Ковалевы), комиссары Лихачев и Малкин.

Краеведческими изысканиями документально подтверждено, что Харлампия Ермакова, братьев Дроздовых, Михаила Копылова, подесаула Сенина, Ивана Алексеевича Сердинова, братьев Ковалевых, многих других персонажей романа — Шолохов знал лично, встречался с ними, а подчас был свидетелем связанных с ними событий.

Особенность «Тихого Дона» в том, что он почти весь соткан из реальной жизни людей Вешенского округа, его герои — «в своем большинстве — это реальные люди»⁶¹, — заключает Сиволов.

«Антишолоховедение» обязано или опровергнуть изыскания литературного и исторического краеведения, или выдвинуть другую реальную фигуру автора «Тихого Дона», который мог бы знать, держать в памяти, охватить и воплотить в высочайшем художественном слове и образе весь этот огромный фактический и личностный материал.

На Шолохова как единственно возможного автора «Тихого Дона» указывают не только его жизненные связи с большим числом героев романа, но и детальное знание географии, топографии и топонимики местности, изображенной в романе его «малой» родины, органическое знание природы, быта, обычаев, фольклора казаков, «казачьего языка» (к этому вопросу мы еще вернемся). Наконец, автор романа сумел доподлинно воссоздать исполненную противоречий трагедию Вешенского восстания, которой в конечном счете и посвящен роман.

Как видим, объем источниковой информации, положенной в основу «Тихого Дона», — огромен. Трудность его исследования — еще и в том, что Шолохов крайне неохотно говорил об истории создания своего романа, о его прототипах, о событиях, положенных в его основу.

Причина этого — прежде всего политическая: писатель принимал, чем грозило людям обнародование имен и фактов, связанных с восстанием, в условиях продолжавшегося в 20-е годы антиказачьего террора.

Но была и другая — условно говоря, эстетическая — причина, по которой Шолохов не любил говорить о прототипах романа. Отдавая себе отчет в том, насколько близок роман к реальной жизни и как плотно он населен реальными людьми, Шолохов не хотел, чтобы «Тихий Дон» воспринимался как своего рода дагерротип его родной казачьей местности. Шолохов болезненно реагировал на упрощенный, чисто «фотографический» подход краеведов и литературоведов к проблеме прототипов. Отвечая на вопрос, как был найден образ Григория, Шолохов, как вы помните, говорил: «В народе <...> Григорий — это художественный вымысел»⁶².

Уже упомянутые выше вешенские краеведы Кузнецова и Баштанник рассказывают, что «во время одной из бесед о прототипах Шолохов прочитал нам письмо Льва Николаевича Толстого Луизе Ивановне Волконской, в котором он отвечает на ее вопрос о прототипе Андрея Болконского: «...Спешу сделать для вас невозможное, то есть ответить на ваш вопрос. Андрей Болконский — никто, как и всякое лицо романиста, а не писателя личностей для мемуаров. Я бы стыдился печататься, ежели бы весь мой труд состоял в том, чтобы списать портрет, разузнать, запомнить...»

То, что писатель прочитал нам это письмо, послужило хорошим напоминанием, толкованием, и это ко многому обязывало...»⁶³

Обязывает и нас. Подчеркнем, однако, что наш интерес к проблеме прототипов в «Тихом Доне» носит другой характер. Меньше всего мы хотели бы представить Шолохова в качестве «писателя личностей для мемуаров», главная цель которого — «списать портрет, разузнать, запомнить». Наша цель — в другом: выявить те реальные биографические жизненные нити, которые связывают «Тихий Дон» с судьбой Шолохова и с конкретной исторической и бытовой жизнью Верхнего Дона той поры.

В дополнение к тем прототипам героев романа, о которых уже шла речь, продолжим знакомство с фигурами реальных людей, которые дали жизнь другим его героям.

Краеведы установили, что паровая мельница в хуторе Татарский, которой владел в романе купец Мохов, «списана» с реальной мельницы в хуторе Каргине, принадлежавшей купцу Семенову, а «населена» людьми, работавшими на столь же реальной мельнице в Плешакове. Это машинист Иван Алексеевич Сердинов, весовщик Валентин (в жизни и романе по прозвищу Валет) и братья Бабичевы — Василий и Давид (в романе — Давыдка). Все они — реальные люди, хорошо знакомые автору романа.

Об Иване Алексеевиче Сердинове (в романе — Котлярове) подробно шла речь выше. С Давидом Михайловичем Бабичевым — тем самым вальцовщиком Давыдкой, который изображен в «Тихом Доне» под своим именем, мы встречаемся на страницах книги В. Гуры «Как создавался «Тихий Дон». Оказывается, в послевоенные годы Давид Михайлович Бабичев еще был жив. Его кузень находился в хуторе Каргинском у самой реки.

«— Дело было давно, в 1911 году, — рассказывал он Гуре. — Теперича шестой десяток доживаю. А в ту пору меня все больше Давыдкой звали. Так прозвал меня и Шолохов в «Тихом Доне» — Давыдка-вальцовщик. Машинистом у нас на мельнице работал Иван Алексеевич Сердинов, из местных. Считался он казаком, но проживал в бедности. Душевный был человек. И Валентин, его помощник, тоже свойский парень. Ничем с виду не приметный, а колючий, на язык острый. Вот фамилию его не помню, но его Валеткой прозвали. Знаю, что был он из революционеров, еще перед той германской войной на хутор приехал. В марте 1918 года, перед самой заварухой, исчез он из хуто-

ра, куда — не знаю. С тех пор из виду потерял я Валетку, и судьба его мне неизвестна.

— В романе Валета убивают восставшие казаки под Каргинской, — напомнил я.

— Может, и убили. Шолохов знает, он на Каргине жил. Только не я слышал про это. А вот Иван Алексеевич Сердинов погиб на моих глазах. Взяли его казаки-повстанцы в плен и погнали по хуторам, по-над Доном, на Вешки. Весной это было, народу собралось масса, когда гнали его через наш хутор. Может, и Мишка Шолохов тут был — не припомню что-то. Вдова казачьего офицера Марья Дроздова страшно издевалась над нашим Иваном Алексеевичем. Лютая была баба. Она тут же и убила его самолично и добровольно»⁶⁴.

Приведем свидетельство и самого Шолохова в беседе с Приймкой:

«...Вскоре после войны приезжал ко мне Валет. Помнишь, во второй книге романа его убивают казаки и хоронят в степи.

Заходит в дом человек и говорит: «Знаешь?» — «Встретился я... Что-то знакомое в лице: «Да, узнаю, Валет!» — «Ты меня, говорит, похоронил в «Тихом Доне» и часовню у могилы поставил, а я-то бежал от белых из-под расстрела. Вот всю эту войну прошел и надумал тебя проведать...»⁶⁵

Как видим, не только Иван Алексеевич Сердинов (Котляров), но и Давыдка-вальцовщик, Валет, вальцовщик Тимофей, — это все реальные люди, вошедшие в роман, жившие в одно время с юным Шолоховым. Подтверждение тому находим и в воспоминаниях чеха Ота Гинца, опубликованных в 1955 году в Чехословакии. Будучи солдатом австро-венгерской армии, он попал в плен и волею судеб, начиная с 1917 года, жил в хуторе Плешакове, где близко подружился с семьей Шолоховых и тринадцатилетним Михаилом Шолоховым: «Родители Михаила, — рассказывает он в своих воспоминаниях, — обращались со мной, как с собственным сыном, а тринадцатилетний Миша быстро стал моим верным молодым другом...» Гинц рассказывает о своей дружбе и близком знакомстве Михаила Шолохова с Иваном Алексеевичем Сердиновым, с рабочим мельницы по имени Валентин (Валетка). Он вспоминает также о «неком слесаре, образованном и передовом человеке», который пригласил его к себе на квартиру. «...Я много от него узнал, — пишет О. Гинц <...> — Наверно, это был слесарь, которому Шолохов дал в «Тихом Доне» имя Штокман»⁶⁶.

Как видим, мельница купца Симонова на хуторе Плешакове, где управляющим был его отец, и люди, работавшие на ней, сыграли в судьбе Шолохова и его романа немалую роль. А купец Мохов — не только персонаж «Тихого Дона», но и реальный человек.

Вешенское купечество

Моховы — известный купеческий род на Верхнем Дону, находившийся в тесных отношениях и даже в родстве с купеческим родом Шолоховых.

Сын «совслужашего», каковым Шолохов предстает в заполняемых им анкетах, на самом деле происходил из старинного купеческого рода Шолоховых, не уступавшего по породе донским купцам Моховым. При этом судьбы этих двух родов, примерно в одно время переселившихся на Дон из центральной России, неотрывны одна от другой.

История рода купца Мохова в «Тихом Доне» представлена так:

«Сергей Платонович Мохов издали ведет свою родословную.

В годы царствования Петра I шла однажды в Азов по Дону государева баржа с сухарями и огнерезным зельем. Казаки «воровского» городка Чигонаки, угнездившегося в верховьях Дона, неподалеку от устья Хопра, ночью напали на эту баржу,

стражу сонную перерезали, сухари и зелье разграбили, а баржу затопили.

По цареву приказу из Воронежа пришла войска, «воровской» тот городок Чигонаки сожгли, казаков, причастных к разбойному на баржу нападению, нещадно в бою разбили, но десять лет спустя «вновь выросла и опоясалась боевыми валами станица...». С той-то поры и пришел в нее из воронежского уезда царев досмотрщик и глаз — мужик Мохов Никишка. Торговал он с рук разной необходимой в казачьем обиходе рухлядь...» (2, 13)

От этого-то Мохова Никишки, сообщается в романе, и повелся купеческий род Моховых.

Как установил Сиволовов, зарайский купец Мирон Мохов с сыном Николаем переехал на Дон в середине XIX века. Дед Шолохова, купец 3-й гильдии из того же города Зарайска Михаил Михайлович Шолохов, приехал в Вешенскую в конце сороковых годов XIX века, — вслед, и, возможно, с помощью Мирона Мохова и его сына. Зарайские краеведы развернули поиск шолоховских корней в городе Зарайске Рязанской, а ныне Московской области. Вот что пишет в своем письме в ИМЛИ зарайский краевед В. И. Полянчев: «Первые Шолоховы в Зарайске появились давно, во второй половине XVII века. Тогда, судя по Перепишной (ландратской) книге 1715 г., окраинную Пушкарскую слободу обживал пушкарь Фирс Шолохов и четверо его сыновей: Василий Фирсович, Осип Фирсович, Иван Фирсович и Сергей Фирсович. От младшего Сергея Фирсовича — прапрапрадеда писателя — и пошла ветвь, которая через четыре поколения на пятое и привела Шолоховых на Дон: прапрадед Иван Сергеевич, прадед Михаил Иванович, дед Михаил Михайлович и, наконец, — отец писателя — Александр Михайлович. Предки великого родственника вплоть до конца XIX в. жили в Зарайске, и к тому времени расселились чуть ли ни по всему городу. Фамилия Шолоховы полон Зарайск и до сих пор»⁶⁷.

В 20—30 годы Шолохов стремился в своих анкетах подчеркивать свое чуть ли не пролетарское происхождение. Это было продиктовано социальными условиями того времени: выходцам из «эксплуататорских классов», как известно, в ту пору перекрывали все пути.

Отец писателя, Александр Михайлович Шолохов, переехав в начале 1917 года на жительство в хутор Плешаков Еланской станицы и поступив на должность управляющего паровой мельницей, принадлежавшей купцу Ивану Симонову, вскоре выкупил эту мельницу у владельца за 70 000 рублей золотом. Деньги для того времени немалые! Откуда они у приказчика? Скорее всего это — деньги, полученные им в наследство от матери, урожденной Марии Васильевны Моховой. Да, бабушка будущего писателя происходила из старинного купеческого рода станицы Вешенской — рода купцов Моховых, действующих в романе «Тихий Дон».

Купеческие семьи Моховых и Шолоховых, связанные родственными узами, разоряясь и возрождаясь вновь, конкурируя между собой, многие десятилетия вели торговлю в Вешенской и прилегающих к станице хуторах. Так, по данным 1852 года в станице Вешенской и на ее хуторах торговлю вели пять купцов Моховых — Мирон Автономович, Николай Миронович, Михаил Егорович, Василий Тимофеевич и Капитон Васильевич, и двое купцов Шолоховых — Михаил Михайлович и Иван Кузьмич. В 1887 году семь лавок принадлежали купцам Моховым и восемь — купцам Шолоховым.

Как уже говорилось, эти купеческие семьи состояли в близком родстве — вот почему для купца в Татарском Шолохов выбрал именно эти фамилии: Мохов.

В образе Сергея Платоновича Мохова наша отражение семейная история, о которой поведал Г.Я. Сиволовов Николай Петрович Шолохов (сын Петра Михайловича Шолохова): «Михаил Шолохов, описывая в «Тихом Доне» купца Мохова, за основу взял историю своего деда Михаила Михайловича: были,

мол, у него взлеты и падения, разорвали его пожары, но он снова вставал на ноги. Николай Петрович привел слова Михаила Александровича: «Я, кажется, нашел, откуда на Дону тянется наш род. Дед был прислан приглядывать за казаками»⁶⁸.

Вот откуда эти слова в романе о том, как был направлен в казачью станицу «шарв досмотрщик и глаз — мужик Мохов Никушка!» Семейная легенда воплотилась в слова романа.

Однако история двух купеческих родов — не единственный источник для описания в романе торгового дома купца Мохова. К началу действия романа оба рода заметно обеднели и были потеснены более удачливыми конкурентами. Братья Шолоховы были вынуждены пойти в приказчики к разбогатевшему к этому времени каргинскому купцу Левочкину, к началу революции — самому богатому в округе. Именно он — помимо купцов Моховых и Шолоховых — и стал, как полагают краеведы, прототипом купца Сергея Платоновича Мохова в «Тихом Доне».

Проследивается родственная связь Шолохова и с Левочкиным. «Иван Сергеевич Левочкин, — замечает Сиволов, — состоял в близком родстве с Михаилом Михайловичем Шолоховым»⁶⁹, дедом автора «Тихого Дона». Купец 2-й гильдии Иван Левочкин был женат на старшей дочери Михаила Михайловича Правской, тетушке Шолохова. А три брата Шолоховых, в их числе и отец М.А. Шолохова, Александр Михайлович (до переезда в Пешахов), работали приказчиками в торговом доме Левочкина, где заправляла во многих делах их родная сестра, при этом средний из них, Петр Михайлович, был правой рукой Левочкина.

«Каргинские старожилы утверждают, — пишет Сиволов, — что именно в это время на магазине появилась выкрашенная в зеленую жестяная вывеска: «Торговый дом Левочкина и Ко». Этот торговый дом со сквозными дверями Шолохов описал в «Тихом Доне» как «Торговый дом Мохов С. П. и Атепин Е. К.»⁷⁰.

Кстати, имя Левочкина дважды упоминается в романе: в главе XXIV части пятой, где Петр Мелехов останавливает свой отряд «возле магазина купца Левочкина», и в главе XIV части шестой, где генерал Краснов и союзники «согреваются на квартире богатого купца Левочкина».

Видите, насколько тугие и прочные нити даже чисто родственного характера связывают М.А. Шолохова с тем жизненным материалом, который лег в основу «Тихого Дона».

Благодаря изысканиям историков и краеведов — они начались практически только в середине 50-х годов, поскольку до смерти Сталина и XX съезда партии даже подступиться к жителям Дона с распросами об обстоятельствах Вешенского восстания было непросто, — шолоховедом удается восстановить то историческое пространство «Тихого Дона», которое было подвластно только Шолохову.

Называя в качестве возможных авторов романа Ф. Крюкова, И. Родионова, В. Севского-Краснушкина, «антишолоховеды» даже не дают себе труда задуматься, каким образом эти люди, никогда не жившие и даже не бывавшие на Верхнем Дону, могли проникнуть в историческое пространство «Тихого Дона», неразрывно связанное с судьбой Шолохова, постигнуть тот специфический человеческий и исторический материал, который лег в основу романа, а до того — в основу биографии писателя.

В романе «Тихий Дон» — 670 действующих лиц, из них 250 имеют реальных прототипов, претворенных талантом Шолохова в художественные образы. Вот почему беспорядно и другая сторона вопроса: такое огромное количество действующих лиц на историческом пространстве романа никакая творческая фантазия не воспроизведет из воздуха, но — только из жизни, из реального исторического времени. И этот сложный творческий процесс познания художником действительности и воплощение этого знания в плоть художественного повествования поддается анализу, поскольку жизнь неминуемо оставляет на ткани произведения свои следы. Цель такого анализа —

соотнести историческое пространство произведения, освоенное автором, и историческое пространство реального бытия, в котором жили прототипы его героев. Имеются ли здесь совпадения? Каков их характер? Есть ли противоречия между биографией автора и его жизненным опытом, его взглядом на исторические события, воспроизведенные в романе? В поиске ответов на эти вопросы объединяются усилия литературоведов и краеведов.

Аникушка и другие...

В дополнение к уже называвшимся прототипам «Тихого Дона» приведем еще несколько обнаруженных краеведами, из числа 250 реально существовавших людей. И судьба каждого из них так или иначе пересекалась с судьбой Шолохова.

Аникушка — «безусый скопцеватый» Аникушка, «с голым бабьим лицом», балагур и весельчак, который и сам в романе был предметом постоянных шуток и розыгрышей. Прототип этого персонажа, — по словам Г.Я. Сиволова, — Аникеей Андреевичем Антипов, сосед Шолохова в станице Каргинской⁷¹.

В 1908 году Аникеев призвали на военную службу в 12-й Донской казачий полк, расквартированный в местечке Радзивиллово Волынской губернии, — тот самый, где служил Харлампий Ермаков и Павел Кулинов, а в романе — Григорий Мелехов.

«Аникеев был среднего роста. Курчавый чуб лихо свисал из-под казачьей фуражки, — рассказывает Сиволов со слов его младшего брата Петра Андреевича Антипова. На его щеках и подбородке не отстал волос, и от этого круглое лицо казалось бабьим. Все сыновья уродились в отца — голошекие <...>. Весельчак и песенник, везде был своим человеком. Любил бывать на свадьбах, там заглядывался на подвыпивших жалмерок, а они с него не сводили глаз <...>. За веселый, открытый характер, простоту общения его любил, казаки постарше называли по-уличному — Аникушка»⁷².

Глубокой осенью 1917 года, когда казаки возвращались с фронта, вместе с фронтовиками-каргинцами возвратился домой и Аникеев Антипов.

В 1919 году, рассказывает Сиволов, в повстанческую сотню мобилизовали и Аникеев. Он участвовал во многих боях с красными. После разгрома белоказаков под Орлом и Курском Донская армия покинула на юг. В один из осенних дней Аникеев вернулся домой.

«До самого переезда на постоянное жительство в Вешенскую Шолохов жил соседом Аникеев Антипова, — рассказывает Сиволов. — Евдокья (жена Аникушки. — Ф.К.) ходила в их колодец за водой, иногда переговаривалась с Анастасией Даниловой (матерью м. А. Шолохова. — Ф.К.). По возрасту Аникеев и Михаил не могли быть близкими товарищами, и тем не менее они подолгу засиживались, беседуя. Аникеев рассказывал ему о службе на германской, но об участии в восстании не распространялся, от таких «воспоминаний» уходило многие бывшие повстанцы. В 1937 году Аникеев Антипович был репрессирован, из заключения не вернулся»⁷³.

Шамили — так зовут в романе по-уличному братьев Шумилиных — Мартина, Прохора и Алексея-безрукого. Мы уже рассказывали об изысканиях вешенских краеведов-учителей Кузнецовой и Баштанной о братьях Ковалевых как реальных прототипах братьев Шамилей.

Сиволов приводит о них дополнительные подробности. В романе Шолохов описывает трех братьев Шумилиных. Ковалевые же было четверо: Алексей, Мартин, Иван и Аким. Иван в романе описан под именем Прохора, Мартин и Алексей под своими именами, Аким не упоминается. Кличку Шамили дал им писатель, взяв ее от настоящих Шамилей — братьев Лосевых, которые жили у самого Чира, на противоположном краю Кар-

гина. Братья Лосевы получили кличку Шамили в наследство от деда, который принимал участие в пленении Шамиля. С тех пор и пошло: Шамили-разбойники. Братья Лосевы были известны на весь хутор как лихие наездники, драчуны. Рядом с их наделами существовал искусственный пруд. В хуторе его, — рассказывает Сиволов, — называли и до сих пор называют Шамилевским прудом.

Многое в жизни шолоховских Шамилей напоминает жизнь братьев Ковалевых: расположение жилища около кладбища, поведение, их дела. Однако во многом они и не похожи.

Рассказав историю рода Ковалевых — Шамилей, Сиволов продолжает: «Шолохов правильно дает портрет Мартина и Алешки Шамилей. Автор этих строк помнит Мартина Ковалева до войны: низкорослый, коренастый, в стареньком чекменшике и чириках; никогда не носил усов и бороды, а тут отпустил. Алешка-безрукий также ходил в стареньком казачьем мундире, по воспоминаниям, носил словно выращенную на солонцах реденькую бороденку. У него не было кисти левой руки (у Алешки Шамиля рука была оторвана по локоть), за что его в хуторе называли Алешка-косорукий. Давным-давно на военной службе во время стрельбы ему отвало кисть руки...»⁷⁴

Как инвалид, Алешка-косорукий не подлежал мобилизации, не принимал участия в восстании; все эти дела, приписанные ему писателем, являются художественным вымыслом.

Мартин Петрович Ковалев третьёчередком был мобилизован на германскую войну; как казак по мобилизации принимал участие в восстании.

Мартин и Алешка-косорукий после гражданской войны вернулись в Каргинскую.

«Зимой 1933 года во время так называемого саботажа на Дону, не зывая о помощи и сострадания, опухший от голода Алешка-косорукий умер тихо и неслышно, лежа на застывшей лежанке. Жена его ослепла. Приемные дети покинули Алешкину хату и ослепшую мать. Хата сохранилась и поныне — из самана, низкая, с земляным полом, крытая камышом и соломой.

Мартин Петрович Ковалев умер в 1947 году.

По воспоминаниям его сына, до революции Александр Михайлович Шолохов не раз бывал у них в доме. На глазах Мартина рос и сам М. Шолохов»⁷⁵.

Такова еще одна трагическая судьба героев «Тихого Дона». Христоня — Хрисанф Токин, по уличному прозвищу Христоня, один из заметных персонажей романа. Из ближайшего окружения Григория Мелехова он старше всех. Во время службы в лейб-гвардии Атаманском полку принимал участие в разгоне студенческих демонстраций, проходивших в 1905 году. Тогда ему, очевидно, было 22—23 года. Следовательно, родился он не ранее 1882 года.

По внешнему виду Христоня — здоровенный («на нем бы четыредюймовые возить»), с клешнями-руками и разлапистыми ногами, придурковатый казак; обладает огромной силой. Появляется Христоня с первых страниц романа.

Кто же из казаков был в поле зрения молодого писателя, когда он писал Хрисанфа Токина? — задается вопросом Сиволов. И называет два имени: Федора Стратоновича Чукарина, о котором уже шла речь в нашей книге, и каргинского казака Христана Дударева.

В начале 1920 года, — замечает Сиволов, — Александр Михайлович Шолохов жил с семьей по близкому соседству с братьями Дударевыми — Иваном (Ванюрой) и Христаном. «У каждого из них была своя интересная история и, возможно, собирая материал для своего героя, Шолохов имел в виду их обоих»⁷⁶, — заключает он.

По описанию краеведа, Христан Дударев был огромного роста, сухой и костлявый, с лицом чернее земли. Глядя на него снизу вверх, старые казаки не в шутку говорили: «Христан — чистый азиат». Бабы, завидев издали его колесом согнутую фигу-

ру, с огромным сучковатым костылем, переходили на другую сторону улицы или сворачивали в проулок. В кругу старых казаков он, как правило, молчал, лишь изредка вставлял: «Тах-то, тах-то», а когда начинал говорить — голос его гудел, как из двухведерного чугуна. В молодые годы Христан Дударев служил в Атаманском полку.

«Жена Ванюры (тоже атаманского роста, по прозвищу Самогуда) рассказывала мне, каков был Христан Миронович Дударев, — пишет Сиволов. — «Ростом был в полнеба!.. С табуретки головы не достанешь!.. Вербу надо срубить, чтобы для его чириков сделать колодки!..»⁷⁷ (Вспомним в романе: «Христоня кладет на ребро аршинную босу ногу»). В 1937 году Христана Дударева арестовали. «Обвинили в троцкизме. Судили. В заключении он и умер...»⁷⁸

Сравнивая шолоховского Христона с Христаном Дударовым и Ванюрой, трудно сказать, кто из них в большей степени заинтересовал писателя. Шолохов понемногу взял от каждого. Что касается имени Христан, то оно было редчайшим и, пожалуй, единственным в округе Каргинской станицы, — замечает краевед.

В отношении некоторых героев «Тихого Дона» не надо искать прототипов — они выступают под собственными именами: тот же Харлампий Ермаков, Павел Кудинов, командиры дивизий — сотник Меркулов, есаул Егоров, подхорунжий Медведев, хорунжий Ушаков, двоюродные братья Богатыревы, начальник штаба 1-й дивизии сотник Копылов, есаул Сеннин. В этом же ряду — священник Виссарион, который выступает в романе под своим подлинным именем. Под именем благочинного отца Панкратия, по мнению Сиволова, в романе выведено тоже реальное лицо — священник Покровской церкви благочинный отец Николай.

Как говорится в романе, «два священника — отец Виссарион и благочинный отец Панкратий — дружбы с Сергеем Платоновичем не вели, были у них давнишние ссеты. Между собой и то жили неладно. Строптивный кляузник отец Панкратий умело гадил ближним, а вдвойне, живший с украинкой-экономкой отец Виссарион, от сифилиса гундосый, от природы приветливый, сторонился и не любил благочинного за непомерную гордыню и кляузный характер».

Шолохов вспоминал, что близко знал отца Виссариона. В беседе с журналистом В. Засеевым в 1975 году он рассказывал:

«— В те времена, когда я был мальчишкой, в станице Каргинской жил образованный поп — отец Виссарион. Жил он один и имел богатейшую библиотеку по истории и этнографии Донского края.

Сам отец Виссарион читал много, но книг своих никому не давал. Не знаю, как мне удалось завоевать его доверие, только начал он подпускать меня к своим высоким шкафам»⁷⁹.

Сиволов установил, что отец Виссарион имеет реальною прототипа — Виссариона Васильевича Евсева (1853—1927). Происходил он из казачьего сословия и вышел из семьи известного в Вешенской священника. Отец Виссарион был высокого роста, тучен, с пышной седой бородой. Гундосил от рождения, а не от сифилиса; этот дефект с годами усиливался, мешал говорить, читать проповеди.

В 1901 году у отца Виссариона от чахотки умерла жена. На богатом, черного мрамора, памятнике, установленном за церковной оградой, золотыми буквами он распорядился сделать такую надпись:

«Здесь погребена жена священника Дарья Викторовна Евсева. Скончалась в августе 1901 г. 43 лет. Вечный мир и радость во Христе тебе, моя дорогая и незабвенная супруга».

До конца жизни отец Виссарион оставался вдовцом, жил, как и написано в романе, с украинкой-экономкой, взятой из слободы Астахово монашкой, и приемным сыном. Из всех священников, — рассказывает Сиволов, — отец Виссарион заметно отличался мягким характером, душевной простотой, был при-

ветлив и щедр: как правило, всегда раздавал всё, что приносили в церковь на пожертвования. Приходили к нему немощные старики, полуглухие звонари. По тогдашним временам он имел большую библиотеку; на полках стеклянного шкафа рядами были расставлены тома Гоголя, Чехова, Пушкина и других писателей. После отлучения Толстого от церкви отец Виссарион не снял с полка его произведения. «Шолохов вспоминал, что в юности (1920—1921) он приходил к попу Виссариону и брал у него книги. Были они в хорошем состоянии, хозяин просил обращаться с ними бережно»⁸⁰.

Благочинный отец Николай (Виноградов Николай Николаевич, 1860—1934), по роману — отец Панкратий, доводился отцу Виссариону родным племянником, происходил из казачьего сословия, сын протоиерея, родился в станице Мигулинской.

«В Каргине духовные отцы Виссарион и благочинный отец Николай имели собственные рубленые дома с дворовыми постройками. Дом Виссариона (ныне сохранился), крытый железом, стоит на высокому фундаменте. Во дворе флигель (также сохранился) под жестью. С угла на угол — мужское приходское училище».

Дом отца Николая с флигелем и дворовыми постройками (конюшня, каретник, коровник) стоял на другом углу квартала, ростом ниже, выбеленный. Вокруг в рост человека плотный забор, крашенный в зеленое⁸¹. Все, как в романе!

Лукешка-косая. С Лукешкой Поповой мы знакомимся в романе в связи с приездом Штокмана в хутор Татарский, где он снимает у вдовой бабы Лукешки-косой две комнаты. В «Тихом Доне» читаем: «Поселился слесарь Штокман у косой и длинноязыкой Лукешки. Ночь не успел заночевать, а по хутору уж бабы языки вывалили» (2, 139).

«Лукешка-косая» — реальное лицо, только фамилия ее была не Попова, а Каргина, — сообщает Сиволовов. — Автор этих строк в тридцатые годы знал ее лично. Жила она с дочерью на соседней улице. Была вдовой; с глазами у нее действительно было не в порядке — один смотрел прямо, другой — вбок. Худенькая, невысокая, подвижная, в постоянных хлопотах. Своей голосистостью (дискантила так, что весь хутор слушал, замирая), острым и длинным языком была известна на весь хутор. <...>

В двадцатых годах Шолохов жил на той же улице, что и Лукешка (ныне главная), в центр станицы ходил мимо ее хаты <...> знал Лукешку не только как «длинноязыкую» хуторскую бабу, но и как подругу своей родственницы Прасковьи Герасимовны Черниковой.

Лукешка-косая умерла перед самой войной. Прошло много десятков лет, а многие каргинские старожилы помнят ее и поныне⁸².

Михаил Иванков. Эпизодический персонаж романа, появляющийся в связи с воинским «подвигом», — как писала пресса, — еще одного персонажа романа, имеющего прототипом реальное историческое лицо, — усть-хоперского казака Козьмы Крючкова, который одолел с помощью Иванкова и других казаков группу немцев. За этот бой он получил Георгия, его перевели в штаб дивизии, позже добавили еще три Георгия, а товарищи по свхатке остались в тени. Правда, Иванкова наградили медалью.

Иванков рассказывал Сиволовову:

«— О том, как на германской я и Крючков воевали, меня спрашивал Шолохов. Однажды он позвал меня к себе домой. Сидим в комнате за столом: он по одну сторону, я — по другую. Смотрит мне в глаза, спрашивает подробно, как и что было, а сам карандашом о стол постукивает. Я ему все чисто рассказал — и как дражили Крючкова, и как рубились. Шолохов слушал меня внимательно, но на листе так ничего и не записал. Я посчитал, что это ему вовсе не нужно, мало ли таких случаев на войне было. А потом, видите, все-таки написал»⁸³.

Федор Лиховидов — атаман Каргинской станицы, с которым мы встречаемся в пятой части романа, — также реальное исто-

рическое лицо. Авантюрная история его жизни подробно изложена в романе:

«Весною 1918 года, после дела под Страковым, его прокатили в атаманы. Вот тут-то и развернулись во всю ширь необъятные способности Федора Лиховидова. В столь жесткие руки попала станица, что неделю спустя даже старики головами покачивали» (3, 318).

В романе Шолохов оставил без изменения его фамилию, имя и отчество. «Федор Дмитриевич Лиховидов был действительно «человеком далеко не заурядным, — пишет Сиволовов. — При нем хутор Каргин был преобразован в станицу, был он первым и единственным станичным атаманом, носившим офицерский чин»⁸⁴.

Родился Лиховидов, — пишет Сиволовов, — в 1880 году в хуторе Гусыно-Лиховидовском. Образование получил в Каргинском приходском училище, потом в Новочеркасском юнкерском училище.

Начались волнения в Персии. Для их усмирения в Новочеркасске стали вербовать казаков-добровольцев. Жаждающий полвига, полный мечтаний о дальних походах, Федор подал рапорт о направлении его в Персию.

На усмирении бунтовавших персов Лиховидов заметно отличился, заработал покровительство самого шаха и был принят с казаками в состав его личной охраны. После усмирения персов Лиховидов возвратился на Дон.

В родном хуторе Федору Дмитриевичу было скучно, тесно и неинтересно. Как застоявшийся конь, в лихой удали он «скакал по хуторам на снежно-белом, красивейшем, тонконогом коне, по-лебединному носившем голову, выезжал на нем по порожкам магазина Лёвочкина, покупал что-нибудь, расплачивался, не слезая с седла, и выезжал в сквозную дверь» (3, 319), — так пишет Шолохов в «Тихом Доне». Такой случай в Каргинской действительно был, и никто не смел урезонить расходившегося под хмельком атамана: приказчики (среди них был и Александр Михайлов Шолохов) услужливо подавали ему, что было нужно. Потом Федор Лиховидов исчез так же неожиданно, как и приехал, — рассказывает Сиволовов, — и объявился в Албании. С кем он поехал на Балканы, зачем — никто не знал. Видно, надежды тех, кто его посылал, — вначале в Турцию, потом — на Балканы, Федор Лиховидов оправдывал.

Сиволовову повезло: он застал в живых Евгению Семеновну Каргину, в прошлом служанку в семье атамана, которая была настолько близким ему и его жене человеком, что когда атаман Лиховидов ушел в отступление в 1920 году со всей семьей, он взял ее с собой. Она рассказала краеведу о смерти лихого атамана от тифа во время тяжелейшего пути в Новоросийск.

Стала ясной еще одна загадка «Тихого Дона»: почему столь яркий персонаж действует только в одной главе, где рассказывается о разгроме мигулинцами Тираспольского красного полка под хутором Страковым в 1918 году. А где же был Федор Лиховидов в 1919 году, во время Вешенского восстания? Почему он исчез из романа? Этот упрек был высказан автору, а точнее — мнимому «соавтору» «Тихого Дона» в книге «Стреляющий «Тихого Дона», который будто бы по злой воле выбросил из развития сюжета в период Вешенского восстания такое важное действующее лицо, как Лиховидов. Но автор книжки «Стреляющий «Тихого Дона» не знал того, что знал Шолохов: в начале 1919 года, когда верхнедонцы открыли фронт красным, атаман Каргинской станицы и член Войскового круга Федор Михайлович, как и подавляющее большинство офицеров, богатых и служивых людей, ушел вместе с семьей в «отступ» — в Новочеркасск, а потому участия в Вешенском восстании не принимал. Вернулся он в Каргинскую после соединения повстанцев с Донской армией. «Что делал Федор Лиховидов за Донцом, никто не знал. Заявился он в Каргинскую уже в чине есаула. Приехал с женой... и со всем тем, что зимой увозил в окованных сундуках»⁸⁵.

Есаул Федор Попов (1897—1953) — также реальное лицо. Его имя и фамилию Шолохов оставил в романе без изменения. Когда красные обстреливали Каргинскую из пулемета, в ответ, пишет Шолохов, «...немногочисленные казачьи части пытались заслонить отступающих: пехота цепью легла за ветряком, 36-я Каргинская батарея под командованием каргинца, есаула Федора Попова, обстреляла беглых огнем наступающих красных, но вскоре взялись на передки».

«Федор Николаевич Попов родился 10 августа 1897 года в хуторе Каргине. Это его отец был управляющим паровой мельницы хорошо известного нам Тимофея Каргина. Мои родители и родители Федора Попова при всем неравенстве положения были знакомы, — рассказывает Сиволов. — Мои братья и сестры дружили с младшим братом Федора Петром и его сестрами, ныне живущими в Вешенской, и же поддерживаю с ними добрые отношения и сегодня. Они передали в мое распоряжение весьма ценный архивный материал, бережно сохраненный, несмотря на огромные трудности, выпавшие на их долю»⁸⁵.

Краевед подробно рассказывает о жизни в начале хурунжего, потом — подьесаула, вскоре — есаула Федора Попова, его боевом пути в гражданскую войну, жизни в эмиграции. Федор Попов похоронен в Париже на русском кладбище. На его обелиске сделана такая надпись:

**Войск. стар. Дон. Арт. Ст. Каргинская В В Д
Федоръ Николаевичъ Поповъ. 10.09.1897 5.08.1955 Theodor
POPOFF⁸⁶**

Василий Стороженко только раз упоминается в романе «Тихий Дон», — в связи с готовившимся весной 1918 года по распоряжению атамана Федора Лиховидова арестом всех каргинских фронтовиков, сочувствовавших красным.

«Из иногородних лишь несколько молодых солдат, предводительствуемые Василием Стороженко, служившим в 1-м пулеметном полку, бежали к красногвардейцам».

Кто такой Василий Стороженко? Существовал ли он в действительности? Да, — отвечает Сиволов.

«Василий Васильевич Стороженко — реальное лицо, выведенное в «Тихом Доне» под своим именем. Родился он 20 января 1897 года в хуторе Каргине, из иногородних. Отец его, Василий Иосифович, работал ночным сторожем купеческих магазинов Левочкина, Каргина, Татарина, Солодкова...»

Василий Стороженко не минуло и 12 лет, как по окончании церковноприходской школы отец отдал его в ученики приказчика в торговый дом купца Левочкина»⁸⁷.

В мае 1916 года Василия Стороженко призвали на действительную военную службу в пехотный полк, где он вскоре получил звание младшего унтер-офицера. На русско-германском фронте не был. В Каргинскую вернулся в конце 1917 года. Стороженко и его товарищи сразу же примкнули к революционно настроенным фронтовикам, участвовали в митингах и собраниях. Предупрежденные о готовившемся по распоряжению атамана аресте, они в темную мартовскую ночь тайком ушли из Каргинской.

По рассказам каргинцев, иногородних солдат той ночью увел с собой Михаил Сиволов (дядя Г.Я. Сиволова. — Ф.К.) и ночевали они в Астахове у знакомой тавричанки, которая впоследствии стала его женой. Михаил Сиволов был старше и опыtier своих товарищей, захватил конец германской войны, где служил в автомобильной роте, с войны принес большевистские убеждения, но самое главное — он обладал незаурядными ораторскими способностями. На митинге в Вешенской выступал с призывом поддержать каменных фронтовиков и идти на помощь Подтелкову, с таким же призывом выступал на митинге в Каргине.

В рядах Красной Армии, сообщает Сиволов, Василий Стороженко воевал на Юго-Восточном и Северо-Кавказском

фронтах, после окончания гражданской войны остался служить в Красной Армии. В 1923 году окончил двухгодичную Петроградскую военно-инженерную школу, стал красным командиром. Отечественную войну закончил в звании генерал-майора авиации.

В 1946 году генерал Стороженко умер, похоронен на Новодевичьем кладбище».

Сиволов, на труды которого прежде всего мы опирались в данной главе, исследовал только тот жизненный материал по проблеме прототипов и реальных лиц, действующих в «Тихом Доне», который касается его родной станицы Каргинской. Можно ожидать, что работа по выявлению людей, попавших в поле зрения автора «Тихого Дона» и так или иначе получивших отражение на страницах романа, которые жили в других станицах и хуторах Верхнего Дона, будет продолжена и даст столь же впечатляющие результаты.

Однако уже и то, что сделано Г.Я. Сиволовым в отношении жителей Каргинской, присутствующая на страницах «Тихого Дона», дает достаточно полное представление, насколько мощна документальная, личностная основа этого романа, насколько глубоки и неопровержимы связи Шолохова как автора «Тихого Дона» с родной землей. Большинство действующих лиц романа имеет своих прототипов, так или иначе связанных с биографией именно Шолохова, а не кого-то другого, ибо жили эти люди большей частью в тех же местах, где прошли детство, отрочество и юность этого великого русского писателя.

Топография и топонимика

Проблема прототипов в более широком смысле может быть распространена и на события, и на топографию местности, описанной в романе. Ведь художник-реалист, каким был Шолохов, воссоздавая сквозь призму художественного воображения не только духовный, но и вещный мир, опирается при этом на собственный жизненный опыт, на личные впечатления или воспоминания, на известные именно ему реалии действительности. Мы в этом убедились, когда исследовали систему прототипов «Тихом Доне», историю боев, в которых участвует в романе Григорий Мелехов, во многом повторяя военную биографию Харлампия Ермакова. Выявленные нами совпадения характеров и событий в романе с характерами, обнаруживающимися в реальной жизни Верхнего Дона, с событиями первой мировой и гражданской войны, отнюдь не случайны и не сторонни проблеме авторства «Тихого Дона».

Не меньшее значение для пояснения этой проблемы имеют детали и подробности, связанные с топонимикой романного действия. Все они не выдуманы писателем — их можно было узнать не путем «изучения» или краткосрочных наездов, а прожив жизнь именно в этих местах.

Сотнями тугих и подчас незаметных нитей — прежде всего биографического характера — связан Шолохов со своим романом. Они обнаруживаются в процессе тщательного текстологического анализа и прослеживаются в свидетельствах о замысле романа, в прототипах героев, в многообразной источниковой базе «Тихого Дона». А также в географии, топографии, топонимике местности, где разворачивается действие романа, равно как и «Донских рассказов» или «Поднятой целины».

Условно говоря, прототип местности, изображенной в «Тихом Доне», — вся Область Войска Донского, как называли ее до революции. А если уточнить, то не вся область, а Верхний Дон. А еще точнее — станица Вешенская, Каргинская и близлежащие хутора, то есть те места, где родился и вырос М.А. Шолохов и где случилось Верхне-Донское, иначе — Вешенское восстание.

Факты связывают «Тихий Дон» с местом рождения и проживания именно Шолохова, а не Крюкова или кого-то другого. Не видя, не принимая в расчет факт «топографической» связи «Тихого Дона», равно как и «Донских рассказов» или «Поднятой целины» с местом рождения и проживания Шолохова, невозможно.

Сиволовов опубликовал самодельную карту местности, где разворачивались бои, описанные в «Тихом Доне».

В очерке П. Кудинова «Восстание верхнедонцев в 1919 году» также напечатана составленная им карта-схема военных действий повстанцев Верхнего Дона. К сожалению, она не была воспроизведена при перепечатке этого очерка в журнале «Родина».

Бросается в глаза почти полная идентичность этих карт — одной — идущей от романа, и другой — идущей от жизни. Однако есть и различия. Карта в книге Сивололова — как бы сегмент карты Павла Кудинова. Если кудиновская карта-схема отражает всю географию, весь театр военных действий, заключенный — и это видно на карте Кудинова — в огненное кольцо, то краеведческая карта, составленная на основе текста «Тихого Дона», отражает лишь часть этого круга, включающую станции Вешенскую, Каргинскую и их хутора, где воевала 1-я повстанческая дивизия, возглавляемая Григорием Мелеховым (Харлампием Ермаковым).

Совпадение карт и текста «Тихого Дона» не ограничивается названиями тех станций Верхнего Дона, которые (по свидетельству Кудинова и по роману «Тихий Дон») принимали участие в восстании: хутора Шумилина (у Шолохова — Шумилинская), станиц Казанская, Мигулинская, Вешенская, Еланская, Усть-Хоперская. Мы видим на этих картах практически и все хутора, принимавшие участие в восстании и названные в романе.

Любопытна даже такая на первый взгляд незначительная деталь, как переименование некоторых хуторов в связи с переводом их из ранга хутора в ранг станицы: хутор Каргин — станица Каргинская, хутор Шумилин — станица Шумилинская. В «Тихом Доне» этот факт, случившийся в 1918 году, зафиксирован и отражен документально: когда действие в романе происходит до 1918 года, мы читаем «Каргин», а после 1918 года — «Каргинская».

Обратимся к дореволюционной «Карте Области Войска Донского» (издание Картографического заведения А. Ильина). Она полностью подтверждает топографическую и топонимическую идентичность двух самодельных карт, о которых шла речь. Карта Картографического заведения А. Ильина показывает, что не только география боевых действий, изображенных в третьей книге романа, но и топография и топонимика в романе — от его начала и до конца, — включая глубоко историю этих мест, полностью соответствует реальности.

Станица Вешенская, рассказывается в «Тихом Доне», возникла на месте «воровского городка Чиганак», который когда-то за непослушание «сожгли государевы войска». А точнее, «была перенесена с места разоренной при Петре I Чиганецкой станицы» и переименована в Вешенскую. Странное слово «Чиганак» на донском диалекте означает поселение в заболоченной местности или в заливной пойме реки с постройками на высоком фундаменте; а идет это название от диалектного слова «чиган», что означает «болотная чочка».

Судя по карте, и в самом деле недалеко от Вешенской на Дону сохранился скромный хутор с названием Чиганецкий. Шолохов предельно внимателен к топонимике, хотя некоторые названия он брал со слуха, а не из карт.

Этими подлинными названиями хуторов и станиц наполнен «Тихий Дон».

К примеру, Аксиныю Степан Астахов взял замуж «с хутора Дубровки с той стороны Дона, с песков» (2, 41). В рукописи вначале значилось другое название хутора — Дубовый, но такого названия нет на карте, и Шолохов уточнил: хутор Дубров-

ский. На карте этот хутор, расположенный недалеко от Вешенской, обозначен.

Собираясь «отступ», Пантелей Прокофьевич планирует направиться на Чир, в хутор Латышев, где у него двоюродная сестра. И дальше, объясняет он Григорию: «...Надо по карте на слободу Астахова ехать, туда прямее — а я поеду на Малаховский, там у меня — тоже дальняя родня...» (5, 242). И опять-таки все сходится: на карте, в нижнем течении Чира, близ станицы Краснокутской — хутор Малахов, а левее, близ Пономарева — Астахов.

В хуторе Пономарев происходили суд и казнь Подтелкова и Кривошлыкова. Недалеко от Пономарева, на краю Вешенского юрта хутор Нижне-Яблоновский, где догнали Мишку Кошевого и Валета казаки и где похоронили (по роману) Валета. Легко находим на карте и хутор Сетраков, где ежегодно проходили лагерные сборы. Во время призыва на сборном участке в слободе Маньково обучение проходят казаки «с Каргина, с Наполова, с Лиховидова» (2, 229). Все эти названия обозначены на карте, и мы с ними встречались во время описания восстания. И так далее...

Боевые действия в ходе восстания в «Тихом Доне» описаны с удивительной и точной конкретностью, подтверждаемой как историческим очерком Кудинова, так и материалами судебных дел Х. Ермакова и П. Кудинова. С самого начала восстания все военные действия в романе четко зафиксированы не только исторически, но и географически.

«Восстали еланские и вешенские с этой стороны (то есть со стороны левобережья. — Ф. К.). Фомин и вся власть из Вешек убежали на Токин. Кубить восстал Казанская, Шумилинская, Мигулинская... В Еланской первым поднялся Красноярский хутор... Через Дон прискакали на Пешаков...» (4, 195). Еланская, Вешенская, Казанская, Мигулинская станицы, хутора Шумилин, Красноярский, Пешаков, Токин — все это реальные и широко известные станицы и хутора Верхнего Дона, зафиксированные, естественно, на карте. Хутора Пешаков и Каргин — места, где Шолохов жил подростком.

«...Выбили из Вешенской решетовцы, дубровцы и черновцы Фомина» (4, 196). Речь идет о так называемой «решетовской сотне», возглавлявшейся Емельяном Ермаковым, сформированной из казаков хуторов, расположенных по реке Решетовке, — Решетовское, Дубровское, Черного. Хутор Кривской расположен рядом с Пешаковым, где повстанцы создали объединенную казачью сотню во главе с сержантом Павлом Дроздовым, которая была разбита красными войсками и загнана в Вилтов Яр (по роману — Красный Яр), где казаки во главе с Павлом Дроздовым были расстреляны. Все последующие события — расправа над командирами и убийство Марией Дроздовой (Дарьей Мелеховой) Ивана Алексеевича Сердинова (в романе — Котлярова) происходили в Пешакове, и очевидцем их был Шолохов.

Географически точно отмечены в романе и все бои, в которых участвовал Григорий Мелехов: бой возле хутора Свиридова, где, применив свой удар левой рукой, он «развалил» каргинского коммуниста из иногородних Петра Семиглазова, и два боя под хутором Климовка, во время второго боя Григорий Мелехов (Харлампий Ермаков) порубил матросов. И хутор Свиридов, и хутор Климовский расположены по Чир, — один отмечен на карте рядом с Каргинской, другой — поблизости от Краснокутской.

Мы можем продолжить этот перечень, но уже и так ясно, что география в «Тихом Доне» органически связана с сюжетом романа, что усиливает историческую достоверность описываемых событий. И второе: география в третьей книге «Тихого Дона», как уже подчеркивалось выше, в основном отражает боевую путь 1-й повстанческой дивизии, возглавлявшейся Григорием Мелеховым в романе и Харлампием Ермаковым в жизни, и сосредоточена в районе реки Чир и в хуторах Вешенского юр-

та, прежде всего — в местах, где жил Шолохов и где воевал Харлампий Ермаков.

Стоит отметить, что после завершения восстания и разгрома Донской армии, когда Григорий вместе с Аксиньей идет в «отступ», географическая и топонимическая пунктуальность и наполненность в романе исчезают, названия населенных пунктов, через которые двигались Григорий Мелехов, как бы перестают интересовать автора. Чаще всего он их даже не называет, удовлетворяясь общими замечаниями: «в одной станице...», «в одном поселке...»

Что же касается Верхнего Дона, в особенности Каргинской и Вешенской станиц, хуторов прибрежного Обдолья, то топонимика здесь не ограничивается названиями станиц и хуторов, но идет вглубь: детализируются названия рек и речушек, поим, лугов, яров и т.д. Местные природные названия постоянно повторяются в романе. Уже упомянутый Гетманский шлях проходит через весь роман, начиная с первой его страницы, а еще точнее — с «Донских рассказов». Или — Забурунный лог, Рогожинский пруд, Песчаный курган, Меркулов курган, Гремячий лог, Гусынская балка, Кривой бугор, Климовский бугор, Каргинский бугор, Сторожевой курган, Еланская грань, Ольшанский буерак, Калмыцкий брод, Жиров пруд и т.д.

Сиволов исследовал топонимику «Тихого Дона» применительно к родной Каргинской станице. И установил подлинность большинства этих географических реалий и их названий, многие из которых живы и по сию пору: «Шолохов подробно описывает места вокруг Каргинской: балки, перелески, повороты дорог, едва заметный курган, пруд или мост, — пишет Сиволов.

<...> — Собирая материал, ездил я в Топкую балку, где убили Алешку Шамиля и где в 1921 году Михаил Шолохов едва не угодил в лапы бандитов. На обратном пути видал, как в стороне от наезженной полевой дороги «жемчужно-улыбчиво белела полоска Жирова пруда» <...> На обратном пути по Гусынской балке заехал в хутор Климовский, поднялся на бугор, где Григорий Мелехову дважды пришлось участвовать в бою. Около Забурунного лога разгорелся жестокий бой, окончившийся, как мы знаем, поражением красных. После боя «по приказу Григория сто сорок семь порубленных красноармейцев жители Каргинской и Архиповки крестычами и баграми стащили в одну яму, мелко зарыли возле Забурунного». Каргинцы хорошо помнят тот день, а годом позже бурным весенним потоком Забурунный размывал могилы, обнажая человеческие трупы. <...>

За Каргинской — Песчаный курган. Оттуда, стоя около батареи, Мелехов давал команду «полохнуть» из мотрирки по мосту с красными. За увалом, неподалеку от Песчаного кургана — Рогожинский пруд, около которого после боя, направляясь домой, Григорий с ординарцем Прохором Зыковым останавливался на отдых. Куда ни посмотри — вокруг знакомые до слез родные места»⁸⁸. «Знакомые до слез» и по роману «Тихий Дон». Краевед специально подчеркивает: Шолохов обладал недюжинной зрительной памятью.

Описывая историю насипного Меркулова кургана под Каргинской, где Христоня с отцом искали клад и нашли уголь, Сиволов приводит в своей книге заметку из Вешенской окружной газеты «Известия» от 16 августа 1922 года: оказывается, в поисках клада краеведы и в самом деле раскапывали этот курган, но «место Богоматери клада открыли пудов 25–30 древесного угля»⁸⁹.

Как видим, не только исторические, но и географические реалии «Тихого Дона» свидетельствуют, насколько насколько тесно связан роман с жизнью Вешенской и окружающих ее реально существовавших — и существующих поныне — станиц и хуторов.

Плодом художественной фантазии автора «Тихого Дона» являлись только два населенных пункта: хутор Татарский и имение Листницких Ягодное.

Однако при «дактилоскопическом» анализе текста «Тихого Дона» становится очевидным, что они также связаны с биографией автора.

Свидетельства земляков Шолохова, собранные местными краеведами, позволяют сделать вывод: хутор Татарский — собирательный образ.

Называются, в частности, хутора, которые хорошо знал писатель: Каргин, где Шолохов в общей сложности прожил пятнадцать лет; Пешаков, расположенный на правой стороне Дона, напротив станицы Еланской, где также жил будущий писатель.

Как уже упоминалось, в Пешакове существовала мельница; и она сама, и те, кто работал на ней, — по мнению краеведов и исследователей творчества Шолохова — нашли отражение на страницах «Тихого Дона».

Однако, как установил Сиволов, в Каргине также была мельница, которая по своим характеристикам ближе к описанию, данному в «Тихом Доне». По мнению Сиволова, именно паровая мельница в Каргине — массивное двухэтажное сооружение с просорушкой, масляной койкой, кузницей, мощным немецким двигателем, принадлежавшая богатому купцу Тимофею Андреевичу Каргину, и являлась прообразом описанной в «Тихом Доне» паровой мельницы в Татарском.

А населил Шолохов эту мельницу людьми, которые, как показывает краевед, жили не в Каргине, а в Пешакове. «При некоторой схожести двух мельниц, — пишет Г.Я. Сиволов, — не было установлено, чтобы на каргинской мельнице работали люди, похожие на Котлярова, Валета, Тимофея и Давыду. Они оказались жителями хутора Пешакова и работали на паровой мельнице, принадлежавшей купцу Ивану Симонову: машинист Иван Алексеевич Сердинов, весовщик Валентин по прозвищу Валет и братья Бабичевы — Василий и Давид <...>. Это были реальные лица, хорошо знакомые автору романа по тому времени, когда отец его работал на этой мельнице сначала управляющим, а затем стал ее хозяином»⁹⁰.

Выросший в Каргине, Сиволов провел тщательнейшее исследование и установил, какие реалии хутора Каргина, где прошло детство писателя, Шолохов перенес в придуманный им хутор Татарский.

Сиволов сопоставил план застройки дореволюционного Каргина с описанием хутора Татарского, приложив этот план с расшифровкой к тексту своей книги. И действительно, на этом плане обозначены и рыночная площадь с пожарным сараем, и майдан, и церковь с караулкой, и школа, и торговый дом купца Левочкина (в романе — Мохова), и мельница, и почта на главной улице, и дом, где находилось агентство фирмы «Зингер», и дома двух священников — жителей хутора Татарского, — с такой точностью, будто это план застройки не хутора Каргина, а хутора Татарского⁹¹.

Не менее выразителен этот план и в отношении прилегающей к Каргину местности. Слева обозначена длинная лента Забурунного лога, — он неоднократно упоминается в романе. Справа — Мокрый луг с зарослями чакана, также знакомый нам по «Тихому Дону». Внизу стрелка указывает: «К Шамилевскому пруду».

На плане хутора обозначен и квартал, где жили братья Ковалева (Шамили), и дома уже знакомых нам по предыдущему повествованию жителей Каргина — героев «Тихого Дона»: Михаила Копылова, Михаила Иванкова, Петра Семглазова, каргинского атамана Федора Лиховидова, Василия Стороженко, Аникушки Антонова, Лукешки-косой... На плане виден и тот сарай, где держали Михаила Кошевого и сына грачевского попа Александра перед поркой на майдане (священник Александров в Грачеве также существовал в действительности). Обозначен дом, где до 1917 года жил М.А. Шолохов. А чтобы окончательно подтвердить достоверность этих сведений, указан и дом самого краеведа, уроженца и жителя

Каргина Георгия Яковлевича Сиволовова, чей вклад в шолоховедение воистину бесценен.

Ибо без таких подвижников, как он, многое в романе было бы непонятным, многое было бы утрачено навсегда. Читая в романе, к примеру, описание базара на главной площади в Татарском: «...На квадрате площади дыбились задранные оглобли повозок, визжали лошади, сновал разный народ; около пожарного сарая болгары-огородники торговали овошной снедью, разложенной на длинных ряднах, позади них кучились оравами ребятишки, глаза на распряженных верблюдов, надменно оглядывавших базарную площадь, и толпы народа, перекипавшие краснооколыми фуражками и цветастой россыпью бабьих платков» (2, 239–240).

Возникает недоуменный вопрос: откуда в хуторе Татарском на Дону болгары-огородники? Верблюды?

Недоумение рассеивается, когда обращаешься к краеведческому исследованию Сиволовова. Оказывается, на левой стороне Чира землю традиционно арендовали у станичников болгары-огородники, которые разбивали там овощные плантации. Рядом с пожарным сараем, почти за домом, где жил Шолохов, на лавках и ряднах болгары раскладывали свои овощи. А жители астраханских и калмыцких степей приезжали торговать на воскресных базарах на верблюдах. Так что строки эти, — пишет Г. Я. Сиволовов, — «навеяны детскими воспоминаниями»⁹².

Так проявляет себя «дактилоскопия» текста в действии: без учета жизненного опыта писателя, воспоминаний его детства появление на базаре в Татарском болгар-огородников и верблюдов объяснить невозможно. Так же как невозможно объяснить и появление в романе «тавричан», о которых мы уже писали ранее, если не знать, что «тавричане», то есть украинцы, переселившиеся в XVIII веке из Таврической губернии, жили именно в Вешенском юрте; «Жили они в слобо-

де Астахово и далее от крайнего казачьего хутора Нижне-Яблоновского в сторону Кашар»⁹³, — пишет Сиволовов.

Из детских воспоминаний Шолохова — и само название хутора — Татарский. В беседе с Приимой, как вы помните, Шолохов говорил, что его родных по материнской линии в хуторе называли «татарчуки»...

Биография Шолохова по «материнской» линии помогает нам уяснить и возникновение «придуманного» писателем поселка Ягодного: за ним — поселок Ясеновка, в котором находилось имение известного на Дону помещика Попова, где жила и работала в услужении мать М. А. Шолохова, Анастасия Даниловна.

«В имении Дмитрия Евграфовича Попова мы находим много сходного с имением Листницких. В описании Шолохов весьма точен, — пишет Сиволовов. — <...> Расположение комнат в доме Листницкого точно совпадает с расположением комнат в доме Попова <...> Похожи крытые панские дома, похожи рубленые и крытые красной черепицей флигели»⁹⁴.

Сиволовов считает, что именно имение Ясеновка явилось прототипом Ягодного.

Информационное поле романа «Тихий Дон», его источниковая база, питающая историко-хроникальное содержание романа, биографию его главного героя Григория Мелехова, разветвленная система прототипов, начиная от Павла Кудина и кончая отцом Виссарионом и Лукешкой-косой, наконец, география, топография и топонимика местности, воспроизведенные в «Тихом Доне», — все это убеждает нас: роман «Тихий Дон» неразрывно связан с жизненной судьбой Михаила Шолохова. Его биография, его укорененность в реальную жизнь Вешенской округи помогли ему создать «Тихий Дон». Подтверждение тому — не только биография Шолохова, но и творческая история романа, обстоятельства его создания, драматической общественно-литературной судьбы.

¹ Казачий словарь-справочник. Т. 3. — Сан-Анселмо, Калифорния, США. 1970. С. 263.

² Данилов Иван. Донской чебор. Из книги народной памяти. Волгоград. 1988. С. 37.

³ Кузнецова Н. Т., Баштанник В. С. У истоков «Тихого Дона» // Дон. 1978. № 7. С. 31.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 32.

⁶ Там же.

⁷ См.: Дон. 1987. № 5. С. 141.

⁸ См.: Прийма К. С веком наравне... С. 156.

⁹ Медведева-Томашевская И. Н. Стреля «Тихого Дона» // Загадки и тайны «Тихого Дона»... С. 69.

¹⁰ Краснов П. Н. Всевеликое Войско Донское. // Архив Русской революции. Т. 5. Берлин. 1922. С. 291.

¹¹ Серебровская Елена. Шолоховские годы. СПб., 1999. С. 8.

¹² Советские писатели. Автобиографии в двух томах. Т. II. М., 1959. С. 694.

¹³ Дон. 1988. № 12. С. 106.

¹⁴ Медведева-Томашевская И. Н. Указ. соч. // «Загадки и тайны «Тихого Дона». С. 14.

¹⁵ Прийма К. Указ. соч. С. 172.

¹⁶ Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД 1934–1941. Справочник. М.: «Звенья», 1999. С. 284.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ «Ударник», Туапсе, 26.XI.1937.

²⁰ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 391. Л. 39.

²¹ Там же.

²² Миронов Филипп. Документы. С. 223–224.

²³ Там же. С. 174–175.

²⁴ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 391. Л. 39.

²⁵ ОР ИМЛИ. Ф. 143. Оп. 1. Архив Е. Г. Левинской.

²⁶ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 391. Л. 45.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Ф. 1378. Оп. 2. Ед. хр. 94.

²⁹ Там же. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 391. Л. 116.

³⁰ Там же. Ф. 100. Оп. 3. Ед. хр. 188.

³¹ Там же. Ф. 191. Оп. 3. Ед. хр. 215. Л. 2.

³² Там же. Ф. 192. Оп. 3. Ед. хр. 162. Л. 22 от.

³³ См.: Семанов С. Н. Указ. соч. С. 133.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 134–135.

³⁶ Кудин Павел. Восстание верхнедонцев в 1919 году // Отчизна. 1991. № 7. С. 69.

³⁷ Прийма К. Указ. соч. С. 170.

³⁸ Кузнецова Н. Т., Баштанник В. С. Указ. соч. // Дон. 1978. № 8. С. 35.

³⁹ Там же. С. 35.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Сиволовов Г. Я. Указ. соч. С. 53–54.

⁴³ Там же. С. 54–55.

⁴⁴ Сиволовов Г. Я. Михаил Шолохов: страницы биографии. С. 115.

⁴⁵ Сиволовов Г. Я. «Тихий Дон»: рассказы о прототипах. С. 56.

Г. Ю. НАБОЙЩИКОВ

Мои встречи и переписка
с П. Н. КУДИНОВЫМ

46. Прийма К. Указ. соч. С. 170.
 47. Золототрубов Ал. Ревкомовец из «Тихого Дона» // Север. 1965. № 3. С. 103.
 48. Там же. С. 105.
 49. Там же. С. 106.
 50. Прийма К. Указ. соч. С. 170.
 51. Сиволов Г. Я. Указ. соч. С. 60.
 52. Прийма К. Указ. соч. С. 65.
 53. Архив Ростовского ФСБ, Дело № 27966. Т. 3. Л. 156.
 54. Обухов Михаил. Встречи с Шолоховым (20–30-е годы) // Творчество Михаила Шолохова. Статьи, сообщения, библиография. — Л., 1975. С. 292.
 55. Там же. С. 291–292.
 56. Прийма К. Шолохов в Вешках // Советский Казахстан. 1955. Май. С. 77–78.
 57. Там же. С. 80.
 58. Сиволов Г. Я. Указ. соч. С. 4.
 59. Там же. С. 6.
 60. Там же.
 61. Там же. С. 3.
 62. Прийма К. Указ. соч. С. 169.
 63. Кузнецова Н. Т., Баштанник В. С. Указ. соч. // Дон. 1978. № 7. С. 62.
 64. Гура В. Как создавался «Тихий Дон» М., 1980. С. 118–119.
 65. Прийма К. Указ. соч. С. 172.
 66. Палшков А. Молодой Шолохов // Дон. 1964. № 8. С. 161.
 67. ОР ИМЛИ. Ф. 143. Оп. 1. Ед. хр. 133.
 68. См.: Сиволов Г. Михаил Шолохов. Страницы биографии. С. 35–55.
 69. Там же. С. 64.
 70. Там же. С. 70.
 71. Там же. С. 104.
 72. Там же. С. 106–107.
 73. Там же. С. 109–110.
 74. Там же. С. 121.
 75. Там же. С. 123.
 76. Там же. С. 174.
 77. Там же. С. 175.
 78. Там же. С. 177.
 79. В мире книг. 1975. № 5. С. 14.
 80. Сиволов Г. В. «Тихий Дон»: рассказы о прототипах... С. 163.
 81. Там же. С. 167.
 82. Там же. С. 188–189.
 83. Там же. С. 145.
 84. Там же. С. 233.
 85. Там же. С. 268–269.
 86. Там же. С. 273.
 87. Там же. С. 225.
 88. Там же. С. 7–8.
 89. Там же. С. 178–179.
 90. Там же. С. 62.
 91. Там же. С. 48–51.
 92. Там же. С. 41.
 93. Там же. С. 29.
 94. Там же. С. 208.

Публикуем в приложении запись беседы старшего научного сотрудника ИМЛИ им. А. М. Горького А. Зименкова с Г. Ю. Набойщиковым о его встречах с П. Н. Кудиновым и трагической послевоенной судьбе бывшего командующего войском повстанцев Верхнего Дона после Великой Отечественной войны, о котором рассказывалось в предыдущей главе. Г. Ю. Набойщиков — в прошлом офицер Внутренних войск МВД, позже — преподаватель и журналист, ныне — пенсионер. Магнитофонная запись беседы и копии писем П. Н. Кудинова Г. Ю. Набойщикову хранятся в Отделе рукописных и книжных фондов Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук.

У меня в руках — газетная заметка Павла Назаровича Кудинова. Только я не знаю, в какой газете она была опубликована! Он мне ее прислал как документ, из-за которого, как считает, он больше всего пострадал в жизни.

После того как казаки бежали из Крыма с армией Врангеля, П. Н. Кудинов очень долго скитался, жил в Турции, Югославии, потом — в Болгарии, где осел на много, много лет. И вот тогда он решил послать письмо на родину. Копия у него осталась. Он решил послать письмо о том, что он отрезвел, так сказать, на Западе. Он переслал мне копию письма. Вот что Кудинов писал:

«Русский народ, изголодавшись, исголодавшись без обуви и одежды, наверное, частенько подумывает: «Как бы был Врангель, так был бы и хлеб, и обувь, и одежда». По-моему, это просто ваша отчаянная галлюцинация. Вспомните времена Врангеля! Что он дал вам полезного в экономической жизни? Ровно ноль... Я откровенно говорю не только вам, но каждому русскому труженику: пусть выбросит грязные мысли из головы о том, что здесь, где-то на полях чужбины, Врангель для вас готовит баржи с хлебом и жирами. Нет! Кроме намыленных веревок, огня, меча, суда, смерти и потоков крови, ничего. И вы, русский народ, напрягите все силы там, в стране, для возрождения. Может, многим еще хочется блеснуть погонями и плюнуть кому-то в лицо, но это не служит доказательством несостоятельности советской власти. Наши казаки, за исключением немногих, покинули лагеря и вышли на беженское положение.

Ваш сын и брат Кудинов».

Такое вот письмо, которым он призывал верхнедонских казаков признать советскую власть. Из истории Отечественной войны известно, что Болгарию наша армия занимала без боя. Болгары тепло встречали Красную Армию. Хотя Болгария была союзницей Гитлера, ни один болгарский солдат не воевал против Красной Армии, и Болгария не сделала ни одного выстрела против Советского Союза. Болгария вышла из войны, и сама объявила войну Гитлеру. Красная армия вместе с болгарской пошла на запад, чтобы прорваться в Югославию, в Сербию, на соединение с армией Тито, повести наступление на Белград. Павел Назарович Кудинов, русский эмигрант, полковник казачьих войск жил в болгарском городе Михайлов-граде и радовался приходу Красной Армии. Но радость его была недолгой. Вот что он писал мне:

«При проходе Красной Армии через Михайлов-град на Белград, пришли офицеры НКВД, предъявили соответствующий

документ и говорят: — Вы Павел Назарович Кудинов? — Я! — Это вы писали в 22-м году в газету, как вы прозрели и как вы теперь уважаете русский народ и прочее? Хватит прикидываться, дубина. Собирайся, поехали!»

Как я уже говорил, это письмо было отправлено Кудиновым на родину в 1922 году. Бериевская служба, когда Красная Армия пошла в Восточную Европу в 1944–1945-м году, имела уже подготовленные списки белоэмигрантов, составленные на основе архивных и других данных. Письмо Кудинова в вешенской газете им помогло.

Трагедия с Кудиновым случилась из-за его доверчивости и открытости. Он был именно таким, судя по личному общению и переписке с ним. Вот я держу единственную фотографию Павла Назаровича Кудинова. Он мне ее прислал. Я должен сказать, что во время моих личных встреч с ним у меня было много возможностей с ним и лично сфотографироваться, и его сфотографировать. Но, честно говоря, я не хотел фотографироваться с ним и просить у него какие-то фотографии. При личном знакомстве с ним я ему просто не доверял, я не верил, что это действительно тот самый Кудинов, который является героем «Тихого Дона». Я долгое время ему не верил. Я не верил, что передо мной тот самый руководитель казачьего восстания на Дону в 1919-м году. Всю жизнь страдаю о том, что не доверился ему. Потом я открыто это ему написал. Он мне прислал свою фотографию. На обороте: «На память литератору Григорию Юрьевичу Набойшикову от георгиевского кавалера 1-й степени, Кудинова Павла Назаровича, Т-Дон-казак, штаб-офицер, 1963 год».

Мне известно, что он стихи писал, прозу писал. Я не буду сейчас говорить, какова эта проза, хороша она, плоха. После долгих лет жизни в Болгарии он уже и по-русски не так хорошо говорил, прожил там жизнь, потерял какие-то русские слова. Я не буду говорить о качестве его поэзии. Но вот — строки на обороте фотографии:

*«О, Дон родной, родной,
Я зрю тебя очами,
И тихие удары сердца твоего
Я слышу под ногами».*
Ростов-на-Дону, 1953 год

Не могу понять: почему Ростов-на-Дону 1953 год? На фотографии видно, что это молодой человек, 30 лет с хвостиком, не больше. А в 53-м году ему уже должен был пойти седьмой десяток. По-видимому, он в 53-м году написал эти строки, а подписал их мне позже. Но с другой стороны: Ростов-на-Дону, 53-й год. Он освободился в 56-м году. В 53-м году он был на лесоповале в Инте, Коми АССР. Я не могу понять, почему у него эта надпись «Ростов-на-Дону, 53-й год». Отвечаю, что он мог в такой форме фотографироваться в Ростове-на-Дону. Форму свою он имел в Болгарии, она там лежала у него, у родных. Тут какая-то путаница. Но то, что он подарил мне эту фотографию в 63-м году, я хорошо помню. Я тогда был на военной службе в Туркмении, о чем свидетельствуют штампы на его конвертах. А что такое «53-й год, Ростов-на-Дону» — не могу понять?

А где-то в шестидесятые годы я от него получил текст его письма из газеты 22 года. Когда началась у нас переписка с Кудиновым, это было самое первое, что он мне прислал. А первая с ним встреча у меня произошла в 1956 году.

Я познакомился с Павлом Назаровичем Кудиновым во время моей службы во внутренних войсках НКВД. Вот я держу сохранившиеся конверты, даже по конвертам видно, что они, безусловно, цензуровались нашими спецслужбами. Вся переписка моя с Кудиновым попадала вначале в наши спецслужбы, потом мне выдали то, что вот сейчас у меня есть: отдельные листы, конверты, выдержка его из газеты 22-го года. Я пе-

реписывал себе в дневник отдельные фрагменты из его писем. Этот дневник во время моей военной службы хранила моя двоюродная сестра в Ташкенте. У нее хранились мои личные вещи. Я счастлив, что многие мои записи, воспоминания о Кудинове остались в этом дневнике, откуда я и взял письмо Кудинова в газету 1922 года. Сохранились и многие оригиналы писем.

Вот я держу перед собой широкоформатный лист бумаги из школьной тетради в клеточку. На обеих сторонах, убористым почерком письмо мне Павла Назаровича Кудинова. Я его сейчас целиком читаю.

«Многоуважаемый Григорий Юрьевич! Bonjour. Письмо ваше от 9 марта 1963 года мною получено. Благодарю вас, живущего в далекой стране, в стране, в которой я пробыл 11 лет, подаренные мне богами Советского Союза — Берией и Сталиным, угробивших миллионы русского народа в тайге в далекой Сибири. Как нужно понимать, что интересуетесь легендарной историей события восстания донских казаков в 1919 году. Это событие написано. (Я читаю так, как здесь, со всеми его искажениями русских слов.) — Это событие написано писателем Михаилом Александровичем Шолоховым в книге «Тихий Дон», которую, наверно, читали и вы. Содержание книги верное и изумительно похвальное, которое оправдывает его писательский талант, которым следует восхищаться. Вы, Юрий Григорьевич, просите ответить на ряд ваших вопросов. Об участии моем в восстании известно всему Советскому Союзу. От мала до велика. А тем паче в «Тихом Доне», это во-первых. А как я очутился в Болгарии, так это случай известен не только живым, но и мертвым. Эмиграция после окончания революции, то есть победители гонят, а побежденные отступают за пределы родной казачьей земли. За пределами родины свобода неизмеримая, кто куда хотел, туда и уезжал. А поэтому все покинувшие Родину семьи рассеялись по всему свету. А жизнь в Болгарии — условия превосходные, а превосходные потому, что народ гуманен, великодушен и гостеприимен. Болгарии, в которой живу 40 лет, я считаю второй родиной, так как Россия, Советский Союз, считают нас врагами. «Тихий Дон» мною прочитан в 1938 году. Из вашего письма видно, что вы имеете связь с журналистом Константином Ивановичем Прийма...»

Тут я буду комментировать. Павел Назарович ошибается, я никакого Константина Ивановича Прийма никогда в глаза не видел. Вспоминания я слышал, что есть такой литератор, книжки его где-то видел. Во всяком случае, мне эта фамилия знакома. Фамилия довольно редкая. Скажу, Прийма его чем-то обидел, вот поэтому он и заподозрил, что ненавистный ему К. И. Прийма меня к нему подослал. Вот что он пишет дальше:

«... Из Вашего письма видно, что вы имеете связь с журналистом Константином Ивановичем Прийма. Я ему помог материалами. Прийма пытался заняться провокацией в чужой стране. Я с таким журналистом сотрудничество прекратил. Дорогой Григорий Юрьевич, я не имею намерения обидеть вас, но на все ваши вопросы воздержусь до следующего раза, и только потому, что распознал журналиста Прийма, сокращая свою веру в современных русских людей.

Возь, дорогой, — литератор, это для меня очень приятно, и возможно, что ваша свободная мысль ко мне самая благодарная, учитывая, благодетельная. Я крайне желал бы, чтобы сохранившиеся материалы... (я у него просил, чтобы он ответил на мои вопросы и передал материалы, документы, какие у него остались об этом восстании) были бы преданы гласности через родную печать и в родной стране, но сталинские кровопролития над народом русским и казачьим угасили все восковые свечи, растоптали любовь, веру в правду превратили в зло. Вы спрашиваете, как я живу сейчас? Живу я, как живут скитники, безродные, безпризорные, бездомные. На гумне ни сно-

па, в закромах ни зерна. На дворе по траве хоть шаром покати. Восемь лет работал в чужом колхозе, а теперь устарел, 70 лет, и живу без работы в одной комнатухе, в нижнем этаже, как волк в берлоге. Вот уже два года ишу сносную квартиру, но, увы, рундук, а русское имя — жизнь пилигрима. Вы, Григорий Юрьевич, читали «Тихий Дон», вот и причина познакомиться мне с Сибирью. В 1944 году при проходе русских войск через Болгарию пришли в квартиру, ограбили...»

В последующих письмах я его спрашивал: как же, если ограбили, сохранились у него документы, мундир казачий? Он мне отвечал, что НКВДшники, которые его увели, так торопились, что даже не успели сделать обыск и не пожулились на дорогие вещи, которые в квартире были. Тут он претензий не имеет. Его увели. Но его жена, тоже дочь казака с Дона, Пелагея, когда Кудинов вернулся из Сибири, ему рассказала, что через несколько дней после его ареста пришла пехота и беспардонно разграбила дом. И вот далее он пишет: «В 1944 году при проходе русских войск через Болгарию пришли в квартиру, ограбили, потаскали по Западному...», т.е. его таскали после ареста по территории Восточной Европы — из Софии через Румынию. Почему-то из Румынии он попал в Австрию. Потом, через некоторое время он увидел венгерскую деревню. Через Венгрию его в Москву привезли¹. Далее он пишет: «...потаскали по Западному, а после — в Москву. В Москве ж военный трибунал, не находя вину, судить отказался, а Берия и Сталин наложили свое veto — 10 лет. Дорогой товарищ, пока на этом закончу свою повесть, так как она обширная, и отложу до другого времени. И так короткую свою жизнь на положении скитника. До свидания дорогой товарищ, желаю Вам счастья, много лет прожить, посылаю земной поклон советскому народу. Павел Н. Кудинов».

В письмах П. Н. Кудинова есть мысль, что о Кудинове знает весь советский народ. Что он имеет в виду? Он всегда восхищался большими, миллионными тиражами «Тихого Дона» в Советском Союзе. Но так как он в нескольких главах там фигурирует, он считал, что весь советский народ «Тихий Дон» читал, а потому его знает. Кстати, я могу с ним согласиться, действительно, весь наш народ читал «Тихий Дон». Скажите, какой культурный человек в 40–60-е годы мог не читать «Тихого Дона»? Все читали. Но вот вопрос. Было ли в Советском Союзе, в нашей прессе, в средствах массовой информации известно о том, что Кудинов Павел Назарович, проживавший в Болгарии, — герой «Тихого Дона», что это реальная историческая личность, что это живой человек? Я убежден, что никто об этом не знал. Мне думается, что, наверно, я первым открыл, что Кудинов на страницах «Тихого Дона» и Кудинов-болгарский колхозник, т.е. наш гулажник, — одно и то же лицо.

Я держу в руках очередное письмо Павла Назаровича Кудинова, которое я получил в первой половине 60-х годов, тут даты на листе нет. Я чувствую, что оно не полное, конец его, по видимому, остался у наших спецслужб. На почтовом листе бумаги вот тут даже завод имени Владимира Ильича Ленина, цеха заводов, почтовая бумага в линейку. Начинается оно отрывком из его поэмы: «Смирись, кумир!» — так она называлась. А дальше: «Дорогой Григорий Юрьевич, здравствуйте, простите меня за то, что я так долго не отвечаю на ваши любезные письма. Я понимаю вашу торопливость в литературной поспешности. Говоря откровенно, спешу ответить и я, чтобы не разочаровались в нашем деле и в нашей братской дружбе. Вы уже знаете мою материальную слабость, а это и есть смягчающие вину обстоятельства запаздывая на вопросы. Пять вопросов, поставленные в вашем письме, сохранены, но отвечать на них я воздерживаюсь, и не потому, чтобы скрыть и оглашать, а потому, зачем губить время, копясь в написанном мною материале, отыскивать или перелистывать 20 страниц, около 40 тысяч букв».

Вот отсюда я сделал вывод, что у него напечатаны воспоминания. Далее он пишет: «Если б удалось подыскать возможность имеющих у меня материал передать народной гласности, то 5 вопросов сами по себе отпадут, а готовый, типографски отпечатанный и корректурованный корректурами материал сам ответит всякому интересующемуся содержанием». Да, я помню наизусть содержание, но зачем мне губить зря время. Причем эти вопросы аналогичны точке в точку журналисту Прийме, который в той статье, которую вы прочитали и, к сожалению, ничего вредного для меня и для моей супруги не нашли. Моя супруга — дочь простого казака-рабботника, окончившая 8 классов гимназии на Дону. А в Болгарию, выдержав государственный экзамен и получив государственный диплом, приобрела высшее образование и как лучшая в Болгарии учителька по русскому языку, преподает русский язык восемнадцатилетним в гимназии. А Прийма провоцировал в той статье, которую вы имеете, что она княгиня Севская. Спрашивается, для чего Прийма пытался спровоцировать мою супругу?»

Многое в этом письме мне непонятно. Какую «статью», посвященную восстанию на Дону, я мог прочитать и где она была напечатана? О какой статье Приймы, в которой жена Кудинова названа «княгиней Севской», он говорит?² Статья эта действительно нанесла Кудинову и его жене вред. Далее он в этом письме пишет, что из-за того, что «его жена — княгиня», ее «Министерство культуры и просвита (просвещения) увольняет от службы, то есть отнимает последний кусок хлеба». Он пишет также о каком-то «деланном три года назад имеющемся материале о восстании Дона», который он предложил в «Литературную газету». «Директор «Литературной газеты» схватился за этот случай», — пишет Кудинов, и попросил прислать ему материал для рассмотрения «какими-то большими советскими верблюдами. И тем дело кончилось... Для меня, — продолжает П. Кудинов, — всякий журналист — мошеник, как мошеники адвокаты и всякие докторишки. Верю, что вы ознакомились с моим кратким объяснением, поймете меня, что я готов сотрудничать с вами. Но вы, Григорий Юрьевич, найдите тропинку, не заросшую будьями, и продолжите нашу дружбу с чистой совестью и непорочным намерением. Материалы, написанные мною, есть такая же истина, что солнце вращается по своему вечному пути. Например, в «Тихом Доне» я могу найти сотни неверностей, но я не восставал. Все мое время и правда во времени, а время есть совесть человеческого мира. Скажите по правде, кому обязан Шолохов за его славу, богатство и многое и прочее, как не Кудинову?

Вы в своем письме даёте совет обратиться за помощью к Шолохову. Напрасный совет. Новые паны крошки хлеба не дадут. Юрьевич, вы просите за фото. Ваше фото получено. А о своей обязанности я помню и, что обещал, я приму и буду благодарен относительно рыбы — колпечки, тарани, чтобы не обременять вас. Простите за мое откровенное письмо, правда всегда полезна...»

В нескольких письмах я просил Кудинова, чтобы он мне прислал свое фото, потому что его фотографии у меня не было. Были его воспоминания, письма, открытки, а вот фотографии долго не было. Он объяснил, что даже письмо отправить для него дорого. За фотографию нужно деньги платить. Этот факт говорит о том, как он материально нуждался. Ну, наконец, он фото прислал.

Теперь я хочу еще прокомментировать момент относительно «верблюдов» из «Литературной газеты». Это письмо, которое я держу в руках и комментирую, относится к 62-му году. Значит, в «Литературную газету» он писал где-то в году 1959–1960. Он почувствовал вот эту хрущевскую оттепель. Ему показалось, когда он в 1956 году уезжал из Советского Союза, что наступило время, когда он может сказать всю правду о казачьем восстании 1919 года на Дону. Его потрясло, что редактор «Ли-

тературной газеты» оказался трусливым человеком и не напечатал его материал. И он послал мне письмо с матерщинами. Оно не сохранилось. Он не мог этого забыть. Он этих «верблюдов» в письме ко мне обматерил таким казачьим матом, что сейчас даже наши бомжи не знают таких матерщин.

Теперь я хотел бы сказать насчет «рыбки». Он знал, что мне доводится ездить по стране, и в одном из писем попросил меня, когда я буду вблизи Дона, выйти на станции и купить ему донской рыбы и отправить ему посылку. Он писал: «Жить не могу без донской рыбы».

Вскоре я вышел в районе Батайска с поезда, у старшего начальника испросил разрешения купить другу донской рыбки, копченой. Тот спросил, где этот друг живет. Он казак донской, ответил я, живет в Болгарии. Меня взяли в работу наши спецслужбы, наши, простите за выражение, идиоты. Обвинили в том, что раз он просит меня выйти где-то на станции, а я военный человек, значит, какие-то шпионские сведения могу собирать. Что я чуть ли не какой-то посылный что ли, между ним и каким-то шпионом... Это шизофрения... мне это неприятно вспоминать. Никакой рыбы, конечно, я ему не отправил и потом он очень деликатно в письмах мне о рыбе напоминал. «Вы не представляете, как мне, донскому казаку, хочется попробовать, хоть за зуб взять нашей рыбки. Без рыбки жить не могу». Вы знаете, сердце кровью обливалось, читая эти строки. Какие же мерзавцы были мои военные начальники, которые вот так русскому человеку отказали в этой просьбе.

Относительно Пелагеи, супруги Павла Назаровича. Она была много младше его, это я помню еще из разговоров 56 года, во время моей встречи с Павлом Назаровичем после его освобождения в лагере Инте в Коми АССР. Пожились они еще до войны, это ясно. Будучи молодой женщиной, она после войны стала преподавать русский язык в Болгарии, когда в Болгарию усилился, как вообще в Восточной Европе, интерес к Советскому Союзу, к русскому языку. Когда ее выгнали из школы из-за Приимы, на работу она устроиться больше не могла и работала в колхозе, помидоры высаживала в открытом грунте. Как я понимаю, они поженились не на Дону, по-видимому, она была из русской эмиграции. В 56 году, после Инты, когда он собирался в Болгарию, он говорил мне, что в Болгарию русских больше, чем болгар, то есть вся эмиграция там. Вполне возможно, что на девушке донского казака из этой русской общины в Болгарию он и женился.

Вот я держу сейчас письмо, которое датировано 25 мая 1963 года.

«Дорогой Григорий Юрьевич, содержание вашего письмо откровенно, и рождается от вашей чистой совести, а совесть и человеческий разум — есть Бог. Я охотно приветствую ваше желание установить со мною письменную связь с добрым началом. Извините, товарищ Гр. Юр., но все же вы член партии, а доверять члену партии, да еще эмигранту — вопрос деликатный. То, что купите из моего письма, вы можете продать своим коллегам. Может быть, мои предположения вас обидят, но все это пустяки. Желаю не губить связь, но только вне всякой политики». Видите, Кудинов опять проявляет боязнь. Все, освободившиеся из ГУЛАГа за политику, еще продолжали бояться и в годы хрущевской оттепели. Я это от многих гулажников слышал: не только вне всякой политики. «Я с ответом запаздываю, потому что многие журналисты здешние или из провинции также интересуются кое-чем. Детей нет. Живем в берлоге, за 2 года не могу найти квартиру, чтобы жить как человеку. Затем, до свидания. Желаю вам здоровья, счастья и много лет прожить. Напишите о том народе, где вы живете, и про свое житье-бытье. Кудинов Павел». Вроде бы письмо кончилось, но на второй страничке — продолжение: «За плохой почерк извините. Гагарин не Бог, а герой. Он решил: пан или пропал, и я к нему питаю добрые чувства».

В письме он высказывает подозрение, что я член партии, а он — эмигрант. Я подал заявление в партию как раз в то время, когда шла моя переписка с Кудиновым. На партийном собрании в нашей воинской части я был единогласно принят кандидатом в члены КПСС. Но когда группе военнослужащих выдавали партийные билеты, моей фамилии не оказалось. Я спрашиваю: товарищ полковник, мой фамилия Набойщиков, а где моя учетная карточка? А он, с такой злостью, наверно, будь у него ристолет, он бы в меня стрелял, говорит: «Меньше нужно с заграничными ф. связываться, даже если оно живет в народной Болгарии». Так я из-за переписки с Кудиновым коммунистом не стал, а вскоре меня из-за Кудино-ва и из армии выперли.

Когда я полностью ему поверил, что он действительно реальный герой «Тихого Дона», а не авантюрист, выдающий себя за такого человека, я попросил, чтобы он мне прислал «Тихий Дон» со своим автографом. Он мне ответил, что это не проблема, исполнить мою просьбу, однако у него нет денег, чтобы купить эту книгу. Если он купит на болгарском, все равно я не пойму, а вот русскую книгу можно купить в Доме русской книги, но она дорого стоит. Тогда я решил послать ему книгу, с тем, чтоб он на ней сделал автограф. Он пишет, что книгу получил, но нет у него денег, чтобы отправить эту книгу заказной бандеролью. Такая вот постоянная материальная нужда.

Но позже он прислал мне письмо о том, что он высылает «Тихий Дон» со своим автографом. К сожалению, я так эту книгу и не получил. Видимо, наши спецслужбы оставили эту книгу у себя.

Я вспоминаю, что в своих письмах Павел Назарович часто спорил со мной и меня ругал. Он все доказывал: вы же русский человек, а не казак. А однажды разразился такой тирадой: «Я донской казак и я никогда не сяду за один стол с саратовским или воронежским сапогом ши хлебать».

Еще одно письмо, которое датировано 15 августа 1963 года: «Дорогой Григорий Юрьевич, бонжур, что случилось с вами, или ураган разстрепал ваше сибирское местожительство и вы скрылись в девственной тайге. А я все поджидаю, вот вот прилетит воздушная весточка от моего любезного товарища, литератора Григория Юрьевича Набойщикова, но увы все стихло». Тут я хочу прервать это письмо. Да, все стихло. Август 63-го — это то самое время, когда мне не выдали учетную карточку кандидата в члены КПСС и я долго ему не писал. Он беспокоился. Но я уже не знал, можно ли дальше ему писать. Все-таки я ответил ему на это письмо.

«Мною подготовлена фотоснимка, просимая вами, — продолжает далее Кудинов. — Но посылать не решаюсь, потому что вы в движении и в переселении, от Египта в землю обетованную, ближе на юг. Кроме того, подыщу художника для рисования оперативной карты».

Карту, фотографии, документы я у него просил. Поначалу он мне не доверял, но к середине августа 63 года я его убедил, что зла ему не желаю. И вот он пишет, что подыщет художника для срисовывания оперативной карты. То есть он не хотел мне посылать подлинник, поэтому он искал художника, чтобы эту карту восстания на Дону 19-го года, оперативную карту его, как командующего, скопировать. Я глубоко убежден, что он мне ее выслал, но она осталась у наших спецслужб. Там считали, что особенно подозрителен обмен картами.

Дальше он пишет: «Материалы ищут света, а если условия не состоятся, отыщу иные пути». Видимо, если нет условий для передачи мне этих материалов — его воспоминаний, фотографий, он собирался искать какие-то иные пути, чтобы эти материалы вернулись на родину. Дальше он пишет: «Вы в одном из писем намекнули мне, не могу ли я обратиться за помощью к Шолохову. Григорий Юрьевич, бедняк материально не друг богатцу, с сильным не борись, а с богатым не су-

дись, если бы не бедняк Павел Кудинов, то и Михаил Шолохов не был бы богачом, да еще каким. Но все это чепуха. Если бы мне отыскать возможность, чтобы материалы, хранящиеся мною, нашли брешь правды, света, чтобы стереть закрашенные на страницы «Тихого Дона» нелепости, и восстановить бессмертную истину перед мертвыми и живыми! Свет не без добрых людей, и правда истории восстания всплывет на поверхность волн родного Дона. Не собирайте сокровища на обмане и брехне, а собирайте на совести и чистом честном труде. Бедного Бог бережет, а богатою — сатана подает. Итак, дорогой Григорий Юрьевич, будьте живы, тверды и здоровы. С добрыми братскими чувствами. Павел Кудинов, 15 августа 63-го года». На третьей странице — продолжение: «Вы пишете и обещаете в будущем году, что будете в Болгарии. Тонко прясть — долго ждть, всякое промедление смерти подобно, при сем послании прилагаю фотоснимку». Вот этот снимок, который я сейчас демонстрирую, по-видимому, он пришел с этим письмом, 15 августа 1963 года. Кудинов в мундире, на груди Георгиевский крест.

Моя первая встреча с Павлом Назаровичем Кудиновым произошла сразу после освобождения его из лагеря в 56-м году. Когда он разговаривал там с бывшими зеками, с администрацией, с офицерами, после каждого слова у него стижки, прибаутки. Он получил даже кличку «Хрушев»: Хрушев так разговаривал: после каждого слова у него — стижки, острые словечки, какие-то пословицы, поговорки... Кудинов тоже такой был. Еще его называли рифмоплет, потому что он писал стихи. В каждом его письме ко мне, почти везде он свои поэмы и элегии цитировал.

Я вспоминаю о вешах 40-летней давности. Я влюбился в Павла Назаровича Кудинова. Поэтому я 40 лет держу у себя эти материалы. Я крепко пострадал из-за них, я хотел дослужиться до выслуги в армии, так сказать, уйти с почетом, а не вот так, как меня оттуда попросили.

Вот я держу письмо Павла Назаровича на двух страницах из школьной тетради в клеточку, аккуратно написанное убористым почерком. Послушайте, что он пишет.

«Кто такие русские и казаки, спрашиваете вы. Если вы рождены, ну скажем, в Саратовском уезде в деревне «Солом», то вы должны знать, что и кто такие русские: целые века находились в крепостной зависимости. Как рабы и так далее...

Если же вы рождены на тихом Дону, — жили и дышали волей и свободой, не знали ни тюрем, ни царской полицейской стражи, широкая свобода. Если ваши отцы, деды и прадеды и так далее, будучи в Руси в крепостной зависимости у помещиков, исхитрились бежать через казачью границу, то казаки их приютили в своих хуторах и станицах, чтобы свободно работали, на что способно. Помещики, узнавши, что крепостные убежали в Донщину, слали строгие требования вернуть беглецов. Но круг донских казаков и царям и псарям отвечал так: «С Дону выдачи нет». А если появится какой-либо царский посланник с царскими требованиями и начнет зубоскалить языком царя, то казаки берут эту дерзкую злую собаку, сажают в куль-мешок, несут к бурному Дону и бросают в Дон. Куль да в воду, — это было исполнение царской воли казаками. Григорий Юрьевич, я не умею ни оскорблять, ни обижать вас, а только скажу святую полную истину. Вы молодцы, как говорите, вы родились и не крестились, воспитались в немом мире Советского Союза, веруете в мертвых богов, а мы, эмигранты, с тяжелою душой и со слезами по родине, по родной семье, ушли в далекие царства и стали скитниками — пилигримами, но не отреклись от Бога вечного, не меняющего своей сущности. Глядите, да не подумайте, о том, что мы, эмигранты, враги Советского Союза, о нет. (Без времени все пусто, время управляет всем миром на земле и все без сопротивления покоряется времени. Время родиться, время умирать. Время создавать, время разрушать. Время любить, время ненавидеть.

Время обнимать, время уклоняться от объятия. Время насыждать, время вырывать насаженное. Время собирать камни, время забрасывать и так далее. Ничего нет вечного, не плачьте о мертвых, а плачьте о живых. Доблестный маршал Буденный от рода крепостников рожден в казачьей земле на Тихом Дону и стал маршалом, борцом против царских тиранов. А если бы он был рожден у помещика?

Миллион беглецов русских на Дону, все живут на свободе с казаками. А разве атаман Степан Разин и Пугачев сложили головы на кровавой площади в Москве не за русское порабощение — крепостничество и за их свободу? Относительно ваших вопросов о восстании казаков в Донском округе. Мое хождение по мукам описывать нет времени. Это целая повесть, а как заниматься повестью бездомному беспризорному, когда на гумне ни снопа, в закромах ни зерна. Нужен хлеб, нужно время, нужен физический труд. Восемь лет я проработал в колхозе и продолжаю жить в берлоге. Мое хождение по мукам имеет начало и край на тихом Доне. В моей памяти это хождение по мукам не угасло, а как звезда-путеводитель светит ярко, как светила в дни восстания казаков Верхнедонского округа. Мы вставали не против советской власти, а против террора, расстрела и за свой казачий порог, и угол, и за казачный дым».

Я помню, писал мне Павел Назарович о своей работе в колхозе. Там немного культурной было, чем, допустим, в нашем колхозе, но работа была тяжела: вручную сажают помидоры, огурцы, перец, потом пропалывают, гнут спину от зари до зари. Он был в полеводческой бригаде, занимался перцем, огурцами, помидорами, чесноком, луком. Он не был против физического труда, не брезговал им. Он был очень сильным человеком. В 56 году я слышал, что в Инте на лесоповале, где он много лет работал, конвойные боялись его физической силы, его взгляда. Но он мог держать себя в руках. Его другое беспокоило, — что он, бывший полковник, герой Тихого Дона в старости, в 70 лет, вынужден копаться в земле. Что он не имеет жилья и живет как в берлоге, что ему письмо отправить не на что. Эта монотонная низкооплачиваемая работа его, человека в общем-то умного, тяготила, а руководство ему там, в этом колхозе, не доверяло. Руснак, белогвардейский офицер Павел Назарович так и не был реабилитирован. Он так и умер как белогвардейский офицер. Он получил 10 лет за контрреволюционную антисоветскую деятельность в 19-м году. После того, как отсидел 10 лет в 54 году, его отпускать не собирались. Он отсидел больше 11 лет, и если бы не смерть Сталина и не хрущевская оттепель, он вряд ли вышел на свободу. Болгарский колхоз чем-то напоминал ему ГУЛАГ. Так это чувствовалось по письмам.

Я держу еще два листа его письма: «Шолохов писал «Тихий Дон» 14 лет. Мое же история жизни приготовлена не для того, чтобы кое-что испривать даже и в Тихом Доне, а для того, чтобы дополнить некоторые дефекты и грубые неточности, вписанные заочно на далеком расстоянии, потому что Шолохов никогда не встречался с П. Кудиновым. Материал — это Кудинов, исторические материалы во мне... И материал — я, пока жив».

Кроме оперативной сводки и других материалов Кудинов называет 2 карты (скитцы), обнимающие 400 километров, в кольце которых донские казаки 6 месяцев вели оборонительную конную и пехотную борьбу против во много раз превосходящих сил Красной армии. «Линия цветная, — пишет Кудинов, — изображенная цветными линиями, красками, так где кровь казачья лилась рекой за свой край свободный вольный и родной, с махиною чужой крови, казачьей не родной. На картах отмечены силы противника разных племен, языков для подавления восставшей армии. В советской действующей армии отмечены дивизии, полки, бригады и так далее. Железо режется сталью, огонь заливается водой. Вода иссуши-

вается огнем, а сила отражается силой. Из солдат Красной армии, взятых в плен, никто не уронил капли крови на казачью землю, по желанию самих пленных, ответивших на вопрос, желаете ли вернуться на родину, ответившие «да» под конвоем нескольких казаков передавались частям Красной армии. Пленные, отправленные на родину в родные деревни и села, снабжались демобилизационными удостоверениями. Пленные, не пожелавшие вернуться обратно в свою часть, отправлялись по хуторам на полевые работы в мае месяце на всем хозяйском, где и составляли общую трудовую семью. Казачьи души, сердца гуманны, великодушны и добродетельны. Дальше, Григорьевич, мною написана автобиография, повесть о днях моего детства и до конца сегодняшних дней, и жизнь, и детство, юность, скитничество по чужим людям, зарабатывающая кусок хлеба детским физическим трудом, служба, войны, революция и прочее...

Может быть, недалеко то время, мы с супругой увидим родной казачий край, и обновленную Россию, и свободный русский народ, среди которого в моей молодости побывал в Саратовской губернии, почти по всем местам видел и запомнил горькую крестьянскую нужду. Еще не будучи совершеннолетним, я был, есть и до сих дней враг тиранов.

И вот с детства живу я в Боге, а Бог неуступно обитает во мне. Дорогой Григорий Юрьевич, вот уже 60 лет мясное не ем, а не только все растительное, но копченую рыбу, если бы достать, я бы купил 100 килограмм и сл бы только копченую рыбу. Ведь здесь в Болгарии такой прелести нет. Передайте моим дорогим станичникам Мигулинской станицы вот этот пламенный привет, счастья родной земле, и прошу станичников передать поклон семье и родственникам о том, что Митрофан Терентьевич Меркулов станицы Мигулинской, в 1948 году умер, тело его зарыто в американской земле.

Ну, естественно, я ничего передать не мог, так как у меня начался неприятности. Безусловно, я знаю, что если бы я сейчас приехал бы в эту станицу, даже спустился столько лет, я бы нашел каких-то родственников, но в каком я сейчас положении... Меня спростая, а что ж ты 40 лет молчал, а 40 лет я никому не был нужен. 40 лет я не могу в Ленинграде, в Петербурге найти хоть одного редактора, который бы дал мне возможность написать о Кудинове, о Шолохове. И поэтому получается, что я практически 40 лет скрывал от родственников Митрофана Терентьевича Меркулова, что в 48 году в Америке умер этот станичник. Ну что же, думаю, люди поймут меня.

Кудинов дальше пишет: «В книге «Тихий Дон» Михаиле Александрович сообщает о том, что в моем штабе при восстании был какой-то полковник — грузин. Никакого грузина и каких-либо иных племен не было. Это выдумка Шолохова, потому что такой армией против такой силы, Советского Союза, по его предположению, мог ли командовать сын бедного казака, кавалер первой степени, полный бантист, 25-летний Павел Назарович Кудинов. То есть не ему бы командовать, а царскому генералу, рассудил так писатель.

Скитцы мне хотелось бы сделать художественно, чтобы карта была бы красива, чиста, отчетлива, приятна для читателей. Григорий Юрьевич, не думайте, что полковник Кудинов 11-летний размотал катушку и после этого стал зол как тигр против Советского Союза».

Кудинов не раз высказывал в письмах возмущение тем, что мерзавцы оскорбляют Шолохова, будто Шолохов украл «Тихий Дон» у какого-то там белокавалерийского офицера. Он отстаивал всю свою жизнь, что это роман Шолохова. Но в то же самое время у него на Шолохова была обида и свои претензии к нему. Он, Павел Назарович, считал, что если Шолохов ни разу его не видел, с ним не встречался и не разговаривал, значит, изобразил восстание 1919 года с какими-то неточностями.

Однажды Кудинов пишет мне в письме, что «я вам выслаю свои воспоминания, которые вы, наверно, читали в газе-

те». Я ни в какой газете их не читал...⁶ Хороший русский язык, здесь видно, что кто-то помогал Кудинову.

Вот этот текст:

«Дело было так. Донские полки белых держали фронт под Балашовым против красных. Штаб белых находился в Вешках. Командовал нами спесивый генерал Иванов. Всем нам осточертела война, господа генералы и помещики. Вот наши казаки и мы — офицеры из народа (я — вешенец. Ермаков из Базков, Медведев из Казанской, сотники Ушаков и Богатырев и другие) пошли на замирение с красными, с советской властью. Мы открыли перед Инзенской дивизией фронт белых. А потом — пришел приказ красных: сдать оружие. Казаки зартачились. «А где же уговор-договор?» А тут на улицах новые приказы расклеили: «Кто не сдает оружие — расстрел». На следующий день подперла реквизиция хлеба, скота и обложение денежной данью. Казаки всхомянулись: «То цари триста лет в узде мордовали, потом белые генералы давай гнуть нас в бараний рог, а теперь — и красные треногий вжуют. А где же уговор-договор?» И пошло. Казаки-фронтвики — народ смелый и гордый. Вот гордость эта в народе казачьем заговорила и выпрямилась.

Помните, эти слова Шолохов в 38-й главе «Тихого Дона», 3-я книга, вложил мне в уста в разговоре с Григорием Мелиховым. Очень точные слова: Не видели мы со своего донского база всей нужды и горя России в ту пору, не привыкли к такому разговору, не знали, кто повинен в перегибах, а слепая гордость в нас заговорила, закипела на сердце и потянулись мы к оружию, пока его у нас еще не отняли. Тут, конечно, контры всех мастей — монархисты, атаманы, богатеи, эсеры — возликовали и давай подливать казакманского масла в огонь, давай раздувать его со всех сторон — пламя и полыхнуло. Повторяю: у нас не было тайного центра, не было заговора против Советов. Восстание вспыхнуло, как пожар под ветром — стихийно.

Роман Шолохова «Тихий Дон» — есть великое сотворение истинно русского духа и сердца. Впервые я пробовал читать его по-болгарски, но плохо понимал. Позже выписал себе из Белградского русского издания. Читал я «Тихий Дон» взахлеб, рыдал — горевал над ним и радовался, до чего же красиво и влюбленно все описано. И страдал — казался, до чего же больно горька правда о нашем восстании. И знали бы вы, видели бы, как на чужбине казаки-батраки-поденщики — собирались по вечерам у меня в сарае и зачитывались «Тихим Доном» до слез, и пели старинные донские песни, проклятая Деникина, барона Врангеля, Черчилля и всю Антанту. И многие рядовые и офицеры допытывались у меня: «Ну до чего же точно Шолохов про восстание написал. Скажите, Павел Назарович, не припомните, кем он у вас служил в штабе, этот Шолохов, что так досконально все мысленно превозвел и изобразил». И я, зная, что автор «Тихого Дона» о ту пору был еще отроком, отвечал полчанам: то все, други мои, талант, такое ему от Бога дано видение человеческих сердец и талант». Скажу вам как на духу, — «Тихий Дон» потряс наши души и заставил все передумать заново и тоска наша по России стала еще острее, а в головах посветлело. Поверьте, что те казаки, кто читал роман М. Шолохова «Тихий Дон», как откровение Иоанна, кто рыдал над его страницами и рвал свои седые волосы (а таких были тысячи!) — эти люди в 1941 году воевать против Советской России не могли и не пошли. И зов Гитлера «Дранг нах остен» был для них гласом вопиющего сумасшедшего в пустыне. И вот за то прозрение на чужбине тысяч темных казаков благодаря «Тихому Дону» и передаете Шолохову мой чистосердечный казачий земной поклон».

Конвойные войска, в которых я служил, которые существовали несколько 10-летий в СССР, себя не оправдали, ХХС съезд КПСС осудил культ личности Сталина, началась, как тогда говорили, демократия. Ну демагогии тогда было тоже

больше, чем демократии. Нас призывали общаться с пострадавшими в сталинских ГУЛАГах бережно, шел процесс реабилитации. Грамотных молодых военнослужащих не хватало. Так я попал в знаменитый Инзенский лагерь, в котором погибли десятки тысяч наших людей, прошли через него сотни тысяч. Это называлось Инзенская закрытая «республика» в Коми АССР. Там были солдаты с четырьмя классами образования. Я, так сказать, считался образованным человеком. Были сверхсрочники, которые еще с войны начинали службу в Советской армии и двух слов не могли связать. Там всякий народ был, я выглядел грамотным, и мне поручали оформлять документы, принимать ходатайства, требования и только что освобожденных из этой «свободной» Инзенской «республики». Я столкнулся с большим количеством людей. Каждый из них говорил, что его посадили ни за что, а я был такой, знаете, ярый сталинский комсомолец, и мы все равно им не доверяли. С одной стороны, нам зачитывали речи Хрущева — о демократии, о гуманизме, о том, что людям надо верить, а с другой стороны, в нашей системе находились люди, которые служили охранному ремеслу 20 с лишним лет — горбатого могила исправит. С бывшими заключенными они все равно разговаривали грубо, никому не верили, всех подозревали в шпионаже на 25 разведок мира. Я воспитывался в таком же духе и считал, что все реабилитированные лгут, приукрашивают свое прошлое, загушевают страницы своей жизни, которые им не выгодны. И вот я столкнулся с мужчиной, которому было уже за 60 лет. Хотя ему можно было дать гораздо меньше. Крепкий мужик: быстро ходит, быстрая реакция, среднего роста, широкоплечий, такая у него улыбочка с лувачинкой, умный взгляд такой, подозрительный. Он собеседника видит насквозь. О таких говорят, что его не обманешь. Комсомольцев, как он нас называл, воспитанных в общем-то в сталинском духе, он как бы жалел. Вот он так слушает тебя, ну и где-то перебьет, ударит мыслью своей так, что чувствуешь: он выше тебя. Он особенно не хвалит, но говорил, будто о нем писал Шолохов в романе «Тихий Дон», что он герой «Тихого Дона», а офицеры, стоявшие рядом со мной, постарше меня на 20 лет, тихонечко мне: брехней дед занимается. «Тихий Дон» это же роман, художественное произведение. Ты у него спроси — с Григорием Мелеховым он не был знаком? И я спрашиваю его: гражданин Кудинов, а с Мелеховым Вы были знакомы? А он отвечает: был. А офицеры, которые рядом стояли, которые «Тихий Дон» читали и знали, что Мелехов — собирательный образ донского казака, что не было в жизни человека с таким именем, с такой фамилией, они все: ха-ха-ха. А он так с такой улыбкой, как бы этот вызов принимает, говорит, да я был с ним знаком: «Да что ты, старая дубина, тут молодых разлагает. Тебя держать надо за колючей проволокой. Что ты тут треплешься». А он спокойно: «А вы откройте «Тихий Дон» 3-й том, посмотрите, сколько раз Шолохов меня там сводит с Мелеховым». И я поверил, что Кудинов балагур, что он хочет Шолоховым прикрыться. Он уж был на вольном поселении, ему уже пора было уезжать, покидать эту территорию, а он вроде не хочет ее покидать. То есть он оформляет документы, но настаивает на том, что поедет к Шолохову, с его помощью получить жилье на Дону, в своей станице, откуда он происходит. И тогда наши офицеры говорят ему: гражданин Кудинов, а почему вы хотите просить Шолохова о помощи? Вас местные советские органы, по постановлению Совмина, после XX съезда, и так должны обеспечить жильем, работой, куском хлеба. Зачем, мол, вам Шолохов? А он говорит: а я иностранец. Какой ты иностранец? Ну он держит документы в руках, он их уже получил, и доказывает, что он был арестован в Болгарии. Вот тут он сам на себя наговорил. Те офицеры, которые не знали, что он из Болгарии, что он бежал с белыми, стали еще хуже к нему относиться. А что, собственно, Павлу Назаровичу оставалось делать, если он дейст-

вительно был арестован в Болгарии, а в документах, в его личном деле все это есть?

Получается, что Кудинов сам раскрыл свое белогвардейское прошлое, в суматохе офицеры могли бы это и не заметить, когда выписывали ему направление. Под шумок этой реабилитации всеобщей в то время и бендеровцев, я это сам видел, реабилитировали, и полчища гитлеровских. Но когда Кудинов все это раскрыл, тогда начали к нему придирается, что ты белогвардейский офицер, враг советской власти, еще к Шолохову ехать хочешь. Шел разговор, чтобы не выписывать ему проездные документы до станицы Вешенской. Было предложение, чтобы наше высокое начальство обратилось к Шолохову, — он, дескать, имя Шолохова треплет. Я не знаю, обращались тогда к Шолохову или не обращались, но он все ходил, доказывал, а потом исчез.

Ну и с моих глаз исчез. Потом нас отправили в другое место. В моей памяти он остался просто как балагур, который про Шолохова выдумывает все.

Прошло лет, наверное, пять. Думаю, что это был 61-й год. Однажды уже в другом конце страны, я дежурил по штабу, и со мной был офицер, с которым разговорился, и я стал о Кудинове со смешком рассказывать. А офицер говорит: ты послушай, что дальше было. Кудинов действительно приехал в Вешенскую, пытался к Шолохову пробиться. А там выходили домашние, чуть ли не охрана Шолохова, говорили, что Шолохова нету, товарищ Шолохов в Москве, товарищ Шолохов где-то на конгрессе сторонников мира, то ли во Франции, то ли где-то в Швеции и так далее. Но казаки народ не дурной, все это видели и станичники ему говорили: «Ложь, я сегодня видел Шолохова, на машине проезжал, я его видел вчера, я видел там три дня назад». Выходило, что Шолохов знал о том, что Кудинов приехал, и не хочет с ним встретиться. И Кудинов долго ходил в райком партии, в райисполком, во все организации. Он что, собственно, требовал. Он же полковник, у него кое-что оставалось в Вешенской после бегства из Крыма за рубеж, в общем, какая-то там собственность. Он не требовал эту недвижимость ни в коем случае. Он просил, чтобы ему выдали советский паспорт, которого у него никогда не было. У Павла Назаровича Кудинова и не могло быть советского паспорта, ведь он бежал из России с белыми, жил за рубежом, арестован был в Болгарии. Значит, по законам правового государства его должен был судить болгарский суд, а его вывели в наш ГУЛАГ. Кстати, он не все время был в Сибири. После Сибири, до Коми ССР он попал на главный туркменский канал, вот это вообще страшное место — пустыня Каракум. Зеки роют канал, подул ветер — и песок весь канал засыпал. Рой начала. Потом он опять попадает на север. И это его не сломило, эта смена климата. Ведь Туркмения самая жаркая точка была у нас. Там в тени доходило до 43 градусов тепла. А на севере зимой под 50. И вот в Вешенской, когда он вернулся после освобождения из ГУЛАГа, он требовал себе советский паспорт. Меня могут, особенно молодые, спросить: почему этот паспорт он именно в Вешенской хотел получить? По тогдашним законам, если зек освобождается из мест заключения, он там паспорт не получает, он получает справку о том, что освобожден, и с этой справкой едет к месту постоянного жительства. Павел Назарович избрал постоянным местом жительства станицу Вешенскую в Ростовской области. Вот там райотдел милиции и должен был выдать ему паспорт. При одном условии: если бы Кудинов был гражданином СССР. Но Кудинов до ареста был гражданином Болгарии. Он приехал в Вешенскую, а вешенское начальство в паспорте ему отказало. И вообще оно было против Павла Назаровича, как против белого офицера, врага, белогвардейца и так далее. Я был в Вешенской в 62-м году, пытался тоже к Шолохову попасть. 1 июня 62 года взбунтовался Новочеркасск из-за цен на мясо, масло и молоко. Послали туда войска МВД, в том числе и я выпол-

ПРИМЕЧАНИЯ

нял определенную работу закрытого характера.⁷ Так я оказался на Дону, и мне было несложно приехать в Вешенскую на 2–3 дня, чтобы разобраться, что случилось с Кудиновым. Я нашел тогда милиционеров, которые с ним занимались. Они мне говорят, что вообще растерялись, как с ним поступить. Как ему выдавать советский паспорт, если он гражданин Болгарии? Если советское гражданство по конституции ему может дать только президиум Верховного Совета СССР? Корооче говоря, Иван кивает на Петра. Милиция ему говорит, идите в райком, в райисполком, он туда идет, ему говорят, идите к Шолохову. Он идет к Шолохову, там охрана, родственники отвечают, что Михаил Александрович в отъезде, так он мыкался не день-два, а больше месяца. Жил у станичников, кто его помнил, кто его приютил. Еще старики были, никто его не гнал, никто его не преследовал. Но все уперлось в то, что он не гражданин СССР, какой тут паспорт. Кудинову сказали: поезжайте в Болгарию, а он в ответ громко заявил, что не хочет ни в какие Болгарии. Ну а какой-то idiot, это я уже узнал не от Кудинова, а от милиционера, которого я через 5 лет встретил в Вешенской, пропел в ответ: хороша страна Болгария, а Россия лучше всех.

На столе стоял графин, Павел Назарович взял этот графин, крышка графина упала на пол, и он этим графином ударил идюту по голове. Тот в суд подал. Милиция не знала что делать. Корооче говоря, его не судили, но он понял, что придется уезжать. После скандала он снова сказал: я не хочу уезжать в Болгарию. Я хочу здесь получить курень, получить кусок хлеба, выписать свою Пелагею. Она дочь донского казака. Никакая Болгария мне не нужна. Но когда он увидел, что ничего не получается, тогда попросил оформить документы в Болгарию, их оформили быстро и он уехал.

И дальше — 8 лет болгарского колхоза, которые ему ГУЛАГ напоминали.

Мне стало стыдно за себя, что я обижал такого человека. Я даже в разговоре с Кудиновым в 56-м его обижал, оскорблял недоверием, а когда офицер меня убедил, что я в молодости поступил как дурак по отношению к Кудинову, я решил его найти. Ну и нашел его очень легко — ему оформляли все документы в МВД. Очень быстро я нашел его адрес и послал ему в 61-м письмо. И вскоре получил ответ. Недоверие у него ко мне было сначала полное. Почему о нем вспомнили вдруг в стране, где его лишили гражданства, лишили человека родины. Обидели, выгнали, выдворили. Это потом я внушил ему доверие, он стал доверять а потом вдруг опять после Приимы все нарушилось.

Отношения у нас были сложные, но судя по письмам, где-то у него сердце ко мне открывалось.

Но дальше я струсил, когда начались у меня неполадки. Это произошло в 1963 году. И в итоге я признаю, что переписку бросил я. У него есть в письме строки, что переписку надо продолжать, что не бойся, Григорий, давай... а дам тебе этот материал, вот так я понимаю. Но я все-таки переписку бросил. Неполадки были у меня большие. Я скажу только одно, что когда меня из армии выгнали, открыто говорили, что с белогвардейским г. снюхался, сдружился, переписывался, и когда я в 64 г. приехал в Ленинград, за мной шел этот хвост. Я 49 суток жил на всех ленинградских вокзалах. Нет прописки, потому что нет работы. Нет работы, потому что нет прописки. И я чувствовал, что за мной какой-то хвост идет, но потом развеялся. Годика через три была в Питере делегация болгарских ветеранов. И я заикнулся: как у вас Кудинов, бывший белогвардеец? Да, знаем такого, он умер в прошлом году. Вот так я узнал, что в 1967-м году Павел Назарович Кудинов ушел из жизни.

Запись воспоминаний сделана старшим научным сотрудником Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН А. Зименковым.

¹ Речь идет о письме П. Н. Кудинова землякам, опубликованном в газете «Известия Верхне-Донского окресполокома и окружка РКП(б)» от 2 августа 1922 г. Как установил К. Прийма, это письмо привез из Болгарии в Вешенскую казак-однополчанин, вернувшийся в 1922 году домой из эмиграции (см. Константин Прийма. Павел Кудинов, хорунжий из Вешек // «Литературная газета», 28 июля 1962 г.).

² Место и дата: «Ростов-на-Дону. 1953 год» относятся не к фотографии, которая, конечно же, была сделана раньше, в Болгарии, еще до ареста Кудинова, а к строкам стихотворения, которое он написал, видимо, в 1953 году, находясь в ростовской тюрьме, где, судя по материалу его следственного дела, Кудинов находился с октября 1951 г. по августа 1953 г., в связи с возобновлением следствия по «контрреволюционному» Верхнедонскому восстанию. Возобновление следствия было вызвано тем, что «на территории Ростовской обл. в 1947 г. возвратилось значительное количество бывших белогвардейцев, находившихся в эмиграции с 1920 года» (см. опубликованную ранее главу из моей книги «Голгофа Павла Кудинова»).

³ Из следственного дела П. А. Кудинова явствует, что, действительно, он не был сразу после ареста этапирован в Москву, но первые месяцы ареста — с ноября 1944 г. по май 1945 г. находился в распоряжении СМЕРШа, перемещаясь, будучи под арестом, вместе с частями Красной Армии по Европе — Болгарии, Югославии, Австрии, Венгрии.

⁴ П. Н. Кудинов имеет в виду свои воспоминания «Восстание верхнедонцев в 1919 году» (журнал «Вольное казачество». Прага, 1931, №№ 77–85; 1932, № 101).

⁵ П. Н. Кудинов имеет в виду статью К. Приимы «Павел Кудинов, хорунжий из Вешек», опубликованную в «Литературной газете» 28 июля 1962 г., где рассказывалось, в частности, о встрече К. Приимы с казаком-вешенцем Никитой Васильевичем Лапченковым, вернувшимся после Великой Отечественной войны домой из Болгарии. Лапченко встречался в Болгарии с Кудиновым. «Там у него семья, жена, — княгиня Севская — учительствует, русскому языку учит болгарских детишек», — рассказал он К. Прииме. Откуда в рассказе казака-вешенца Лапченкова, вернувшегося на Дон из эмиграции, возникла эта версия о том, что жена Кудинова якобы «княгиня Севская», — неизвестно. Это недоразумение осложнило жизнь П. Н. Кудинову и испортило его отношения с К. Приимой.

⁶ Приведенный далее текст опубликован в указанной выше статье К. Приимы «Павел Кудинов — хорунжий из Вешек» в «Литературной газете».

⁷ Необходимо сказать об отношении к кровавым новочеркасским событиям 1962 г. М. А. Шолохова. Генерал-майор в отставке П. П. Фалынсков, уроженец станицы Казанской на Верхнем Дону, в прошлом — командир танкового полка в Новочеркасске, в январе 1966 года, четыре года спустя после этих событий, вместе с секретарем Вешенского райкома КПСС побывал у М. А. Шолохова. М. А. Шолохов, вспоминает П. П. Фалынсков, принимавший участие в этих событиях, поинтересовался, как все это происходило. «Когда я подписался сделать кое-какие выводы в оправдание действий властей и армии, — пишет П. П. Фалынсков, — Шолохов прекратил беседу на эту тему такими словами: «Слишком много крови пролита на нашей многострадальной Родине, а спустя десятилетия после всех испытаний окропить кровью советских людей наши площади — это невиданное преступление верхов, оказавшихся неспособными воплощать в жизнь благородные, по своей сути и содержанию, идеи социализма».

(Фалынсков Павел Петрович «М. А. Шолохов и власть». Воспоминания. Личный архив Ф. Ф. Кузнецова).

КНИГИ О РОССИИ

«ЗЕМЛЯКИ О ЗЕМЛЯКАХ»: КОНЦЕПТ

Проект «Земляки о земляках», идея которого принадлежит доктору педагогических наук, заслуженному деятелю науки РФ Е.П. Белозерцеву, родился в Елецком государственном университете им. И.А. Бунина, где уже вышли книги о Тихоне Задонском, Василии Розанове, об опыте учителей Хлевенского района Липецкой области. Каким бы длительным ни был путь к этим книгам, самому проекту только два года и мы надеемся, что самые интересные публикации все еще впереди. Это позволяет не подводить итоги сделанному, а говорить о том, что может быть сделано. Представляется, что пояснить саму идею проекта сегодня более важно, чем повторить основные положения опубликованного. И дело здесь не только в «краеведческой» формулировке...

Формулировка в ее «региональном» понимании сама по себе задает не концепт, а лишь очевидный симулякр. В самом деле, говорить о том, что причиной интереса одного человека к другому является общность географии, значит ситуацию сознательно упрощать. Если оценивать название серии как продукт желания воплотить в одинаковых обложках идею формальной энциклопедии местной мысли, то мы приходим к проблематике сугубо региональной. Рассказы о людях Ельцы и его округа в таком понимании интересны только ельчанам и за пределами уезда актуальности теряют. Елецкая земля с полным основанием может гордиться тем, что здесь жили св. Тихон Задонский, И.А. Бунин, М.М. Пришвин, В.В. Розанов, Н.Я. Данилевский, С.Н. Булгаков, Е.И. Замятин. Но давайте представим себе, что утверждения подобного плана слишком хрестоматийны даже при всей их обоснованности. Проблема, как нам представляется, лежит в несколько иной плоскости. Проблема в том, что вопрос, почему человек все же обращается именно к тому, что досталось ему от прошлого его земли, остается вопросом. Точнее, почему именно в такой постановке вопроса человек продолжает находить оправдание вектору своих интересов?

Каким образом человек выбирает то, на что направлен его интерес? Можно даже воспользоваться «классическим» термином «объект». Как этот объект выбирается? Наверное, мы не слишком ошибемся, если скажем, что в той мере, в которой может быть сведена к минимуму внешняя необходимость, основой для него является личное, субъективное предпочтение. Мы выбираем то, что наиболее интересно для нас лично. И мы успешны в своем исследовании только тогда, когда исследуем объект родственный. Причем родственный нам, а не тем проблемам, которые наполняют нашу жизнь, и даже не тому региону, на территории которого мы находимся. Книжная серия, о которой мы говорим, издается в Ельце. И если она будет продолжать жить, то это подтвердит не то, что в Ельце нужно заниматься ельчанам, а то, что в Ельце и сегодня живут люди, объединенные общей культурой с теми, кто жил здесь прежде. Сам по себе момент «краеведения» играет в данном случае роль подчиненную. И Бунин, и Пришвин могут быть поняты не столько как своего рода общее регио-

нальной культуры, сколько как частное культуры русской и мировой.

Человек, очевидно, должен понимать прошлое. Но это означает только то, что в прошлом для нас все еще остается непонятое. Само требование понимания, которое едва ли не имманентно культуре, указывает на постоянное существование поля непонятого. Парадоксальным образом утверждение о необходимости изучать региональное наследие означает, что именно оно и является наиболее требующим понимания и, следовательно, наименее до сих пор понято. Когда мы говорим о том, что составляет полученное нами наследие, то всегда сопровождаем это утверждение констатацией необходимости его изучения. В этом смысле наследие это то, что до сих пор не изучено, хотя и требует этого.

То, что более всего требует понимания, и становится полем понимания. То, что стало полем нашего понимания, — наше наследие. Само по себе оно именно досталось нам в наследство и в этом смысле не имеет к нам отношения. Но как наследие, оно только нами и создано. Без нас нашего наследия не существует. Наследие если и существует как наше наследие, то в силу того, что определяется нами как таковое. Развитие наследия — это изменение нашего понимания. Говоря о том, что считаем своим наследием, каждый из нас указывает на то, что может определить как родственное себе, похожее на себя. В таком контексте едва ли не главный мотив изучения наследия прошлого — рефлексия.

В одном из текстов Василия Розанова есть обращение: «К читателю, если он друг». Значит ли это, что тот, кто полностью разделяет идеи Розанова может изучать Розанова? Иначе говоря, могу ли я изучать Розанова и быть одновременно несогласным с тем, что еврей Бейлис совершил ритуальное убийство? Наверное, быть «другом» — не значит быть таким же, быть «другом» — значит быть родственным. В таком контексте определить гипотетический дискурс значит определить принцип родственности, согласно которому нечто может быть более важным, нежели другое нечто. Если мы поймем, что такой принцип невозможно определить в трех словах, нам останется хотя бы указать на необходимость его определения. То есть если мы осознали, что любой принцип с необходимостью будет частным, мы тем самым признаем за таким принципом хотя бы и частное, но тем не менее объективное отражение родственности или отражение необходимости поиска этой родственности.

И последнее. Может ли быть прошлое понято окончательно? Может ли быть поставлена в исследовании «точка»? Не является ли непонятость признаком наследия как такового? Вопросы имеют множество вариантов ответов. Чем может являться для нас наследие вообще и наследие, связанное с нашим городом, областью, регионом, в частности? Набором слов, в которых отпечатан раз и навсегда данный смысл. Или ускользающим от нас, хотя и вечно цитируемым текстом. Вечной головоломкой, которую важнее собирать, чем собрать.

В. Желваков. «Петропавловск»

«Помни войну!»

Словами, произнесенными адмиралом С.О. Макаровым, названа книжная выставка, проходившая в июне 2004 г. в выставочном зале Российской Государственной Библиотеки. Она посвящена памяти участников и всех погибших в годы русско-японской войны 1904–1905 гг.

100 лет назад 27 января (8 февраля) 1904 г. ударами по находящимся в корейском порту Чемульпо броненосному крейсеру «Варяг» и канонерской лодке «Кореец» началась для России война с Японией. За год военных действий русская армия и флот потеряли тысячи солдат и матросов и десятки боевых офицеров. Погибли адмиралы Макаров и Витгефт, генерал-майор Кондратенко.

В военных действиях принимали участие русские художники. Участвуя в боях, в военных переходах и походах, они рисовали войну, военную жизнь. Вели художественные репортажи по заданию журналов и газет о ходе военных действий. Один из них – выдающийся баталист В.В. Верещагин трагически погиб во время боевого выхода Тихоокеанской эскадры в море на броненосце «Петропавловск» в самом начале войны 31 марта (13 апреля) 1904 г.

Художники и фоторепортеры, писатели и журналисты смогли ярко и образно запечатлеть повседневные военные подвиги русских солдат, матросов и офицеров, сохранить для потомков в картинах, рисунках, эскизах и набросках. Сохранились дневники, записки, мемуары, военные хроники. Газеты, журналы, книги, посвященные событиям русско-японской войны, бережно хранились в фондах Российской государственной библиотеки. Все они были представлены на книжной выставке.

Украшением экспозиции стала графическая работа заслуженного художника России В.Ю. Желвакова «Последний поход броненосца «Петропавловск»». Мы публикуем впервые два поэтических произведения, посвященных адмиралу Макарову и подвигу «Петропавловска».

Г.В. АКСЕНОВА

ЛЕГЕНДА О «ПЕТРОПАВЛОВСКЕ» И О С.О. МАКАРОВЕ

Долго думали
 Люди русские
 Думу крепкую,
 Думу скорбную,
 Что за бедствие
 Приключилось
 С «Петропавловском»
 И с Макаровым?!
 И откуда им
 Горе-горькое,
 Горе лютое
 Богом послано?!
 И откуда вдруг
 Ураган-грозу
 Нанесло на них
 Тучей грозною,
 Тучей черною,
 Непроглядною,
 Унесло с собой
 Славных витязей
 Рать могучую,
 Богатырскую
 И великого
 С ней Макарова,
 Что с пучины волн
 Зналса исстари,
 Что грознее бурь
 Был для врагов,
 Что стоял за Русь
 Нашу матушку
 Грудью крепкою
 Богатырскою...
 Вскольхнулося
 Море синее,
 Слово дрогнули
 Скалы грозные,
 И по всей земле
 Скорбь великая —
 Неутешных слез
 Морем хлынула...
 Залила она
 Русь-стралицу,
 Затуманила
 Сердце русское...
 Долго плакали
 Люди русские,
 Долго зреть-тоска
 Русь туманила...
 Изблелося
 Сердце русское,
 Думу скорбную
 Долго думая...

И в ботели,
 Среди шнокое,
 Что и день, и ночь

Все молился
О родных сынах
“Петропавловска”, —
Мысль великая
Народилась...
И задумали
Наши иноки
Одного из них —
Мужа смелого,
Духом сильного,
Верой крепкого
В глубь пучины той
Неизведанной,
Где погибла рать
Богатырская, —
В бездну волн послать,
Чтобы он узнал,
Как-то там они,
Наши витязи
С дорогим своим
“Петропавловском”
И с вождем своим, —
Свет-Макаровым,
Что на дне морском
С ними сделалось...

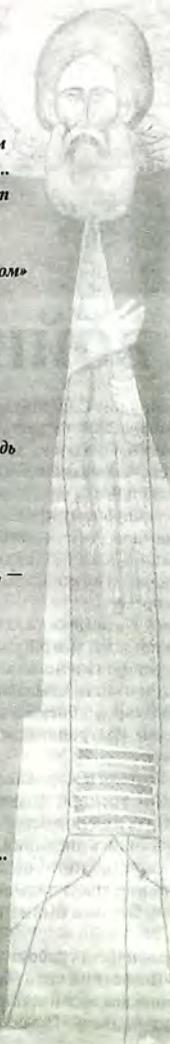
И спустился муж —
Инок доблестный
В море грозное,
В глубь бездонную...
Но недолго он
Пробыл в бездне волн...
И вернулся вновь...
И с расспросами
Все — к нему... А он —
Слова вымолвить
Не хотел три дня...
Все молчал-молчал,
Думу думая...
Онемел совсем,
Поразженный тем,
Что увидел он...
А прошло три дня —
Стал рассказывать
Диво-дивное,
Чудо-чудное:

“Как спустился я
В бездну волн морских,
Так сейчас меня
Силой бурною
Пронесла волна
К “Петропавловску”...
Вижу все кругом —
Мачты сломаны,
Трубы, палубы
Исковерканы,

Все орудия
На боку лежат...
Не видать огней,
А светло-светло,
И кругом разлит
Свет таинственный...
Смолкнул шум волны...
Тишина кругом...
Только слышится
Пенье тихое,
Только слышится
Хор молитвенный...
Льется дивная
Песнь священная...
И гляжу-дивлюсь:
На просторе вод
Аналой стоит...
А на нем лежит
Образ Господа —
Спаса Нашего...
А пред образом
В облачении
Святой Сергей сам
Там Радонежский...
Рядом с ним стоит
Алексий-монах,
Что погиб тогда
С “Петропавловском”
И с дружиной всей
Богатырскою...
И стоят они —
Жарко молятся
За Царя, за Русь
Православную,
Чтоб послал Господь
Одоложение
Над язычником —
Лютым ворогом...
Позади стоит
Сам Макаров наш, —
Тожже Господу
Жарко молится,
Окружен он там
Ратью витязей,
Офицерами
И матросами...
Много раненых,
Искалеченных...
На ногах они
Еле держатся...
Кровь на лицах их...
Но с надеждою,
С верой крепкою,
Нерушимою,
Жарко Господу
Они молятся.
Вторят Сергию
Тихим пением...
Вижу, слышу все...

Не возьму лишь в толк:
“Как же, — думаю, —
Здесь — на дне морском —
И моление
Это чудное?!”
Леденю вест...
И от ужаса,
И от радости,
Что судил Господь
Мне угодилика
Видеть Божьего,
Что увидел я
Наших витязей,
Положивших жизнь
За Русь-матушку...
Вот молебствие
Скоро кончилось...
И послышалось: —
“Спаси, Господи”...
И все громче песнь
Эта дивная...
А когда — а крестом
Твоим жительство” —
Над пучиной вод
Гроном грянуло,
Все рассыялось,
Как растаяло...

Лишь один стоит
Алексий-монах...
Подошел ко мне...
Тихим голосом
Кротко, ласково
Слово вымолвил:
“Поднимайся ты
Опять к солнышку,
Но молчи три дня...
А потом, сынок,
Расскажи ты там
Все, что здесь видал!..
Расскажи ты ей —
Руси-матушке,
Что и в бездне вод
Все мы молимся
За Царя ее
Православного,
И за нашу мать,
Русь-страданицу,
И услышит Бог
Те моления...
Даст победу Он
Царству Русскому,
И победы той
Солнце красное
К нам блеснет сюда —
В бездну темную...
И с морского дна
“Петропавловск” наш,

Искалеченный,
 Вновь подымется
 Над пучиной вод...
 И Макаров наш
 Смотр тут сделает
 Флоту русскому
 И скамандует
 Он — идти ему
 В стольный вражий град —
 Мир предписывать
 Злому ворогу
 Победенному!
 Весь наш флот перед ним —
 “Петропавловском”
 Пройдет с музыкой,
 С песней радостной,
 И народный гимн
 Загремит, как гром,
 От российских стран
 До Японии...
 А тогда, как флот
 Мимо вес пройдет, —
 “Петропавловск” наш
 Тихо-медленно
 В бездну волн морских
 Вновь опустится
 И уже навек
 Там останется”.

Но родной народ
 В глубине души
 Память чудную,
 Память светлую
 “Петропавловска”
 И Макарова,
 И всех витязей
 Наших доблестных,
 Положивших жизнь
 За Святую Русь, —
 До тех пор хранит,
 Пока Русь стоит!..
 И с морского дна
 “Петропавловск” наш,
 Возвеличенный,
 Поднимается
 В сердце русское,
 В песнь народную
 И в предания
 Векочные,
 Что из уст в уста
 И из рода в род
 Поплывут волной
 В океан веков...

Василий Иванов

ПАМЯТИ

Вице-адмирала С.О. Макарова

Спи, северный витязь, спи, честный боец,
 Безвременной взятый кончиной.
 Не лавры победы — терновый венец
 Ты принял с бессмертной дружиной.

Твой гроб — броненосец, могила твоя —
 Холодная глубь океана,
 И верных матросов родная семья
 Твоя вековая охрана.
 Делившие лавры, отныне с тобой
 Они разделяют и вечный покой.

Ревнивое море не выдаст земле
 Любившего море героя,
 В глубокой могиле, в таинственной мгле
 Леял его и покоя.

И ветер споет панихиду над ним,
 Заплачут дождем ураганы,
 И саван расстелят покровом густым
 Над морем густые туманы,
 И тучи, нахмурясь, последний салют
 Громов грохотаньем ему отдадут.

Тамара
ЛОМБИНА

Зина-капуста

Рассказ

Зто уж знай наверняка: как кому показалась русалка, во всей своей красе, так быть тому утопленником, — тихо, как туман над речкой, плывет голос бабки Аксиньи. — Вот помните, в опрошлом годе Митяй утонул? Так ему опрежь знак был... Поехал он сенокосить, а там, на лужке, баклуша была, яма, куда весенняя вода собирается. Вокруг трава высокая, а сама баклуша-то ряской сверху поросла. Умаялся Митяй, намахался горбушей, присел перекусить, отдохнуть, а глядь: на камушке близ баклуши женщина сидит. Да такая ладная, и волосы чешет длинные, густые, и даже звук слышится, словно кто по струнам водит. И музыка тихая будто в воздухе струится, а грешок у ней перламутровый, таких теперь нет. Митяй, понятное дело, молодой, кровь у него кипятком взбурлила: «Вот таку бы обнять-то...» Хватя горсть воды да облить ее хотел, шутейно. И то ли когда нагнулся, то ли когда плеснул, но исчезла она, иссякла.

Вдругорядь с братом поехали они косить, а возвращались поодиночке, у брата одна была телега, а у Митяя — другая. Остановился Митяй переночевать в охотничьей избушке, а утомился, вот до братниного приезда и задремал. Дверь-то: скрип. Он глаза открыл, а это она опять идет да улыбается, а глаза — две звезды, а волосы распущены до пола, и она в них закуталась, только на груди чуть раздвинулись волосы, и, как розовые жемчужины, сосцы переливаются. Ох и красивая, да не соромной красотой, а так, что Митяю от этой красоты плавать хочется.

«Пойдем, Митяй, ко мне, мне тут без воды тошно», — сказала она ему и протянула белые-белые руки. Тут дверь словно сквозняком распахнуло, и ее голубым облаком вывело из избушки.

— Баба Аксинья, а откуда ты знаешь, как все было, ведь Митяй утонул? — задыхаясь от сладкого ужаса, перебил я бабуку.

— А ты не встравай, — выронила бабушка пузатое веретено с овечьей шерстью, поправила фитиль в керосиновой лампе — женщины в складчину заполняли ее. Почти все вечера они собирались у нас: несли с собой ягоды, грибы. И все потому, что бабушка моя была сказительница, каких поискать... Мы, дети, лежали на печи, свесив головы, и слушали ее сказки да пугалки.

— Бабань, а дальше-то чего? — жалел я уже о своей невыдержанности.

— Дальше... а про Митяя-то? Брату он все рассказал, который вслед приехал. Ну, улеглись они спать, а к полуночи дверь опять — скрип... За день-то уходились, вот брательник и думает, что Митяй по нужде, но потом как-то ему не по себе, он — во двор, а там сумеречно, но так неподалеку впереди вроде братняя фигура... И — к речке. Он вслед, но пока добежал, а из речки только пузыри. Покричал, пометался, а плавать не умеет...

Я слушаю бабуку, и у меня от страха наворачиваются слезы. Я прижимаюсь к доброму, теплomu, живому боку печи. Жужжат веретена, женские руки делают свое привычное дело. И только Зина-капуста сидит, слушает, перебирая быстрыми-быстрыми пальцами свое невероятное одеяние — бесцветное,

бесформенное тряпье. Она никогда не выбрасывает уже сношенной одежды, а надевает вновь подаренную на старую. Наверное, за это ее и прозвали Зиной-капустой.

Она добрая, я знаю, что она добрая, да и все это знают. Но все равно, когда она идет по улице, за ней почти всегда бежит стайка ребятишек. Самые отчаянные догоняют ее и норовят оторвать кусок ее «капусты» и кричат на тысячи козлиных голосов:
— Зина-капуста, чтоб тебе было пусто.

А она поворачивается к нам своим неловким телом — ее беззубый рот расплывается в улыбку — и пытается погладить по голове «злосеев». А в день получика она в сельпо покупала огромный пакет с леденцами и раздавала нам, приговаривая: «Чевой-то ты у меня такой худенький, Васятка, а ты, Нюрочка, чего не бешь? Ешь, ешь, кровиночка...»

Может, поэтому и вспоминается мне мое черно-белое детство — яркими-яркими днями, днями, в которые чья-то доброта или щедрость освещала в тысячи свечей все краски мира.

С тех пор я никогда не видел таких ярких леденцов и таких вкусных мне больше не встречалось. В эти дни мы Зину не дразили, и не потому, что продавались за леденцы. Трудно объяснить почему, но мы не могли ее обижать в этот день.

Женщины ее жалели, каждая старалась при нашей не больно-то сытой жизни выделит кусок: «На, снеси Зине...» Вот и у нас бабушка ей первой наливала в алюминиевую кружку горячего чая из фруктовых брикетов.

Набегавшись за день, я ждал вечера, только боялся, чтобы отец не явился рано, не испортил сказки. И не только я, все бабы сникали, как в сенях слышался неровный стук липовой палки, которая замаяла отцу ногу.

— Чё скуринились, товарищи бабы? — распахивал отец дверь, и клубы холодного воздуха обволакивали его худенькую фигурку.

— Вам меня неча бояться. Да, я пью. Инвалид... имею право... — покачивался он, как испорченный маятник. — Я, как выпью, эту лярву, майора нашего лысого забуду, от сердца отлегло. Он, сука, сейчас орденами зенки свои бесстыжие прикрыл. Пока был жив батя, ротный наш, хохол, мы еще мало горя знали, не больше, чем другие. — В отце закипала ненависть, которая вызывала во мне ужас.

Бабы тоже цепенели, глядя на бледное лицо инвалида.

— Почекайте, сынки, — скажет бывало, — не лезте черту у зубы, война, она дурные головы в первую очередь стрижет... — Отец держался за притолоку, но постепенно сползал на пол. — Да убил нашего батю... Вот эта фигу лысая на нашей молодой глупости, как черт на баладалке, и стал играть. Отдал как-то приказ высоту взять, а в нее немец зубами вгрызся, а он вопит: «Вы что, бабы — зады в окопах прятать? Чтобы к часу высота была наша... а не то...» Высоту не взяли... Осталось от наших братишек хрен да маменько: я да еще четыре обрубка... А он, курва, знал, что через час будет артобстрел, но очень ему хотелось первому до-ло-жить-ся.

Тут отец окончательно хмелел и начинал плакать и материться, страшно стуча головой об пол. Бабы в испуге разбегались, а бабушка садилась с ним рядом, клала голову отца себе на колени и, как маленького, укачивала:

*Баю-баюшки, сыночек,
Мой цветочек-василечек,
Месяц за реку пошел,
Сладкий пряничек нашел,
Баю-баю, будешь спать,
Придет месяц в гости звать...*

— Володька-а-а-а, — кричит мне оттуда, из детства, мой задушевный друг Саня — Пароход возвращается-а-а-а!

И я бегу, оббивая и без того еле живые ботинки о камни. А там, далеко, в излучине реки, уже видна белая точка, которая через несколько минут станет пароходом. А пока что это — чудо, идущее неизвестно откуда и неизвестно куда.

— Ого-го-го, — плывет сладкая трубная песня его над рекой, отдаваясь в сердце. Странно, но река воспринималась мною, как живая, да и сейчас я о ней вспоминаю, как о живой. В недолгое северное лето она уж нанежит на песке наши худые тела, наласкает теплой волной, даст окрепнуть слабым мускулам.

— Во даст, зырь сюда, — тычет Санька не очень-то чистым пальцем, словно пятаюсь прикоснуться к клубам дыма, валившим из огромной трубы.

— А что, как ты думаешь, на нем вокруг земли можно? — спрашивал я Саньку. Вопрос, приходивший в голову любого мальчишки, который видел пароход.

— Запросто... — сплывает в воду Санька, удивляясь моей наивности.

И мы еще долго бежим по берегу, но постепенно пароход уходит и тает. А мы все скачем по хлыстам, горами наваленным на берегу. Наше воображение превращало их в загадочные пещеры с лешаками, они прятали нас от вражеской пули, когда мы играли в войну. А иногда огромное бревно становилось теплым крупом коня: «Но, Чалый, вперед, за Чапаева, умрем, как один!»

Почему-то почти всегда, в момент, когда пароход плыл мимо нашего лесосплава, кроме нас, детей, на берегу оказывалась и Зина-капуста. Она всматривалась в него, точно хотела что-то вспомнить. Порой нам даже казалось, что она начинала вспоминать то, от чего спадут с нее злые чары и станет она такой, как все.

Однажды пароход не прошел мимо, а причалил к пристани. Он оставил на берегу красавицу:

— Артистка, — прищурил свои зеленые глаза всезнающий Санька, — глянь-ка, какие туфли.

Да, такого я еще никогда не видел: на артистке были белые туфли с дырочками и на стеклянных каблучках, отчего она словно парила над землей. Даже дырочки на ее туфлях были не такие, как на моих многострадальных ботинках, а для украшения.

— Крымдышин, — показал Санька на голубое платье незнакомки. — Когда сеструха замуж пойдет, мать ей обещала такое. Ты рот-то закрой, а то ворона залетит...

«Какой там крымдышин... — стучало мое сердце где-то у горла, — наверное, ее платье было сшито из речного тумана. Вот такой и была та, Митяева русалка. За такую и я бы в речку...»

Артистка оказалась женой нового начальника лесосплава. Он поднял и поцеловал двух совершенно одинаковых белобрых девчонок, а потом подошел к ней... Я даже зажмурил глаза: невысказанно было представить, что он посмеет прикоснуться к ней...

А матросы выносили бесчисленный багаж. Мы впервые увидели такое количество сумок, чемоданов, у нас для этих целей были деревянные сундуки. Рюкзаки с готовностью бросались помогать нести, Зина тоже потянулась за сумкой, но я выхватил ее, стараясь прикрыть дурочку от взгляда красавицы. Мне стало страшно, вдруг Зинино убожество испугает красавицу, и та уедет от нас.

С того дня Саня напрасно ждал меня на бревнах, я крутился возле дома начальника лесосплава. Я старался стать им полезным: сбежать в магазин, помочь домработнице. В конце концов они привыкли ко мне.

— Какая милая мордашка у этого замарашки, — говорила грудным голосом красавица. Она брала меня за подбородок своими душитыми руками. — Посмотри, — обращалась она к мужу. — Только вот цвет лица землястый какой-то: наверное, в младенчестве плохо кормили. — Она задумывалась и продолжала. — А лицо на диво тонкое...

И я никак не мог разобраться в своих чувствах: обижаться ли мне, что я замарашка, или радоваться тому, что у меня тонкое лицо.

А вообще-то она могла говорить что угодно, только бы иногда прикасалась ко мне своими душитыми руками, пахнущими лесом, в котором цветут ландыши, и у меня кружилась от этого голова. Было странно, что живое тело может излучать такой дурманящий запах. Это уже взрослым я узнал о существовании духов, а тогда был потрясен. Еще недавно мне нравился запах маминых рук, которые пахли рыбой и сенем.

Как на крыльях, я летел в этот двор, где, подставив лицо скудным лучам северного солнца, сидела в гаммаке она. Мне нравилось в ней все, даже и то вполне естественным казалось, что она ничего не делала: привезла с собой домработницу. Да ведь для нее я и не мог придумать лучшего занятия, чем созерцание нашей красоты. Время застывало рядом с ней. Оно становилось тягучим, медленным. Я пытался следить за ее взглядом, когда красавица смотрела на другой берег, где темнел серебряный бор. Вот она вслушивается в журчание ручья, сбегающего у их дома в реку, и, словно муха в янтаре, я сам застывал в немом восторге своего непонятого чувства.

Я был счастлив выполнить любую просьбу: поднять ножнички, улетевшую закладку.

Но не только меня тянуло к этому дому.

— Это что еще за чуцело? — показала как-то хозяйка дома на серую тень за забором.

— Да это Зина-капуста. Она чокнутая, — сказал я. — А так ничего, добрая.

— Дура, что ли? — спросила красавица.

— Нет, не дура, а блаженная, так моя бабушка говорит.

А Зина, почувствовав, что речь идет о ней, подошла ближе, улыбаясь.

— Что за лохмотья на ней? Она что же, нигде не работает, живет на милостыню? — обтачивая ногти, спросила моя артистка.

— Нет, она чистит помойки и сортиры.

— Ты хочешь сказать, туалеты, — сморщила она свой нос.

— Ну да, туалеты, — эхом ответил я.

— Что ни говори, но намного гуманнее было бы освободить общество от таких вот, — брезгливо скрипя губы красавица.

— Гуманнее, — повторил я непонятное, но почему-то показавшееся мне страшным слово.

— Вели ей уйти, — ласково улыбнулась мне она.

Я долго шел к забору. Как бывает в страшном сне: идешь-идешь и все на одном месте.

— Пошла вон, — неожиданно даже для себя зло крикнул я Зине. — Слышишь, пошла вон. Голос у меня вдруг сорвался на визг.

А потом была зима. Что это была за зима! Мы, лесосплавские мальчишки, набивали на деревянные коньки металлические полоски от консервных банок и привязывали их к валенкам. На реке, неподалеку от нижнего склада, там, где от фонаря падал свет, мы расчистили маленький каток. Я даже плохо слушал своего любимого учителя литературы, потому что думал о том, когда же наконец побегу туда, на реку. Мне, и только мне было позволено нести настоящие коньки на ботинках, возможно, потому, что лучше меня из мальчишек никто не катался.

— Бесстыдница, — плевали лесосплавские бабы вслед, — совсем бы разделась. — Но громко высказываться не решились: все-таки жена начальника.

Я же ничего красивее не видел. Ее розовый костюм был оторочен мехом. На ней была коротенькая юбка, как у фарфоровой балерины, которая невеста какими-то путями попала в наш деревенский дом.

— Ты чё, в холоу нанялся, — преградил мне как-то дорогу Саня, — втюрился, что ли, в эту...?

— Ах ты гад! — впервые почувствовал я такую ненависть, что от нее зазвенело в голове. — Ты про кого это так?

— А конечно... Вон выставила ляжки наружу, — сплюнул Санька и поблелел. Я размахнулся и вмазал в его куросый нос. Кровь брызнула на снег, но мне не было его жалко.

— Ты мне больше не друг, — зажал Санька снегом нос.

— А я плевал на тебя, — с трудом разжал я непослушные, словно замерзшие губы.

Что он понимал в красоте, этот рыжий Санька?.. Разве он может понять, как здорово, взявшись за руки, нестись с ней по кругу крошечного катка? Только огоньки на берегу мелькают перед глазами и ее румяное лицо с золотыми завитками на лбу... Как можно на такую красоту этаким словом? «Дурак, ой дурак», — уже беззлобно думал я о Саньке.

Впервые после войны нам в школе дали подарки. От такого богатства у меня просто закружилась голова: конфеты, настоящие, обсыпанные сахаром, орехи и печенье. Я сразу же подумал, что отнесу подарок ей. В длинной до полу шинели отца, на мой взгляд, делающей меня настоящим мужчиной, прижав к груди кулек, из которого съел только одну конфету, я прибежал к единственному для меня во всем поселке окну. Давно не было таких морозов даже в нашем студеном краю. Ветер сбивал с ног, брови и ресницы мои заиндевели.

Заглянув в окно, я увидел аквариум с золотыми рыбками, а сразу за ним елку, на которой висели орехи, яблоки и еще золотые шары. Потом уже я узнал, что это были апельсины. Но это было потом, в другой, взрослой жизни. Отсюда, с улицы, аквариум и елка казались одним неземным миром.

Холода я не чувствовал и старался рассмотреть в проплывающих тенях ее, и я увидел... Она была

с распущенными волосами, так наши замужние бабы никогда не ходили, да и девки тоже косы заплетали. Но ей и это очень шло. Иногда ее лицо проплывало где-то рядом с золотыми рыбками... Но вот с обратной стороны аквариума я увидел огромные глаза одной из близнят.

«Заметили, — мелькнула мысль, — надо бежать, положу только на крыльцо кулек и... Но там так тепло», — я вдруг почувствовал, как замерз.

Кто-то вышел на крыльцо, и мое сердце подскочило к горлу: «Она?»

— Мальчик, — услышал я голос их домработницы, — иди сюда, тут тебе хозяйка милостыню велела передать.

Улыбаясь и еще ничего не понимая, я шел к крыльцу.

— Вот, на, — сунула она в мои замерзшие руки яблоко и еще что-то, что посыпалось к моим ногам. — Ну, что же ты не держишь? Да у тебя нос и щеки побелели. Иди домой, иди с богом. — Она подтолкнула меня с крыльца. Но идти я не мог: что-то странное произошло со мной, словно чьи-то холодные руки сжали мое сердце.

Я не удивился, когда кто-то накрыл мои плечи и, ласково и непонятно приговаривая, повел за собой.

Звякнуло ведро... Потолок белый, а на нем зайчики отражаются от студенной воды.

— Пить, — сказала я, но оказалось, что не сказал, а пискнул.

— Господи, очнулся, — запричитала бабка Акси́нья.

— Сыночек. — Надо мной склонилось исхудавшее, словно из него кто-то выпустил воздух, материнское лицо.

— Ну что, сынка, показал задницу безносой? — хлопал надо мной красными глазами отец и шаркнул ладонью по небритым щекам.

Весь день они поджидали ко мне и смотрели на меня глазами, похожими на Красавкины: добрыми и со слезой.

А вечером, как всегда, бабушка встала на колени перед образами. Она не знала, как я теперь понимаю, ни одной молитвы и сочиняла их, а вернее, сотворяла каждый раз заново. Вот и сейчас я с удовольствием вслушивался в ее хриловатый, простуженный голос: «Господи, спасибо тебе за мальца. А и то правда, на что он тебе нужен: ни ума, ни силы. Уж коли нужна тебе душа грешная, не побрезгуй, возьми мою. Мне уж и пора предстать перед очи твои, призови. А ему дай оклематься, подняться, жизни отведать. Ведь нет яда слаше ее. Да прошу тебя, Боже, поласковее прими душу рабы твоей грешной вновь преставленной блаженной Зинаиды... Дай ей, Господи, отдохновения. Она заслужила за муки своего покоя. Спаси и сохрани нас, грешных...»

— Бабушка, — слабо заговорил я, — а что такое вновь преставленная раба Божия?

— А ты не спишь, касатик? — еще не оступ от сотворения молитвы, зашептала она. — Пока ты в тифозной горячке горел, беда у нас приключилась великая. — Бабка Акси́нья мелко-мелко закрестилась. — Прибрал Господь Зинаиду, не иначе как в рай прибрал, сердешную. Да... Безродную мытарицу.

— Как, — перебил я бабку, — она что же, умерла?!

— Умерла, внучек, умерла, — всхлипнула бабушка, — и похоронить-то было некому, миром похоронили.

— А что же, у нее и родных не было?

— Как не быть, были, но она же из сосланных, они из-под Камышина. Страховы тоже оттуда. Вот Варвара и рассказала, что какой-то нетопырь оговорил ихнюю семью, Зинаидину, значит, — бабушкина голова мелко тряслась, — она из большой семьи, но из работающей. Вот у них и был достаток в доме. Кто-то, видно, позавидовал, чтобы ему ни дна ни покрышки! Мол, кулаки они. А какие же они кулаки, когда у них на двенадцать душ два живота — одна корова да одна лошаденка? — Бабушка гладила меня по голове своей большой, но теперь такой слабой ладонью. — От тюрьмы да от сумы, касатик, и Бог не уберезет, если злой навет кто наведет. Вот их с мужем, да сеструху ейную с мужем и посадили. Стариков-то, родителей трогать не стали, а детей у них, как у врагов народа, отобрали и в детдом. — Глаза у бабушки слезились, и по морщинам стекали капельки, которых она не замечала. — Муж после тюрьмы-то не зажил здесь на поселении. Она его, как похоронила, еще держалась, а как узнала, что детдом, где их детки были, не успел эвакуироваться и его разбомбили, так и повредилась в уме. И не так, чтобы дурой стала, а словно заснула, да так и спала с открытыми глазами.

— Бабушка, — опять собрался с силами я, — а почему же она умерла, тоже тифом заболела?

— И... милый... коли бы так, а то ведь мученическую смерть приняла. Вот как ты тут маялся, спасибо ей, страдала, что успела тебе привести, а то неизвестно, куда бы ты большой убрел-то, — бабушка опять стала дрожащей рукой гладить мое исхудавшее лицо. — Как уж она в тот вечер на вашем катке оказалась, и не знаю...

— Да она всегда смотрела, как мы катаемся...

— Ну да, ну да... Эта-то шлындра начальникова со своими куклатками на коньках каталась. Ее птахи за руки взялись, да по речке бегом на коньках, а тут, откуда ни возьмись, Зина.

— Русалка их манит, русалка, — как закричит она — да за ними. А они знай смеются, да вперед, а там — полныня еще затянется не успела, мужики для какой-то надобности вырубил. Вот они туда и бульк, как два камушка, а Зинаида — за ними. Их-то вытолкнула, а сама... — Бабушка широко распахнула глаза, словно видела все, о чем рассказывала.

От слабости ли болезненной, от совести ли больной, но заплакал я.

— Ничего, ничего, ты поплачь, касатик, а ангел ей-то, Зинаиде, передаст, что есть на земле душа, по ней скорбящая, а это всякой душе надобно... А как же? — задумалась о чем-то мне непонятном бабушка. — А я еще помолюсь.

Я спрятал лицо в овчину и долго-долго плакал. Бабушка, утирая глаза фартуком, тоже всхлипывала, все что-то шептала. Устав от слез, я услышал:

— А так мы за все тебе премного благодарны, Господи, и за победу, и за то, что одеты-обуты. Дай Бог вот только, чтобы весна дружная, да пораньше посадить картошку-капусту, чтобы чуток отъесться, да этих желторотых откормить. И еще прошу тебя, Господи, о милости великой: дай Бог, чтобы Сталин не болел, дай ему, Боже, здоровья и долгих лет жизни. Аминь.

Заслуженный
художник России
Алексей Шалаев и поэт
Анатолий Богданович

СОЮЗ ПЕРА И КИСТИ

Жизненные пути этих двух талантливых людей могли бы пересечься намного раньше. В начале 60-х Анатолий Богданович, окончив Пензенское училище механизации, что в Ахунах, уезжает с отрядом добровольцев на освоение целинных земель. А спустя несколько лет в Пензу приезжает поступать в художественное училище им. К.А. Савицкого Алексей Шалаев, но не проходит по конкурсу. Следующий заход он предпринял в 1975 году и был зачислен на живописно-педагогическое отделение. Так минули годы юности, годы творческих исканий и находок, поражений и побед. И повсюду Алексей Шалаев, так же как и Анатолий Богданович, ощущал на себе дыхание Родины, подпитываясь энергией родной земли. Да, художник и поэт — это всегда зов сердца, услышанный Богом. И, видимо, не случайно несколько лет назад произошло их заочное знакомство, переросшее впоследствии в тесную дружбу. А произошло это на даче Анатолия Богдановича, когда писатель Анатолий Доронин привез к нему на машине картины Алексея Шалаева и устроил на небольшой полянке своеобразную передвижную выставку художника, рассказывая при этом о нем и его картинах. И тут оказалось, что сама окружающая природа как бы себя скопировала прямо на полотна А. Шалаева так они были естественны, словно веяло от них теплым летним ветерком и озаряло радугой красок. Сам Анатолий Богданович

был очень рад этому нечаянному знакомству, так как поехать выставки по состоянию здоровья не мог. И для него был неоценим этот духовный подарок друга.

А однажды летом Анатолий Доронин к поэту на дачу приехал вместе с А. Шалаевым. Вот так, казалось, очень просто и состоялась их встреча.

Как на духовной ниве, так и в биографиях эти два человека весьма схожи. Биография Алексея Васильевича Шалаева, теперь уже известного художника России, проста. Родился он в глубинке России, в Пензенской области, в селе с красивым и таинственным названием Селищи. Учился, служил в армии, а художником отчасти стал и потому, что в начальной школе в деревне судьба свела с удивительным человеком А.К. Замятиным — преподавателем географии, рисования и черчения. Контузия правой руки лишила его мечты стать художником, и он сделал все, чтобы мастером кисти стал А. Шалаев. В настоящее время ученик уже сам преподает в том же художественном училище, которое и закончил.

В чем призвание Шалаева?

Когда смотришь на пейзажи, созданные им, чувствуешь, как ласкает тебя прохлада весеннего леса и талой воды, как призывает задуматься над бренностью жизни старый вяз. И ощущаешь, что это живопись нынешних дней, это наше время живет в его пейзажах, портретах и даже натюрмортах. Художник щедр, открыт, искренен. Его полотна — это поэмы любви, вырвавшиеся из очарованной души. Им создана уже целая галерея портретов русских писателей, деятелей культуры и политики. Хрустальная чистота ощущается, когда подходишь к полотнам, рассказывающим о детских мечтах, о девичьей любви, о счастье материнском...

Выставки картин А. Шалаева — будь то в провинциальной Пензе, или в Москве на Остоженке, или в залах Государственной думы РФ — все они дополняли друг друга. Героические фигуры, истинно русские, такие, как князь А.А. Апасов-Карпов, Игорь Тальков, писатель-историк В.Н. Ганичев, столар В.С. Латаев, и др. особенно привлекают художника. «Я очень русский человек. И по крови, и по духу», — говорит о себе Алексей Шалаев, а глядя на его автопортрет в темно-синей косоворотке, иначе и не подумаешь. И побольше бы в нашей суровой, жесткой жизни таких творцов со светлым, добрым и чутким сердцем, нашедших тот родник, из которого черпа-

А. Шалаев. Портреты матери и отца.

ет силы наша Россия. Этот родник неисчерпаем для всех жаждущих из него напиток:

*В моей судьбе есть тоже чудо.
Родник — родимое пятно.
И мне носить его, покуда
Дышать на свете суждено...*

(Из стихотворения «Вернись в Ахуны...» А. Богдановича)

Из этого родника, что под Пензой, в Ахунах, поэт Анатолий Богданович пил еще в юности. И до чего же вкусна была та водица! Еще до поступления в Пензенское училище А. Богданович жил в разных уголках России и за ее пределами. Учился как бы «на колесах» в разных школах и в разных городах — в Армавире, Ленинграде, Хабаровске, Порт-Артуре, Благовещенске...

А кто из мальчишек не мечтал о море? Вот и он рванул на крыше поезда поступать в ленинградское военно-морское училище. Однако не прошел по зрению. Романтика же брала свое. Гоголем позже, после окончания Новошахтинского горнопромышленного училища, работал на шахте. Но бездушные каменные подземелья действовали на него угнетающе. Манили и звали пшеничные раздолы... И наконец пути-дороги привели его в Пензу... Потом была целина, служба в Вооруженных силах, учеба в вузе, работа в московских армейских газетах и журналах, редактором в издательстве «Советская Россия». Был принят в Союз писателей СССР. Издал 16 поэтических книг, большинство которых были написаны и вышли уже в период тяжелой болезни, сковавшей его по рукам и ногам.

Все эти литературные вершины он брал с помощью жены, которая вела его творческие дневники, записывала стихи и подготавливала рукописи к изданию.

А спустя много лет, уже будучи тяжело больным, по приглашению директо-

ра Ахунского училища А. В. Зарывахина и преподавателя И. А. Тугушева, на присланной ими машине, не единожды посещал милые сердцу пензенские места.

И совсем недавно еще одна радость — из родного училища, теперь уже профессионального лица № 25, посылка, как весточка о том, что его не забыли, о том, что тяжело выживающая провинция явила свое доброе сердце и чуткую душу. И, как часто повторяет поэт, возрождение России начнется с глубинки. Возможно, с той же Пензы, где в те далекие юношеские годы она обогрела и дала ему профессию.

Теперь, оглядываясь назад, можно сказать, что не случайно свела судьба художника пера с художником кисти. Сейчас, бывая в Москве у поэта в гостях, А. Шалаев нашел в нем не только ценителя своего дарования, но и единомышленника, а поскольку Анатолий Богданович не в состоянии посещать его выставки, художник в один из приездов в столицу привез на квартиру поэта целую галерею своих работ. В это время квартира А. Богдановича скорее всего напоминала выставочный зал. Любоваться картинами приходили не только друзья, но и соседи.

Творческий дух, который объединил поэта и художника, нашел свое отражение и в серии открыток-картин А. Шалаева. Среди авторов на оборотной стороне открыток есть и четверостишия А. Богдановича.

Десять лет прошло... двадцать лет пройдет... Но творчество художников пера и кисти — прямое доказательство того, что жива наша великая изобразительная школа, наша родная литература, а значит, жить России.

Нина Максимова

А. Шалаев.
Художник М. Абакумов

А. Шалаев. Ромашки

Софья ГУСЬКОВА **МАЛЕНЬКАЯ** ПОВЕСТЬ ОБ АКТРИСЕ

Главный врач пансионата «Голубые просторы» пригласила меня на первоначальный прием в десять тридцать утра. Это время для меня самое подходящее, — я всегда любила именно эти часы. Так сложилась моя жизнь. Обычно в десять тридцать я вызывалась на работу. Теперь же... Мои размышления прервала Ядвига Валерьяновна, поставив передо мной фужер с зеленоватым напитком.

— Попробуйте, это наш фирменный травяной отвар, — заговорила она таким тоном, что я сразу почувствовала себя выздоравливающей. Из фужера потянуло зубным эликсиром. — Как вы спали? Вас ничего не беспокоило? — Спасибо, все прекрасно, — скрыла я правду.

Ядвига Валерьяновна удовлетворенно кивнула, как бы поверив мне.

— Вы работаете? — задала она проклятый вопрос.

— В общем, да, но по сути — нет. Прихожу на работу за зарплатой.

Ядвига Валерьяновна еле заметно насторожилась и отпидла из своего фужера.

— А где вы работаете?

Честно говоря, я не люблю отвечать малознакомым людям на этот вопрос. Это одна из моих странностей. Обычно я отвечаю скороговоркой: в Мосинжчелде. Пока случайный собеседник пытается расшифровать последнюю часть аббревиатуры, я быстро добавляю: это что-то вроде лаборатории, и перехожу на погодно-бытовые темы. Но тут деваться было некуда, пришлось сказать правду.

— В театре.

Глаза Ядвиги Валерьяновны зажглись интересом и любопытством. Она мгновенно перебрала в уме популярные лица и, не найдя среди них моего, участливо спросила:

— А кем?

— Артисткой, — будто скрывая врожденный порок, ответила я.

В силу моей профессии, наблюдательность выросла в мой организм навечно, поэтому я смотрела, как кипит слав восторг, некоторой зависти и удивления в глазах Ядвиги. Через несколько секунд она живо воскликнула:

— Ой, как интересно! Замечательно!

И я поняла, что Ядвига Валерьяновна Милованова не только хороший врач, но и талантливый зритель. Мне тут же захотелось пригласить ее в театр, и... тут же я вспомнила, что на сегодняшний день у меня не осталось ни одной роли. Собственно, это обстоятельство и привело меня в пансионат «Голубые просторы».

Моя племянница, Ольга, аспирантка кафедры нервных болезней института неврологии, настояла на том, чтобы я провела лето на природе. Я заболела, как она считает, после того, как с репертуара сняли мой последний спектакль, где я играла служанку.

— Это маразм, — кричала она, — так переживать из-за того, что ты больше не будешь стоять три часа на сквозняке за кулисами и дышать пылью, от которой у тебя аллергия! Что больше не будешь выступать в унижительной роли и выносить пластмассовые фрукты, бумажные букеты и пустые конверты, де-

лая вид, что там важное письмо!

— Я не делаю вид, а проживаю, когда говорю: «Мадам, вам письмо!» — сказала я, — и поэтому зал отвечает мне аплодисментами. — Саня, я не хочу полемики. Я хочу, чтобы ты не сошла с ума из-за своих иллюзий окончательно или не случилась еще чего похуже.

— Да, учитель Беликов умер из-за того, что его невеста прокатилась на велосипеде. А тетя Инна из-за того, что режиссеры принесли ей не тот лорнет перед выходом на сцену.

— В первом случае — астено-депрессивный синдром, а во втором — результат ситуационного невроза, — вынесла приговор Ольга. И меня порадовало, что она помнит рассказ Чехова «Человек в футляре». Ольга уехала на практику с группой медиков в неврологическую клинику профессора Шнейдера, а я согласилась пожить в пансионате. Сколько выдержу. Вероятно, профессия врача-психиатра сходна с моей и в смысле наблюдательности. Поэтому, уловив, как быстро выражение радости на моем лице поменялось на угрюмое раздумье, Ядвига Валерьяновна ободрила меня.

— Не грустите. Мы найдем способ вернуть вам прежнее состояние души и настроение. Вы уже заметили, что мы стараемся со-

дать для наших гостей условия, приближенные к их лучшим воспоминаниям и мечтам? Это входит в нашу экспериментальную программу лечения, — продолжила она беседу со мной. — Вот, например, Леночка на соседней с вами даче мечтает о спокойной супружеской жизни. Вы уже познакомились с ней?

Я кивнула, вспомнив скачущую барышню из соседнего дома. На ее участке цвела настоящая сакура. Пока я разглядывала японские гладиолусы, высаженные на кучках камней, Лена успела рассказать мне о своем муже. Дима приезжает к ней по пятницам, поздно ночью, он работает в агентстве по недвижимости. Всю субботу он спит, а в воскресенье бежит трусцой по лесу, вокруг пансионата, — тренирует сердечную мышцу. Вечером они ужинают в саду: Лена в кимоно, с длинными шпильками и живыми цветами в причёске подает мужу рисовые пирожки в виноградных листьях, сырую рыбу и маринованный бамбук. Дима выпивает графинчик горячего саке и до темноты слушает тихие песни жены под аккомпанемент древнеиндийского инструмента. Если я правильно запомнила, он называется ситар. Красивое название.

— Лена перенаправилась. Десять лет непрерывной банковской службы — не шутка. Ее выводят из депрессии по японской методике, — пояснила Ядвига. — А для Сидора Пантелеевича с двенадцатой дачи мы посадили на участке голубые сли и поставили гипсовую скульптуру собаки. Выдели, может быть, старичка в генеральском кителе? Он ветеран, служил в пограничных войсках. А что бы вы хотели видеть на своем участке, э-э-э... Александра Павловна? — мельком взглянув в мою медицинскую карту, поинтересовалась Ядвига Валерьяновна.

— Венки, — брякнула я.

— Ну-у, зачем так мрачно. Вы пока не пациент. Вы у нас просто отдыхаете. У вас реабилитационный отдых. — Ядвига опять свернулась с записью в карте.

— Я имела в виду другие венки, — вывернулась я. — Когда-то актерам на премьеры и бенефисы дарили венки.

— Ах, вот оно что! — расцвела Ядвига и что-то черкнула в моей истории болезни. — Ну, это другое дело. Так что же все-таки вы любите больше всего? Кроме театра, конечно.

— Путешествия, — сказала я и выпила отвар-эликсир.

— И что же вам ближе? Север, юг, средняя полоса? Какое время года? — Ядвига приготовилась записывать.

— Для меня все близко, — сказала я. — И время, и место... Я люблю путешествовать в нереальном мире.

— То есть... вы любите читать книги? — терпеливо глядя на меня, угала Ядвига Валерьяновна. — Сценки всякие, пьесы?..

— Да, и пьесы, конечно. — Мне стало скучно.

— А сами никогда не пробовали писать?

— Пробовала, — откровенно созналась я. — «Я родилась в Москве, на Якиманке». Это первая и последняя фраза моей единственной книги.

— Жаль... Интересно, что было дальше... — вздохнула Ядвига. — Мне кажется, у вас хорошо бы получилось. Ведь вы актриса и можете не просто писать, а играть внутри своего рассказа.

— Я уже наигралась! Петелька — крючочек... — откликнулась я чересчур весело.

— Вы, кажется, немного устали, Александра Павловна. — Ядвига реагировала точно. — Договорим в другой раз. А пока возьмите это. Красные — на ночь, зеленые — утром, в обед — желтые. По одной перед едой. И приходите ко мне в любое время, когда захотите. Может быть, для начала просто садик вам на участке организовать?

— Хорошо бы, — вздохнула я. — Вишневый.

— А-а, посмотрите, покойная мама идет по саду... в белом платье! — вдруг воскликнула главная врач.

— Господь с вами, Ядвига Валерьяновна! — Я обомлела.

— Ничего нет, мне показалось. Направо, на повороте к беседе, было дерево склонилось, похоже на женщину... Какой изумительный сад! Белые массы цветов, голубое небо... Действие

первое, явление восьмое... — В глазах Ядвиги стояли настоящие слезы. — Я ведь тоже когда-то в театральной студии репетировала при Дворце культуры. Только роль эта прокурорше досталась. Эх-ха-ха! Заходите как-нибудь, поделюсь.

Ядвига Валерьяновна сделала большой глоток фирменного отвара и, нажав кнопку селектора, вызвала следующего посетителя. Потрясенная, я вышла из кабинета, чуть не забыв коробочки с разноцветными пилюлями.

Сад вокруг административного корпуса пансионата, действительно, был изумительным. Частые дожди пригнули к земле тяжелые от белых цветов ветки жасмина. К полудню ветер разогнал дождевые облака, и солнце высушивало листву и землю. Капустники, подолгу задумавшись на каком-нибудь стебле, то полностью раскрывали, то закрывали книжечки крыльев, стравивая затем все придуманное в порхании. Я завидовала их беззаботности и легкости, — мне никак не удавалось сбросить тяжесть нерешенного вопроса, разобраться, что же, собственно, будет дальше. Как я буду жить без театра? Почему я так мучаюсь? Ведь не уволили же меня, оставили. У всех вылают творческие простои. Даже у великих.

Как ни странно, Ядвига тронула мне сердце своей тоской по несмысленной роли. Может быть, она нарочно выбрала такой метод воздействия на мою психику? Ведь сказала же она о лечебной методике возвращения пациентов в атмосферу их лучших воспоминаний и надежд. Если все это медицинский фокус, то Ядвига большой профессионал, во всяком случае, реплики Раневской из «Вишневого сада» она сказала точно. Нет, неплохо быть такой подозрительной, это признак нервного расстройства.

Другой момент нашего разговора с главврачом так же не давал мне покоя: ее искреннее сожаление о моем неподписанном рассказе. А что если, правда, написать?! Что я теряю? Времени хоть отбавляй, погода дожидлива. В тот же миг, как я подумала о погоде, мелкий дождик начал сыпать на поверхность труда свои многоточия. Не замечая дождя, мимо меня механическим, бодрым шагом прошла старушка лет восьмидесяти. Седая голова ее была высоко поднята, белые кудряшки уложены в причёску, взгляд устремлен к цели, видимой ей одной. Держась подчёркнуто прямо, она скрылась за поворотом дороги. «Нет, ничего у меня не вылетит... Что писать-то? Автобиографию?.. Я родилась в мае?.. Чтоб уж совсем стать похожей на полоумную Пряжину из «Театральной романа?»»

«Какие глюки! Что вы выдумываете, дорогая моя?! Причем здесь Пряжина?!» — услышала я или мне показалось... Это был голос Урилы Константиновны, у которой я училась в театральной училище и которой давно уже нет на свете. Нет, не случайно я оказалась в пансионате «Голубые просторы». Вот уже и галлюцинации начались. Старушка-то была похожа на Верушу разве что энергичной походкой и прямой спиной... Однако этот не вполне реальный окрик отогнал мои сомнения и перенес меня в далекие времена учебы на актерском факультете и еще дальше — в детство.

Дождь зарядил до вечера, и в сумерки густой туман вплотную подступил к запотевшим стеклам веранды. Я вспомнила единственное окно комнаты, похожей на пенал, где жила моя семья. Оно упиралось в точно такое же окно соседнего корпуса. Противоположное окно было всегда наглухо занавешено, а подоконник уставлен банками с вареньями и соленьями. Иногда чья-то рука высовывалась из-за занавески и брала очередную банку. Я так никогда и не узнала, кто жил за этой занавеской.

Когда-то квартиры нашего дома сдавались внаем. На одну семью столовая, кабинет, детская, спальня и комната для прислуги. Родившись на белый свет, я стала пятой обитательницей единственной комнаты и рано узнала всех остальных жильцов коммуналки, потому что наша комната находилась рядом с кухней, ванной и уборной. Когда я пришла в театр, то слово

«гримбуорная» не восприняла категорически. Уютная комната с ковром на полу, бархатными порттьерами и столиками с трехстворчатыми зеркалами никак не вязалась с вечно шумящей водой в проржавленном бачке где-то у потолка и вонючими лужами на кафельном полу. Звучки и запахи способны обострить чувства до предела вражды или обожания. Иногда мне кажется, что в театр я полюбила за особенный, несравненный запах. Ни в одной колбе Зюскинда нет такой смеси: в ней живут осыпь свежей древесины и сырость старого холста, молекулы засыхающих красок и латекса, прохладные атомы металлических стружек, игристые крошки грима и пудры и теплый хлебный дух, принесенный из дома людьми. Где еще найдешь такую манящую сладость, тревогу и очарование?! Ни один наркотик не может сравниться с запахом театральной пыли.

Мне десять лет. Косы уложены корзинкой и крыло черного форменного фартука все время съезжает с правого плеча — портфель оттягивает руку. Я жду, когда откроется дверь, хочу пригласить на спектакль свою одноклассницу, у меня есть дешевые билеты на вечер.

— Света на гимнастике, а вечером будет делать уроки. А что? Опять в театр?! Так часто ходить в театр вредно!

Шварк! И дверь онемела, устоявшись на меня разномыслными глазами клопок. Не звонит! Здесь живут и отдыхают Биктимировы, Гафт, Пузаковы, Кретиныны, Фальчук.

Да, Света — отличница, а я не люблю физкультуру. Мне неприятно вышагивать строем в сатиновых трусах на резинке и прыгать по очереди через «козла». Все вокруг орут, потеют, толкаются, а физрук горланит «левой, левой!». А в это время в кинотеатре «Авангард» поет с экраном, как птица, слепая Иоланта, не удерживая прозрачные слезы. Я уже смотрела это кино шесть раз. А так я нелюбо учусь, только неровно, как говорит моя классная руководительница Маргарита Степановна. Она оставляет меня после уроков пить молоко, положенное мне, как ребенку из неполной семьи. Я еще могу выпить лисое молоко, а в школьном плавают комья жирной пенки, от которой меня рвет.

— Пей, Саша, через «не могу». Надо пересилить себя. Будешь сидеть, пока не выпьешь, — говорит Маргарита Степановна и уходит в учительскую.

Я беру свой стакан и сажусь у окна. В пустом буфете уборщица Роза домывает пол, изредка роняя татарские слова, наклоняясь к ведру. Липкая клеенка на столе не нравится нервной мухе, — она постоянно меняет место посадки. Набрал больше воздуха, я резко выдыхаю и, сжав зубы, стараюсь проглотить глоток молока внутрь. Как считает мой одноклассник Юрченко, сквозь мои редкие зубы может проскочить даже зубная щетка, не то что пенка... Я выплываю молоко обратно в стакан. Отдышавшись, делаю еще одну попытку. Бесполезно. Судорога в горле все выталкивает назад. Из окна виден купол «Авангарда», раньше в нем был храм. Интересно, который теперь час: по десять копеек билеты только до четырех. Роза ушла, оставив дверь открытой. В учительской напротив Маргарита Степановна проверяет тетради. Ей, наверное, тоже меня видно. Я однажды была в учительской, классе во втором. Дома у нас был какой-то жуткий скандал, сорились два моих взрослых брата. Я так испугалась, что мать увела меня, и мы с ней всю ночь ходили по улице. А утром я пошла домой за портфелем, и соседка Зинаида Абрамовна шепнула мне на ухо, что вызывали милицию и старшего, Алешу, увели, а Севка ушел рано на завод и сказал, что больше не вернется. Я слушала ее горячую сводку и думала: зачем с раннего утра так надеяться чеснока? На уроке я упала в обморок, и меня положили в учительской на кожаный диван, накрыв халатами для труда. Я лежала, как покойник, рядом с Красным знаменем, среди гортензий и фикусов... Так... Маргарита Степановна встала из-за стола, идет... Колокола тренькают на Иван-Воине... Ветер, наверное... Мой дом, школа и церковь рядом, я не сказала? Да. Стоят бок о бок. Как фикус

в кадке возле стола, за которым я мучаюсь неизвестно сколько уже... Моя левая рука отковыривает под фикусом ком земли... Учителишка проходит мимо буфета... Я быстро выливаю молоко в земляную лунку и кладу ком сверху. Скоро этот фикус замычит и меня опять будут отчитывать и вызовут в школу мать. Но в каникулы она все равно отправит меня по театрам. Ей некогда заниматься моим воспитанием, ей надо думать, чтобы выросла здоровой и не гоняла собак по двору. Правда, никаких собак у нас во дворе нет, он пуст, как вытекший колодец. Только у водостока какой-нибудь подорожник или сныть прибавляется весной. А в одном углу, где мусорные баки, растет мать-и-мачеха. У этого растения листья двусторонние: сверху гладкие, а снизу шершавые. На уроке природоведения нам сказали, что гладкая сторона — это мать, а шершавая — мачеха. Но я думаю наоборот: гладкие — они холодные, а шершавые — мягкие, теплые. Моя мама говорит, что в жизни у нее не все гладко. Она вкалывает целый день на работе, а по вечерам еще ведомости на зарплату в Деггизе заполняет. Она говорит, что детские писатели добрые: мелкие деньги с гонимых не берут, кассиру оставляют. Детей растить — не на гулянку она берет. Некогда. Надо думать, чтоб сыты, одеты-обуты были. Бегу в войну сто литров крови сдаю, полов Красную площадь вымыла, да тонны белья перестирала — на людей работала, ребята растила. У нее в войну на шею двое было, да еще сестра Лизавета слабая и бабушка Саня.

Алешинного отца расстреляли, он военный врач был, Санаев. Но мама его раньше выгнала, потому что у него из кармана гимнастерки квитанция на почтовый перевод выпала. Оказывается, у него в Ленинграде еще одна семья была и там тоже Алеша-сын. Так вот этот Санаев маму из кухни на черный ход выталпил, пистолетом грозил — застрелить хотел, а она его все равно выгнала. «И слава Богу!» — бабушка Саня сказала. А муж бабушкин, Николай Федорович, назвал тогда нашего Алешу сыном врага народа. Он был старый большевик. Его фотография у нас на стене висит, рядом с портретом Ленина на железе. Николай Федорович прямо смотрит, брови насупил, а Ленин куда-то в сторону, в окно, где варенье стоит. Мама дедушку воспитателем называет, потому что он и бабушка Саня нам были не родные. Мама у меня сирота, их с сестрой Лизаветой взяли на воспитание из деревни. Давно. До революции, наверное, или после... Не знаю. История у нас с пятого класса будет, а я сейчас в четвертом. Вот. А потом Сева родился. У его отца фамилия какая-то чудная, но Ли Закир, то ли Якир. В общем, Сева у нас не русский. Этого Закира-Якира мама прогнала за то, что он Алешу за обедом жадным назвал. Алеша умный и добрый и учился всегда блестяще. Особенно ему немецкий язык давался хорошо. Ему даде путевку в пионерлагерь «Артек» в школе дали, когда у него легкие заболели. У мамы Алешины письма хранятся в лаковой сумочке со слюнным замком и золотая медаль за окончание школы в коробке от леденцов. А Сева учился с тройки на тройку, только ел, как кабан, да с утра до ночи по задворкам шастал. Алеша-то тайком на стройку бегал, где немцы пленные работали, чтобы практика в языке была, да в МГИМО поступил, а Сева — хвост трубой и после семилетки пошел в ФЗУ на фрезеровщика учиться. Вот тут-то я и родился неожиданно-негаданно, откуда ни возьмись, как в сказках пишу. Мне недавно в Плещеевской библиотеке дали читать «Мальчик из Уржума» и сказки русские народные. Там про чудеса так пишут: «вдруг, откуда ни возьмись...» интересно! Это любимое слово моей тетки Лизы. Она как увидит или услышит что-нибудь новое, всегда говорит «интере-е-есно». Бабушка рассказывала, когда Лизавета со своим мужем Прокофием в отпуск из Сусумана приехала... Это город такой в Сибири где-то, в Магаданской области. Мама просто говорит: с Колымы, там двенадцать месяцев зима, остальное лето... Так вот, приехала и меня в пеленках на кровати, увидела тоже сказала маме: «Интерес-е-есная ты,

Мария». Получалось, что им с Прокофием негде ночевать в Москве, а у них отпуск — полгода.

Бабушка Саня меня нянчила и гулять водила на Церковку. Хоть и любила меня бабушка, а сердилась, когда я под колокольный звон плясала. Так мне же скучно сидеть на лавочке со старушками и слушать про Ивана какого-то, которому голову отрезали. А тут колокола «трень-диль-бом, трень-диль-бом» — громко, весело, я усидеть и не могу. Ноги сами притопывают и прыгать хочется. Один раз бабушка меня в церковь завела. Там пахло сладко, как с фабрики «Красный Октябрь», где шоколад варят. И все стены картинами завешены, места свободного нет. Я там видела голову эту отрезанную на тарелке. И лица у всех на картинах старенькие, глаза заплаканные, смотря на меня — сорились. Мне и самой плакать захотелось. Бабушка меня увела, а про голову на тарелке сказала, что это не Иван, а Варвара Великомученица. Не люблю я, когда людей мучают.

При бабушке у нас дома все мирно жили, не ссорились. А потом, когда я во второй класс перешла, она умерла... Что-то Маргарита Степановна долго не идет. Надо ей пустой стакан предъявлять, а то вечер уже, опять про торфяные горшочки выучить не успею, а потом сама же будет спрашивать...

— Александра Павловна! Александра Павловна!

Голос главврача вырвал меня из детского монолога, в который я погрузилась, сама того не замечая, — профессиональная привычка думать от лица персонажа, тем более, что персонаж — я сама. Но, странное дело, десятилетняя Саня Солодова жила своими собственными заботами и чувствами, объясняя мне многое, о чем я мало задумывалась раньше. Эта игра показалась мне интересной. Решив продолжить ее, я пошла открывать дверь. На пороге в мокром дождевике стояла Ядвига Валерьяновна.

— Я на одну минуту, меня ждет машина. Это вам. — Ядвига протянула мне бутылку с какой-то сиреневой водой и компактный ноутбук.

— Это что, «Буратино»? — удивилась я. — И компьютеры у вас всем выдают?

— Это настойка моего изготовления. Добавляет в чай и спит, как младенец. А это выдают всем, кому может пригодиться. Инструкция приложена. До свидания.

И крупный дождь затаял по плашу главврача Миловановой, лавирующей в темноте между глубокими лужами.

Действительно, может пригодиться. Но какова Валерьяновна! Все угадывает, все предвидит. Я как раз хотела получить изучить компьютер и съездить в аптеку за снотворным. Нет, все же она не простой доктор...

За ночь под моим окном чудесным образом вырос куст шиповника, на котором уже поселился соловей. Под его отчетливые трели я и проснулась. «Просто сказки Андерсена, — подумала я. — Откуда в июле поющие соловьи?» Но, вспомнив цветущую сакуру на соседнем участке, поняла, что возможности «Голубых просторов» безграничны, если дело касается здоровья пациентов.

Река Расторопша, на берегу которой примостился пансионат, в это утро радешенка была ясной небу. На влажном песке пляжа отпечаталась только одна след у спуска к реке. Под пригорком чиркнула сличка, и я услышала осторожное покашливание. Старичок-ветеран, о котором говорила Ядвига, покуривая, удил рыбу.

— Доброе утро, хорошо клюет? — спросила я, подойдя ближе.

— Утречко доброе, — заулыбался рыбовод, глядя на меня сквозь толстые линзы очков втрое укрупненными глазами. — Да на рыбник наливал, только испечь некому. Весь улов коту пойдет. Вы, извините, с какой дачи?

— С пятнадцатой.

— Недавно прибыли? Я что-то вас не замечал здесь раньше? Я с двенадцатой, Хмара Сидор Пантелеич, а вы...

— Солодова Александра Павловна. Я несколько дней всего здесь.

— Да-а, видел. В пятнадцатой печку в пятницу топили, и свет на веранде горел. Я приметил. Вы уж извините старика. Привычка. Да и тоска иногда одолевает. Вот и бродишь, все подмечашь, а рассказать некому. Только вот им, — Сидор Пантелеич кивнул на ведерко, где дремали пойманые окуньки. — Теперь больше некому...

Он поискал что-то вокруг беспомощными глазами и вдруг спохватился.

— У меня ведь чай полный термос! Разрешите угостить, Александра Павловна?

Поплавок запрыгал на мелкой ряби воды, вдруг остановился и пошел под воду.

— Ключет! — заволновалась я.

Сидор Пантелеевич подхватил с земли улочку и ловко выдернул обалдевшую от неожиданности плтову. Она опомнилась, только когда ее стали снимать с крючка, зарыпалась, забилась и, плюхнувшись в ведро, еще минуту протестовала напрасно.

— Эта рыбка ваща, — сказал Сидор Пантелеевич. — Придеться вас ухой угощать.

Военные — самые благодарные зрители и самые хлебосольные хозяева, это мне хорошо известно, потому что театр, в котором я работаю, — главный армейский театр страны. После спектакля или концерта в воинских частях актеров угощают с такой доброй душой, что отказываться бесполезно.

— Спасибо, я зайду, — согласилась я.

— Вот хорошо, — оживился бывший пограничник. — Заходите, порадуите старика, Александра Павловна. Лицо ваше мне знакомым кажется, вроде видел вас где-то, но не могу вспомнить... Где?... Когда?..

А я вот вспомнила Сидора Пантелеевича Хмару. Из-за фамилии вспомнила.

Начало моей карьеры в театре было освещено одиноким лучом, направленным в угол сцены. И хотя главный герой пьесы говорил обо мне весь спектакль, я появлялась всего на пять минут, будто возникая в его памяти. «Поля!» — восклицал он, и на сцене гасли все фонари. Под фронттовую песню о сином платочке я выходила из портала в сапогах и гимнастерке и присаживалась на чемодан. Когда я уходила, объяснив герою, что не боюсь идти в разведку, раздавался звук разорвавшейся мины. Я на секунду застыла в позе памятника. Дальше действие катилось своим чередом.

Мую героиню звали Полина Хмара, и автор пьесы утверждал, что легендарная звездачка жива, что это подлинная история о любви и войне. Но меня жалкий эпизод после главных ролей в дипломных спектаклях угнетал. Мне казалось, что зрители и не заметят меня в полутьме. Напрасно я наматывала портянки в сапоги и затягивалась ремнем по всей форме, пытаясь погрузиться в атмосферу войны. На сцене мне не хватало времени оглядеться: только вышла, уже уходит пора.

И вот мы привезли спектакль на курсы «Выстрел». Освещенные у них было из рук вон, поэтому, выйдя на сцену, я еле различала партнера, а уж о том, что видели зрители, и говорить не приходится. Так мне казалось. Окончательно расстроившись, я кое-как пробормотала свои реплики и побрела на пандус взрывать.

После спектакля нас пригласили на ужин. В ожидании, пока все наедятся и напьются, я устроилась у края банкетного стола. Напротив меня сидел военный и деревенского вида женщина в сером пуховом платке, с пучком седых волос на затылке. Они вели себя скромно, внимательно слушая тосты командного состава. Банкет уже набрал полную силу. Удел артист Чибисов съезжал под стол, засыпая, и я попросила радиста Юру: «Толкни его». — «Зачем? — не понял Юра. — Сам упадет». Мне

захотелось поскорее обратно в Москву. Но тут с места поднялась жена военного и, глядя на меня, сказала:

— Я хочу поднять эти фронтные сто граммов за вас. Вы так хорошо играли.

От неожиданности у меня зазвенело в ушах, и я покраснела, потому что все за столом смотрели на меня.

— Я вспомнила свою молодость. Спасибо вам. — И она улыбнулась мне, заблестев золотыми коронками.

Генерал Драгунский, начальник курсов, громко объявил: — Это герой Советского Союза, разведчик Полина Хмара.

Все зааплодировали. Я попросила у радиста Юры сигарету и закурила. За столом оживились, выпивая и закусывая. Разведчица все смотрела на меня застенчиво и восхищенно, а потом повторила:

— Как вы хорошо играли! Вы такая мудрая, такая смелая! А мне в войну было так страшно. Мы ведь с мужем потерялись на два года. Он думал, я погибла. А я вот... — Герой Советского Союза поправила гребенку в волосах. Ее муж поднес зажигалку к моей погасшей сигарете.

— А вы не курите? — спросила его я, представляя себе всех фронтовиков по песням и кино.

— Нет, и на войне не курил. Только когда под Сталинградом стояли. Но там нельзя было убрать убитых с поля, все время обстреливали. Группный запах стоял сильный, а покуришь — вроде и легче дышать.

Мы прошлись у автобуса, среди громкого смеха, песен и шуток. Высокие сутробы, каких не увидишь в городе, были усыпаны морозными искрами, и край пухового платка Полины Кузьминичны быстро покрывался инеем.

— Мы с Сидором Пантелевичем скоро на заставу уезжаем. Далеко, на остров Ратманова, Аляску видно. Первыми будем Новый год встречать. А как вернемся, сразу к вам в театр придем...

Окна в автобусе замерзли, и пока я оттирала варежкой проталину, супруги Хмара исчезли в темноте дороги.

И все же каждый артист надеется получить большую роль, надеется на чудо. А чудес в театре хоть отбавляй. И в жизни не меньше.

Настоящей актерской профессии обучаешься в работе. На студенческой скамье получаешь больше теории, да и теория эта такова, что попробуй разбери. Однажды я слышала, как старый провинциальный актер учил столичного: «Здесь надо так. Торопко, торопко, торопко, а потом — падё-ёж, падё-ёж.» И это была теория ритма. В театральном училище я на репетициях часто впадала в крайности, рвала страсти, страдала, заламывала руки, а мой педагог Кольцов Виктор Григорьевич мягко меня прерывал: «Миленская, — говорил он, — ты потихоньку, серенькой красочкой, серенькой, не торопись. Вошла. Появилась. Пишут же драматургии «явление третье». Вот. И прежде чем сказать, оглядись, послушай, атмосферу почувствуй, подумай на тексте партнера, оцени и тогда только давай свою петьку — текст. А тот, кого увидела-оценила, тебе в свою очередь крючочек бросает. Лови! Поймала, зацепилась — хорошо, дальше плыви. Если упустить, хороший партнер всегда вытянет, а плохой один играет, вон из кожи лезет, никто ему не нужен. Так и появится твой сценический образ: петелька-крючочек, петелька-крючочек...» «Но ведь написано: «вы так врывались давеча», Виктор Григорьевич, — спорила я. «Миленская, это она сердцем врывается, а так — входит». Виктор Григорьевич человек был добрейший, скромный. Хороший актер всегда похож на обычного человека, а не на перетянутую мушкетера в пальвиных перьях. Ходит себе, помалкивает, а на сцене — король... Лир!

В прежние века актеров за кладбищенской оградой хоронили, — большим грехом это было, чужими жизнями жить, со своей бы справиться, но в мое время эта профессия считалась престижной, как теперь экономист и юрист. Из-за престижности и платили мало, но тогда это было не важно, тогда всем мало

платили. И театр был праздником для людей: там правда была всегда хороша, несчастье и смерть — красивые, и ложь наказана, и любовь вечна. Легче человеку жить в мире иллюзий, а актеру в первую очередь, его труд унижен и до крайности. Особенно когда молодость проходит. В пятьдесят лет прыгать, гримасничать, Ромео играть или Джульетту в семьдесят, как Сара Бернар, — это, я вам доложу, фокус-покус. Но я всегда была мечтательницей, и театр полюбила за то, что он с грубостью жизни справиться помогал.

Пришла я в театр, наполненная желанием творить, и вызвал меня на беседу главный режиссер. Он был известным человеком на весь Союз, о нем ходили легенды, а по виду он ничем не отличался от бухгалтера-соседа, жившего в нашей коммуналке. Те же брюки в полосу, тенниска и прическа «ветерок». Я пришла в Большой зал после утренней репетиции.

Тяжелый занавес с кистями в человеческий рост был уже закрыт, слабо золотились притушенные огоньки люстр, а в голубом небе потолка Дейнека остановил облака и самолеты с красными звездами на крыльях. У столика из реквизита с лампой, полуприкрытой, как лягушачий глаз, сидел Главный. Он старательно сощелкивал что-то указательным пальцем с режиссерского эскизляра пьесы. То, что не удавалось сощелкнуть, он прихлопывал и сдувал. Я поздоровалась — меня не услышали. Кровь ушачено пульсировала в моих жилах, и в голове пронеслись обрывки вмиг распавшихся знаний по актерскому мастерству.

Очистив последнюю страницу от несуществующих субстанций, Николай Варфоломеевич уставился на меня и резко спросил:

— Самое важное для актрисы что?!

— Т-та-та... — пискнула я.

— Железные нервы и лошадиное здоровье. Запомни! — отчеканил Николай Варфоломеевич и, сунув под мышку пьесу, зашлепал по ковровому проходу разношерстными сандалиями. Оценить эти золотые слова я смогла только годы спустя, когда уже никто из режиссеров не мог ставить монументальных спектаклей и не гонял чертей из текста пьесы. Но тогда Николай Варфоломеевич ошеломил и озадачил меня.

В театре, куда меня пригласили на должность актрисы драмы, можно было жить и умереть, как писал Белинский, не выходя. Все было предусмотрено для работы и отдыха. В холлах перед гримборными, на коврах, покоились мягкие диваны и кресла. Высокие зеркала перемигивались с лаковым паркетом. На восьмиугольных полированных столах дожидался своего часа головные уборы, украшения и перчатки, коробки со шпильками, локонами и париками, индивидуальные мешочки с чулками, гримом, салфетками, пудрой и гумозом для наклейки носа и подбородка. Рядом дремали толщинки и пластроны на подвязках. Туалеты и душ сверкали хирургической чистотой, полотенца и мыло прилагались.

В перерывах между репетициями актеры питались. В столовой, обставленной по-домашнему, им пекли пирожки. Их с удовольствием поглощала Красная Шапочка, а Серому Волку варили кашу, он был язвенник. Служебный буфет работал допоздна. Там скрашивали свое существование во время спектаклей матросы из «Оптимистической трагедии» и гости в доме Фамусова. Кроме того, в театре существовала своя поликлиника.

Днем консультировали терапевты, невропатологи, ларингологи и прочие эскулапы. К услугам сотрудников театра был даже зубопротезный кабинет. А вечером, во время спектаклей, дежурили медсестры, готовые в любой момент укрепить кофейном голосовые связки, вправить вывихнутые на сцене конечности и вызвать неотложку в критическом случае. Не было разве что трамвая, но лифты сновали вверх и вниз.

Творческий процесс был спланирован и налажен бесперебойно. В определенный художественным руководством день в фойе ложи дирекции собиралась вся труппа на читку пьесы. В зал,

где в другое время проводились банкеты и торжественные собрания, набивались артисты, жаждавшие новых ролей. Слушали, прикидывая, кому достанется, а кому нет, время от времени бросая взгляд то на читающего зачитка, то на малиновый потолок и стены с пригвожденными картинами в тяжелых рамах. Справа — «Дюпрэ коммуниста», слева — портрет Мусоргского в полный рост. После четки труппе предлагалось обсудить произведение, и здесь можно было похвалить его, обнаружив желание участвовать в постановке, или обругать, давая понять, что участвовать не собирается. Затем члены художественного совета удалялись для окончательного решения. Автор, если он был жив и признан, мог присутствовать. Молодой еле живой автор, как правило, нервно курил возле директорского кабинета. Но если дело доходило до четки на труппе, было ясно, что ставить будут.

В ожидании распределения ролей актеры стекались в «кишку». В этом бездонном коридорчике актеры отводили душу. Удоски с расписанием репетиций и приказами руководства хохмили, бурлили, разыгрывали, кокетничали, издевались, просто курили. Там коротали время и старые актеры, незанятые, зашедшие пообедать или записаться к врачу, — они не могли обходиться без театра ни одного дня. В их рассказах оживали театральные анекдоты и случаи, называемые «накладками». Накладка — это когда Городничий в «Ревизоре» в самом начале пьесы объявляет: «Я пригласил вас, господа, с тем чтобы сообщить вам пренебрежительное известие: к нам едет Хлестаков». Рассказывали, что однажды так и случилось. Занавес закрыли, после чего начали с начала. Когда гонец в «Мариин Стюарт» вместо того, чтобы сказать: «Вам шлет свои проклятья Папа Сикст», говорит: «Вам шлет свои проклятья кака писк» — это просто оговорка, и тут актеры могут расколоться, то есть смеяться. Когда же во время дуэли неожиданно ломаются шпаги и ножи, и герою ничего не остается, как пнуть противника ногой и прокричать: «Умри! Сапог отравлен!» — это анекдот.

Наконец заветный лист вывешивался. Возле застекленной витрины с распределением ролей возбужденный актерский рой вился до тех пор, пока не выбрал всю информацию до закорючки в подписи главного режиссера.

Кто-то, получив свой «третий гриб во втором составе», отпраздновал в рюмочную отмечая удачу, кто-то, не получивший даже этого, неискренне радовался. О главных ролях исполнители каким-то чудом узнавали заранее.

Ах, это коллективное искусство! Удача, случай, рулетка!.. «Что наша жизнь? Игра!» Вот они: Германн, Арбенин, Ихарев со своей «Аделаидой Ивановной», Утешительный, Глов, Гамлет с бродящими актерами... Сумасшедший дом их пристанище. В той же «кишке» рассказывали: великий лицедей, огромного таланта актер, Протасова, Мышкина, Каренина играл, ушла удача — забыли, спился, в психиатрической доживал. Буйствовал, мычал, лял, экскременты свои ел, санитары били его нещадно, к стене приковывали, привязывали... Петелька-крючочек... Потом друг его навестил, табличку ему на грудь повесил «Не бейте меня, я народный артист такой-то»... Да что говорить! Нет от этого наваждения спасу. Кто раз попробовал — всё! — затянуло, только держись.

Ну вот, получил ты свой кусочек, кусок, кусочек, счастье-вещ, — «неси свой крест и веруй». Знал Чехов актерскую природу. Да и как тут не терпеть, как не верить, когда вокруг тебя такая махина, столько людей трудится целый день! А вечером... что это там за занавесом дышит, ворочается, кашляет, шестстит, хлопает в ладоши нетерпеливо, двухулыбочными глазами водит — ждет твоего выхода? Но до этого момента еще далеко.

До этого момента из проволочек, спичек, лоскутков макетчики игрушечную декорацию строят, а художники по костюмам кого-то незнакомого рисуют и образцы тканей к рисунку припиливают. От снабженцев рулоны бязи, шелка, шер-

сти в красилку поступают. Из красильного цеха — в пошивочные. Там кроят, примеряют, накалывают, подгоняют, отпаривают, застрачивают, драпируют. Там ребра сводит, живот к позвоночнику прилипает — это в корсет одели. А это что за обручи железные? Ах, это кринолины! Тяжесть какая... А сзади? Это что?... Шлейф еще! А ходить-то как же? А дышать? Танцевать, смеяться, петь, с партнером общаться?... Так. Теперь в сапожную. Зашнуровывают, канифолят, подковывают. Вперед! На репетицию! Весь текст из головы вон... Ничего, вспомню, еще два месяца впереди.

Во время буафоров готовят детали оформления: клеят, вырезают, выстругивают, приваривают, оправляют, насаживают. Получаются: фрукты, дичь, блюда, кувшины, фиалы и кубки, доспехи из папье-маше, фальшивые драгоценности, чучела, зеркала, эпюлеты, ордена, брѳжи из марли, канделябры из картона и гипса, горы бумажных цветов, оловянное оружие, деревянные пистолеты, выстрелы из которых озвучивали за кулисами. Однажды во время спектакля актриса никак не могла застрелиться, потому что у помрежа внезапно пропал железный лист, по которому он колотил, создавая эффект выстрела. Тогда из-за кулис ей подкинули фанерный нож, и она закололась. Зрители не заметили накладок.

Вся эта замысловатая роскошь поступала на хранение к режиссерам и костюмерам и содержалась в образцовом виде. Все было разрешено, расставлено, расправлено, вычищено, накрахмалено, наглажено, зашито. Учет, порядок. Театральное имущество берегли. Под расписку с визой директора костюм и реквизит выдавались на концерт весьма неохотно.

Существовал также и исходящий реквизит. Яблоки, сыр, огурцы, чай, подкрашенная вода, никаких апельсинов и газировки. Для шампанского — специально хлопающие пробки. Ничего резкого, жгучего, застревающего, царапающего горло, заставляющего икать. Весь сценический алкоголь был категорически безалкогольным. В финале спектакля «Битва» раненый герой просил перед смертью напиться волжской воды. С последним его глотком занавес должен был закрыться. Актеры пошутили — поднесли ему в каске настоящей водки. Он выпил бокал быстрее обычного и... поспирит еще.

У гримеров был свой цех. Эти мастера могли изменить актера так, что родная мать не узнавала. Только детали обмануть было невозможно. Они безошибочно определяли своих родителей на сцене и громко оповещали об этом зал, разрушая великую иллюзию театра за один миг.

В театре все делается для зрителя и только ради него. Если актера принимают, ему верят, значит, роль в кармане. Вполне возможно заставить поверить себе любого зрителя. Всех, кроме Прасковьи Тимофеевны, бабушки моей подруги. В семьдесят восемь лет Прасковья Тимофеевна впервые приехала из деревни в Москву, чтобы посмотреть на Мавзолей и на свою внучку в театре. Наташа играла в тот вечер вдовченно. Зрители, тронутые до глубины души трагической развязкой пьесы, рыдали и плакали. «Бабушка, а тебе было жалко меня, ты плакала?», — спросила Наташа. «Чего плакать-то? Ты же хорошо представляла», — рассудила Прасковья Тимофеевна. Но она и никогда не плакала. Ни когда дрова на себе по сорок килограммов таскала, ни когда с войны из семерых сыновей вернулись двое, ни когда смерть пришла за ней. Она подоила корову, помолилась Богу, легла и сказала: «Ну, теперь помирать буду». И это ее желание исполнилось.

Это теперь я знаю, что самое большое искусство — умереть непонятно, а тогда, тогда я о смерти не думала, я думала о жизни... на сцене.

Наверху, под крышей театра, специальные доловки покрывали пространство примерно с футбольное поле. По нему бродили художники-декораторы, они расписывали мостовую и пришивали ватные камни, или усеивали звездами небо, или фактурили долину фараонов из пенопласта.

ти «Прогноз погоды». Представляет, «о погоде вам расскажет Дмитрий Бездушный»? Злокачественный мужчина! Столько хлопот было из-за сакуры. Кстати, как вам понравился соловьиный куст?

— Удивительно! Ведь соловьи, кажется, уже не поют нигде?

— Это делают в Копенгагене.

— Значит, бутафория? Странно... И розы, и соловей живые. Звук, аромат...

— Все и есть абсолютно живое. Вы слышали о методе клонирования? Примерно по такому же принципу работают в Дании. У них программирование для любого климата и времени года. Результаты потрясающие: агавы, которая в природе дает один плод в тридцать лет, у них плодоносит ежегодно, они разгадали секрет фильтра мангрового дерева, растущего в соленой воде, и даже собираются создать неопалимую купину, правда, пока ничего не выходит.

— И не выйдут. И бедная Лена, к сожалению, лучшее тому доказательство. Все эти методы, подмены... закончились обыкновенной изменой.

— Да, — вздохнула Ядвига Валерьяновна. — Такова женская доля. У Лены состояние тяжелое. По секрету вам скажу, Александра Павловна, попытка суицида была, в реке она утопиться хотела, как Офелия, хорошо, что Сидор Пантелеевич увидел вовремя. Хотя и в нашей классике были примеры: Катерина в «Грозе», Аксюша в «Лесе».

— Я Аксюшу играла, — невольно вспомнила я.

— Прекрасная пьеса, — подхватила Ядвига. — Теперь так писать не умеют. Да, кстати, а как ваши дела на литературной ниве? Ну, не спрашиваю, не спрашиваю... И все-таки, негодяй этот Бездушный! «Люди, люди! Порождение крокодилов! Ваши слезы — вода! Ваши сердца — твердый булат! Поцелуй — кинжалы в груди! Львы и леопарды питают детей своих, хищные враги заботятся о птенцах, а он, он!... Это ли любовь за любовь?» Что правда, то правда... Вот и приехали.

У же не удивилась монологу Несчастливицева из «Леса». У Ядвиги это выходило как-то органично и к месту.

Вечером опять стал накрапывать дождь. Окна в домике Лены были темными, в сумерках светились только кусты жасмина и цветущая сакура. Когда я приехала в «Голубые просторы» и увидела это дерево, то, конечно, вспомнила, где и при каких обстоятельствах видела такое же. Это было в Париже, во дворике японского ресторана... Но тогда мне не захотелось думать о своей, как говорят в театре, любовной линии. Вынешним вечером я невольно вернулась к этой истории. Мысленное путешествие по театру и происшествие с Леной сделали свое дело. Я собиралась посмотреть в Интернете театральные новости, но компьютер открыл чистую страницу. Я набрала слово «премьера», и потом все пошло само собой.

В день премьеры в театре всегда царит необыкновенное оживление, начиная со служебного входа и кончая шпилем на крыше. В самом воздухе разлитое некое обещание и приятное волнение. В тот день я пришла в театр заранее по инерции. Волноваться мне было не о чем. Вряд ли я могла надеяться, что когда-нибудь сыграю роль в «Игроке» Достоевского. Я была назначена вторым составом с женой Николая Варфоломеевича на героиню. Мне давали репетировать даже перед выпуском, но по опыту я знала, что случая может не представиться. Если, не дай Бог, Ирина Вадимовна заболит, спектакль просто отменят. Хотя режиссер-постановщик пользовался поддержкой Главного, был его учеником и работал со мной в полную силу, все равно особое положение жены главрежа было неприкосаемо.

На служебном подъезде светились много народу. Актеры оставляли у дежурной пригласительные билеты для знакомых, поклонники цветы для кумиров, к лифту подносили ящики с шампанским для премьерного банкета. В гардеробе ко мне подошел Антон Григорьевич, постановщик «Игрока», все называл его почтительно, хотя он был ненамного старше меня.

— С премьерой, Саша, — поздравил он.

— Спасибо, и вас также, — кисло улыбнулась я.

— Вы обязательно будете играть. Обещаю вам, — сказал он. — Верьте мне. Главное, будьте готовы.

— Я всегда готова, как котлета, — сказала я.

— Готовы, но не верите, а зря, — сказал он. И пошел навстречу

Ирине Вадимовне, вошедшей в гардероб. А я пошла в свою гримерку, чтобы там дожидаться начала спектакля и не лицемерить в «кишке», что я рада премьере. На Большой сцене в тот вечер было спектакля, премьера была на Малой, и я, сидя в тишине, раздумывала о своей несчастной доле. Внезапно включилась трансляция, и голос помрежа дважды провозгласил: «Солодова Александра Павловна, если вы в театре, срочно пройдите в кабинет главного режиссера!» В горле у меня пересохло, я не могла двинуться с места. Трансляция не унималась.

В кабинете Главного сидела помреж Ася Меликян и нервно курила. Раньше я никогда не видела ее с сигаретой.

Николай Варфоломеевич смотрел на меня совершенно спокойно, его спокойствие передалось мне.

— Саша, у нас ЧП. Вы должны нас выручить. Мы не можем отменить премьеру, в зале руководство из ГлавПура, а Ирина Вадимовна и Антон Григорьевич застряли в лифте. Правда, мы вызвали аварийку...

— Все аварийки едут два часа! — возмутилась Ася и потушила сигарету.

— Так вы можете играть? — мне показалось, что Николай Варфоломеевич улыбнулся.

— Да! Да! — не сдержалась я.

— Идите, у нас кивнул Асе. — Начнем через пятнадцать минут.

На Малой сцене меня одели и причесали за десять минут, и еще пять минут я молила Бога, чтобы лифт не починили. Но вот в темном зале перестали шуршать фольгой от шоколада, кашлять и шуметь. Дали свет на сцену, и я, опустив на лицо вуаль, вышла и встала возле рюлетки. Генерал, де Грие и Алексей Иванович расступились. «Ставки сделаны!» — сказал крупье. Рюлетка завертелась, шарик подпрыгнул и покотился на zero, — игра началась.

Ничто не занимало меня в этот вечер больше, чем роль Полины. Опять Полина! Слушая после премьеры тосты, комплименты и поздравления, завышенные оценки своей игры и тут же искреннее сожаление, что с Ириной Вадимовной произошло такое досадное недоразумение, я все еще жила в Рюлетенбурге и брала в лицо Алексея Ивановича ненавистные деньги. Мне хотелось остаться наедине со своим счастьем и «все думать, думать об одном». Как мне казалось, я незаметно вышла из банкетного зала и спустилась к служебному выходу. Лифт уже починили. Антон Григорьевич слушался с кем-то по телефону.

— Уже домой, Александра Павловна? — иронично удивился он.

— Пересадку в метро закроют, — пояснила я.

— А вы далеко живете?

— В Коломенском.

— И я в ту же сторону. Я вас подвезу, можно?

Так он смотрел на меня впервые. Такой взгляд невозможно определить словами. А если пытаться определить, то это была нищая просьба и повеление, границу между которыми не найти. Поэтому я одновременно пожала плечом и кивнула.

Зеленый огонек замигал сквозь февральскую метель, как только мы вышли из-за колонн, окруживших здание театра. Таксист лихо развернулся, заметив нас, притормозил, и мы, проехав мимо центрального входа, где ярко светилась премьерная афиша, помчались по пустым заснеженным улицам. В машине горько запахло замерзающими хризантемами.

— Спасибо вам, Антон Григорьевич, — сказала я.

— За что? — насторожился вдруг он.

— За все, — глупо настаивала я. — За роль, за премьеру...

— Ну, роль-то вы сами играли, а вот премьеру мне было важно с вами показать. Это было принципиально. Я думаю, Варфоломеевич все понял. Он мудрый старикан.

— Что понял? — Я, что называется, не врубается.

— Что я лифт между этажами остановил, Сашенька!

— Зачем, Антон Григорьевич?

— Ну, ты совсем плохая, правда, артистка хорошая... Поэтому я и рискнул. — Он смеялся и потер ладонями то ли от холода, то ли от радости. — Варфоломеевич на генеральной репетиции все вздыхал, на Ирку свою глядя, видел, что поздно ей такие роли играть, а как сказать? Я его хорошо знаю, он же мой мастер. Он мне сегодня новую постановку обещал, знает, что пора молодежь к делу допустить, о театре думает... Классный старик.

— А как же вы лифт-то, а если бы не остановился?.. — Я медленно приходила в себя.

— Кто не рискует, тот не пьет шампанское! Кстати, не мешало бы нам с тобой выпить шампанского, ты не против? Шеф, тормозни у Павелецкого, у таксистов спросим.

— Что тормозит, у меня есть пузырь, — сказал шеф.

В Коломенском театре был один десятиметровую комнату в квартире блочного дома на первом этаже. Войти ко мне можно было прямо через лоджии, чтобы не шуметь. Но зимой это было неудобно. Пришлось прокрадываться по треснувшему коридору. Соседи уже спали. В квартире кроме меня жили Рюмкина и Бульжниковы. Рюмкина у меня спрашивала:

— Тебе что ж, на работе платят казенное выдают?

— Одна ненависть да зависть у тебя на уме, — придиралась к ней Бульжникова.

Между собой они дрались, а ко мне относились хорошо. Я ухаживала на целый день допоздна и не мешала им. Свою комнату я называла «комната-кровать». Кровать была дубовая, старинная. Ее мне подарил наша актриса Инна Федоровна. Я купила к ней матрац, но он не подошел. Пришлось водрузить его на бока кровати. Кроме нее, в комнате был шкаф за десять рублей из комиссионки, столик и стул. Еще полка с книгами, но она висела на стене и места не занимала. С кровати я могла дотянуться до любой точки. Антон Григорьевич тихо присвистнул, увидев мои хоромы. За стеной заворочал Иван Максимович Бульжников, охнул и захрапел. Казалось, что он спит в моем шкафу. Мы выпили за нашу премьеру.

— А теперь — брудершафт, мне надоело, что ты называешь меня по отчеству. Я всего на три года старше тебя и эти годы провел в Бауманском. — Он наполнил шампанским чайные чашки и сделал шаг ко мне. — И, между прочим, знание техники сегодня мне пригодилось.

Мы выпили, он поцеловал меня и, не отпуская, забрал чашку. Я попыталась вырваться, но его позиция была выгоднее, потому что я сидела на кровати. Он пошел в наступление, но тут матрац не выдержал и с грохотом обвалился. Бульжников перестал храпеть, неотчетливо выругался и закашлялся. Даваясь от хохота, мы оделись и, захватив шампанское, выскочили на улицу. До утра мы гуляли в Коломенском. Снег перестал, и звезды высыпали на небе, как веснушки. На обрывистом берегу Москвы-реки не было ни души. Мы смеялись и кричали до хрипоты, мы целовались до боли в губах, мы промокли от снега и утопились от плавающей нежности друг к другу. Антон говорил мне о будущих спектаклях и ролях, которые я сыгрую. «Верь мне, Сашенька», — повторял он. И я верила ему и слушалась его во всем. За два следующих года я сыграла четыре большие роли. Спектакль Антона выбрали для международного фестиваля. Мы поехали в Париж и, вернувшись, должны были пожениться. Я же знала, что у нас будет ребенок. В Париже я купила много красивых вещей и белое платье, но оно оказалось мне велико. В день отъезда я решила его поменять. Антон поехал прощаться со знакомым художником, а я отправилась в магазин. Договорились встретиться за обедом. Мы всегда обедали в японском ресторане напротив гостиницы. Во дворике это-

го ресторана росла сакура, и, глядя на нее, Антон часто сочинял шуточные двустишия. «Вот стрекоза летает над кувшинкой, так постоянно я к тебе привязан», «Стройная береза в полях у овина и девушка в японском кимоно». Русская делегация всегда являлась на обед вовремя, это оговаривалось с хозяйками ресторана. Антон не пришел на обед, но он мог задержаться у друзей или пойти в книжный магазин напоследок, — книги были его страстью. Это я объяснила нашим сопровождающим, Толе и Коле. Приближалась время отъезда, у гостиницы стоял автобус, а Антон все не появлялся. Коридорный вышел с чемоданы из номера, на стуле остался висеть пиджак. Это был его любимый пиджак. Ну вот! Он вернется. Я вышла к автобусу в обнимку с пиджаком. Увидев меня, сидящие у окна тут же отвернулись. Мне стало смешно. Ну, опаздывает человек, мало ли что?.. Примчится в аэропорт. В самолете со мной никто не разговаривал. Так я и просидела с пиджаком в руках весь полет, не пила, не ела, — все ждала, что сейчас появится Антон. В Москве лило, как из ведра. Из аэропорта меня сразу повезли на Лубянку.

В комендатуре Коля и Толя сдали меня дежурному, и тот пошел в кабинет следователя. Иван Иванович допросил меня быстро: уточнил мой адрес и прочие исходные данные, спросил, что я знаю о месте нахождения Муратова Антона Григорьевича. Я ничего не знала. Попросила оставить на столе содержимое карманов пиджака, который я не выпускала из рук, следователь вежливо со мной попрощался.

— Если с ним что-нибудь случилось, сообщите мне, — сказала я.

Иван Иванович подумал и ответил:

— Пиджак оставьте тоже.

Я прошла по Сретенке и спустилась к Трубной. Поливаемые машины объезжали меня, милиционеры не свистели, когда я переходила в неполюженном месте. Я шла не помня себя и опомнилась, когда подошла к дому Антона. Было раннее утро. Во дворе, под скамейкой, где мы часто сидели, рыжий кот, сжавшись в комок, украдкой жрал что-то хищно и жадно. Я повернулась и ушла, мне не хотелось будить мать Антона неприятным известием.

До Коломенского я дошла пешком и не устала. Мне нужно было куда-то девать нервное напряжение, и физическое действие немного облегло тяжелую пустоту внутри. На пороге квартиры я столкнулась с Рюмкиной.

— Тебе звонили с тятра, у тебя вечером «Свадьба». И с ренимации. Вон телефон на стене я записала.

В больнице мне сообщили, что у моего брата Алеша инфаркт, состояние тяжелое. В квартире на Якиманке, где Алеша после смерти мамы жил вдвоем с дочкой Олей, соседка сказала, что Оля пока у учительницы, но ждут меня. Как только я положила трубку, телефон звонил опять.

— Александра Павловна? Это Синуюков, следователь. Жив ваш Муратов. Жив и здоров. Завтра ко мне в тридцатый кабинет в девять утра, не опаздывайте.

Я слушала частые гудки в трубке и не понимала ничего. В голову были только телефонный зуммер, и страшно было отвести трубку от уха. Вдруг еще что-нибудь произойдет, а я не могу больше ничего узнавать. Из ванной вышла Бульжникова. Увидев меня, она присохла.

— С приездом! Ну, как там французики? Ты чего, устала с дороги? Тебе ванную не нужно, а то я стирку затеваю.

В ванную мне было нужно. Я должна была привести себя в порядок, ведь вечером у меня спектакль. И нужно как-то взглянуть, смеяться, петь и танцевать. Сегодня вечером у меня «Свадьба».

Экран компьютера тихонько шелкнул и потемнел. Так всегда бывает, если надоело задумываться. За окном стало совсем светло, я не заметила, как прошла ночь. Копенгагенский соло-

вей уже шелкал и свистел среди еще не проснувшихся бутонов. Цветы раскрывались по своей программе. Я вышла в сад и увидела Лену. Она срезала японские гладиолусы. На дорожке возле ее крыльца стоял собранный рюкзак.

— Вы не спите, Александра Павловна? А я хотела оставить вам цветы, они вам тогда понравились, а мне они больше не нужны. Только они какие-то странные сегодня, посмотрите...

Лена протянула мне пучок совершенно гладких стебельков без листьев и соцветий.

— Вы знаете, мне нужно ехать домой. Мой Дима будет теперь на телевидении работать, и ему нужно подобрать новую одежду, ведь его увидят миллионы людей. Ядвига Валерьяновна возила меня вчера в какую-то лечебницу, но мне там не понравилось, и я ушла. Они не понимают, что я сейчас должна быть рядом с ним, ведь у него кроме меня никого нет. Он, как ребенок, ничего без меня не может найти, ни галстук, ни ботинки, и ест всегда всухомятку.

Вдали за лесом свистнула электричка и, постолав немного, перешла на ровное постукивание.

— Вот! — обрадовалась Лена. — Первая прошла. Следующая через двадцать минут, но через лес дорога короче, я успею. Счастливо вам. Выздоровляйтесь поскорее!

Я посмотрела вслед Леночке, бодро шагавшей к лесу с рюкзаком за спиной, а потом вошла в дом и поставила в воду ее стебельки. Приняв несколько пилюль, я решила еще погулять. Я ходила взад и вперед по дорожкам, потом вышла за калитку и на дороге, ведущей к реке, заметила Сидора Пантелеевича. Спозаранку он направлялся на рыбалку. Держа удочку на плече, он тихо переговаривался на ходу с кем-то невидимым. За ним бежала его собака, виляя гипсовым хвостом.

Я вернулась в дом и выпила Ядвиговой настойки прямо из стакана. В вазе стояли Леночкины стебельки, вновь покрытые листьями и цветами. «Пора спать», — подумала я, легла и тут же уснула.

Я проспала до самого заката. Вечером я зашла на двенадцатую дачу. Сидор Пантелеевич в цветастом фартуке жарил на веранде рыбу. На столе благоухала миска с крупно нарезанными помидорами и луком.

— Александра Павловна! — обрадовался он. — Я вчера вас ждал-не дождался. Уха-то хороша получилась! У меня к ней и приправа имеется — Сидор Пантелеевич хитро подмигнул мне. — Моя Полюшка готовила так, что на заставе все хозяйки к ней за рецептами бежали. — Он потер заслезившиеся глаза. — Лук резал больно злой... Так о чем я?.. Да. Так она всегда в уху немножко водочки добавляла. Вы садитесь. Сейчас ужинайте будем. Уж все готово.

— Спасибо, я ненадолго... — зачем-то стала оправдываться я.

— Да что там... — Сидор Пантелеевич поставил на стол сковородку с рыбой, тарелки и рюмки. — Завтра ведь не на службу. Вы сами-то где служите?

У меня не повернулся язык обмануть старика своим секретным «Мосинжчелдом», который я составила из «инженеров человеческих душ».

— В театре Красной, Советской, Российской Армии, — смело выговорила я.

Сидор Пантелеевич замер на минуту и стал искать что-то в стенном шкафу. Наконец он достал оттуда альбом в плюшевой обложке. Это были фотографии.

— Вот... вот... сейчас... сейчас... — повторял он, листая трясушимися руками страницы со снимками. — Вот! Нашел. Поглядите-ка.

С потускневшей фотографии на меня смотрела молодая девушка в пилотке со звездочкой. Две толстые косы лежали на груди в военной гимнастерке. В углу фиолетовыми чернилами была обозначена дата «1942 г.»

— И вот! — Сидор Пантелеевич перевернул страницу.

На фотографии, при полном боевом параде, Полина Кузьминична Хмара обнимала за плечи девушку в военной форме с подрисованными глазами. Сидор Пантелеевич смотрел на меня не мигая.

— Так вот оно... где я вас видел... Вы же Полю мою тогда играли в театре... Вот Бог послал... встречу мне... Полюшка мою... Давай-ка помянем ее по-нашему, фронтovou.

Он достал стаканы и налил до половины. Мы выпили, и я уткнулась в плечо Сидора Пантелеевича.

— Ну, ну... — Он поглядел меня по спине. — Чего ж теперь... Уж пять лет прошло, как я без нее... Скоро к ней пойду. — Он плеснул водки и, посмотрев мне в глаза, поднял стакан. — Теперь скоро...

Я возвратилась к себе в самый темный час недолгой летней ночи. Мой соловей прилежно исполнял последнюю вечернюю арию. Во всех домах спали, и только на моей веранде что-то слабо мигало. Это был экран невыключенного компьютера. Спать мне совсем не хотелось, и я побрела по улицам Москвы, — по маршруту тех дней, когда пропал мой Антон.

Десятилетнюю Олечку я забрала к себе в Коломенское, — боялась, вдруг он позвонит из Парижа, а я в другой квартире. Я ждала известий от него днем и ночью. Я не верила никому, кроме него, хоть и не понимала, что мне думать. Но понимать было некогда, — дел было по горло. Утром я отвозила Олю в школу, потом бежала на репетицию в театр, потом к Алеше в больницу, потом надо было взять Олю с проденки и отвезти домой. А по вечерам играть спектакли. Мои соседки, Клава и Рая, почти перестали ругаться между собой, они помогали мне, как могли.

— Пусть Вольга у меня смотрит «Спокойной ночи, малыши». У тебя Максимич храпит, испугает ребенка, — настаивала Клава Рюмкина.

— Тебе завидно, что у меня цветной телевизор? Максимыч сегодня в ночную смену работает, — защищалась Рая Бульженикова.

Они догадывались по моим зашифрованным разговорам по телефону с матерью Антона и подругами, что у меня стряслось неладное, но с расспросами не лезли, — видели, какая я прихожу вечером. Однажды, когда Ран не было дома, Клава на кухне спросила меня: «А твой-то, что ж нос не кажет? Ай уехал куда?»

— Уехал.

— Ну и бес с ним. Ты, Лександра, себя береги, — и пошла выливать в унитаз грязную воду.

В театре со мной постепенно начали здороваться тихо и осторожно, одна Инна Федоровна по-прежнему была со мной приветлива. «Ну, Санек, — говорила она, — это еще не конец жизни. Вот я тут тебе воспоминания народовольца Морозова принесла. Ты почитай!».

Алешу перевели в палату, он был очень слаб. Просил рассказать о гастрольях в Париже, Елисейских полях, Версале. Он ничего не знал о моей ситуации. Но в один из дней ему стало хуже. Я пришла вечером. Алеша смотрел на меня ласково, будто издалека. Потом закрыл глаза и неожиданно спросил: «Что твой мерд, не проявился?» Алеша был отличным переводчиком и владел тремя языками в совершенстве, включая французский. Мои познания в языках были гораздо слабее, но как будет по-французски «дерьмо», я знала. Какой же добрый знакомый сообщил ему о моей истории? Такие новости тогда мгновенно расходились по Москве.

— Меня гораздо больше волнует твое сердце, — соврала я.

— Ольгу Верочке не отдавай. — Он всегда называл свою бывшую жену Верочкой. — У нее своя жизнь. Долго еще? — Он показал глазами на бутылку с раствором, прицепленную к капленице.

— Не о чем. Ты поспи. Я посижу с тобой.

— Не надо. Иди, ты устала. И я... устал. Завтра придешь.

И я ушла. Я спешила домой, потому что боялась пропустить звонок Антона, который ждала уже больше месяца. Ольга спала в комнате Клавды, та уехала на неделю в деревню сажать огород. На носу были майские праздники, и по городу развеяли флаги; буйно цвела сирень, полностью упрятав свою зелень, так, что кусты казались сплошь сиреневыми, белыми, лиловыми. Я открыла в «комнате-кровати» балконную дверь, и ко мне ворвался густой сиреневый аромат, будто взбесившийся ночью. Сколько прошло времени, не знаю, а я все сидела возле телефона, перебирая в голове последний день в Париже: как он сказал, как посмотрел, что забыл на столе, как поцеловал... Телефон взорвался звонком, и я, задыхнувшись, схватила трубку.

— Это из моря вам звонок, — раздался в трубке хриплый голос. — Солодов Алексей Павлович у нас. Есть у него родственники?

— Я родственница... а что?..

— Что! Помер в пять тридцать. Приезжайте оформлять.

Я посмотрела на часы. Пять тридцать. За окном светило яркое солнце. Стоят. Остановились...

Я тщательно собрала сумку: не забыть паспорт, понадобится в морге, наверное... Да, и к следователю сегодня... в бюро пропусков... Ольга в школу сегодня не пойдет... Сейчас приготовлю ей кашу... Сейчас... Сейчас... Да! Косметичку с гримом не забыть. Сегодня... Нет, я не могу сегодня играть... Но сегодня «Игроку». Наш спектакль! Его спектакль! Уже грозили снять все его спектакли... Ладно. Который же сейчас... Я сняла телефонную трубку и набрала сто: «Московское время семь часов пятьдесят три минуты». Как ровно и спокойно она говорит. Я должна так же. Так и не иначе... Не выдержу...

Человеку только кажется, что он не выдержит, испытания всегда даются по силам. Там знают, сколько на самом деле у тебя сил.

Следователь Синюков вызывал меня каждую неделю. Это был незранный человек в мятом пиджаке с желтыми прокуренными пальцами на правой руке. В тот день все было как обычно.

— Присаживайтесь, — кивнул он мне. И долго искал в сейфе папку с моим «делом». Потом долго листал ее. В первый раз я удивилась количеству бумаг в своей папке, потом не обращала на это внимания, — папка не уменьшалась и не увеличивалась.

— Так, Александра Павловна, у Муратова был знакомый Гранилевский, сейчас проживает в Лондоне, вы знали его? — Каждый раз он находил каких-то друзей и знакомых. Я всегда взвешивала свой ответ, только бы не навредить Антону, и отвечала коротко: да, нет, не знаю. Я была предельно собрана. Потом Иван Иванович перешел на мою коряжку в театре.

— Вы понимаете, что теперь не сможете ездить в заграничные поездки, всякие там сапожки, кофточки покупать? Понимаете, как он вам напакостил? Наслушаются «голосов»!.. Где вы вернете приемник?

— У меня нет приемника.

— Как нет? А если проверим?

— Пожалуйста.

— У вас есть родственники за границей?

— Вы уже спрашивали. Нет.

— А у Муратова?

— Есть. Брат. Вы мне об этом сказали на втором допросе.

— А вы не знали?

— Я не знала. — Я сказала почти правду. Я, конечно, знала, но мне это было глубоко безразлично.

— С кем вы встречались в Париже? С кем договаривались?

— Ни с кем. — Я знала, что Антон бежал к каким-то приятелям, но всегда один и всего два раза, чтобы передать письма из Москвы.

— У кого он там остался, вы знаете?

— Не знаю.

— Он связался как-нибудь с вами за это время? Были письма, звонки?

— Нет. У меня нет никаких известий от него. — Я посмотрела мимо Синюкова. — А если бы и были, неужели вы думаете, что сказала бы вам об этом?

Иван Иванович встал из-за стола и достал из сейфа какой-то листок.

— Ваш брат, Алексей Солодов, работает в немецкой редакции ТАСС. Муратов был с ним знаком?

— Мой брат, Солодов Алексей, — я глотнула ком, — умер сегодня в пятой городской больнице. Если будете проверять, морг за четвертым корпусом.

Иван Иванович внимательно посмотрел на меня и закурил. Потом предложил мне. Я взяла сигарету, но отложила, потому что вспомнила, что в моем положении курить вредно.

— Александра Павловна, — вдруг совсем другим тоном сказал Синюков, — хотите работать у нас? Я смотрю, вы держитесь хорошо.

— Спасибо. У меня уже есть работа.

— Так. В театре, что ль, работа? Ну так пригласили бы.

— Приходите в субботу вечером. Я оставляю вам входной на свою фамилию.

Иван Иванович подписал мой пропуск, и я пошла на спектакль.

В театре все было на своих местах. В служебном гардеробе пахло вареной картошкой, — дежурные тетеньки ужинали за вешалкой. Я поставила свою подпись в явочном листе под мерный стук маятника и поднялась на лифте на Малую сцену. Декорация «Игрока» уже стояла, и Ася Меликян ходила по половику в одних чулках, — проверяла, остались ли гвозди после монтировщиков, — нельзя, чтобы актеры поранились и, вообще, нельзя, чтобы что-нибудь помешало творческому процессу.

В примерной еще никого не было, только Шурочка, как всегда, на посту.

— Сашенька, чайку? Что-то вы бледненькая.

— Если можно, Шурочка, просто воды.

Я села за свой гримировальный стол и посмотрела в зеркало. Лучше не смотреть. Сейчас серым тоном, потом красненьким на лбу, на скулах, под бровями... и... растушем... В морге сказали, что у них все грамотно делают, покойники хорошо выглядят... Теперь подводочку коричневым тоненько... Смазала, руки немножко дрожат... Так... Теперь реснички... Тушь, что ли, старая?... Не ложится, течет... Сейчас свечи огарок зажжем... Свечи надо купить на кладбище... Так... растушевку в черный грим, в воск... У меня черного платья нет, может, то более покрасить?... Теперь румянец, губы... Чего они дрожат-то?... Вся краска мимо...
— Сашенька, не плачьте, вот попейте, я корвалол сейчас принесу. У меня корвалол в костюмерной. Не надо плакать. Он вернется.

— Он не вернется, Шурочка. Он умер.
— Кто? Антон Григорьевич?

— Алеша. Алеша, брат мой, умер. Вместо отца мне был. В первый класс меня за руку вел, а в другой руке у меня золотые шары, мама покупала... Только, Шурочка, вы никому не говорите, соблазновать начнут, не говорите, а то я играть не смогу... Спасибо, спасибо, легче стало... Ну вот, первый звонок к началу. Катюша идет парик одевать. Здравствуйте, Екатерина Сергеевна. Сегодня я сама загримировалась. Молодец? Да, глаза сегодня блестят... Ну, давайте корсет. Ничего, ничего, тяните, Шурочка, мне не больно. Кпти-гбди... Что-то язык не слушается. Лучше крикну громко, от диафрагмы, посылая звук: Ха! Хо! Хи! Хы! А-а-а! Голос сел... Медсестру с кофеином? Нет, не надо медсестру. Обойдусь... как-нибудь... Мне бы доиграть только... Зрителей полный зал. Вон как шумят... сделайте трансляцию потише... пожалуйста...
— Он не вернется, Шурочка. Он умер.
— Кто? Антон Григорьевич?
— Алеша. Алеша, брат мой, умер. Вместо отца мне был. В первый класс меня за руку вел, а в другой руке у меня золотые шары, мама покупала... Только, Шурочка, вы никому не говорите, соблазновать начнут, не говорите, а то я играть не смогу... Спасибо, спасибо, легче стало... Ну вот, первый звонок к началу. Катюша идет парик одевать. Здравствуйте, Екатерина Сергеевна. Сегодня я сама загримировалась. Молодец? Да, глаза сегодня блестят... Ну, давайте корсет. Ничего, ничего, тяните, Шурочка, мне не больно. Кпти-гбди... Что-то язык не слушается. Лучше крикну громко, от диафрагмы, посылая звук: Ха! Хо! Хи! Хы! А-а-а! Голос сел... Медсестру с кофеином? Нет, не надо медсестру. Обойдусь... как-нибудь... Мне бы доиграть только... Зрителей полный зал. Вон как шумят... сделайте трансляцию потише... пожалуйста...
— Он не вернется, Шурочка. Он умер.
— Кто? Антон Григорьевич?
— Алеша. Алеша, брат мой, умер. Вместо отца мне был. В первый класс меня за руку вел, а в другой руке у меня золотые шары, мама покупала... Только, Шурочка, вы никому не говорите, соблазновать начнут, не говорите, а то я играть не смогу... Спасибо, спасибо, легче стало... Ну вот, первый звонок к началу. Катюша идет парик одевать. Здравствуйте, Екатерина Сергеевна. Сегодня я сама загримировалась. Молодец? Да, глаза сегодня блестят... Ну, давайте корсет. Ничего, ничего, тяните, Шурочка, мне не больно. Кпти-гбди... Что-то язык не слушается. Лучше крикну громко, от диафрагмы, посылая звук: Ха! Хо! Хи! Хы! А-а-а! Голос сел... Медсестру с кофеином? Нет, не надо медсестру. Обойдусь... как-нибудь... Мне бы доиграть только... Зрителей полный зал. Вон как шумят... сделайте трансляцию потише... пожалуйста...

Я доиграла, и после спектакля, когда все разошлись, ко мне в гримерную зашла Инна Федоровна.

— Сашуна, я на минутку. Я вот что... Нет, сначала про спектакль. Ты сегодня играла, прости меня, плохо. Ты знаешь, как я к тебе отношусь, люблю и ценю тебя, но я тебе скажу. У нас в жизни может быть все что угодно, зритель не виноват. И не стоит этот... отщепенец, прости меня, твоих нервов. Ты на сцене сегодня так кричала, рыдала, совершенно не в тех местах, где нужно. Ты не Саша Солодова, ты Поли-ина, а она гордая, чувства свои так не выдает. Ее жизнь — другая, не твоя. Ты поняла меня?

— Да, все правильно. Я поняла... Сегодня утром Алеша умер в больнице, Инна Федоровна.

— О-о-ой! Прости, прости меня, дуру старую. Что я болтаю, совсем рехнулась. Я с тобой, знай. И если надо, я всё... Господи, что всё?... Ну, только рядом быть могу, вот и всё. Родная ты моя... Вот что я зашла-то... из головы вон... Ты пререзжай ко мне. Я одна, места у меня много, что ты ютишься-то с Ольгой своей? А теперь уж и подавно...

Права была Инна Федоровна, если есть родная душа рядом — это все. Это самое большое, что может подарить нам наша временная жизнь. Но тогда я только вникала в эту теорию. Я придавала большое значение словам и не замечала поступки. Часто на репетициях, разбирая роль, я слышала от Николая Варфоломеевича: «Ты не смотри, что она тут говорит, ты ищи, что она тут делает. Как действует. Действие — это главное. Последнее дело — переживать на сцене. Размазывать чувства, копаться в собственном пупке, страдать. Надо двигаться».

Я и пыталась двигаться. Но без Антона мне было тяжело. Я не понимала, почему все считают его предателем. Я любила его и верила ему. А любить — это самое трудное действие.

В день Алешиних похорон из Риги позвонила Верочка.

— Саша, я не смогла приехать. Муж месяц назад купил путевку в Ялту. У нас вечером самолет, мы с детьми улетаем. Как там Оля? Здорова?

— Не волнуйся, Оля со мной. — Мне хотелось заорать «Ты сволочь, Вера! Это из-за тебя...», но я сдержалась. — Отдыхай.

Мой другой брат, Сева, редко появлялся на горизонте. Он жил с семьей за городом и в очередной раз перестраивал дом.

— Ну, чего я поеду, Саш. Сегодня рабочие кирпич привезут. Без меня переколотят. Ты уж там сама как-нибудь. Тебе, кстати, Алексей ничего не говорил? Мне мать когда-то сервис столовой обещала, еще жива была, я так и не забрал. Ну ладно, там видно будет.

У меня закипело в затылке, и я положила трубку.

Больше всего я боялась за Ольгу, Алеша был ей и матерью, и отцом. Когда я сказала, что мы едем прощаться с папой, Оля подумала и спросила:

— А можно я надену новое платье?

— Но оно же красное.

— Ну и что? Папа его еще не видел.

— Папа не видит. У него закрыты глаза.

— А тетя Клава сказала, что он будет летать над нами. И мы его не будем видеть, а он нас будет слышать и видеть. И надо вести себя тихо, чтобы не беспокоить его. Он болеет. Я вырасту и вылечу его. И он опять будет с нами.

Нести гроб было некому. Театр выделил мне двоих солдат из пожарной команды. Рая Бульжникова привезла Максимыча и уговорила шофера помочь. Огромная березовая роща Кунцевского кладбища шумела, окутанная майским ветром, и этот шум вдруг напомнил мне звук далеких рукоплесканий зрительного зала. «Как это неуместно здесь!», — подумала я. На могилках, тесно прилепленных к корням деревьев, чиряках, суегились воробьи — не могли поделить яйца и кулички, раскрошенные на могильных плитах. Комья земли, слипшейся от зимнего сна, нехотя летели на рюши гробовой крышки. Я воткнула свечку в земляной холмик, и лепесток пламени заметался, за-

тосковал на ветру. На край гранитной плиты с маминым портретом упала сломанная ветка. Как живой, быстро таял восковой стебель. С фотографии студенческих лет на меня смотрел Алеша, аккуратно подстриженный, с белым воротником, выпущенным из-под лыжной куртки. «Был по-немецки аккуратен», — подумала я. «Порядок и порядочность во всем», — его слова я запомнила за всегда.

— Пойдем, Саня, — услышала я Олин голосок. — Все сидят в автобусе, тетя Инна плачет, нас ждут. Заставлять себя ждать непорядочно.

Я повернулась, подхватила Олю на руки и прижала к себе.

— Пусти, Саня, платье помешает. — Ее ладошки обтерли мои мокрые щеки, она встала на ноги и повела меня к автобусу.

Клавдия напекла блинов, сварила супы и накрыла стол у Бульжниковых. На Якимянку я не могла ехать — слишком много родного без родных. Рая все подкладывала мне еду и без того полную тарелку.

— Ты ешь, ешь, тебе силы нужны. И ты, Максимыч, на закуску налегай, не очень опрокидывай, тебе на работу в ночь. Давай-те помянем Алексея, Божьего человека, Царство Небесное.

— Раба Божьего, а не человека. Алексей Божий Человек — это святой, — поправила угрюмо Клавдия.

— Опять я не так сказала! Что ж он, не человек, что ли, был? Один дочь воспитывал, сестре заместо отца был, мать схоронил, — сердце и не выдержало. Вечно она со мной спорит, лишь бы спорить. Эх, Сашка, уедешь ты от нас, как мы тут будем?... Опять передеремся...

— Саше будет у меня гораздо удобнее, и театр близко, и школа английская есть в соседнем дворе, — мы Олю туду с нового учебного года переведем, — говорила Инна Федоровна, поглаживая Олю по голове.

— А на лето ты куда Вольгу денешь? — Клавдия всегда думала вперед. Зимой семена закупала для огорода, рассаду заранее готовила, летом заготавливала варенье и соленья. «Помирать собирайся, а хлеб сей», — приговаривала она.

— Мы Олечку с собой на гастроли возьмем, в Челябинск. Возьмем плитку, супы в пакетах, консервы, кипятыльник. — Инна Федоровна весь быт упрощала.

— Мудрено вы живете, — усмехалась Клавдия. — Рабенку пишу свежую надо, а не ваш суп-пюре, как Александра говорит. Давай, Александра, мне девку на лето в деревню. Я ее коровьим молоком отпою, яйца у меня свои будут, ягода.

Инна Федоровна с улыбкой наблюдала за Клавдией.

— Замечательная вы женщина, Клава. Говорите так хорошо, просто...

— Просто... просто... — ворчала Клавдия. — Как наш отец Федосий говорит, «где просто, там ангелов до ста, а где мудрено — там ни одного».

В коридоре зазвонил телефон. Рая пошла отвечать.

— Наверно, тебя, Саш, — сообщила она, вернувшись, — Александрину просит.

На встречу к метро «Арбатская» я приехала за два часа, как на премьеру. Было субботное утро. В кинотеатр «Художественный» выстроилась огромная очередь за билетами на новый французский фильм. Я встала возле колонны у входа на радиальную станцию, и простояла, не сходя с места, сто двадцать девять минут, как часовой.

— Александрин?

Я повернулась. Бодрый брюнет в джинсовом костюме протянул мне пакет из валютного магазина «Березка». Приветливо махнув рукой, он скрылся в метро. Я рванулась и побежала к Гоголевскому бульвару. На бульваре гуляли мамыши с колясками, пенсионеры играли на скамейках в шахматы. Они удивленно смотрели на меня, и я поняла, что привлекаю внимание, несусь, будто за мной гонятся. Постепенно я перешла на нормальный шаг. За мной никто не гнался. Я свернула в арбатские переулочки, нашла пустынный двор и села на лавочку,

спрятанную в кустах. Отдышавшись, я открыла пакет. В нем лежали две банки растворимого кофе и запечатанный конверт. «Душа моя, милая моя Саша, сердце мое! Любимая моя, полюби меня, если сможешь. Я перед тобой очень виноват, но поверь мне, что так было лучше, прежде всего для тебя. Если бы я предупредил тебя о том, что останусь, то поставил бы тебя в очень тяжелое положение. Сейчас я один в ужасном состоянии, но я сам это выбрал, а брать на себя ответственность за твою судьбу я не посмел. Родная моя! Я все время смотрю на твою фотографию, которую ты положила мне в сумку, ничего не зная о том, что я не вернусь. Помнишь, тот моментальный снимок, который ты сделала возле Эйфелевой башни? Для поддержания жизни у меня есть все, что нужно человеку, — еда, жилье, очень приятливые люди. Но мне не хватает слишком многого. Я хочу тебя, Россию, все, все, все, что я оставил. Сегодняшний вечер сырой и промозглый, замерз, как цуцик, пока еще плохо ориентируюсь в городе. Вернулся со званого ужина у Набоковых, которые приняли во мне участие. Они дружны с Питером Бруком, хорошо знакомы с Мнушкиной, о которой ты, наверное, слышала, а также у них много связей с кино и на телевидении. Вечер прошел замечательно, я покорила всех своим произношением тех пятнадцати слов, которые знаю. Поговорил о судьбе европейского театра, поужинал и подружился с собакой. Удивительно милые люди, очень внимательные, прекрасно понимающие все с полуслова. Сказали, что наверняка моя трактовка «Ричарда Третьего» заинтересует Питера Брука. Сашенька! Как же мне тебя не хватает, ты даже представить себе не можешь, так бы и расцеловал тебя всю, сердце мое разрывается. И моя любовь обьявляла тебя только быть счастливой. Если ты полюбишь — люби, он наверняка будет лучше меня, а мне важно, чтобы ты была счастлива. Мне никто не нужен. Я один, но я все время с тобой. Поверь мне, что остаться в чужой стране — большое горе. Конечно, у меня прекрасная комната, которую мне предоставила Франция, и Католическая община меня превосходно кормит, вокруг меня хорошие люди, от которых я, кроме добра, ничего не вижу, но... мне бесконечно тяжело. Так тяжело, что я даже и не пытаюсь пересказать тебе это словами. Пойми меня, это не ханжеские причитания, а сущая правда. Если бы мне тебя увидеть!.. Саша, прошу тебя не оставь мою мать, навещай ее. Одна банка кофе — для нее, другая — тебе. Целую тебя. Твой Антон. P.S. Скажи маме, что скоро позвоню ей и с первой же okazji передам письмо для нее».

Я шла к дому Антона с одной мыслью: он жив! Жив! Он любит меня. У меня будет ребенок, его ребенок, и он вернется к нам. — Са-а-ня! Куда так торопишься! — Возле кафе «Аист» стоял мой бывший одноклассник, ныне актер театра на Малой Бронной, Игорь. — Иди пивка грохнем. В валютке отовариваешься? Молоде-е! — Он кинул на мой пакет. Я шарахнулась от него и, избившись в ближайшем подъезде от пакета, понеслась обрадовать мать Антона.

Нинель Михайловна лежала с компрессом на голове. Мы обнимались и плакали, снова и снова читая письмо, я оставила ей весь кофе и побежала в театр играть «Белую палатку». В этой пьесе я изображала медсестру, потерявшую на войне отца. В конце отец появлялся у меня в доме, и я сначала не узнавала его, а потом узнавала и бежала вслед с криком «Папа! Папа!» На репетициях режиссер-дипломник долго бился со мной. Я никак не могла понять, как можно не узнать родного отца, хоть и через двадцать лет. Но зрители верили этой галиматье и даже устраивали в конце овацию. Выйдя на поклон, я заметила, что по проходу идет человек с цветами. Он подошел к рампе и протянул мне букет поникших тюльпанов. Это был следователь Синоков. Я совсем забыла, что сегодня суббота и входного сму не оставила.

После спектакля я торопилась домой, чтобы опять перечитать слова Антона, я и в антракте украдкой заглядывала в за-

ветный листок. В Коломенском трамвай не ходила, была обещана линия, и я дворами пошла к своему дому. Всю дорогу мне мерещилось, что за мной кто-то идет. Нервы были на пределе. С размаху я споткнулась обо что-то мягкое, на асфальте лежал мертвый голубь. Я наклонилась, чтобы взять его и отвести в сторону, но не успела этого сделать. Резкая боль прошла от живота до головы, все вокруг померкло, и я потеряла сознание.

Меня кто-то громко звал:

— Александра Павловна! Просыпайтесь!

Я проснулась и опять закрыла глаза. Постукивание металлических инструментов и приглушенный разговор то удалялись, то приближались. Меня накрыли простыней и куда-то покачали. Запахи не могли обмануть меня, — это была больница. Я попыталась приподняться, но сзади предупредили: «Лежи тихо, а то шов разойдется». Меня выписали через месяц. Я лежала в квартире Инны Федоровны одна. Без Антона, без его ребенка и без надежды на детей когда-нибудь вообще. Приговор врача обжаловать было невозможно. Театр уже уехал на гастроли, Ольгу увезла в деревню Клавдия. Я не была нужна нигде и никому. Даже во втором составе. Даже на допросы меня не вызывали. Единственное письмо от Антона пропало. Когда я забирала вещи из больницы, в сумке его не оказалось. Я пербирала в уме все варианты: забыла у матери Антона, в гримировальном столе, выпало в машине скорой помощи, во дворе, где я упала без сознания?.. У Нинель Михайловны его не было, и я поехала искать в театр.

Дежурные на служебном подъезде встретили меня радостными взглядами и предложили пообедать с ними: «Вы так похудели! Покушайте с нами. Картошечка молодая, горяченькая». Маятник бесстрастно стучал за стеклянной дверцей. Я поднялась в «кишку». Заведующий труппой, Леонид Николаевич Персиков, снимал с доски приказов какой-то лист. Увидев меня, он побагорел и, выкатив глаза, закричал:

— Ну, ты где ходишь?! Два дня тебя найти не могу! Главный мне телефон оборвал. Вечером поедешь в Челябинск. Там выпуск «Бесприданницы» под срывом, Черкасова ногу сломала. Понимаешь-слышь, Ларису некому играть. Бери роль и поезжай. Понимаешь-слышь, такие роли на дороге не валяются. В поезде выучишь. Иди к администраторам за билетом. Понимаешь-слышь, ты сама-то как, ничего?.. В форме?

— Не совсем...

— И я в гражданском, — он засмеялся, вытирая пот со лба. — Ничего, сыграешь, понимаешь-слышь, потом спасибо скажешь. Пум-бурум, пум-бурум, — Леонид Николаевич подмигнул мне. — Пошли, пьесу дам.

Я пошла за ним, забыв обо всем.

Когда-то, в училище я играла отрывок из «Бесприданницы» и получила «хорошо». Троек нам не ставили. Тогда я не поняла автора: благодарить убийцу за то, что меня застрелил? Это мне казалось мелодраматической натажкой.

Ночью в купе поезда я перечитала роль Ларисы: «Вещь... да, вещь!.. Я вещь, а не человек. Наконец слово для меня найдено... Видно, мне жить и умереть в цыганском таборе... я искала любви и не нашла... ее нет на свете... нечего и искать. Пусть веселятся, кому весело... Я не хочу мешать никому! Живите, живите все! Вам надо жить, а мне надо... умереть!..» Я вышла в тамбур. Поезд мчался, сливая свой грохот и разбойничий пошвист с грохотом встречных составов. Колеса нещадно жевали ночную тьму. «А ведь и правда я — вещь», — вдруг призналась себе в том, что давно прятала от себя. Из черноты в тамбур взглянула мертвенно бледная луна. Передо мной мелькнуло веселое лицо Антона, он улынулся и махнул мне рукой на углу 유도ля Санте... «И цена мне — банка кофе. Недорого...» Я рванула дверь тамбура, холодный ветер выплеснул в меня и потянул наружу, из-под колес летели искры... Нет!.. Я хочу играть! Я могу играть! Ларису Огудалову, а не Анну Каренину! Она смогла

сына оставить, а я как Олю брошу?! Я не могу. Мне Бог не простит. Мне надо жить, трудиться, Олю на ноги ставить... Всё! Хватит патетики! Пора новую роль учить. Как там мне Кольцов говорил? Петелька-крючочек?.. Вот именно... Ну-ка, с чего она начинает, какая первая реплика? «До свиданья, Вася!»... Нет, все-таки я была полная дура. Островский — гениальный автор, ясновидец просто. Итак, я вошла... кого вижу, слышу?.. Предлагаемые обстоятельства, атмосфера... Чем живу в этой сцене?.. Что делаю?..

— Александра Павловна! Открой! Что вы там делаете? Вы живы? — Ядвига Валерьяновна Милованова настойчиво колотила в мою дверь. — Ну вот, Слава Богу, жива. Мне охранник сказал, у вас в доме третья ночь свет горит. Не помогла моя настойка? Бессонница замучила?

— Творческий поиск. Роль репетирую.
— Какую роль? — Глаза Ядвиги сдвинулись к переносице.
— Тень отца Гамлета.
— Ну, у вас и юмор, Александра Павловна, — Ядвига захохотала. — Вы, наверное, в комедиях хорошо играли?

— Да. Играла Нину Заречную в комедии «Чайка».
— Да что вы!.. Какая же это комедия? Там же Треплев застрелился, у Нины такая судьба трагическая. Этот писателишка Тригорин ее бросил, ребенка у нее, помнится, умер, таскалась по провинциям в третьем классе поезда с мужиками необразованными... Хотя... было там одно место смешное. Это когда она себя с птицей перепутала: то, говорит, я — чайка, а то: я — актриса. Запуталась слегка.

— Чехов написал комедия в четырех действиях. И «Вишневый сад» тоже комедия.

— Ну уж это-то я знаю. Я ведь вам не рассказала, как меня прокурорша с роли Раневской скинула...

— И что же, какую вы роль играли в «Вишневом саде»? — задушила я на корню Ядвигин рассказ.

— Что?.. Идиотку какую-то! Шарлотту Ивановну. Роль никудышняя, слов мало. Какие-то фокусы показывает, как клоун.

— Да разве дело в количестве слов? Ведь Шарлотта, кажется, сирота. Вынуждена людей развлекать, а поговорить ей не с кем...

— Да... «кто я, зачем я, неизвестно». В общем, прижогки не с чем, — заключила Ядвига и печально задумалась.

— А в «Лесе» вы кого играли? — решила я оживить ее. — Гурмыжскую?

— Да ведь это главная роль! Прокурорша, конечно, получила. У нашего режиссера народного театра какое-то дело в суде разбиралось. Я — «шум за сценой». — Ядвига подавила вздох. — И тогда решила в мединститут поступать. И вот — я главный врач пансионата! — она победно улыбнулась. — Впрочем, дело, конечно, не в должности. Александра Павловна, может, хотите прогуляться со мной до нашей оранжереи? Подберем вам для настроения что-нибудь новенькое. Нам сикомору завезли, орхидеи, амурский клен, баобаб, папирус.

— Зачем? Меня мой куст вполне устраивает.

— Ну, все же... Экзотические растения создают иллюзию путешествия.

— Спасибо, Ядвига Валерьяновна. Кажется, мое путешествие подходит к концу. Пора возвращаться.

— Ну, тогда я вам больше не мешаю.

С дальней дачи донеслось разухабистое пение: «Я шоколадный заяц, я ласковый мерзавец, я сладкий на все сто-о-о!» Пели довольно фальшиво. Ядвига поморщилась.

— Ужасно поют эти люди... фу! Как шакалы. Я исчезаю. Айн, цвай, драй!

Произнесла реплики Шарлотты, Ядвига взмахнула руками и исчезла.

Я вернулась на веранду. В углу светящегося экрана компьютера проснулся оранжевый кот. Он потоптался на месте, потя-

нулся, мурлыкнул и повис вниз головой. Повисев несколько секунд, он свернулся клубком и опять задремал, не заметив, что наступил канун Нового 1992 года.

В театре готовилась премьера пьесы Жана Кокто «Двуглавый орел». Ее ставила француженка Сесиль Арди, выпускница режиссерского отделения ГИТИСа. Я репетировала роль Королевы, в спальню которой проникает молодой Поэт, как две капли воды похожий на Короля, убитого десять лет назад в день свадьбы. Далее два часа нужно было произносить нескончаемые монологи по очереди с Поэтом на философские и лирические темы. В конце они оба, убедившись в безвыходности их чувств, умирали: поэт выпивал яд, а Королева закалывалась ножом, — Ромео и Джульетта поменялись местами. Работа шла трудно. В «кишке» Сесиль бойко шутила по-русски, но в репетиционном зале весь её словарный запас куда-то улетучивался, и понять, чего она хочет, было сложно; огромные куски текста застывали неподвижной массой, режиссер нервничала, просила нас говорить быстро, громко, с небоснованным напором. Это называлось — современный режиссерский метод.

И вот однажды я пришла задолго до начала вечерней репетиции, чтобы спокойно поискать петелька-крючочки своей роли. Возле служебного гардероба по телефону говорил незнакомый человек в полосатом джемпере, точь-в-точь таким же, какой был на мне. Своей я покупала еще в Париже. Увидел мое отражение в зеркале, он попопалась и положил трубку.

— Александра Павловна... Саша?.. Привет, — удивился он, спрятавшись за ироничный взгляд.

— Здравствуй, Антон. Ты давно в Москве?

— Несколько дней, кажется... Вот зашел в театр. У тебя спектакль сегодня?

— Нет, репетиция... через час.

— Понятно... — Он разглядывал меня очень придирчиво. — Смешно... что мы... в одинаковом... — Он одернул свой джемпер.

К зеркалу подошла Инна Федоровна.

— С кем это ты тут, Саня, беседуешь?

— Здравствуйте, Инна Федоровна. — Антон слегка наклонил голову.

— А! Мне показалось, знакомый, но здесь я никого не знаю. — Инна Федоровна в упор посмотрела на Антона, поправила прическу и пошла к лифту. — Подождите меня, мне надо на шестой этаж!

Я застегнула пальто и вышла из театра. Метель корчилась и плыла, то резко взмывая, то падая отвесно, заметая горсти снега под крышу колоннады. Я пошла вдоль колонн, не понимая, зачем и куда. Меня догнал Антон.

— Подожди. Давай поговорим. Можно кофе в буфете выпить. Я отвек от вашего холода. — Он поешился. — Расскажешь, как ты живешь.

— Я не люблю кофе. А живу я хорошо. Спектакль на выкупе.

— Мне мать писала, что ты у Инны. У тебя никого нет? Я хочю сказать, ты одна?

— Почему одна? У меня Ольга. Театр. Роли. Разве мало?

— Не ершишь. Ты не писала мне...

— О чем было писать? Мои проблемы вряд ли были тебе интересны, ты о своих исписывал горы бумаги, а когда я встретила у твоей мамы...

— Тогда Жози не была еще моей женой!

— Ну, не будем выяснять отношения, тем более, что их давно нет. Может быть, тебе вернуть твои письма?

— Выброси их. — Антон поднял воротник. — Того, кто их писал, уже нет. Я теперь совсем другой человек. Прости.

— Ты все сделал тогда правильно. Я никогда бы не бросила театр и не осталась в чужой стране.

— Наверное, ты права... великим режиссером я не стал, зато научился многому другому. Умею крутиться, выживать... Я позвоню тебе, можно?

— Зачем?

— Ну... пригласишь меня на премьеру, а потом... выпьем шампанского... помнишь, как мы в Коломенском? — Он засмеялся.

— Что ты! — тоже засмеялась я. — Там со мной был другой человек. И французские пьесы тебе, конечно уж, надоели. Мне пора идти на репетицию. Как говорит моя Ольга, заставляя людей ждать непорядочно.

Премьеру «Двуглавого орла» мы сыграли тридцать первого декабря. В тот год двуглавый орел поселился на гербе России. После спектакля мы собрались в доме у Николая Варфоломеевича. Он ушел из театра преподавать в театральный институт через год после фестиваля в Париже. Его жена, Ирина Вадимовна, и моя верная подруга Инна Федоровна были заняты в премьеру, поэтому все вместе мы приехали к праздничному столу. Ольга убежала встречать Новый год со своими студентами-медиками.

В праздники, как и в будни, где бы ни собрались актеры, они всегда говорят об одном и том же — о театре. Вспоминают накладки, оговорки, сравнивают времена, режиссеров, актеров, пьесы. Говорят о гастролях и концертных поездках, о своих кумирах и учителях. Это какая-то вечная «кишка». Николай Варфоломеевич и Инна Федоровна учились на одном курсе и могли говорить о своей молодости бесконечно. И в ту новогоднюю ночь не отступили от своего правила. Мы с Ириной Вадимовной ушли на кухню готовить чай. По телевизору пели эстрадные звезды со всего мира, — страна подняла свой противопожарный занавес.

— Не знаю, хорошо или плохо нам будет с этой свободой, — сказала Ирина Вадимовна, разрезая торт, — но боюсь, что наша французская премьера долго не продержится. У них там все на один сезон, вся жизнь однаобразова. Хоть и смеются над нами, а у нас спектакли десятилетиями держались в репертуаре, и зал всегда был полный, и поколения зрителей росли на наших постановках. И принимали, и аплодировали, как на премьеру. И сегодня мы сыграли эту тяготию только благодаря актеру. Нечему у них учиться, лучше нашей русской школы нигде нет. Только глупцы слуг туду добровольно да авантюристы. Не опуская глаза, я не о Муратове говорю, хоть и не люблю его. И не люблю никогда. Я ведь думала, что ты все подстроила, когда он в лифте меня до начала спектакля подержал. А когда он так обошелся с тобой в Париже, поняла, что ты не виновата. Это ему одному могло такое в голову прийти. Ни с кем не считался — что хочешь, то и ворочу. А что тебя тут таскали на Лубянку, да учителя его из театра убрали, это значения не имело для него. Я тогда голову совсем потеряла от страха за Николая. И тебя жалко было. Я и пошла к следователю с письмом, которое в примерной у тебя лежало. Там ясно было написано, что ты не знала ничего о его задумке. И они отстали от тебя. Конечно, я плохо соображала тогда, что делаю, по-всякому могло повернуться, но не повернулось, слава Богу. Прости меня, Саша. Повинную голову не секут.

В ночном лесу крикнула птица, видно, ей тоже не спалось. Помочь ей я ничем не могла, — Ядвигина настойка закончилась. Я вышла из дому. Яркие звезды раскрыли свои бутоны на бархате небесных кулис. Где-то звучала мазурка Шопена, перекачиваясь по клавишам фортепьяно. Дорога к реке была освещена огромным софитом луны. Расторопша, как бутфорское зеркало, тускло поблескивала под ее светом. С пляжа повеяло горящим можжевельником. Тихий женский смех добавлял загадочности ночной тишине. Я чуть спустилась с пригорка. Маленький костерок потрескивал и дымился. Возле него, завернувшись в одно большое полотенце, целовались Лена и Дима. Я вернулась в дачный поселок. В открытых на ночь окна двена-

дцатой дачи было темно. На крыльце, положив голову на лапы, дремала гипсовая собака. Увидев меня, она вильнула хвостом, виновато сбегала по ступенькам и встала в привычную мизансцену на постаменте. Из моего домика лилась мелодия Шопена. Неужели я забыла выключить радио?.. Боже мой, да это же мой мобильный! Ольга перед отъездом поставила новый сигнал, — я совсем забыла о телефоне.

— Саня, я тебя разбудила?

— Нет, нет, Олечка, что случилось? Ты когда приехала?

— Вечером. Я знаю, что с медицинской точки зрения допускаю грубую ошибку, но, как твой любимый Белинский, не могу молчать. Тебе звонили из театра. У вас завтра сбор труппы, и ты получила новую роль.

— О-о-ля!..

— Спокойно, Саня. Я все знала. Роль без слов. Твой персонаж молчит всю пьесу и только в конце говорит маленький монолог.

— Какое счастье!

— Какое же счастье? Если бы ты освобождалась в первом действии, это было бы счастье. А так простоишь три часа, как немая, и только под занавес скажешь: «О мой милый, мой нежный, прекрасный сад!.. Моя жизнь, моя молодость, счастье мое, прощай!.. Прощай!..»

— Но это же роль Раневской в «Вишневом саде»! Ты что, с ума сошла?

— Нет. Это твой персонаж сошел с ума. Там вообще все действие происходит то ли на помойке, то ли в доме престарелых, я не поняла. Завлит сказал, что ставить будет самый культовый молодой режиссер, он сам написал эту пьесу. Ладно, завтра все узнаешь в театре, я приеду за тобой в девять утра. Пока. Постарайся заснуть.

В восемь тридцать утра я зашла в административный корпус к Ядвиге Миловановой, чтобы вернуть ей компьютер. Она что-то писала, сидя за столом.

— Ядвига Валерьяновна, я уезжаю. Спасибо за всё.

— Куда? — Ядвига насторожилась.

— Меня вызывают на работу, я получила роль в театре.

— Ура! — Ядвига захлопала в ладоши. — Ну, роль-то хоть хорошая?

— Вам бы не понравилась. Мало слов.

— Ну, ничего. Иногда можно сказать и от себя кое-что. Ваша история болезни закрыта. У меня всегда документация в порядке. Только... — Ядвига замаялась. — Я не очень поняла... Вы на первом приеме что-то про петли говорили... или крючки какие-то... Это что?

— Это чисто профессиональная лексика. Не обращайтесь внимания. Вот. Компьютер чист.

— И почитать нечего? — Ядвига расстроилась. — А я думала...

— Это моя вина. Я забывала нажимать на «сохранить», и компьютер все сбросил. Лучше приезжайте ко мне на спектакль. До свидания.

— Не до свидания, а прощайте, я больше уже никогда не увидимся! — воскликнула Ядвига. — Из нашей батареи только Солёный пойдет на барже, мы же со строевой частью. Сегодня уйдут три батареи дивизионом, завтра опять три, — и в городе наступит тишина и спокойствие. Прощайте, надо уходить, а то заплачу. — Ядвига смахнула слезу. — К месту, получилось... У меня в народном театре поклонник был, как теперь говорят, «бойфренд». Он Федотка и Родэ играл попеременно в «Трех сестрах». — Ядвига мечтательно улыбнулась. — Но эту историю я вам расскажу в другой раз.

В окно я увидела, что подехала Ольгина машина, и вышла из кабинета главного врача. Через заднее стекло я посмотрела на птичий размах надписи на воротах пансионата. «Голубые просторы» взмахнули крыльями, поднимаясь в небо, — машина прибавила скорость и повернула на шоссе.

«ВЕЛИК БОГ ЗЕМЛИ РУССКОЙ!..»

Валентина СОЛОГУБ

Памяти Санкт-Петербургского градоначальника
В.Ф. фон-дер Лауница (1855-1907)

«...Будьте истинными христианами, будьте убежденными в идее беззаветного служения Царю и Родине, будьте тверды в этих убеждениях, как скала!..»

В. Ф. фон-дер Лауниц

Трудно переоценить, насколько богаты духовные закрома нашего народа, какие удивительные сыны Отечества создавали нашу страну и наше государство, служили Державе «не на живот, а на смерть», живя по заповедям «Богу — душу, Царю — славу, а себе — честь». В сонме Новомучеников и Исповедников Российских, как драгоценный камень, прикровенно сияет имя одного из них — видного русского государственного и общественного деятеля конца XIX — начала XX века, русского дворянина Владимира Федоровича фон-дер Лауница. Вся его не столь продолжительная жизнь, — а прожил он немногим более 50 лет, — была полностью отдана служению Престолу и Отечеству. Однако его деяния дороги нам не только как памятник нашей истории, ибо значение совершенного им христианского подвига во имя Царя и России не ограничилось временными рамками его земной жизни. Его жизнь, принадлежащая, казалось бы, давно ушедшей эпохе, невидимыми нитями переплелась с нашей, сегодняшней жизнью. И как в те незапамятные времена, так и в наши дни его светлая, незаурядная личность собирает вокруг себя и объединяет самых разных людей — духовного звания и мира, лиц известных и простецов. Все, кто узнает о нем, навсе-

гда становятся его искренними почитателями. Однако до сих пор произволом врагов православной России, возводивших на него многие десятилетия хулу и клевету (и к злодеям причтен, Исаия, 53, 12, Мк. 15, 28) и боровавшимся с ним и после его гибели, Владимир Федорович вычеркнут из нашей истории. Его подвиг во имя Христа остается неизвестным уже многим поколениям русских людей, не получил пока должного церковного и общественного признания.

Есть судьбы, которые являются срезом времени, в которое данный человек живет. И все, что происходит при нем, и слабое, и трагическое, проходит через его жизнь. Такая судьба была у Владимира Федоровича фон-дер Лауница.

Есть личности, которые являются отражением национальной психологии и духовной сущности народа, сыном которого данный человек является. Его деяния, помыслы и поступки связаны не только с временными событиями, но, перерастая земные реалии, не теряют своего значения и после его смерти, с уходом его эпохи. Таковой является личность Владимира Федоровича фон-дер Лауница, которая отражает в себе психологию русского народа, особенность и неповторимость его души. Он прожил и выстрадал то, что стало нашей исторической судьбой.

Есть имена, которые сокрыты Богом до времени, пока народ не в состоянии осознать их духовную значимость. На небесах они обрели свою ценность, а народом, пока он сам не поднялся до уровня их служения Богу, они не востребованы. Мы знаем примеры, когда Господь открывал, казалось бы, канувшие в лету имена Своих угодников. Таким по сей день является имя убиенного террористами русского дворянина Владимира Федоровича фон-дер Лауница.

«Теперь мне 65 лет, я подвожу итоги и пишу книгу за книгой... Эмиграция этими исканиями не интересуется, а русских издателей у меня нет. И мое единственное утешение вот в чем: если мои книги нужны России, то Господь уберезит их от гибели; а если они не нужны ни Богу, ни России, то они не нужны и мне самому. Ибо я живу только для России». Этот духовный ориентир, который ставил перед собой и в чем видел смысл своей жизни и деятельности великий русский философ-патриот Иван Александрович Ильин, с полным правом мог бы применить к себе русский государственный-патриот Владимир Федорович фон-дер Лауниц, С.-Петербургский градоначальник, «рыцарь долга и чести», «борец-мученик за Святую Русь». Перефразируя досточтимого Ивана Александровича Ильина, чья посмертная судьба до недавнего времени была такой же почти забытой, к его жизни можно применить тот же критерий: если жертва Владимира Федоровича была нужна, то Господь уберезит для потомков его служение Богу, Царю и Отечеству от забвения. Потому что если бы его деяния не были нужны ни Богу, ни России, то они не нужны были бы и ему самому. Ибо он тоже с полным правом мог бы сказать: «Я живу только для России». Потому что для него, как православно-христианина, Русский Царь и Русский народ были превыше всего: славы, богатства и собственной жизни. Он засвидетельствовал это собственной смертью.

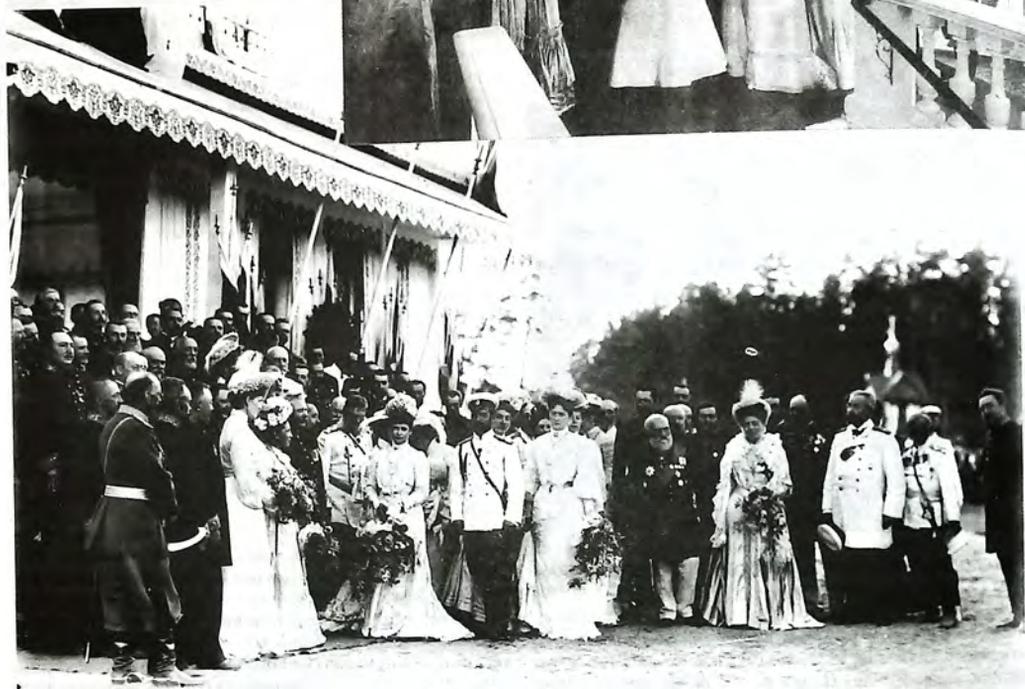
«Старый солдат»

В. Ф. фон-дер Лауниц родился 10/23 августа 1855г. (на следующий год мы будем отмечать его 150-летие) в с. Каргашине Елатомского уезда Тамбовской губернии (ныне Сасовский район Рязанской области), происходил из древнего прибалтийского

Справедлым Иоанном
Кронштадским

С государем Николаем II

рода. По семейному преданию один из его предков был в числе свиты наследницы Византийского Императорского Престола Софии Палеолог, будущей супруги Великого Князя Московского Ивана III, которая прибыла в Россию в 1472 году. Представители рода фон-дер Лауницев входили затем в служилое дворянство, отличались верностью и преданностью Русскому Престолу. Отец Федор Федорович — генерал-лейтенант, участник целого ряда военных кампаний (служил в одном полку с М. Ю. Лермонтовым, а впоследствии старшая дочь Владимира Федоровича Мария вышла замуж за Владимира Лермонтова, представителя этого многочисленного знаменитого рода). Мать Софья Николаевна, в девичестве Карачинская, происходила из дворян Тамбовской губернии, где находились их родовые имения.

Служение Отечеству корнета Лауница началось с доблестных подвигов, отмеченных высокими наградами за храбрость, на Русско-турецкой войне 1877—1879 гг., которую вела Россия по освобождению болгар и сербов от османского ига. Закончив Пажеский корпус, он добровольно отправился на войну в составе Гродненского Гусарского полка и был зачислен в корпус Наследника Цесаревича. Всегда стоявший на страже Царского трона, В. Ф. фон-дер Лауниц с юных лет являл собой безукоризненный образец верности воинскому и гражданскому долгу, присяге России и Государю.

Затем, уйдя в отставку в чине полковника, он был избран Предводителем харьковского дворянства, строил, в том числе и на собственные средства, церковно-приходские школы для крестьянских ребятшек, прилагая все силы, чтобы русские дети знали свою православную веру. Будучи Архангельским вице-губернатором, помогал Соловецкому монастырю. Став Тамбовским губернатором, Владимир Федорович не изменил себе. Как истинный православный христианин, неустанно творивший дела любви милосердия, он постоянно опекал нищих, вдов и сирот. Убежденно считая, что русская земля должна принадлежать русскому народу, в решении земельных вопросов, в проведении реформ не следовал западным образцам, а старался сохранить для крестьян традиционный, общинный уклад жизни. Опекая духовенство, щедро жертвовал на сельские храмы и монастыри. И, наконец, в статусе Санкт-Петербургского Градоначальника неустранимо продолжил борьбу с революционной смутой, всячески поддерживая патриотов-монархистов. Со Иоанном Кронштадским их связывали не только теплые семейные отношения, но, прежде всего, тесное сотрудничество и на церковной ниве, и в служении Отечеству. Став в 1906 г. С-Петербургским градоначальником, фон-дер Лауниц не остался равнодушным к церковному благоустройству столицы, помогая Батюш-

ке по строительству Иоанновского монастыря. Но в эти смутные для России времена, не меньше забот было у них по защите Царского Престола и Отечества. Известно, что св. прав. Иоанн Кронштадтский благословил создание «Союза Русского Народа», и тогда и сейчас вызывавшего люютую ненависть у либералов и демократов, получив, как известно, билет № 1. Билет № 2, как сохранило предание, принадлежал Владимиру Федоровичу, который он, преданно служа Державе, окропил собственной кровью.

«Помогай другим идти по тернистому пути жизни...»

В наши дни особенно острым вопросом является взаимоотношение власти и народа, обязанности власть предержащих, сильных мира сего заботиться о простых гражданах России, о незащищенных слоях населения, обездоленных, нищих, инвалидах, сиротах... О заповеди Божией быть милостивым к нуждающимся в его помощи Владимир Федорович не забывал никогда. «Помогай другим идти по тернистому пути жизни...» — таково было правило, которое он выработал для себя и старался ему постоянно следовать. Владимир Федорович является примером неподдельной любви к нуждающимся, причем независимо от собственного положения и обстоятельств. Будучи на войне, он спасает честь своего товарища, который не смог отдать долг, по доброй воле еще несколько лет подвергая себя смертельной опасности, он выплачивает за него огромную сумму. Рассказ очевидца сохранил эпизод из его тамбовского периода, когда он бескорыстно помог многолетнему бедному чиновнику похоронить скорострительно умершую жену. А когда тот через несколько лет, поправив свое положение, вознамерился отдать долг, Владимир Федорович твердо отказался: «Я денег вам не давал-с, это-с я давал покойнице... А посему вы не мой должник...»

Отношение Владимира Федоровича к беднякам, обездоленным напоминало окружающим о первых временах христианства, временах взаимной любви, службы меньшей братии. Поистине, Владимир Федорович, будучи первым лицом в губернии как представитель монарха, был и первым христианином. Тамбовский губернатор находил возможность приходить в нищенские трущобы и ночлежки и, сидя на нарах рядом с их завшивевшими, грязными обитателями, расспрашивал о причинах их трагедий, семьях, трудовых навыках, помогая опустившимся на дно людям в корне изменить свою жизнь, вновь «стать добрыми христианами». И потому, когда пришла скорбная весть о его гибели, собрав нищенские копейки, обитатели петербургских и тамбовских ночлежек послали вдове Марии Александровне телеграмму и погребальный веночек, в память о Владимире Федоровиче написали трогательные стихи, называя его «наш общелюбимый добрый начальник» за его широкую душу и любвеобильное, сострадательное сердце. Сехавшись на похороны в село Каргашино со всей губернии босяки рыдали как дети, и «одними словами, — по замечанию современника, — слезу у такого народа не выжмешь». В 40-й день кончины Владимира Федоровича по просьбе тамбовских бедняков Преосвященным Иннокентием была совершена по нему панихида. И вот что после панихиды о почившем сказал один из бедняков: «Убили человека — истинно православного, который жил по заповеди Господней: любил ближнего, как самого себя. Он рассыпал ближним ему людей узнавать, где есть сироты, убогие, хромые и слепые, и, по возможности, удовлетворял в их существенных нуждах. Нам хорошо известно, что из загнанных нашей братии по несчастным судьбам он в течение недолгого поста служения в г. Тамбове определил на должности по их профессии прежней около 85 человек; для этого он не гнушался навещать нищих, сидел с ними рядом, беседовал и советовал перейти на более лучшую жизнь. Вот почему запечатлелась в наших сердцах драгоценная память о покойном добрейшем начальнике. Это действительно был человек религи-

озно православный. Во время пребывания в Тамбове он почти каждый праздник не оставлял своим вниманием бедных, приезжал лично и поздравлял с праздником, всегда советуя при этом проводить праздничные дни не гуляньем, а в христианском духе, как учит нас сему православная Церковь. Что же после этого нам нужно сказать, как не вечно, в знак благодарности, молиться Богу о его безвременной кончине. О, если бы прах незабвенного нами Владимира Федоровича был бы здесь близок, мы все бы нахлынули и облили бы его своими слезами». В своих безыскусных стихах в память о Владимире Федоровиче простице, выражая свою неподдельную, глубокую скорбь, вместе с тем удивительно точно определили идеал русского государственного чиновника:

«...Державной воли верный исполнитель

Убит вблизи святыни предательской рукой.

За что? За то, что, верный долгу чести,

Он был поборником законности и прав?!»

Воистину «глас народа — глас Божий», знают ли об этом назначении власти нынешние правители?..

«Преподобный Серафим поможет...»

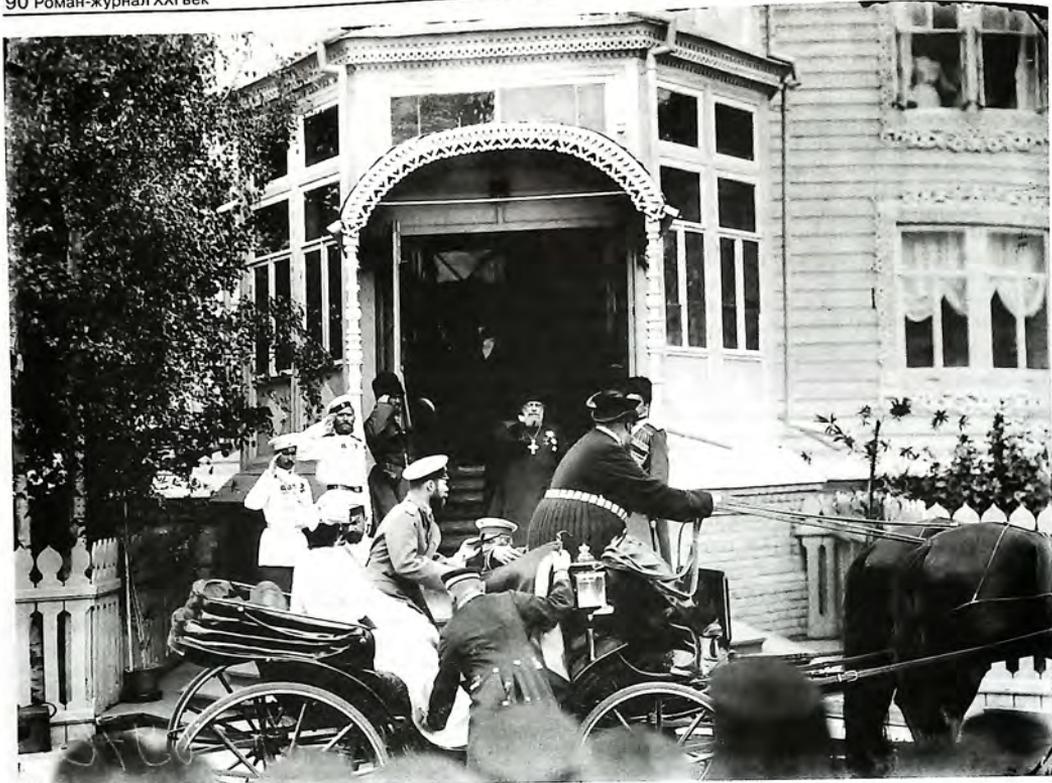
Одной из ярких страниц нашей Церковной истории, истории Русской святости, является состоявшееся сто лет назад прославление всенародно почитаемого батюшки Серафима, Саровского чудотворца. Являясь в 1903 году Тамбовским губернатором, Владимир Федорович был, со стороны государства, одним из инициаторов и организаторов торжеств по его прославлению. И делал он это не только по должности, но и по безграничной любви к святому Старцу.

Ему «суждено было послужить великому Саровскому торжеству, — писал впоследствии епископ Тамбовский и Шацкий Иннокентий. — На нас двоих тогда легла вся тяжесть и ответственность за успех этого светлого события в жизни России. Мне досталась церковная сторона торжества, ему — гражданский порядок, охрана, распорядительность. И сколько вложил он в это торжество Церкви своего труда, хлопот, забот, опасений и тревоги, — то видел и оценил Царь-Богомолец, да с высоты небес призывал прославляемый Саровский праведник».

О величайшем значении для Русской Православной Церкви и России этого события уже много написано и сказано. По сохранившимся в архивах документам, освещающим труды Владимира Федоровича по подготовке Саровских торжеств, видно, что многие подготовительные мероприятия он, видя нехватку средств, проводил за свой счет: прокладывал дороги, строил палатки для паломников, организовывал горячее питание... На торжества прославления, по некоторым данным, собрались более 300 тысяч паломников со всей России. Всех надо было накормить, устроить, организовать торжественный порядок великого праздника. И когда его спрашивали, как же он один с этим справится, Владимир Федорович со спокойствием духа отвечал: «Преподобный Серафим поможет!» — и размышительно крестился.

На Саровских торжествах проявились не только организаторские, административные и государственные способности Владимира Федоровича, раскрылись его личность как православного христианина. Здесь произошли события, которые содержат в себе мистический смысл судьбы России, показывают назначение власти, духовную суть установленной Богом Самодержавной Монархии.

Так, когда народ уже впустили в храм, то паломники, желая приложиться к мощам Преподобного, толпой устремились в середину храма, Владимир Федорович понял, что святыне мощи могут быть опрокинуты и произойдет невольное

кошунство. И тогда он моментально оценил ситуацию. Всех, кто находился рядом, невзирая на их высокие чины, он принудил быстро встать в крепкий круг и буквально заставил сдерживать натиск народа. Все прошло чинно и благополучно. В этом эпизоде как бы иносказательно раскрылась воля Божия — власть должна охранять свои православные святыни — и в этом тоже ее назначение.

Следующий случай. Держа все происходящее под неусыпным контролем, Владимир Федорович заметил опасный момент. Лошадь, подстрекаемая простодушной деревенской бабой, которой она мешала собственными глазами увидеть Императрицу-Мать, сейчас понесет, причем прямо на Марию Федоровну, направляющуюся пешком, без сопровождавших ее лиц, к святому источнику. Владимир Федорович опять же, как военный, человек моментально оценил обстановку, кинулся к лошади, схватил ее под уздцы и удержал на месте ценою полученной травмы. После этого всю жизнь у него плохо двигалась рука. Мария Федоровна даже не заметила грозившей ей опасности, никто, кроме жены, не узнал о причине его увечья. Это еще один пример служения Престолу.

Но для полноты рассказа о Саровских событиях необходимо вернуться к их началу. Праздничная череда началась с известного торжественного момента, истинный смысл которого, однако, открылся буквально в наши дни, когда мы работали над книгой. Владимиру Федоровичу хотелось придать прославлению батюшки Серафима общероссийский, общенациональный характер, сделать церковное празднество, запоминающимся, значительным и встретить Венценосного Главу величайшей Империи как Царя-Богомольца. В Сарове, стараниями Владимира Федоровича была сооружена впечатляющая триумфальная арка, украшенная цветами и выюши-

мися растениями, которую увенчивал огромный образ Спасителя Нерукотворного. Здесь, на границе Тамбовской губернии, Царя-Батюшку встречали тысячи и тысячи паломников, прибывших со всех концов России, а делегация из местных крестьянок в неповторимых народных костюмах приветствовала Его хлебом-солью. На арочной дуге славянской вязью было написано: «Силою Твоею да возвеселится Царь». В основу этой надписи лег стих из 20-го псалма, но слова «да» там нет. Казалось бы, допущена ошибка. Но зная, что Владимир Федорович, будучи глубоко религиозным, воцерковленным человеком, не мог допустить оплошности, понимаешь, что сделал он это осознанно. Действительно, этим прибавленным словом «да» надпись выражает словами стиха, от имени русского народа, пожелание Русскому Царю Божией помощью. Но если вспомнить, что значение этого псалма в том, что он предвозвестил Воскресение Христа, то тогда чудесным образом открывается сакральный смысл саровской надписи. Выбрав этот стих для приветствия, Владимир Федорович, возможно даже не ведая, выразил то, что Бог вложил в его чистое, неллицмерно любящее Государя сердце. Там, в Сарове, при прославлении великого старца всея Руси, которое состоялось именно благодаря настоятельному пожеланию Царя Руси, устами Владимира Федоровича Бог предвозвестил, что царь земной, тоже через крестные муки, уподобится Царю Небесному и воскреснет на небесах в своей святости.

И вот еще один важный эпизод, тоже имеющий не только земной, но и глубокий духовный смысл. Когда по прибытии Государь направился к храму, народ, горевший желанием радужно встретить своего Царя-Батюшку, узнав об этом, хлынул Ему навстречу. Владимир Федорович увидел, что многотысячная толпа может смять Государя и произойдет страшная

трагедия. Буквально в считанные доли секунды он сообразил, что необходимо предпринять, вместе с генералом Мосоловым они переплели руки, на которые встал Государь, подняли Его над толпой и понесли по направлению к храму.

Воистину символическая картина: помазаннык Божий, царь России плывет над своим народом, поддерживаемый верными слугами престола, а народ следует за ним к Царю Небесному. Государь как «Хозяин земли Русской» ведет Свой народ к Богу, предстает за него пред Богом. Здесь воочию была показана Русская Идея — соединение в Боге русского народа и русского Царя, божественное назначение Самодержавия.

Благодаря этому происшествию раскрылась и еще одна духовная составляющая торжества прославления преподобного Серафима. Государь ведет Свой народ на встречу со святым, который впоследствии Его прославит. Батюшка Серафим как бы показал предпразднество прославления святого Государя: «Царь, который меня прославил, того и я прославлю». И в 2000 году, в дни празднования обретения мощей преподобного Серафима, святой Царь-Страстотерпец Николай Александрович вместе со Своей Семейей был канонизирован Русской Православной Церковью.

Церковь высоко оценила его заслуги, благословив Владимира Федоровича крестом с частицей мощей святого Серафима Саровского, частью его мантии и камня, на котором молился великий пастырь русского народа, с его иконописным изображением и наперсной иконой преподобного. Эти святыни до сих пор благоговейно сохраняются почитателями батюшки Серафима и Владимира Федоровича.

Выдающиеся организаторские таланты фон-дер Лауница, блестяще проявившиеся в этом немеркнущем событии, по достоинству оценил участвовавший в торжествах со всей Августейшей Семейей и другими представителями Дома Романовых Царь-Богомолец Николай Александрович, которому тоже были вручены такие же святые дары. Именно здесь, в Сарове, открылось, что Царь и народ составляют единое духовное и церковно-государственное целое. Именно тогда произошло и духовное сближение Владимира Федоровича с Царской Семейей, обнаружилась общность их идеалов.

«Вера в Бога и твердая рука...»

Во времена пришли суровые, и повседневные заботы тамбовского губернатора были далеко не праздничными — наступал 1904 г. Как только началась Русско-японская война, выиграла кровь «старого солдата», как называл себя Владимир Федорович. Он тут же подал прошение отправить его на «театр военных действий», но получил отказ — он нужен здесь, в тылу. Тогда он с усердием принял за организацию помощи фронту: открыл госпитали для раненых, наладил сбор продовольствия и медикаментов и отправку их на передовую, провел мобилизацию ополченцев, экипировал их снаряжением и обмундированием, о чем он рапортовал прибывшему на смотр войск в Тамбовский край Государю Николаю Александровичу.

Но и в тылу назревали тревожные события. Начавшаяся война развязала руки и врагам внутренним. Евреи и поляки, жившие в России и являвшиеся подданными Русского Государя, открыто оскорбляли Царское достоинство, громко радовались поражению русских войск на фронте. Агитаторы из пришлых инородцев, шныряя по деревням, провоцировали селян к погромам усадеб и пролитию русской крови. Запыхали поджогами барские экономии, подверглись безжалостному разграблению крепкие крестьянские хозяйства. Войска на фронте, собственных сил мало, что делать? Владимир Федорович не стал ждать, пока огненный смерч охватит всю губернию. Создал по благословению еп. Иннокентия (Бедяева) «Союз русских людей» (они всегда работали вместе и на благо Церкви, и на защиту Державы), куда во-

шли верные помощники Гавриил Николаевич Луженковский и Николай Евгеньевич Богданович — за что с ними жестоко расправились террористы-эсеры, в рескрипционный список были внесены также Владыка и Губернатор, — быстро погасил в своем крае катившуюся по России революционную смуту. На вопрос Петра Аркадьевича Столыпина, бывшего в ту пору губернатором соседней Саратовской губернии, которую полностью захватила революционная анархия и где вовсю полыхали имена и усадьбы, что — в короткий срок и малыми силами — ему помогло справиться с этим разрушительным смерчем, Владимир Федорович «поделился секретом»: «Вера в Бога и твердая рука».

Эти события дали возможность Государю еще раз убедиться в государственных талантах фон-дер Лауница, когда своими действиями Тамбовский губернатор по-военному четко и мудро восстановил в губернии мир и порядок. И когда Российской столице потребовалась твердая рука в защите от разгулявшегося терроризма, 31 декабря 1905 г. (13 января 1906 г. по н. ст.) Государь Своим Высочайшим Указом назначил генерал-майора В. Ф. фон-дер Лауница Санкт-Петербургским градоначальником.

«Я нужен Государю!..»

«Владимир Федорович вступил в Петербурге в отправление своих обязанностей в самый разгар нашей смуты. Петербург волновался и закипал, точно гигантский котел, поднимая грязь и сор со дна и выбрасывая их наверх вместе с мутной пеной. Владимир Федорович умело и энергично начал работать над успокоением города. Он сильно очистил город от хулиганов и начал уничтожать разврат игорных домов. В начале так называемого «освободительного движения» (т. е., по современному говоря, свободы слова и защиты прав человека. — В. С.) Петербург покрылся целой сетью игорных домов — этих притонов подлости и разврата. Честный труженик, Владимир Федорович взглянул на эту мерзость нравственного состояния общества сурово. Он понимал, что разврат душ есть именно та почва, на которой зарождаются и развиваются. Очищая Петербург от всякой внешней грязи, Владимир Федорович начал очищать его и от внутренней», — вспоминал в 1912 г. священник Кафедрального Собора г. Тамбова Константин Богоявленский в своей книге «Борьба-мученик за Святую Русь в смутную годину Владимир Федорович фон-дер Лауниц, С.-Петербургский градоначальник», вышедшей в 1912 г. Как бывший генерал, фон-дер Лауниц четко и трезво оценил сложившуюся в столице картину. «Внутренняя грязь» потребовала от него колоссального напряжения моральных и физических сил, ежедневного, до поздней ночи, связанного с риском для жизни труда. Все те же скрытые враги Престола, осевшие в градоначальстве, антирусские, антигосударственные силы, поразившие общество сверху до низу, агенты-масоны, проникшие даже на правах приближенных в Царский Дворец, Сионистские Предательские Силы, щедро финансируемые мировой закулисой, оседлавшие I Государственную Думу посредством обольвания, спаивания и подкупа простого народа, сами к русскому народу не принадлежавшие и не выражавшие чаяния коренных слоев и общественных сословий (ну как же все это до оскомини сегодня знакомо!), оголтелая пресса, травившая Царя и монархистов-государственников, которая уже почти вся принадлежала предкам нынешних «акул пера»...

«Тяжелое лихолетье приходится переживать. Обезумевшие, ослепленные успехом враги нашей истрадавшей Родины усиленно продолжают свою дьявольскую пропаганду. Все им дозволено, все им на руку, и под знаменем «цель оправдывает средства» — подлоги, ложь, клевета, убийства, террор, подкуп — их лозунги! Под рукоплесканье с толку сбивой толпы хулиганов, принимаемой за русский народ, провозглашают-

сы возмутительные воззвания, и излюбленные наши пресловутые представители — члены Думы — в своих греховодных словоизвержениях довели до апогея самоуничтожения. Вера православная, Родина, Царь — все насмарку, как устаревшие, негодные принципы... Нет худа без добра — этот бред, кошмар иступленных откроет глаза народу. Полагать надо — Господь не без милости, и правда все же свое возьмет. Неустанно повторяю: «Велик Бог земли русской» и с глубокой верой и надеждой взираю на будущее... Грустные картины. Тяжело, но не безнадежно!» — писал Владимир Федорович в одном из своих писем, давая четкую картину происходящего, удивительно похожую на нынешнее время. И все они хотели только одного — свержения Монархии, сокрушения Царского трона, а значит, уничтожения русского государства и русского народа. Но Градоначальником стал Лауниц, и Петербург затих, «сдася», начала налаживаться мирная жизнь, «никто не посмел при нем шевельнуться», пишет современник, имея в виду революционных бесов.

Недолго прослужил на этом посту фон-дер Лауниц. Но человек, любящий свое Отечество, употребляя данную ему власть во благо своему народу, даже за короткое время может сделать очень много. Закрыв в Петербурге притоны и казино, он содействовал восстановлению нравственной атмосферы в обществе. Почистив градоначальство от антигосударственных элементов, откровенно выступавших против Царя и Монархии, он в то же время, по благословению отца Иоанна Кронштадтского, впоследствии причтенного к лику святых, поддержал патриотическую деятельность Союза Русского Народа. Звав на себя ответственность перед Государем, в случае роспуска революционно настроенной I Государственной Думы, ограждать столицу от революционных потрясений, пресек террористический беспредел социалстов и эсеров. В результате его решительных действий в Петербурге установилась тишина и порядок. Как писали современники, что только благодаря одному человеку в 1906 г. в России не произошла революция, — этим человеком был Санкт-Петербургский Градоначальник В. Ф. фон-дер Лауниц.

Владимир Федорович не был ни антисемитом, ни ксенофобом, как пытались заклеймить его враги. Он прекрасно понимал, что идет брань духовная, что выступают против Монархии не просто чье-то недовольные отдельные иноверцы и инокордцы, а на Русь Святыю надвигаются черные полчища, ведут войну те тайные силы, отец которых дьявол. Как считал сам Владимир Федорович, личных убеждений человека нельзя касаться, какие бы взгляды тот ни исповедовал, даже если эти убеждения противоречат твоим собственным. Но если они перестают быть личными, проявляются активно, порождая тем самым противозаконные общественные действия и становясь серьезной угрозой для безопасности государства, с ними надо бороться незамедлительно. И здесь он был непреклонен. Несмотря на запугивания, на ежедневную смертельную опасность, Владимир Федорович как христоролюбивый воин бесстрашно вступает с ними в борьбу, опираясь на только что созданный Союз Русского Народа. Своей по-детски искренней, «несовершеннолетней» верой в Бога, «неподходящей» для взрослого человека, да еще такого высокого сана, слишком горячей преданностью Самодержавию и неподкупным служением Отечеству, он стал мешать ую и тем, и другим. Документ 1908 г. сохранил высказывание Дворцового коменданта В. А. Дедюлина об этой привязанности фон-дер Лауница к СРН. «Мудрый» царедворец с некороткой издевкой намекает, что тот был «не совсем того», долгими часами закрываясь в своем кабинете с черносотенцами, а солидные господа не сразу могли удостоиться попасть к нему на прием. Против этой правомонархической организации был настроен и Председатель Совета министров П. А. Столыпин, тоже приложивший, после гибели Владимира Федоровича, уси-

лия к ее ликвидации, считая, что уличные беспорядки закончились и надобность в этой боевой организации уже отпала. Чем обернулась эта недалекость облеченных высокой властью чиновников для них самих (а ведь потери таких государственных, как московский губернатор Великий Князь Сергей Александрович, Плеве, Столыпин, генерал Павлов, граф Игнатьев, уфимский губернатор Богданович, были неосценимы для России!), для русского государства и всех нас, нынешних потомков, мы теперь хорошо знаем. В день убийства, буквально тут же позвонили вдове, и знакомый мужской голос по телефону произнес всего одно слово: «Проиграли...» В этот же день из кабинета Владимира Федоровича в Градоначальстве пропали списки террористической банды, охотившейся за высшими сановниками-монархистами, и дальше счет жертв революционного террора пошел на тысячи. Чуть позже, после государственного переворота, комиссары прибавили к ним священников и дворян, казаков и пахарей, мудрецов и простаков, богатых и бедных, здоровых и больных, стариков и детей, миллионами заталкивая их в кровавую мясорубку только по одному признаку — русский, православный...

«Борец-мученик за Святую Русь...»

О ритуальности убийства Владимира Федоровича говорит выбранное террористами время и место: оно произошло в пред рождественскую неделю, когда весь христианский мир готовился к встрече с Божественным Младенцем, на пороге только что освященного храма в честь св. мчч. Царицы Александры в Петербургском Институте Экспериментальной Медицины. Свидетели вспоминали, что «во время молебна Владимир Федорович горячо молился, будто чувствуя, что над ним витает уже ангел смерти». Владимир Федорович знал, что он приговорен террористами, уже несколько лет, начиная с Тамбова, они без устали охотились за ним. Ту же дату насильственной смерти предсказала ему еще в 1903 г. блаженная Паша Саровская. Но когда близкие люди, глубоко почитавшие Владимира Федоровича, присили его уехать из Петербурга, не подвергать себя смертельной опасности, он был по-военному краток и непреклонен: «Смерти я не боюсь, все мы в руке Божией... Останусь, пока нужен Государю!». Как глубоко верующий человек, безусловно, одаренный мистическим чувством, Владимир Федорович безошибочно осознавал главное: не будет Самодержавной Монархии — не будет России. Верный присяге, как русский генерал и гражданин, до последней минуты своей жизни он служил Государю, являясь крепкой опорой Царского трона. Эту опору врагам Монархии надо было сокрушить. За несколько лет он выдержал 15 покушений! Отпел его, еле сдерживая слезы, Предстоятель Русской Православной Церкви, митрополит Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский), провозглашал весь Петербург. В снежную морозную вьюгу его останки со станции Н.-Мальцево до Каргашина несли на руках крестным ходом с хоругвями и иконами, как несут почитаемые мощи любимого святого.

Император по достоинству оценил заслуги Владимира Федоровича, называя его «Наш верный слуга», который «отдал жизнь за Царя». Убитая горем вдова получила от Его Величества Государя Императора сочувственную телеграмму: «Императрица и Я, глубоко возмущенные злодейским убийством Нашего верного слуги, посылаем вам, Мария Александровна, чувства Нашего сердечного соболезнования по случаю постигшего вас горя. Да подаст вам Господь силу и крепость перенести столь жестокий удар. НИКОЛАЙ». Выразила сердечное участие в постигшей утрате Государыня Императрица Мария Федоровна: «Глубоко опечаленная известием об ужасном убийстве вашего бедного мужа, Я вам выражаю от всего сердца, какое великое участие Я принимаю в вашем страшном горе, и молю Бога вас поддержать. МАРИЯ».

Государь отметил Высочайшим вниманием осиротевшую семью, возведя среднего сына Александра в офицерское звание (который, добровольно уйдя на фронт, героически погиб в Первую Мировую Войну), а дочерей назначив фрейлинами к Государыням. На могилу безбедного воина Николай Александрович подарил трехметровый крест черного гранита и голубой хрустальный гроб со словами, которое сохранило народное предание: «Владимир Федорович будет спать в нем, как спящая царевна, но через сто лет он проснется и встанет». Совсем немного осталось до исполнения этого предсказания нашего святого Государя. Возможно, Он имел в виду, что Владимир Федорович придет к нам в духе и вновь будет оборонять Россию от ее ненавистных врагов. Но это зависит и от нас — от нашей веры, от наших молитв, от нашей потребности в христоролюбивых воинах-вождях...

Однако богорыцари не успокоились, они продолжали борьбу с ним и после его ритуального убийства. В 1921 г., невзирая на просьбы крестьян, обращенные к Ленину, не совершать кощунства, комиссары разрушили могилу. Хрустальный гроб разбили, находившийся внутри его гроб, в котором непосредственно покоилось тело Владимира Федоровича, отдали в сельсовет для стирки грязного белья, генеральские сапоги (15 лет пролежавшие в могиле!) натянули на себя комиссар-кошунник. Вновь повторилась ритуальная сатанинская расправа... Очевидцы-крестьяне свидетельствовали, что тело «нашего барина», как они с любовью называли Владимира Федоровича, а старики называют до сих пор, впитав уважительное отношение к нему по наследству, было нетленным: он спал с легким ухом на лице. Где сейчас обретаются его честные останки, сокрыто тайной. Погибла в Харьковском центре в 1923–24 гг. (точная дата пока неизвестна, это было страшнейшее место в те годы, живыми из пыточных камер не выходили) супруга Владимира Федоровича Мария Александровна, в девичестве княжна Трубецкая, была арестована их дети. Старший сын Владимир, приговоренный в 1918 г. Лубянской трибуналом по обвинению в монархическом заговоре, бесследно исчез в советских концлагерях. Дочь Мария, в замужестве Лермонтова, вместе с семьей была выслана на строительство Беломорканала. На многие десятилетия под запрет большевиков попало любое упоминание фамилии Лауниц. Им хотелось навсегда стереть его из русской памяти.

Но Бог Своих не забывает. Владимир Федорович, как христиане первых веков, жил по заповедям, не имея на совести ни одного пятнышка. По благословению старцев, инициативная группа его почитателей подала документы в Комиссию по канонизации Московской Патриархии. Основанием для этого послужили свидетельства современников, прежде всего духовенства, о его жизни как благочестивого христианина, несгибаемого воина за Веру, Царя и Отечество и ныне начавшееся народное почитание, ознаменованное недолгими чудесами. Господь показывает, что народ наш нуждается сегодня в небесном покровительстве такого воина-державника, который, как наши древние воины-князья, стяжал святость на ниве безупречного служения Русскому государству, и потому по праву может войти в сонм Новомучеников и исповедников Российских, пострадавших от богорыцарей за Христа в годину лютых гонений.

Как писал о. Константин Богоявленский, Владимир Федорович был «гранитной скалой на пути революционного потока, бешено устремившегося» снести Удерживающего — оплот Богом установленной Русской государственности, Православной Монархии. И потому не случайно его подвиг завершен мученической кончиной. Жизнь во Христе и смерть на Кресте. Крепкая скала среди житейской бури, увенчанная гранитным крестом, стала его надгробным памятником-символом. Епископ Иннокентий в своем надгробном слове на могиле сказал, что «святая душа этого праведника приняла смерть

на земле за долг свой, что, верная ему, стяжала мученичество до последнего вздоха, до потоков крови, пролитых за преданность, твердость и мужество, коих требовал этот долг!». Называя Владимира Федоровича «рыцарем долга и чести», о. Константин был убежден, что «память о нем не должна изгладиться и в дальнейшем, в глубь времен по всей Святой Руси среди верных слуг Царя и Родины». Высоко оценивая его подвиг, о. Константин несомненно выразил мнение многих современников — как мирян, так и духовных лиц, в том числе причисленных ныне к лику святых, как, например, св. прав. Иоанна Кронштадтского, свмч. Серафима Чичагова, прот. Иоанна Восторгова, и, конечно, Царя-Мученика Николая Александровича, написав в своей книге пророческие слова: «К числу таких мужественных борцов за спасение Руси от гибели принадлежал незабвенный великий герой, мученик долга — Владимир Федорович фон-дер Лауниц, Санкт-Петербургский градоначальник, убитый злодеем 21 декабря 1906 года в Петербурге при освящении церкви в институте экспериментальной медицины. Снятие мученического венца В. Ф. Лауница, как и других страдальцев за Веру, Царя и Отечество, далеко, далеко в глубь дальнейших веков русской истории будет сиять небесными лучами среди непроглядного мрака лжи, обмана, предательства и измены при служении Родине. Их беззаветной преданностью своему долгу, их кровью куплено теперь спокойствие Родины от ужасов смуты. Современники не могут во всей полноте оценить всего величия их мученических страданий, их подвигов, недостаточно еще поймут все конечные плоды их тяжелых трудов. Только начали понимать. Но история все это поймет и оценит, но история возведет их на пьедестал величия героев, спасителей Отечества, ценой своей крови, своей жизни запечатлевших свой патриотизм. Они будут гордиться, их будут ставить в пример».

«Это был человек святой жизни...»

О Владимире Федоровиче несколько лет назад поведал мне его правник, наш друг, полковник Александр Николаевич Соколов. И даже подарил ксерокопию той самой уникальной книги, написанной в 1912 г. о. Константином Богоявленским, присланную его родственниками из Парижа. Многие годы потомки Владимира Федоровича занимались поиском документов и свидетельств современников, что было довольно трудно и даже опасно, потому что большевики постарались уничтожить все, что напоминало о фон-дер Лаунице, и пресекали малейший интерес к жизни патриотов, стоявших на страже Царского Трона. Теперь, по предложению Александра Николаевича, мы вместе стали готовить документы о фон-дер Лаунице для подачи в Комиссию по канонизации Московской Патриархии, а я загорелась желанием сама написать о нем книгу.

Но православному человеку без Бога ни до порога. В это лето у нас гостил схимонах с Афона Герасим, который впервые приехал в Россию и совершал паломничество по русским монастырям. Сам Герасим был келейником великого Афонского старца Максимуса до самой его кончины, которому являлся Пресвятая Богородица. Когда старец почил, при прощании с ним братья стали свидетелями, как лицо его просияло неземным светом. Мы просили Герасима возмолить у Иверской Божией Матери, Которую он сугубо почитал, возвращение Свято-Михайловской-Афонской пустыни, основанной почти сто пятьдесят лет назад в Адыгее после окончания Кавказской войны по Благоволию Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича на землях, пожертвованных казаками под ее строительство, и бывший крупнейшим православным форпостом на Северном Кавказе. Больше десяти лет казаки неустанно боролись за возвращение этого уникального монастыря, и все было безуспешно. Однажды Герасим сказал нам, что ему являлся Архистратиг Михаил, который открыл, что монастырь вскоре будет возвра-

шен. Так и произошло, правда, уже после его отъезда. Схимник глубоко проникся историей Владимира Федоровича, каждый день молился о помощи в нашей работе. Св. Царю-Мученику Николаю, я видела на его глазах слезы, когда он стоял на коленях пред иконой Святого Государя.

Накануне Святой Троицы вместе с Герасимом мы с мужем поехали за благословением к архимандриту Кириллу в Троице-Сергиеву Лавру. Благословляя нас на труды по Владимиру Федоровичу, старец сказал: «Сегодня это очень нужное дело, это был человек святой жизни, кто будет этим заниматься, тому многие грехи простятся, я буду о них молиться». Вскоре нам передали благословение ныне почившего прот. Николая (Гурьянова), который трижды перекрестил папку с документами о Владимире Федоровиче. Просили мы помощи у батюшки Серафима, Царя-Мученика, святого праведного Иоанна Кронштадтского, с которыми тесно была связана государственная и религиозная деятельность и даже, как с о. Иоанном Кронштадтским, еще и семейные отношения. И конечно, мы постоянно молитвенно обращались к Божией Матери. На Ее помощь я уповала особенно.

Однажды у меня была очень тяжелая жизненная ситуация, и на Успение я просила Небесную Заступницу открыть волю Божию, как мне разрешить личные проблемы. Сразу же после этого моя судьба кардинальным образом изменилась. В этот раз на праздник Успения я обратилась к Божией Матери за помощью в нашем общем деле. И вскоре Господь сподобил меня стать свидетелем чудесного явления, о котором хочу рассказать...

В ту поездку с Герасимом в Троице-Сергиеву Лавру мы приобрели насадку-кадилыню, которая устанавливается на лампадку. Эта насадка представляет собой миниатюрный треножник с блюдечком по центру размером примерно с пятирублевую монету. Я стала, когда работаю дома, в течение дня подкладывать туда ладан. В это утро мой муж перед уходом тщательно вычистил кадилыню от остатков сгоревшего ладана, я положила в нее сразу целую горстку благоуханных комочков, чтобы они подольше курились, и поставила на лампадку в гостиной, которая висит перед образом Божией Матери «Феодоровской». По краям, как предстоящие святые, находятся небольшие иконы святителя Николая Чудотворца, преподобных Сергия Радонежского и Серафима Саровского, святого праведного Иоанна Кронштадтского, святого Царя-Мученика Николая Александровича, а у нижнего края иконы портрет Владимира Федоровича. Помолилась, пошла работать в кабинет, а примерно часа в два сделала перерыв. Сижку-обедая и вдруг чувствую, что меня необъяснимо влечет к себе эта кадилыня: хочется взять в руки, заглянуть в нее, хотя я знала, что достаточно положила туда ладана. Желание было настолько сильным (я навсегда запомнила это состояние, когда, независимо от моей воли, невидимая сила буквально заставляла меня заглянуть в кадилыню), что я буквально сдерживала себя. Закончив обедать, я все же решила выяснить причину своего влечения.

Когда я взяла кадилыню в руки, то обратила внимание, что ладан уже почти весь растворился, и в середине мини-блюдечка пузырятся и сверкают синие капли, как это бывает, когда играет на солнце роса. Я очень удивилась такому явлению, раньше ничего подобного с ладаном не наблюдала. Этот ладан из Афонского Хиландарского монастыря — коробочка была уже початой — остался от нашего гостя-схимника, его я и положила в кадилыню.

Присмотревшись, я увидела, что в насадке-кадилыне переливаются не капли, а ярко-голубые камешки, непонятно как там оказавшиеся. Почувствовав волнение, стала очищать их от прилипшего ладана, еще не понимая, что же я вижу. А когда увиденное дошло до сознания, меня как горячей волной накрыло, жаром обдало лицо и сердце заколотилось силь-

но-сильно — не могу более точно передать состояние своего необъяснимого душевного трепета, того состояния, когда разум не способен воспринять то, что видят глаза, — в руках я держала металлический натальный крестик, усыпанный ярко-голубыми, сверкавшими камешками! Если бы это случилось не со мной, наверное, я бы не поверила, что такое может быть. В моей жизни еще никогда не было чудесных явлений, я думала, что это Господь другим посылает, более духовным, более верующим, а я такого недостойная. И вдруг — совершенно невероятное: я держу в руках настоящий крестик, которого до этого в кадилыне не было и который я только что вынула собственными руками!

Крестик в высоту около 2 см, в перекладине — чуть меньше 1 см. Комочки ладана гораздо меньше, как он в них мог уместиться — мне непонятно. Сделан крестик из белого металла, унизан синне-голубыми камешками. По вертикали четыре камешка, по перекладине — три. Скорее всего, эти крошечные камешки из простого стекла, но под лучами солнца и при электрическом свете они, излучая сияние, переливаются, как драгоценные.

Первая мысль, что этот голубой крестик — Богородичный, тем более что произошло это необъяснимое явление накануне Отдания праздника Успения Пресвятой Богородицы, Которой мы несколько дней назад молились о помощи. Сразу же позвонила своему супругу, в это время он трудился в одном из московских монастырей. На него это известие тоже произвело сильное впечатление, и он заказал молебен Божией Матери. Я прочитала Акафист на Успение Божией Матери, целый день находилась в необычайно взволнованном настроении: как уразуметь произошедшее, что значит это чудо? У меня зародилась надежда, что крестик, возможно, связан с Владимиром Федоровичем, однако до конца не была уверена в своем предположении. Но мудрствовать не стала, уповаю на то, что со временем все откроется. Главное, быть в вере и жить по вере. Я надела крестик, впервые, наверное, по настоящему почувствовав, что окружающая нас жизнь имеет и другую реальность.

Прошло несколько дней, и история эта получила свое продолжение. Это было под Сретение Владимирской иконы Божией Матери, 7 сентября. Работа моя неустанно продолжалась, мне надо было посмотреть на компьютере, какие у нас имеются иллюстрации для книги о Владимире Федоровиче. Примерно за месяц до этого, еще «до крестика», просматривая в кабинете полку с книгами о батюшке Серафиме, я неожиданно обнаружила книгу «Святые Тамбовской Епархии», которой раньше никогда не видела в нашей домашней библиотеке. Когда мы ее приобрели, как она у нас появилась — сказать затрудняюсь, хотя совсем недавно, делая уборку, сама расставляла книги по полкам. Спросила у мужа, но он тоже не знает, как она у нас оказалась. Я приятно удивилась необычности этой находки: книга пришлась более чем кстати. В ней помешены старинные фотографии храмов и святых, на обложке напечатана икона Божией Матери «Тамбовская», но печать настолько блеклая, что изображение едва просматривается. Тогда я ее отсканировала на компьютере и до срока отложила. Теперь открыла «картинку» и стала рассматривать изображение.

Иконография напоминает «Иверскую», «Черниговскую», «Скоропослушницу», «Смоленскую», т. е. по типу «Одигитрии». Богородица изображена в образе Царицы Небесной, Главы Ее и Младенца Христа украшают венцы. Богомладенец находится на левой руке Богоматери, из-под Его хитона чуть-чуть видны стопочки ножек. В левой руке Он держит свернутый небольшой свиток, расположенный горизонтально. На полях иконы изображены двое предстоящих святых. Риза иконы, очевидно, позолоченная, вся, особенно венчик, изукрашена крупными драгоценными камнями, напоминающими

сапфиры, аквамарины или голубые бриллианты. На венце у Богородицы два крупных розовых камня, похожие на шпидели, рубины или турмалины. Такие же камни, но поменьше, на венце Богомладенца. Судя по тому, как она обрамлена драгоценностями, икона чтимая, возможно, чудотворная, которой молились об исцелении болящих. Полюбовавшись красотой ризы, я остановила свой взгляд на руке Богоматери, которой Она показывает на Младенца. И тут я вновь испытала такое же сильное потрясение, что и в прежний раз: на руке Божьей Матери стоял... «мой крестик», который благословлял Младенец Христос! Этот крестик, небольшой по размеру по отношению ко всей иконе, тоже, как и мой, состоял из камешков голубого цвета. Причем у чудесно обретенного крестика есть одна особенность: левое плечо перекладины чуть-чуть меньше правого. И на этой иконе точно так же! Не было сомнения, что обретенный крестик связан с этой иконой! И что самое главное, ведь это не какая-либо другая икона Божьей Матери, а именно «Тамбовская!» В довершение к этому, как потом рассказал мне Александр Николаевич, судя по найденным осколкам на месте погребения Владимира Федоровича, хрустальный гроб, который разбили комиссары при осквернении его могилы, тоже был такого же цвета... И тогда открылся смысл обретенного крестика — это чудо, конечно, связано с ним: ведь Владимир Федорович был Тамбовским губернатором, родился и похоронен на Тамбовской земле, и главное, здесь совершил свой немеркнущий церковный подвиг в деле прославления батюшки Серафима.

Но чудесная история на этом не кончается. Через несколько дней у нас в гостях был игумен Митрофан (Лаврентьев). «Это не случайный факт, а милость Божия, — отозвался он о произошедшем, — об этом говорит ряд последовательных событий: крест не только явлен, но и обретен. Это чудо из чудес!» О. Митрофан позвал нас навестить его духовного отца, девяностолетнего старца — схииеромандрита Алексея (Благовещенского), который в это время находился в госпитале в Голицыне: из-за начавшейся гангрены ему ампутировали вторую ногу. Несмотря на то, что перенесенную операцию и, наверное, сильные боли, глаза у старца буквально сияли, он встретил нас радостно, разговаривал с нами приветливо, заинтересованно, сказал, к нашему удивлению, что знал, что мы придем, и давно нас ждал. Не догадываясь о его страданиях, рассказывали батюшке про Владимира Федоровича, про обретенные книгу и крестик, оставили на молитвенную память его портрет. С этим портретом, который старец положил себе на грудь, он сфотографировался. Я сняла с себя крестик и передала о. Алексею. «Что значит этот крестик?», — спросила я у старца. «Матерь Божия будет помогать, крестом поддерживать вас», — сказал он. «А что мне с ним делать, носить или куда-либо отдать?» — «Носи», — коротко ответил он и благословил меня чудесным крестиком. Уже позднее, сколько раз за эти годы, когда бывало особенно трудно: не было денег продолжать работу над книгой, предавали самые близкие люди и обманывали товарищи, подводило здоровье и по малодушию хотелось от всего отказаться, — вдруг вспоминала это едва слышное, короткое батюшкино «носи» — неси крест, несмотря ни на что. И я сразу же чувствовала на себе этот маленький крестик, сознавая, почему батюшка так велел, — ведь его Сама Божия Матерь дала! Я чувствовала его и тогда, когда неожиданно-негаданно приходила помощь и поддержка от людей, казалось бы, совсем посторонних и далеко не богатых, вспоминая слова старца: «Матерь Божия будет помогать, крестом поддерживать вас». В ту встречу он сказал нам, что Владимир Федорович святой, инкозательно дал понять, где покоятся его мощи, которые со временем сами откроются.

Говорили мы с ним долго и задавали вопросы, которые нас особенно волновали. Спрашивали, в чем причина нынешней

катастрофы нашего государства, почему такое тяжелое положение русского народа, подвергнутого откровенному геноциду собственной властью, спрашивали о будущем России, о Монархии, возродится ли казачество. Отвечал старец просто и ясно, сказал, что виноваты во всем наше безверие, дьявол и евреи... А я вспомнила, что Владимир Федорович также считал это основными угрозами для Русской Державы. Придавая первостепенное значение образованию крестьянских детей, он тратил на эти нужды не только бюджетные средства, но и свои личные деньги, считая, что русский народ обязательно должен знать свою православную веру. Говоря о будущем, старец сказал, что пройдет четыре стадин, — возможно, имея в виду президентское правление, — в России будет все тяжелее и тяжелее, но потом придет Царь, а казачество обязательно подымется... И его ответы надеждой легли на душу. На прошение схииеромандрит Алексей трижды нас всех перекрестил, благословил собирать материалы для канонизации Владимира Федоровича и работу над книгой. Он назначил нам встречу на ближайшее воскресенье, сказав, что в схиме будет ждать нас в храме. Через две, в субботу 7 октября, поздно вечером нам сообщили, что батюшка несколько часов назад скорпостижно скончался. Как потом оказалось, мы с ним виделись за сорок часов до его кончины.

Знаменательно, что о. Алексей по матери был племянником митрополита Антония (Храповицкого), который в 1906 году, тогда еще в сане архиепископа, будучи членом Госсовета, находился в С.-Петербурге и, возможно, был знаком с Владимиром Федоровичем. Сам старец прожил мученическую жизнь, страдал за Христа: «за фамилию» он перенес десять лет ссылки и лагерей, был на Соловках, несколько раз его водили на расстрел, оставляли в лесу на сильном морозе, обрекая на смерть. Но Бог его берег, он выжил, чтобы, пройдя через смертельные искусы, свидетельствовать о тех страшных годах ленинско-сталинских репрессий, ставших многомиллионной Русской Голгофой, и быть нам, переживающим нынешнюю Голгофу, добрым пастырем. Последние годы батюшка тяжело скорбел плотью, но был светлой души и сильным духом, очень теплое, любвеобильное и кропоткое у него было сердце. Во время отпевания малые дети чувствовали благоухание, которое от него исходило, и немешыленные младенцы сами тянулись губочками ко кресту на куколке, покрывавшем его лицо. Когда его гроб выносили из церкви, — это было 8 октября, в воскресенье, в день преставления преподобного Сергия Радонезского, все, кто провожал батюшку, увидели над храмом святителя Николая Чудотворца в Голицыне два солнца: одно большое, настоящее, а другое поменьше, которое стояло примерно полчасика и вокруг него играло кольцо радуги. Он действительно в этот день «был в схиме и ждал нас в храме», он пригласил нас на свои похороны. Осталась у нас фотография, где батюшка в одной руке держит икону святых Царственных Мучеников (еще до прославления ему являлся Царевич Алексей, который предсказал это грядущее событие причисления Царской Семьи к лику святых), и благословил его принять схиму с его именем), а в другой наш Богородичный крестик. Для нас это является священническим свидетельством истинности чудесных событий. Царство тебе небесное, добрый Старче!

В цепи чудесных событий, связанных с именем Владимира Федоровича, мы воспринимаем сейчас и следующий факт, который произошел в самом начале нашей работы. Одна из его внучек по матери, которая маленькой девочкой, во время Великой Отечественной Войны, была угнана немцами из России и теперь проживает в Париже, в тот приезд в Россию, — как раз в те дни, когда были поданы документы в Комиссию по канонизации, — побывав в Харькове, откуда была родом ее бабушка Мария Александровна и где она сама родилась, неожиданно для себя узнала свою настоящую фамилию. Ее от-

ца «за фамилию» репрессировали, а потом, когда выпустили, любящие их люди помогли ее сменить, чтобы не пострадала семья. Но кто-то донес, и его в 1937 году расстреляли, когда ей было всего три года. Так она, не ведая того, прожила жизнь под вымышленной фамилией и только теперь узнала настоящую. Необычность этого факта заключается еще и в том, что ее настоящая фамилия оказалась и фамилией моего супруга, предков которого тоже репрессировали «за фамилию», и они почти все погибли в концлагерях. И в этой «нашей» родственности во Владимире Федоровиче тоже видится знак: откуда мы родом, наследниками какой трагической эпохи мы являемся, какие героические предки нас объединяют. «За фамилию», как я уже сказала, был репрессирован и схиархимандрит Алексей (Благовещенский). Старший из сыновей фон-дер Лаунница, Владимир Владимирович, 2 января 1918 г. лубянский трибуналом, тоже «за фамилию», был приговорен «как участник монархического заговора к ссылке в концлагерь до окончания гражданской войны», где бесследно пропал, как и многие сыны Великой России. В харьковской тюрьме мученически погибла Мария Александровна, супруга Владимира Федоровича, урожденная княжна Трубецкая, находилась в тюрьме их старшая дочь Емилия. Тюремь и лагеря подвергли все, кто носил фамилию фон-дер Лаунци.

Сначала неожиданное открытие «своей фамилии», затем оказалась под рукой неведомая ранее книга, через которую была явлена икона Божией Матери «Тамбовская», встреча со старцем о. Алексием накануне его кончины, и самое главное чудо — Богородичный крестик, «сошедший» с иконы, — все это теперь воспринимается в одной сакральной связи как несомненное свидетельство святости Владимира Федоровича, который своим служением Христу до смерти соединял и укреплял нас, ревнителей его памяти. Но все эти чудесные события носят не частный характер, в них выражена Божия воля всем нам, ныне живущим, — сбросить завесу беспаматства, встать под знамена наших христоролюбивых воинов, вновь стать Россией, угодной Богу.

«Любите други своя, родную веру, родного Царя, родную страну!»

Каждое время рождает свой тип подвижничества. Сам Господь открывает такого святого, который особенно сейчас нужен народу. Одни дают пример нравственной стойкости пред греховными соблазнами мира сего, другие — смирения, непрестанной молитвы и служения страждущим; одни исцеляют, другие учат терпеть невзгоды; третьи помогают на поле брани отражать врагов Отечества... Каждый подвижник имеет свою особую духовную доминанту. Владимир Федорович вошел в себя многое, присущее истинному христианину. Прекрасный семьянин, живший по высоким нравственным законам, одаренный благородной душой и добрым, отзывчивым сердцем для всех, кто нуждался в его помощи, снискавший беспримерную любовь к себе самых обездоленных и заблудших; наделенный неограниченной волей и сильным характером в исполнении присяги на верность Престолу и России, обладавший неутомимой энергией и глубоким, государственным умом, убежденный монархист-патриот, беззаветно любящий свою Родину; бесстрашный христоролюбивый воин, который до крови усвоил духовную науку побеждать, — таким был Свист Его Императорского Величества, Санкт-Петербургский Градоначальник, генерал-майор Владимир Федорович фон-дер Лаунци.

Сегодня, когда русский народ, коварно лишенный своего законного Православного Царя, уже более 80 лет устранил от управления созданным им государством... когда правящей кликой он цинично и открыто подвергается ограблению, а наши национальные сокровища безнаказанно присваиваются теми, кто их не собирал... когда русские стали изгоями в соб-

ственной стране и, обреченные на вымирание по миллиону душ в год, низводятся до положения безправных рабов... когда пришлыми агарянами-окупантами, с попустительства власти, нагло попирается наше национальное достоинство и всеми вместе врагами России предаются на поругание наши культурные и религиозные святыни... когда Православная Церковь уравнивается с сатанинскими сектами, и не только в центре Москвы — Третьем Риме, а даже в самом Кремле, где покоятся мощи святых угодников, душу свою положивших за Веру и Отечество, зажигается иудейская минора и чуть ли не на святых гробах устраивается шабаш, богомерзкое капище... нам жизненно необходимыми подвижники, которые угодили Богу на государственном поприще! И они есть, есть кого писать на боевых хорулгах! В нашу лихую годину, когда, по горькому слову святого Царя-Мученика Николая Александровича, «кругом измены, и трусости, и обман», мы должны сделать все, чтобы вернуть из забвения лучших сынов России, воплотивших своим земным бытием наши православные идеалы. Русскому народу необходимо прозреть и понять, какие мужи, обреченные властью, должны вести корабль Российского Государства. Чтобы встать с колен, чтобы кончилось время нашего национального позора, чтобы спасти Русский народ от уничтожения и вновь сделать великой Русскую Державу, нам необходимо усвоить заветы наших боголюбивых предков — монархистов-государственников. «Единственное средство для борьбы с кровавой вакханалией — это непреклонная стойкость тех, кто служит Родине, — слышится голос Владимира Федоровича. — Убьют меня, на мое место явится другой, которому я желаю одного: обладать тем же чувством непоколебимого долга». И это непоколебимое чувство долга перед Помазанником Божиим и Россией он подтвердил святостью своего подвига, не устрашившись в смутную годину с готовностью принять крест служения Царю и Отечеству. Да, нам сегодня нужны такие вожди, которые вслед за русским болярином Владимиром смогли бы безбоязненно бросить клич своему народу: «Велик Бог земли Русской! Крепко стойте, православные, за Веру Святую, за Родину-Матушку, за Царя-Батюшку!».

Целым рядом чудесных событий, в которых переплелось время ушедшее и нынешнее, явлением Своего Креста, который предлагает нам понести Богородица, Господь выявил Свою волю — мы должны защитить нашу любимую Родину. И эту волю Божию подтвердили нам старцы-подвижники, дав благословение вернуть из забвения имя русского героя. «Многие грехи простятся», — по слову о. Кирилла, — если мы станем крепкой дружиной под началом негибаемых христоролюбивых вождей, святых угодников Божиих. «Благословляю верных русских людей, поднимающихся на защиту Веры, Царя и Отечества, — призывал наших предков в дни оккупации России и великой государственной смуты Святитель Гермоген, Патриарх Московский и всея Руси, — и проклинаю вас, изменники!». У нас такие же сегодня времена, и святой пастырь обращается и к нам, своему народу. К этой же духовной брани призывает нас и «борец-мученик за Святую Русь Владимир Федорович фон-дер Лаунци». По какую сторону мы окажемся, услышим ли призыв, сможем собраться духом?

Да поможет нам Бог преодолеть малодушную теплехланность и сотворит из нас бесстрашных христовых воинов, каким был до конца своей жизни русский монархист-патриот боярин Владимир. От этого зависит начало нашего освобождения или скорый, бесслынный конец. Нам пора сделать выбор. Если такие, как Владимир Федорович, будут востребованы русским народом, то мы обязательно победим наших врагов — и внутренних, и внешних. И тогда Господь подарит нам самое великое чудо — очистит от мерзости запустения Святую Русь, даст нам православного Царя, вновь сделает нашу любимую Родину могучей и свободной! Аминь.

Валентина СОЛОГУБ

«ВЫТКУ КРАСНО СЛОВО»

О поэзии Инэль Яшиной

В 1974 году в Архангельске вышел первый сборник — «Гремячий ключ» — молодой поэтессы Инэль Яшиной, приехавшей на Русский Север с берегов Волги. За прошедшие четверть века ее имя прочно вошло в число наиболее заметных явлений поэзии поморского края. В домашних библиотеках многих северян бережно хранятся стихотворные сборники Яшиной «Чистые глубины», «Жёнки», «Любовь моя — печальница», «Вечная завязь», а вышедшая в 2001 году книга стихов «Отметины» была удостоена сразу двух премий — областной имени Николая Рубцова и Всероссийской имени Федора Абрамова.

Хорошие поэты и прозаики, живущие в провинции, как правило, не обделены вниманием читателя, может быть, земляки даже лучше знают, больше ценят и любят их, чем столичные автор. В то же время их творчество редко — гораздо реже, чем оно того заслуживает, — привлекает к себе внимание литературных критиков всероссийского уровня. Это вполне понятно и объяснимо, но от этого не менее досадно — не только потому, что обрекает самих авторов на существование в рамках региональной литературы, но и потому, что обедняет общее представление о литературном процессе эпохи. Что касается поэтов, живущих в Архангельской области, то всероссийский читатель в какой-то степени знаком с творчеством таких замечательных лириков, как Александр Росков, Александр Логинов, Елена Кузьмина, стихи которых публикуются в столичных журналах и сборниках. Но хотелось бы, чтобы к этим именам добавились и дорогие северянам имя Инэль Яшиной.

При всей своей яркой индивидуальности лирическая героиня Яшиной узнаваема. Узнаваема в той мере, в какой ей присущи изначально свойственные русской женщине черты. Это одно из воплощений национального характера, а именно то, в котором отчетливо прослеживается волево-деятельное начало. Она скорее активна, чем пассивна, скорее склонна быть беспощадной к себе, чем жалующейся и стремящейся вызвать у других жалость к себе. Ей не свойственно утешать себя самообманом, скорее, напротив, она будет принимать правду, какой бы горькой та ни была, принимать — и действовать, «надежды нити разом отсекая» («Раз любовь на плаху положили, И сама подам тебе топор»). Она не позволяет себе плакать, кричать от невинимой душевной муки, но эта мука бывает так велика, что прорывается рыданием ветра:

*Нет ни любви, ни сострадания.
И стынет дом в молчанье горьком.
Мой голос вымучил рыданье,
Но я руками сжала горло!*

*Рыданье жалось и умолкло.
Но вскрикнул ветер за окошком.*

*Он выл отчаянно и долго.
О чем?
Наверное, о том же.*

Эта женщина, которой так часто приходится слышать о себе, что она сильная, и которой так хочется, чтобы кто-то избавил ее от необходимости быть сильной, от этого креста, который она несет всю жизнь. Именно таких, как лирическая героиня поэзии Инэль Яшиной, судьба снова и снова «пробует на излом»:

*Что проку нежности канючьей?
Не оживить упавший лист.
Мне про друзей, похожий случай
Слюнявил тетеном соист.
В моей любви не быть усадям,
Как драгоценнейший сосуд,
Наполненный целебным лдом,
Я через жизнь ее несусь.
Случится — всмерть тоска замучит,
В исках пронзительней звеня, —
Не отыскать лекарства лучше
От черного, лихого дня.
Я отпую отпуду малость
И справлюсь с немочью одна.
Как много там еще осталось:
За жизнь не выпить мне до дна!*

Действенность, активность лирической героини Яшиной, как мне кажется, ярче всего проявилась даже не в любовной лирике, а в небольшой пейзажной зарисовке, где желание «помочь» весне, поторопить саму природу выливается в бесхитростные и такие «яшинские» строки:

*На косогоре стоял наст,
Земля вздохнула так радостно!
Пойду последний снежный пласт
Перекидаю за ограду.*

Поэтессе удается и то, что в лирической поэзии встречается не так уж часто: создавать запоминающиеся образы-характеры других людей, рисовать выразительные жанровые сценки, когда в нескольких строках раскрываются личность человека, строй его души, рисуются драматические жизненные ситуации («В бане», «Богородица», «Расплата», «Митрошихина проповедь», «Бабушки», «Голубое платье» и др.). Яшиной интересны яркие национальные характеры, интересны людские судьбы, и она умеет лаконично и выразительно рассказать о них. Часто в этих стихах звучат монологи персонажей, насыщающие повествование живой и выразительной народной речью. Поэтесса так естественно и органично влетает в ткань стиха «причесанное» просторечное и диалектное слово, что оно начинает играть всеми своими гранями, не разрушая общую поэтичность стихотворения, а напротив, усиливая ее.

Инэль Яшиной изначально свойственны открытость, распахнутость миру, неравнодушие ко всему, что происходит в родной стране. Не случайно назвала она свой последний сборник «Отметины»: в этой книге, как подчеркивается в аннотации, «каждое стихотворение — как шрам, рана или зарубка в памяти сердца, способного горячо и преданно любить, способного вместить «все людские радости и беды». С болью и горечью говорит поэтесса о раздирающих великую Россию междоусобицах, предвзята стихотворение с символическим названием «Серый снег» эпиграфом из Ломоносова: «Ох, Россияне! Пошто друг друга яко волки пожираемо!»

Или — в другом стихотворении, датированном 1999 годом и посвященном памяти жертв Буйнаксса, Москвы, Волгодонска:

С годами все отчетливей и громче звучит в поэзии Инэль Яшиной мотив памяти — и личной, и общенародной. Она вспоминает детство, пришедшее на годы войны, родную Волгу, маму, шитую из лоскутков кукулу, кормилцу-корову Малинку, землячков, ставших родными, сплотившимися перед лицом общей беды; пишет и об удивших от нас Николае Рубцове и Федоре Абрамове, о многих людях, с которыми сводила ее судьба, о тех краях, где удалось побывать, о первой любви, навсегда оставшейся в сердце... Эта память — свидетельство пришедшей с годами мудрости — воспринимается как клятва на верность роду, народу, родине:

*Все проходит —
рады и беды.
И теперь,
За давностью времен,
Все, чем жили дедов наших деды,
Мы как твердь земли осознаем.*

Инэль Яшина ощущает и воспринимает жизнь во всей ее полноте. И умеет радоваться всем ее подаркам, главным из которых — сама жизнь:

*Хотела неть о радости,
но грусти
Отпущено без меры на веку.
Гудят в крови языческие гусли,
Вплетают боль в певучую строку.*

*Ну а случится,
толку отпустит
Земного счастья небо для меня —
Звенят в крови языческие гусли.
Так вдохновенно, радостно звенят!*

Широте тематического и эмоционального диапазона соответствует и богатство образных средств лирики Яшиной. У нее очень хоро-

ший слух, и оттого в ее стихах так много звуковых образов и они так выразительны и ярки. Чаще всего это сильные, насыщенные, звонкие, буквально звенящие образы, которые порой становятся основой стихотворения, его не только звуковой, но и смысловой доминантой. Так, например, строится стихотворение «Ни в дому, ни в поле...», не случайно ставшее песней. Кроме колокольных грав, дождика, сердца, эха, в ее лирике и людские перемены «звенят во все колокола», и «звенят капли переувонцы», и «трезвонит дождь по крыше»; и о себе лирическая героиня говорит: «Я — валдайский литой бубенец». Эти звукообразы создают особый ритмико-мелодический строй ее лирики, основой которого становится заклинательность. Само звучание слова, звуковой строй стихов — чаще всего энергичный, экспрессивный, вызывающий ассоциации с сильными, чистым, ритмичным звуком — становится важнейшим содержательным элементом поэзии, обеспечивает ее лаконизм, эмоциональную насыщенность.

И еще одна — на мой взгляд, едва ли не самая ценная — черта ее поэзии также и обусловлена особым складом души лирической героини, и находится в неразрывном единстве с остальными свойствами лирики этой поэтессы. Я имею в виду редкое умение, обнаруживающееся в лучших стихах Яшиной, почти отказываться от каких-либо собственно поэтических «украшений» и предлагать читателю открытое, прямое слово — часто разговорное, даже просторечное, но в контексте лирики преобразующееся, получающее высокий поэтический заряд. Есть какое-то особое бесстрашие в том, что поэт обращается к такому неукрашенному, «голому» слову и претворяет его в слово поэтическое. В этом — и доверчивая открытость, беззащитность поэта, и его особая сила, потому что, может быть, это самое большое чудо поэзии, ее главная тайна — умение превращать обыденную речь в поэтическое Слово.

Близка Яшиной и поэтика русского фольклора. Ей не нужно прибегать к стилизации: традиции песенной народной лирики — родные для поэтессы традиции, и они получают в ее стихах органическое развитие.

Не удивительно, что многие стихотворения Инэль Яшиной положены на музыку, стали песнями.

В стихотворении, посвященном самому поэтическому творчеству, — «Красно слово» — как в фокусе сошлись все особенности яшинской лирики: и потребность делать, действовать — до конца, до предела, каким бы мучительно трудным ни было это делание; и эстетический аскетизм, стремление к лаконичности; и удивительный слух, позволяющий создавать насыщенные смыслом звукообразы; и сжатая до сгустка энергия, экспрессивность:

*Расшатались кросны,
Вкось идет основа.
До чего непросто
Выткать красно слово!*

*Закрепила кросны,
Выворнялась нитка.
А на сердце — слезно,
Как же слово выткать?*

*Чтоб гляделось разное,
Понималось просто.
Вытку слово красно,
Доломаю кросны.*

Елена ГАЛИМОВА

Аннотация

ПОУДИВИЛА БАБУШКА НАРОД

Прожили вместе больше полувека.

Коль лодка — жизнь,
они — что два весла.

Шипело Зло: «Живет с полчеловеком,
Без ног с войны супруга привезла».

А Доброта залечивала раны:

«В руках вся сила,
в сердце все тепло».

Ни злым его не видела, ни пьяным,

И тридцать лет незнатко* утекло.

Сама-то столько много поболела,

А помереть — ему пришел черед.

На тот же день, обмыв родное тело,

Понудила бабушка народ:

Послала в город деньги телеграфом,

Весь вклад сняла, не суетиться чтоб.

И привезли,

что князю или графу,

Под белой краской с позолотой гроб.

Вилась по крышке листья винограда,

Качала кисти чудо-бахрома.

Рядили: «Это вымудрите же надо!»

Судили: «Бабка спятила с ума!»

Как уложили дед в домовину,

Простила всяма, кто чем был виноват, —

Шепнула бабка младшенькому сыну:

«Плоха-а приметя — гроб великоват:

Кого-то, слышь, туда поманит батя.

Видать, собирать надо мне, сынок.

Помру — одень в коричневое платье,

Да послабей завязывая платок».

Потом родня ругала суеверь:

Мол, ящик ладить для безногих —

смех!

Но только крышку вынесли за двери,

Как снова бабка удивила всех:

На шаткую присела табуретку,

Потом сняла удушливый платок,

Припала к мужу, обхватила крепко

Да и дохнула

только лишь разок.

ОЗЯБШАЯ ДУША

Памяти Николая Рубцова

Как будто боясь простудиться,
Шарфом прикрывая лицо,
Нахохленной странной птицей
Сидел в отдаленье Рубцов.

Судьба его книги решалась.
Редактор прищурил глаза,
И реплик точеные жала
Он в сердце поэта вонзал.

К ударам притерпится тело,
Но душу приучишь едва ль!
А рукопись быстро «худела»
И стала брошюрой. А жаль!

*Незнатко — незаметно.

Как пламенно верное слово,
Хоть сам — как озябший птенец.
Судьба Николаю Рубцову
Терновый надела венец.

По сердцу и норову жаркий,
Всегда, как на стылом бугре,
Все кутался, кутался в шарфик,
Нигде он души не согрел...

А песня израненной птицей,
Как ни было б ей тяжело,
Все в души людские стучится,
Все тверже встает на крыло!

МАТРЕНА

Жила у нас тетка Матрена,
И мы под командой ее
Варили обед немудреный,
Стырили в корыте бельё.

Она говорила — что пела.
А мы, детвора, дурачье,
Смелись, как в дело — не в дело
Звучало Матренино «чѐ»:

«Шла овча
Мимо Кожловча*,
Да как шлепнетча,
Перевернетча!
С той самой поры
И не ягнетча**...»

За присказкой шла прибаутка,
За ними — частушек мешок.
Дивилась: «Распочали*** утро,
А уповод****, ну-ка, прошел!»

Загадка, стишок, нескладушка...
Потом посулит на бегу:
«Я ска зку запрячу в подушку,
До завтрева там сберегу».

А завтра забудет про это,
Бегом погоняют дела,
Заводит: «...стояли кареты,
Там пышная свадьба была».

Так «дева тоскливо взирала»
И «слезы струила из глаз»,
Что громко и целой оравой
Реветь принимались мы враз...

Матрене теперь — девяносто.
Из давних припомнилось лет:
«Помру я легонько и просто,
До рая купила билет...»

ДОВЕСОК

Сбираюсь в очередь за хлебом,
Платком увяжут —
и бегу.
А фиолетовое небо
Лежит на мартовском снегу.

Дед Сиволотыч хмуро скажет,
Свою поглаживая плешь:
«Смотри же, Боженька накажет,
Коли в пути довесок съешь».

Соображай, сама большая!®
И я шагаю за порог.
Какой он жадный, я решаю,
Какой он злоущий, дедов Бог!

Все видит, слышит, все он знает,
И вездесущ, во всех домах.
Уж вся в него, такая злая,
Нам эта выпала зима!

И в злое, сумрачное утро,
Как в сизом пепле уголек,
Толпою серою окутан,
Окошком светится ларек.

— А кто последний? —
тоньше писка
Озябший голос прозвенел.
Давали хлеб по твердым спискам,
На всю семью отпускают мне.

А что толпа? Ползет змеєю.
Ползет, вокруг ларька кружа.
И длинный хвост уже за мною
Стоит, от холода дрожа.

Знакомых много, все знакомы:
Васянька, Лелька, Гена-кнут.
Мы все попутчики до дома,
И все, как я, довеска ждут.

Мы сколько раз —
девчонки, парни —
Всегда голодная гурьба,
К районной бегали пекарне,
Как попевали там хлеба.

Войной приученные дети,
Случалось, ждем часов до двух,
И, забывая все на свете,
Вдыхаем тот волшебный дух!

Дошел черед. Качнула гири
Буханка, черные бока.
Хоть килограмма на четыре,
Но недовешена пока.
Схватились крепко интересы!

*Козловец — деревня на р. Ветлуге.
**Ягнетча (ягнится) — рождает (об овце).
***Распочали — начали.
****Уповод — полдня.

Качались чашки.
Наконец,
Мой долгожданный,
мой довесок
Кидает сверху продавец!

Пускай накажет Бог, решила,
Я не страшилась кар любых,
До дурноты, до дрожи в жилах
Довесок этот нужен был!

Жевала долго, с наслаждением,
По крошке вкладывала в рот...
Любой пирог на дне рожденья
С довеском вровень не идет!

Но словно жар охватит резко,
Коль память высветит вопрос:
«Что, дочка, не было довеска?»
И стыдно,
горестно до слез.

КУКЛА КЛАРА

(из маминих рассказов)

— В дни войны игрушек не бывало,
Но игла не выпадет из рук,
Старенький кусочек одеяла
Обошьо, бывало-ка, вокруг
Лоскутком.

Личико пришью из тряпки белой,
Вышью глазки, носик и роток,
Волосы прилажу из кудели
И цветной надену ей платок —
Вот и кукла!

Лоскутки для кукол собирала
Вся родня охотно, мал и стар.
Имя им одно давалось — Клара.
Сколько я их сшила, этих Клар!
И что за имя?

Любопытна дочка непомерно.
Нету Клары, — знаю, что хитрит!
Уж опять проверила, наверно,
Что у Клары сложено внутри —
Хирургом будет, что ли?

Куколку распоротую жалко.
Жаль и дочь, глупа еще, мала.
И решили вместе сделать Кларку.
Эта кукла долго прожила:
Дочка сама набивала.

ОДА КАРТОФЕЛЬНЫМ ПЕЧЁНКАМ

Привечал нас в минуту редкую
Добрый юноша Константин.
Жил он рядышком с нашим дедкою
И в дому управлял один.

...На поддоне буржуйка греется,
Ножи черные враскоряк.
— Проходите к печурке, девицы,
Вишь, полешки-то как горят!

Из подполья картошка вынута,
Нагочены ножи допрежь.
— Эй, орава, картошка вымыта,
На кружочки ее порежь!

Мы золою и ржой не брезгали,
Наедимся печёнок властью!
Торопились картошку, резвые,
На буржуйкину спину класть.

— Горячо не бывает сыро-то! —
Чуть оплавят кружки бока —
Налетай! Набирайся силы-то,
Покухарю за вас пока.

Налетали! Жевали хрумкая.
Как у голода рот широк!..
Подрастали ребята хрупкие,
Пропадали в дали дорог.

Глянешь в душу — одни отметины!
Как ты, светлый наш человек?
На письмо мое не ответили.
Видно, Костю домаял век.

НЕТИ

*Памяти жертв Буйнакская,
Москвы, Волгодонска*

Напрасно ждать, что станет лучше
Родной стране: она больна!
В России тяжко и ползуче
Идет гражданская война.

Сегодня вновь наступит полночь
И бессловесный грянет гимн.
А вдруг оплаченная сволочь
Шарахнет бомбой вместе с ним?

Орел, на долларе распятый,

Российским может стать гербом.
В боях погибшие ребята
Немного ведали о том.

Но с тех, кто много мог и ведал,
Не смеет Родина вины!
В гражданских войнах нет победы —
Одно бесславие страны!

Неспешно тактику отыщут
Тяжеловесные штабы.
Пока же — доллары тыщи
Крушат молоденькие лбы.

Пока страну правят НЕТИ,
Немыслим праведный рассвет,
В них НЕТ ни совести, ни чести,
И чувства родины в них НЕТ!

И Бога в душах НЕТ у НЕТЕЙ,
Их жаден взор и лжива речь.
Людская кровь — дешевле нефти.
И той, и этой — течь и течь.
Сентябрь 1999 г.

Влюбилась глупо,
скажем прямо.
Когда —
не ведала сама.
Как оставаться умной, мама,
Когда люблю я
без ума?

Не ты ли бабкину подушку
Сушила,
мокрую от слез,
Когда тебя, мою хохлушку,
В невестки сын-вольтарь привез?

Какие тяготы осиял,
Ни в грош не ставя кров и скарб,
Пол-Украины и России
Тебя пронес он на руках?

И от ума ли это, мама,
У вас не полилась сума?
Я вся в отца: вольна, упряма
И уж люблю —
так без ума!

Любовь моя, что горлинка, крылата.
Видать, навек единая дана.
Кричу-зову —
не думает обратно,
Все за тобою следует она.

Низин, высот, удач и бед, мой путник,
Оставил ты без счета позади.
Дорос до крыши яблоневый пруттик,
Который ты, прощаясь, посадил.

Опять вернулись бойкие сороки,
Им, видно, чувство родины дано.
В каком краю теперь торнишь дороги,
Что до тебя протоптаны давно?

Для С. И. Шуртакова, нашего заслуженного писателя, война закончилась в сентябре 1945 года... Или не закончилась, пока не был поставлен на его родине памятник нашим товарищам-односельцам. Его речь на открытии памятника мы публикуем в журнале.

С. ШУРТАКОВ

«Вам — все это, живые...»

Многим из вас, пришедших на этот праздник, наверное, известно, что одна из моих книг — роман «Одоловье-трава» была в свое время удостоена Государственной премии РСФСР. Премия тогда носила имя нашего великого земляка Максима Горького.

При вручении премии — а это было в Доме правительства — Белом, как его называли, еще не закопченном, не расстрелянном из танковых пушек, — мне было предоставлено слово. Оно было коротким, и я могу пересказать его целиком.

Я сказал, что рад награждению моего литературного труда такой высокой, иначе бы сказали бы, престижной наградой. А еще я вдвойне рад и горд, что премия носит имя моего знаменитого, известного всему миру земляка; я по рождению тоже нижегородец. Я также и участник Великой Отечественной войны. И хотел бы отдать свою премию на то, чтобы в моем родном селе Кузьминке, что под славным городом Сергачом на юге Нижегородской земли, была установлена памятная доска с именами тех моих односельцев, которые ушли на фронт и не вернулись.

На состоявшемся после официальной части банкете ко мне подходили многие, ранее известные разве что по фотографиям художники, артисты, музыканты, поздравляли с приятным мной патристическим, как они говорили, решением. Все было прекрасно. Но на этом прекрасное и кончилось. Деньги были переведены в колхоз «Друг рабочего». И те, кто из вас знал и помнит прежнего председателя колхоза Сада Егоровича Кабенкова, тоже участника Великой Отечественной войны, может представить, какая бы работа закипела по превращению полученных денег в памятник. Но Сада уже не было, и работа, увы, не закипела. Построение мемориала не началось.

Зато началась, закипела так называемая перестройка. Почему, спросите вы, так называемая? Да потому, что никто

ничего не собирался перестраивать: словечко это оказалось условным, кодовым обозначением разгрома нашей великой державы.

Деньги в одночасье обесценились, что называется, сгорели. Цены вздернулись до космических высот. Установка памятника стала стоить не менее 50 миллионов. Где и откуда их взять? Богатейшее в мире государство наше разом нищенски обеднело. До памятников ли тут, когда по полгода, а то и по году не платилась зарплата шахтерам, врачам и учителям! Правда, небольшая кучка хватких людей, завладевших народным достоянием, при такой всеобщей бедности ухитрялась за год удваивать свои миллиарды, а для какого-нибудь Абрамовича ничего не стоило взять да и купить английский футбольный клуб.

Уповать приходилось лишь на то, что еще не перевелись на Руси честные, совестливые люди, истинные патриоты Отечества. Именно они откликнулись на наш призыв и приняли близкое участие в сооружении памятника, который вы видите. И мне бы хотелось, чтобы их имена здесь прозвучали и вы их запомнили.

Это, если по алфавиту, Анатолий Сергеевич Алексеев, с которым мы знакомы еще с тех давних времен, когда он учился в Будапеште, в тамошнем университете, а я оказался в Венгрии в творческой командировке и наше посольство дало его мне в качестве переводчика. Теперь же, узнав о сооружении мемориала, Анатолий Сергеевич из своих, не таких уж великих доходов выкроил значительную сумму.

Горячо, близко к сердцу принял беспроблемно затянувшую историю и председатель областного Совета ветеранов Великой Отечественной войны Юрий Емельянович Кирилук. Это при его активном содействии нам удалось, по-нынешнему выражаясь, выйти на генерального директора военно-ритуальной компании Виктора Юрьевича Кочетова, которым и была выполнена самая трудоемкая и тонкая работа — выбиты имена не вернувшихся с войны кузьминцев на мраморных плитах. Всем им мой низкий поклон. И в заключение мне остается сказать, что многое, очень многое в сооружении памятника зависело от районной администрации. Ни один — ни вчерашний, ни позавчерашний — глава не проявил никакого не то что энтузиазма, а даже интереса, когда я заводил с ним разговор об этом. И только нынешний — Николай Михайлович Субботин сказал: постараемся сделать. Непосредственное исполнение этой простой задачи было поручено главному строителю в масштабе Сергачского района Анатолию Ильичу Андрианову. И, как мы видим, слово стало делом, за что им, как говорили в старину, честь и слава!

А теперь я приглашаю всех обратить свои взоры на памятник, главная, что ли, идея которого состоит в том, что изваянный советский солдат, от имени всех поименованных на мраморных плитах и как бы обращаешь к каждому, кто пришел или будет приходить сюда, говорит:

Нам свои боевые

Не носить ордена.

Вам — все это, живые,

Нам — отрада одна:

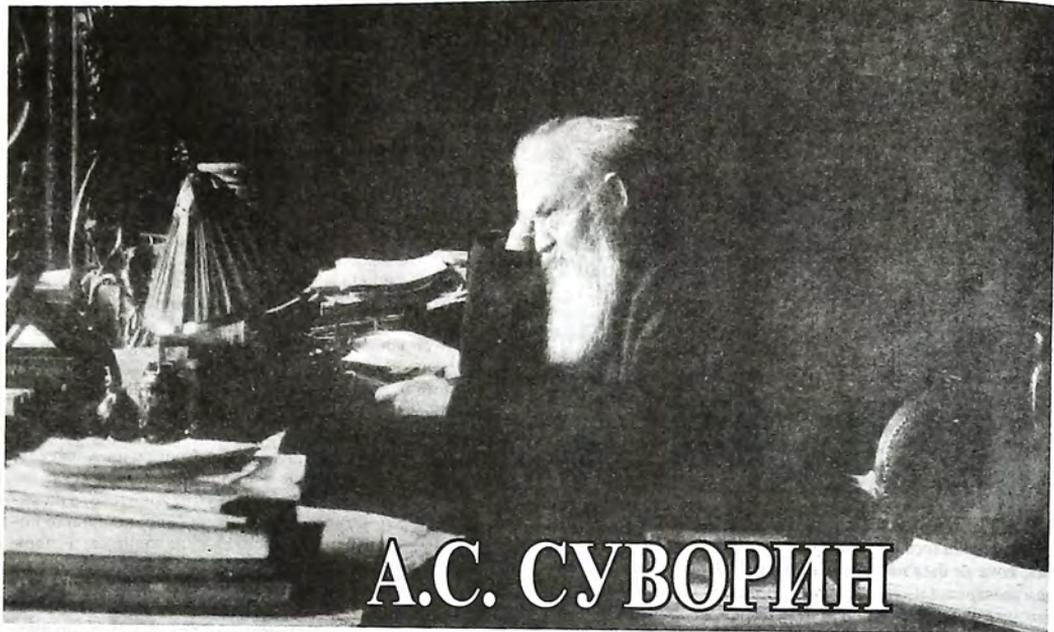
Что не даром сражались

Мы за Родину-мать.

Пусть не слышен наш голос, —

Вы должны его знать.

Будем помнить голоса и имена тех наших односельцев, которые сложили свои головы за Родину-мать, за эту вот русскую кузьминскую землю, на которой мы с вами стоим. Вечная им память и наш низкий поклон!

А.С. СУВОРИН

ПОПУЛЯРНАЯ ЛЕКЦИЯ О БАНКАХ

В сентябре 2004 г. исполняется 170 лет со дня рождения Алексея Сергеевича Суворина (1834—1912), писателя, журналиста, издателя, «Ломоносова книжного дела в России», как говорили о нем современники, редактора и владельца крупнейшей национальной общерусской газеты «Новое время». Публицистика Суворина — это обличение всего антинационального, чуждого России. Недаром В. В. Розанов называл его — «телохранитель России». В издательстве «ИХТИОС» к юбилею писателя выходит книга его избранных произведений. Представляем вам одну из статей сборника.

Наши банки выросли, как грибы, разом: с 1869 г. они начали плодиться чуть не ежемесячно, и все, что обледало капиталом или стремилось к нему, бросилось на банки. В числе учредителей явились коммерции, действительные и тайные советники, генералы всех родов оружия и даже ученые. Так в числе учредителей московского Промышленного банка очутились ордин. профессор минералогии и геогнозии Г. Е. Шуровский, ордин. пр. прикл. математики А. Н. Давидов и ордин. пр. зоологии А. П. Богданов. Банк выходит не только промышленным, но даже учено-промышленным. Удивительного, конечно, ничего нет в этом стремлении выгодно пристроить свой капитал, а гг. учредители пристроивают его выгодно, ибо в банковских уставах выговаривают в свою пользу известный процент из чистой прибыли. Было бы удивительно, если бы все эти советники и ученые бросились учреждать народные банки... До этого мы с вами, по всей вероятности, не доживем, ибо дело пока идет о том, чтоб образовать у нас крупные капиталы, а не о том, чтоб

образовать какие-нибудь капиталы в народе. Во имя крупных капиталов мы легко соединяемся и с умилением можем смотреть, как аристократ подает руку мужику-плутократу и как сановник снисходит до общения с длиннополым сюртуком. Расскажу анекдот.

При открытии Учетного банка, где заседал один из наших сановников, большой любитель парламентского красноречия во вкусе Маколея и Гизо, был дан блестящий завтрак, за которым присутствовало несколько десятков лиц. В конце завтрака, когда подано было шампанское, один из учредителей, г. Елисеев, или г. Полежаев, обратился к собранию с речью, приблизительно в таком роде:

«Милостивые государи. Прежде всего я желаю сказать несколько слов о нашем почтенном учредителе (таком-то). Я очень уважаю его, я знаю его за человека весьма умного, но предупреждаю его, чтоб он не забывался. Пусть он помнит, что предприятие удалось только благодаря нам, русским. Когда оно затевалось, я спросил Евгения Ивановича, как он об нем думает? Евгений Иванович сказал мне, что это дело хорошее, что учредитель — умный и дельный человек. Тогда я сказал это русским капиталистам, пошел сам и со мною пришли русские миллионы. Да, повторяю, предприятие это — русское и пусть иностранцы не забываются. Конечно, они умные люди, но мы будем держать ухо востро, потому что знаем, что умный человек — плут»...

Учредитель, к которому относились эти слова, по-русски не знает и речь ему перевелилась слова за слова. Как же пе-

редать слово «плут», которое, как известно, вовсе не имеет ругательного значения, когда употребляется в дружеской беседе. Это скорей — ловкий, тороватый, талантливый человек, умеющий выпутаться из всяких затруднительных обстоятельств, способный направить и поправить всякое дело, но которому пальца в рот не клади. Без сомнения, в этом смысле его и употребил оратор, не имевший случая изучить парламентское красноречие; но отсутствующие были этим словом сконфужены, некоторые засмеялись.

— Qu'est ce qu'il dit? — спрашивал не знающий по-русски учредитель, с недоумением взиравший на собрание.

— Il dit, que vous etes tres use.

Против такого перевода, действительно не точного ни в том, ни в другом смысле, ибо «плут» не значит «очень хитрый человек», поднялись многие голоса.

— Нет, это совсем не то. Плут — это «le petit coquin».

— Ах, что вы? Совсем не то...

— За здоровье г. такого-то! (Тост относился к не знающему по-русски учредителю.)

— Позвольте, что же значит слово «плут»? Как перевести его?

— Оставьте. Tres use — очень близко передает смысл.

— Господа, лучше всего, мне кажется, это передается выражением «fine mouche»...

— А, fine mouche... Это очень хорошо, но все не то...

— Господа, пьем же за здоровье г. (такого-то).

— Умный человек — плут, — возгласил в это время оратор снова.

Я спросил одного банкира, отчего так много банкротств случается у нас?

— Причин много, но главная из них — банки. Много развелось их у нас.

Вот задача! Полагаю, для читателей небезынтересно будет и узнать, каким образом приобретается кредит, и каким образом из ничего можно составить нечто. Вопрос этот принадлежит к самым современным, ибо нет, конечно, такого человека, который не желал бы наслаждаться благами жизни при помощи презренного металла и легковесных бумажек, в настоящее время довольно выгодно променяемых на золото и серебро. Ввиду всего этого, я позволю себе предложить читателям небольшую популярную лекцию о кредите.

Лет тому несколько в Петербурге можно было получить кредит чуть ли не в одном Государственном банке, да и то при рекомендации известных коммерсантов. В 1863 г. Е. И. Ламанский возымел мысль устроить Общество взаимного кредита для доставления кредита массе мелких торговцев. При этом произошло следующее.

Положим, есть у нас общий знакомый, Иван Петрович. Он имел в Государственном банке кредит на 25,000 руб. Когда образовалось Общество взаимного кредита — тогда в успехе его еще сомневались, а потому была нужда в клиентах — обратились к Ивану Петровичу.

— Идите к нам. В Государственном банке вы имеете кредит в 25 тысяч, мы откроем вам такой же и в нашем Обществе.

Естественно, что Ивану Петровичу это на руку: он вносит 10 процентов, т. е. 2,500 руб., и получает кредит в 25 тысяч. С кредитом в Государственном Банке он имеет, таким образом, кредит уже в 50 тысяч. Затем открывается, положим, Частный Коммерческий Банк, которому нужны клиенты. Он обращается к Ивану Петровичу:

— Сколько вы имеете кредита в Государственном банке и в Обществе взаимного кредита?

— 50 тысяч.

— Идите к нам; у нас дело верное, и мы откроем вам кредит в 50 тысяч.

— С удовольствием, — говорит Иван Петрович — и думаю: в трех кредитных учреждениях у меня сто тысяч кредита. Это не то что мои прежние 25 тысяч — на сто тысяч можно развернуться. И он развертывается более и более.

Англичане, евреи и греки основывают Международный Банк; если б Иван Петрович был греком или евреем, то ему немедленно дали бы в этом банке сто тысяч кредита, но он человек русский, и ему отпускают поменьше, смотря по обстоятельствам и связям с евреями и греками, тысяч на 25, на 50. Как бы то ни было, и с этим новым учреждением кредит Ивана Петровича увеличился.

В. А. Кокорев, отдыхая на лаврах, достаточно высоких и ставших колочими, думает думу. Россия страна хлебородная и земледельческая. В России нужно развить хлебную торговлю как можно более, а развить ее можно открытием широкого кредита хлебным торговцам в Петербурге, в Москве, на Волге, Каме и их притоках. Учредим хлебный банк. Так подумал В. А., и из головы его вышла российская магия — Волжско-Камский Банк. Правда, Минерва была богиня мудрости и, конечно, благоразумия, но ведь это в древности; современные понятия о мудрости и благоразумии развились, и задача Минервы наших дней так отличается, что нет того банкира, из головы которого она не могла бы родиться. Покровительствуя хлебной торговле, Волжско-Камский Банк развил кредит в небывалой степени, действуя с той смелостью, которая города берет и которой, говоря вообще, не хватает в русском характере. Для нашего Ивана Петровича это была манна небесная — он очутился в полумиллионном кредитом...

Понятно, что если Иван Петрович обладает энергией и способностями, то ему не трудно составить себе чудесное состояние, без особенного труда. Но так как энергия и способности встречаются не часто, а любовь к труду, даже относительная, еще реже, то люди стремились к кредиту и легко приобретали его вовсе не для правильной торговли, не для развития промышленности, а исключительно для получения возможности оборачивать крупные куши на бирже, метать банк и преследовать задачи пикета. Промышленность наша не выросла в эти пять-шесть лет, в которые развились кредитные учреждения, а выросли только биржевые капиталы и легкость добывать деньги лежа на боку, попивая шампанское и обнимая красивейшие цветы иностранной культуры, в форме камелий и кокоток. Даже люди, имеющие промышленные и торговые заведения, смотря на эти последние как на побочное дело и, оставая развитие их на точке замерзания, обращают свой кредит на покупку бумаг и биржевую игру.

Кто не забыл прошлогодних выборов в Обществе взаимного кредита, тот легко вспомнит о тех многочисленных конкурентах в члены правления, которые пригребали ко всевозможным средствам и невозможным рекламам, чтоб получить доступ к самому источнику кредита. Один из этих конкурентов обанкрутился в этом году на несколько сот тысяч. Я слышал, что этот банкрот, ухитряясь в способах получения кредита, сыграл, между прочим, очень плохую шутку с одним известным ученым классиком. Этот ученый, в заведении банкрота, имеющем весьма близкое отношение к ответственному труду, делал некоторый заказ и обратил внимание на весьма смущенное и понурое лицо хозяина.

— Что это с вами? Не больны ли вы? — спросил с соболезнованием классик.

— Да что, денег нет. Сегодня расчет с рабочими, а денег взять неоткуда. Ваш брат заказчик любит заплатить после исполнения заказа, а мы — отдувайся...

— Если хотите, я заплачу вам вперед.

— Вперед? Да что же я сделаю с вашими тремястами рублей, которые с вас придутся. Мне нужно тысяч пять.

— Ну, такую сумму я заплатить не могу, при всем моем желании помочь вам.

— Я это знал, и если говорю с вами откровенно, то потому, что уважаю вас, и потому, что вы можете сочувствовать тому положению, в которое поставлены силою судеб все мы, ученые, типографщики и литераторы. Я, конечно, сейчас бы мог получить деньги, но надо ехать к одному свинье, просить его и смотреть, как он будет ломаться. И добро бы ломался он из-за денег, а то просто потому, что ему лень подписать свою фамилию. Подпиши он свою фамилию, и basta— я при деньгах.

— Как же это так?

— Еще бы вы знали, ученые! Вы, небось, не воображаете, что деньги можно получить ни за что ни про что, при помощи вот этой бумажки.

И он вынул из кармана готовый вексель.

Ученый классик, вероятно вспомнив в эту минуту добродетели древних греков и римлян, спросил:

— А тут непременно нужна подпись этого господина, про которого вы говорите?

— О, совсем нет, теперь такая пропасть банков, что почти всякий вексель учитывается.

— Но ведь, однако, подписавший рискует чем-нибудь?

— Ни мало. Механизм очень простой: вы подписываете вот этот, например, вексель в 4,500 руб., т. е. даете мне обязательство, по которому вы должны мне заплатить 4,500 руб., а я вам вот этот другой вексель, по которому я обязан уплатить вам 4,500 руб. Стало быть, вы мне должны 4,500 руб., и я вам должен 4,500 руб.; другими словами: мы друг другу совсем не должны. Между тем, я по этому векселю могу получить 4,500 рублей из банка и обернуться.

Ученый, не встречавший таких простых примеров у греков и римлян, слушает собеседника своего со вниманием и даже с некоторым сиянием на лице своем.

— Послушайте, если это так просто, то я вам подпишу, — говорит он в некотором кредитном экстазе.

— Ах, вы бы меня обязали бесконечно, — ловит его хозяин...

Представьте себе удивление наивного классика, когда ему предъявили, спустя некоторое время, вексель в 4,500 руб. и потребовали с него уплаты этих денег. Но делать было нечего, и история кончилась весьма печально для любителя древностей.

Посредством этих, так называемых, встречных векселей, обдываются в особенности удобно делишки в компании. Нас, например, четверо, и мы имеем какие-нибудь лавочки или числимся в петербургском купечестве, хотя ничем не торгуем, или имеем некоторое знакомство в банковых правлениях. Все мы, четверо, заключаем между собою союз для добывания денег и поступаем так. Желая получить по 1,000 руб., мы пишем друг другу векселя и затем предъявляем в разных банках. Нам их учитывают, и мы при деньгах. Проходит три месяца, — срок векселя, в который надо внести занятые под них деньги. Мы снова пишем друг другу векселя и учитываем их уже в других банках. Таким образом можно тянуть довольно долго, но для успешности предприятия всего лучше заключать международные союзы, т. е. с людьми разных национальностей, преимущественно немецкой, греческой и еврейской, так как есть банки, особенно покровительствующие излюбленным народностям...

В конце концов, что же знаменует развитие у нас кредитного дела? Разумеется, прогресс, ибо оно дает возможность большему числу людей заняться торговлею и промышленностью и покровительствует способностям и талантам. С другой стороны, легкое добывание кредита подталкивает на риск, поощряет повед зарываться и затем банкротиться; но банкротства, конечно, ровно ничего не значат в сравнении с вечностью; хуже смерти ничего не может быть, а банкротства лучше смерти, ибо все-таки оставляют надежду пожить.

Битва за «русское наследство» начинается на политическом поле...

Летом прошлого года состоялось празднование 1250-летия «первой столицы Руси» — Старой Ладоги. На торжествах, широко освещаемых в прессе и по телевидению, в окружении учёной свиты появился Президент России В. В. Путин, ознаменовав своим визитом, как можно предположить, очередное усиление политического интереса к проблеме начала Руси. Вообще особый интерес правящих кругов к вопросу о происхождении русской государственности был заметен на протяжении нескольких веков и, видимо, не ослабел по сей день. С сугубо научной точки зрения, стремление политиков вмешаться в древнюю историю, конечно, не приносит ничего, кроме излишней суевы, мешающей объективному исследованию. Но так уж сложилось, что вопрос о начале Руси приобрёл острую политическую актуальность сразу после того, как был поставлен в историографии, ведь дискуссия шла об образовании одной из величайших империй в мировой истории. И с этим, по всей видимости, нужно смириться.

Журналисты, привыкшие усматривать скрытый смысл во всех действиях Президента, сразу обратили внимание на особую роль 1250-летнего ладожского юбилея. В информационной полосе «Газета. Ru» (от 18.07.2003) появился репортаж о том, как «Путин попал в тёмную историю». Намёк, главным образом, был на то, что Президенту не стоило вмешиваться в запутанный многовековой спор о начале Руси, но он, «сам того не ведая», оказался втянутым в пучину политических противоречий. Интрига заключалась в том, что в Старой Ладоге отметили юбилей первой русской столицы, которая древнее Новгорода и Киева. И вопрос не столько в том, каким временем датировано первое поселение на месте Старой Ладоги. Важнее, что по некоторым летописным данным именно сюда «из-за моря» прибыл на княжение Рюрик с русской дружиной (Новгород был основан позднее).

На научно-практической конференции, приуроченной к праздничной дате, учёные признали, что Ладога является древнейшим городом докиевской Руси. А в обращении, которое передал В. В. Путин профессору А. Н. Кирилличиков, прямо говорилось о том, что именно отсюда пошла русская государственность.

«Есть всё-таки некое несоответствие, — признался корреспонденту «Газеты. Ru» один из чиновников президентской администрации, — ведь есть же

Киевская Русь». В советское время, действительно, начальный этап отечественной истории связывался с древним Киевом. Но сегодня «мать городов русских» оказалась на «чужой» территории, и поэтому вряд ли В. В. Путин «не ведал» о скрытых целях старолadoжского юбилея.

Конечно, в советской истории значение Северной Руси явно недооценивали. Но при всей исторической важности 1250-летия Старой Ладogi, в науке сохраняется актуальность вопрос об исторической роли Киевской Руси, которая традиционно считалась колыбелью русской государственности. Сегодня, похоже, маятник политических пристрастий качнулся в другую сторону. С позиции научной объективности это неплохо (власти фактически «дали добро» на изучение тёмных страниц русской истории). Но не означает ли очередной политический поворот отречения путинской России от древнего Киева? К тому же с недавних пор появился и другой наследник — «незалежная» Украина, расторопно претендующая на роль преемницы Киевской Руси.

Любому честному историку известно, что государства под названием Украина никогда не существовало (тем более, никогда не существовало независимого украинского государства). Для русского языка традиционно сочетание «на Украине», то есть на приграничной территории, на «окраине» (в отличие от претенциозного новшества «в Украине»). Отношения окраинной периферии с Российской империей никогда не складывались (да и объективно не могли сложиться) как межгосударственные. Но это не означает, что Украина всегда была верной «окраиной» России, надёжным порубежным кордоном.

В первой половине XIII века под ударами монгольских кочевников пало одно из крупнейших государств средневековой Европы — Киевская Русь. После чудовищного опустошения огромная территория, называемая прежде «Русской землёй», в буквальном смысле превратилась в «дикое поле». Русская цивилизация, издревле наступавшая на юг, вновь откатилась к родному северу, а южные земли, ставшие «русскими» в IX веке (а скорее, намного раньше!), оказались «украиной». По ней кочевали разбойничьи орды татар, окончательно истребляя и вытесняя уцелевшие остатки прежнего населения. Русские пришли сюда снова лишь спустя несколько веков, вместе с войсками Московской Руси. С XV века, после ослабления Степи, «окраина» стала спорной территорией, на которой столкнулись интересы нескольких соперничавших держав — Руси, Польши и Крымского ханства. Вслед за этим в украинские степи хлынул поток переселенцев со стороны Карпат: одни стремились колонизировать плодородные земли, другие — бежали от угнетения польских панов, стремясь начать свободную жизнь.

Новое население, которое было этнически разнородным и с лёгкостью перенимало чужие обычаи, стало называться «козаками». Стоит признать, что «козачество» играло определённую политическую роль на украинской территории, принимая участие в русских и польских внешнеполитических интригах. Но украинские националисты даже в «козацких кошах» (от татарск. «кеше» — человек) видели прообраз государственности.

Главным идеологом несуществующего государства был историк и политический деятель начала XX века М. Грушевский. Он стремился обосновать исторически самостоятельную значимость территории, называемой сейчас Украина. Для этого Грушевский поднимал факты, считая Киевскую Русь древним украинским государством, и отрицал монголо-татарское нашествие (однозначно зафиксированное археологией!), чтобы обеспечить «преемственность» между Киевской Русью и позднейшим территориальным образованием — «козацкой окраиной» — Украиной.

Когда-то немецкие историки и философы писали об «исторических» и «неисторических» народах, намекая, главным образом, на то, что один народ создаёт государство (как высшую форму своего существования на данном отрезке исторического развития), а другой нет. В тогдашней немецкой науке это означало либо «полноценность», либо «неполноценность» того или иного народа. Но такой вывод сегодня кажется крайне преувеличенным. Может, некоторые народы просто не нуждаются в государственной форме самоорганизации и «полноценность» здесь ни при чём?!

Однако во времена Грушевского приговор истории казался неумолимым. И он упорно цеплялся за последнюю ниточку: нет, у украинцев было своё государство — Киевская Русь! Позже было придумано, что государственная преемственность перешла к «козацкой республике» в Запорожье (где, конечно, были «козаки», но не было республики!). Украина рождалась, сопротивляясь «угнетению» Российской империи... Общину его связывают с «уничтожением» Запорожской Сечи в 1775 году. К счастью, далеко не все украинцы принимают примитивные националистические схемы. Талантливый киевский публицист Олесь Бузина пишет:

«Сначала давайте разберёмся, что обычно называют «уничтожением». Ни один (я повторяю, ни один!) запорожец при этом не был убит, ранен или покалечен — то есть «уничтожен». Возможно, что в суматохе кто-то получил по морде, но на Сечи так часто и со смаком давали по морде, что уставшая история в конце концов перестала фиксировать подобные мелочи. По-настоящему пострадали трое — кошевой Пётр Калнышевский, писарь Глоба и судья Павло Головатый (не путать с другим Головатым — Антоном, стараниями которого Запорожское войско было восстановлено)... Всех троих сослали в монастыри».

С «козацкой вольницей» действительно обошлись мягко. Даже после подавления кровавого пугачёвского бунта Российское государство не применило всеобщих репрессий против потенциальных бунтарей. Таким было «угнетение» империи...

Но почему украинцы так настойчиво пытаются утвердить свою «полноценность»? У них совсем нет повода для беспокойства — они дали мировой культуре прекрасные песни, танцы, чудесную кухню. Но в истории, правда, никогда не было украинского государства. Может, действительно в нём не было необходимости?

Очевидно, что не будет украинского государства и в будущем. По оценкам некоторых аналитиков, прогнозируется скорый распад нынешней Украины, особенно после вероятной победы Виктора Ющенко на грядущих «президентских выбо-

рах». По сути, современная «независимая» Украина — это Украинская ССР в новом обличье, отпавший кусок рухнувшей советской империи, который стремительно деградирует, скатываясь по «тормозному следу» бывшего Союза. После неминуемого распада «независимой» Украины её территория объективно попадёт в орбиту политического влияния соседних государств, и, главным образом, не России, а западных стран НАТО. Не случайно книга Л. Кучмы носит название «Украина — не Россия». После ослабления русского влияния в Крыму полуостров может стать «горячей точкой» международной напряжённости. К сожалению, события принимают всё более и более необратимый характер.

Международные силы, враждебные России, стремятся в очередной раз фальсифицировать русскую историю, чтобы оправдать «историческое право» некоторых новоявленных «держав» на существование. В действительности все, конечно, понимают, что «независимые страны» СНГ станут плацдармом антирусского влияния. Историю не обманешь! И «незалежная» Украина здесь не является исключением. Для этого вновь реанимируют исторический миф об «украинской» Киевской Руси.

Сегодня, спустя год, торжества в Старой Ладоге почти забыты. К сожалению, пока громкие научные призывы так и остались словами, мобилизовав лишь разношёрстную гвардию норманистов, старательно выдумывающих «скандинавские корни» Древней Руси. Взоры учёного мира (а главное, потоки бюджетного финансирования!) так и не обратились в сторону серьёзного изучения северно-русских древностей. А от Киевской Руси почти успели отречься, отдав её на растерзание бандеровским стервятникам. Противопоставляя «русскую» Ладогу «украинскому» Киеву мы лишаем себя великого прошлого, рубим «живую» историю в угоду заклятым «друзьям» государства Российского.

Киевская Русь — это древнее русское государство, существовавшее в IX—XIII вв. на территории Среднего Поднепровья и уничтоженное монголо-татарским нашествием. Такова историческая правда. А значит, эпоха Киевской Руси — это период русской истории!

Украина здесь ни при чём...

В. И. МЕРКУЛОВ

кандидат исторических наук

Владимир Матвеев

Владимир Матвеев родился в Москве в 1967 году. В 1985 году после окончания школы был призван в СА. После службы работал в сфере обеспечения безопасности в одной крупной российской организации. Объездил практически весь Дальний Восток и центральные области страны. Всегда увлекался военной историей. Писать стихи начинал еще в школьном возрасте.

АТАКА

Через рошчерк ракеты, короткий и злой.
Мы сейчас не в строю шагаем.
Цепь в снегу извивается серой змеей,
С лежки поднятой волчьей стаей.

Наши взгляды на близких вершинах штыков,
На разломах зеркальных наста.
Мы ползем, ориентируясь строго на кровь,
Перед нами цепей распластанных.

Нас прикрыли горячим щитом «пушкари»,
Пулеметы, давя со шмяком.
Мы почти у «отметки». Мы там, где дрожит
Голос в рубленом крике — «Атака»!

Сквозь комья разрывов, на срыве курков
Рванулась пехота под пламя.
Но полкилометра российских снегов
За нами, за нами, за нами.
2004.

НЕФТЬ

Мы льем в машины не бензин,
Мы кровь в железо заливаем.
Ту кровь — земля не принимает,
Она густая и горит.

Мы, ради пятен нефтяных,
Потравы ради мхов оленьих,
В печах бензиновой войны
Сожгли, безумцы, — поколенья.

Соотнеса на «баррель» — вес
Войной изодранного мяса.
Мы крутим из него колбасы
И пожираем на развес.

Страна! что ест своих детей,
Продав за «сликерс» — славу предков
Обречена в тюремных клетках
На нефти вскармливать — зверей.
2004.

МАЛЬЧИКИ

Мальчики из Русских городов
В шар земной зарыты под оркестры.
Вдовами — вчерашние невесты
Каменели, стоя у гробов.

Мальчики из Русских городов,
В большинстве совсем не из «столичных»,
Превращались в «опись писем личных»,
Боль и радость материнских снов.

Мальчики из Русских городов,
Из поселков, деревень глубинных,
Умирали от осколков минных
И в кошмарах танковых костров.

Но страна не видела вины,
 Не склонялись в трауре знамена.
 Не читались списки поименно
 На войне убитых — без войны.

Да мы все не видели вины!
 Так же сладко спали, жирно жрали.
 И мальчишек просто — продавали.
 Продавали. Сукины сыны!
 1991

ТАНЦЫ С ВОЛКАМИ

Уровняла ночь наши шансы,
 Все к одной черте сведено.
 Вновь «танцует» с волками танцы
 Разведзвезд в горах Ведено.

Тишина, но от тени к тени,
 В первобытном «танго» кружат,
 Вдруг короче и откровенней
 Станет жизнь на длину ножа.

Мы «танцуем» на мягких лапах,
 Балансируя на краю.
 Кожей чувствуя «волчий» запах,
 Рвем дыханье в свободном строю.

Мы могли б открывать планеты,
 Петь любимым своим — романсы.
 Мы могли жить — «долгие лета»
 Но сгораем в смертельном танце.

Смотрят в небо мальчишек лица,
 Все случилось, что решено.
 Нам навечно в ветрах кружиться,
 В волчьих танцах под Ведено.
 2004

СЛУШАЙТЕ

Не слышите? Ну так услышать надо.
 Пора привстать из долгой лежки ниц.
 Сползаются червями танки НАТО,
 Размалывая столбики границ.

Насвистывает немец — «дранг нах остен».
 Ошупывая «уейсеом» Беларусь.
 Из прибалтийских смологрудых сосен
 Маячит «мирокорческая» гнусь.

Не слышите? Пока вам безразлично
 О чем брюзжит заморский бюрократ.
 Но согласитесь, очень неприлично
 «Анклавом» называть — Калининград.

Но как назвать циничное глумленье?
 Или в мозгах губительный процесс?
 За подвиги вдруг выдать преступленья
 И чествовать участников «СС».

Опять нагледут в небе самолеты,
 «Случайно» ошибаясь стороной.
 И это все напоминает что-то.
 Все это было — перед той войной.
 2004

ТРАССЕРА

Звезда, убитая вчера
 Шальной, «трассирующей» пулей.
 О ней мы даже не всплакнули,
 Не помянули на пирах.

Мы так привыкли убивать,
 За деньги. За вождей. За водку.
 За слово. Веру. За «кокотку».
 За нефть. И просто пострелять.

В пороховом дыму бредя,
 Уже давно не замечаем.
 С листов газетных кровь стекает,
 В сердцах густая и смердя.

Не замечаем, но манит,
 Искать знакомых в некроlogах,
 Считать веночки на дорогах
 И красть цветы с могильных плит.

Телами — важными в делах
 Передвигаемся по свету.
 Но душ у нас, пожалуй, нету.
 Сгорели, видно, в «трассерах».
 2004

ПОДОРОЖНАЯ

Ты не стой, не стой, не стой
 На дороге, ангел мой.
 Тракт почтовый.
 Лес сосновый.
 Колокольчик под дугой.

Ты не жди, не жди, не жди.
 Ты заплачешь.
 Мне — дожди.
 Да раскисшая дорога
 У России на груди.

Ангел мой, бог с тобой.
 Но ведет меня дорога
 То из дома, то домой.

Там туманы спят в тиши,
 Там, куда всегда спешил.
 На снегу еловой веткой
 Мое имя напиши.

Ты живи, живи, живи,
 Хоть на краешке земли.
 Где по самому по краю
 Снег сжигают снегири.

Путь к тебе все лес — да лес,
 Путь-дорога вдоль небес.
 Захлебнулся колокольчик.
 Месяц в облако залез.
 То дубовые кресты,
 То смородные кусты.

Где тебя, мой ангел, встречу?
 Где меня дождешься ты?
 1998

Бомжик

Владимир
САПОЖНИКОВ

г. Тула
Рассказ

Василий Андреевич, зажатый десятками человеческих тел в трясащемся, дурно пахнущем вагоне московского метро, задыхался от влажной духоты и от тяжелых мыслей, которые не покидали его последние три месяца. От этого предательски прихватывало сердце, иногда вдруг кружилась голова.

В свои семьдесят семь он оказался в столице не от хорошей жизни. Три месяца тому назад в заброшенное тульское село пришло на его имя сообщение, в котором говорилось, что в Чечне при исполнении воинского долга погиб его внук — лейтенант ВДВ Алексей Петров.

После этого Андреевич, как обычно звали его односельчане, остался совсем один на этом белом свете. Его единственный сын Сергей — отец Алексея, родившийся после войны, тоже был офицером... Погиб перед самым выводом наших войск в Афганистане. Узнав об этом, слегла, а через месяц — скоропостижно умерла жена Василия Андреевича. Спустя год жена сына летом завезла Алексея дедушке, а сама была госпитализирована для проведения срочной операции в институт онкологии в Москве. Но операция прошла неудачно, невестка погибла прямо на операционном столе. И остались после этого дед с внуком вдвоем.

Как он не хотел, чтобы Алеша поступал в военное училище! Как чувствовал, что тот может повторить судьбу своего отца!

Но у парнишки оказался упрямый характер. И после окончания школы он все-таки пошел в Рязанское десантное училище. А получив лейтенантские погоны, не успев обзавестись семьей, прямиком попал на вторую чеченскую, в проклятую Чечню с ее бородами зверьем, стреляющим из-за угла в спину... Через полгода роковая пуля настигла и его внука...

Алешу похоронили рядом с отцом, бабушкой, матерью на деревенском кладбище на холмике, заросшем редкими беззачками и липами, на окраине. Василий Андреевич, до того никогда не злоупотреблявший спиртным — даже на фронте отдавал другим наркомовские сто грамм, с той горой запил.

Нет, он не валялся пьяным, и никто не видел его шатающимся. Просто утром, в семь часов старик включал про-

грамму новостей по телевизору, а там всегда давали хронику событий в Чечне или около ее: столько-то наших бойцов и мирных жителей подорвалось на фугасах, столько-то ранено... От этих вестей шемило сердце. И рука невольно тянулась к стакану с вином.

После обеда, придя с кладбища, куда старик Петров ходил ежедневно, он включал в зале телевизор, смотрел очередные грустные весты, так или иначе связанные с Чечней. Доставал из холодильника бутылку водки, нехитрую закуску, и пил.

По "ящику" показывали то, как хохочущие, с лоснящимися лицами, самодовольные чечены, шутя, как бы для развлечения отрезали головы замороженным уже до ручки нашим русоволосым восемнадцатилетним пацанам. То разбросанные взрывами в Ставрополе останки детских и женских тел, то палаточные лагеря с семьями тех самых бандитов, которые безжалостно убивали наших в горах... Андреевич через силу, до боли в сердце смотрел на все это безумие, глуша чувства алкоголем...

Сначала, после вести о гибели внука, его долго не покидало желание бросить все, купить автомат и уехать в Чечню, мстить этим наглым мордам за убитого внука, за всех других наших загубленных ванюшек. И убивать их там всех подряд: и этого безрукого неуловимого Хаттаба, и безногого Басаева, и вислоухого Масхадова — всех этих нелюдей, людоедов, которые зовутся чеченцами. Он возненавидел их всех.

Но силы уже были не те. Семьдесят семь — все же не пятьдесят хотя бы... Но где же наши спецподразделения, где ФСБ и МВД? Почему не могут уехать который год взять главарей и их подельников? Почему во время Отечественной войны разведгруппа, в которой Петров служил, всегда четко выполняла любые задания командования по поимке глубоко в тылу врага самых отъявленных фашистов и доставляла их командованию? Где сегодня хваленые "Альфы" и прочие элитные подразделения?

Ситуацию в этом вопросе прояснил ему захвативший как-то после госпиталя однополчанин Алексея по Чечне. После уже не первой молчаливо выпитой стопки в гостях у Андреевича он, отвечая на вопрос, почему не удается захватить главарей, — ответил прямо:

— Они днем все становятся мирными жителями, а по ночам стреляют, устраивают в лесах засады. Да к тому же и не дают порой... Только вычислим, обложим, — идет сверху команда — отойти... И так — уже не раз... Все продается, дедуль... А пацаны наши гибнут...

— А генералы новые коттеджи в Подмоскovie строят, а чечки запроважали нашими рынками и банками... А на эти денежки содержат бандитов... Если так дело и дальше пойдет — скоро не останется ванюшек на русской земле... Все заполняют черноты... — горько кивнул белой от седины головой Василий Андреевич. — А наши ребятишки беспризорничают, пропадают, их же — недавно по ящику передали — уже три миллиона по России гибнет — и никому нет дела...

И вот теперь Петров возвращался с приема в Министерство обороны, где ему торжественно вручили внуков Орден Мужества, денежную компенсацию. Отнеслись тепло, по-человечески. Угостили чаркой хорошего вина на помин Лешкиной души... Но на сердце не стало от этого легче.

"Зачем я отпустил его в это военное училище? Почему не нашел нужных слов, чтобы убедить не делать этого?" — эти мысли не покидали Василия Андреевича всю дорогу, пока наконец не поднялся из затхлых московских подземелий на перрон Курского вокзала. До подхода его, тульской электрички оставалось еще с полчаса.

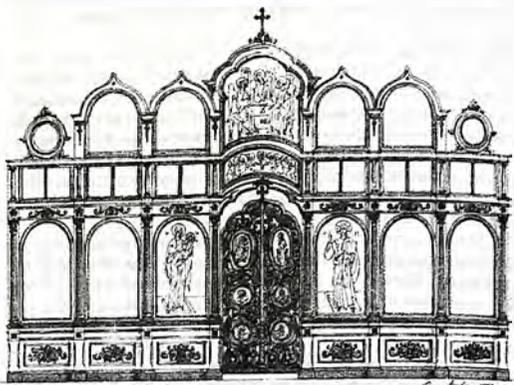
Стояла ранняя холодная весна. На железнодорожной платформе под ногами хлюпало грязное, серое снежное месиво. Василий Андреевич в ожидании поезда подошел к ближайшему привокзальному магазинчику. Протянул в маленькое окошечко пятидесятирублевую бумажку:

— Дай-ка, дочь, маленькую бутылочку коньячка и какую-нибудь шоколадку...

Свернул хрустнувшую желтую головку стограммовой бутылочки, отхлебнул напиток. Коньяк через минуту-другую докатился до желудка, согревая все внутри. Отпустила не-

Филипп МОСКВИТИН,
преподаватель Российского православного
университета св. Иоанна Богослова, член МСХ

«Мы учим на первоис- точниках...»

С каждым годом все большее число молодежи желает научиться писать иконы. Это связано с постепенным воцерковлением нашего общества. В царской России в каждом городе (губернии) была своя традиция иконописания, складывавшаяся веками и органично развивающаяся. За советский период мы растеряли богатство традиций, кое-что сохранили для нас реставраторы, но иконопись как искусство было в забвении.

Господствующим стилем советской эпохи был соцреализм. Лучшие художники посвящали свои произведения Родине и народу. Храмовая архитектура и живопись изучались как памятники минувших эпох.

После перерыва в несколько десятилетий оказалось непросто возродить церковные искусства.

Нет единого мнения о том, как лучше подготовить специалистов в этой области. Распространено, например, заблуждение, что иконописцу не обязательно уметь рисовать, иметь понятие о композиции и колорите. Достаточно будто бы в течение нескольких месяцев освоить приемы ремесла, набить руку, и при усидчивости и старании гарантирован успех. Множество икон, написанных с таким подходом, мы встречаем в церковных лавках и, разумеется, они находят спрос.

Мы знаем, что и раньше существовали мастерские, которые наполняли рынок и сельские храмы незатейливыми, иногда очень наивными иконами, но все же они лучше современных своей искренностью, особым рисунком (изводом) и колоритом, по которым мы можем определить, внутри какой местной традиции они создавались.

Но были и великие имена: св. прп. Андрей Рублев, Феофан Грек, Дионисий, Симон Ушаков, Федор Зубов, Гурий Никитин, Нестеров и Васнецов. Их произведения возвышались над общей массой и были благословлены Церковью как образцы. Стоглавый собор постановил писать Троицу как св. прп. Андрей Рублев, манера Ушакова определила вкус его века, термин «васнецовский стиль» давно вошел в обиход, под влиянием Васнецова расписано множество храмов в России и на Украине.

Сейчас выработанного стиля нет, а икона воспринимается во многом как декоративно-прикладное искусство, где блеск золота, разделка деталей, лакированная поверхность сближают ее по исполнению со шкатулкой, матрешкой и пр. промыслами, отодвигая ее в ряд сувениров. Но в переводе с греческого икона — это образ, и важно осознать, что цель художника — это создание образа, способного пробудить души современников, явить им красоту и святость первообраза. Без ремесленного мастерства не обойтись, но оно не должно довлеть.

На что же опереться начинающему иконописцу кроме копирования? Думается, на те традиции, которые не были в России утрачены. У нас прекрасная академическая школа композиции живописи и рисунка, с освоения этих искусств и нужно начинать. С постижения предметов живописи, рисунка начинается подготовка иконописцев. Они, как и все начинающие художники, учатся рисунку на слепках античных голов и торсов, пишут натюрморты, пейзажи и портреты, делают композиции на тему из житий святых, и, конечно же, делают списки с икон и фресок.

Образование в вузе подразумевает получение звания художника, для этого нужно уметь создать авторское произведение, а это значит владеть художественным языком, композицией т. е. уметь сочинять (от слова *composito* — сочинять).

На просмотрах работ студентов (а просмотр — это заранее подготовленная выставка, где представлены работы за семестр) оценивается профессиональный уровень по всем четырем предметам: рисунку, живописи, композиции, иконописи. У нас эти предметы тесно переплетены: наряду с академическим рисунком учим рисовать прориси икон не только карандашом, но и кистью; на композиции студенты изучают кляйма древних икон и пытаются освоить этот изобразительный язык, пробуя решить сюжеты житий новопрославленных святых в ключе древнерусской иконы. Курсовая работа «Царские врата» включает изучение стилистических особенностей разных эпох, выбор стиля и попытку сочинить в этом стиле свои Царские врата — уметь расположить в них иконы Благовещения и четырех евангелистов.

Пройдя несколько лет по этому пути, мы убедились, что это путь правильный. Мы ставим задачу приготовить церковного художника широкого профиля, способного написать иконы яичной темперой, а если нужно, масляными красками, уметь разработать житийную иконографию новопрославленного святого, спроектировать иконостас в соответствии с архитектурным стилем храма.

Нынешние Госстандарты вузов включают в себя церковно-историческую живопись, это дает большие возможности для реализации личности, раскрытия всех граней дарований художника. Рост заметен уже к концу второго курса: студенты хорошо пишут лик, могут по памяти линейно нарисовать образ святого; пишут сюжетные пейзажи, и это дает чувство колорита и незамутненность палитры в иконописании. На факультете церковно-исторической живописи занятия начинаются общим пением молитвы, люди воцерковляются, учатся взаимопомощи, вместе посещают музеи для зарисовок икон и слепков. Пленерная практика проходит в Коломенском, Ку-

ково, Ново-Девичьем монастыре и других живописных местах. Лучшие иконы студентов находят место в храмах. Всю ремесленную часть, в смысле разделки, орнаментов, золочения и прочего отодвигаем на последнее место. А на первом — чувство пропорций, колорита, стиля. Рисунок и живопись подразумевают живое рисование в изучаемых традициях, а не только копирование, срисовывание и компилирование. Без владения рисунком, живописью и композицией — иконописное творчество невозможно. Произведения созданные без владения этими предметами нельзя относить к предметам искусства, а то, что они созданы с соблюдением технологии и по определенным правилам еще не говорит о том, что их авторы впитали иконописную традицию и вполне ею владеют.

В подтверждение нашей программы обучения художников-иконописцев мне пришлось бывать в Санкт-Петербургском государственном институте им. Репина (бывшая Императорская Академия художеств) в мастерской профессора Александра Николаевича Крылова. Здесь мы нашли полную поддержку и понимание. Петербуржцы первые создали мастерскую церковно-исторической живописи и сделали ряд выпусков. Дипломные работы выпускников удивляют уровнем мастерства, удивляет разнообразие поставленных задач, здесь на диплом возможно исполнение картины на евангельский сюжет или написание храмовой иконы, роспись алтаря и проект росписи всего храма. У всех один руководитель и он дает задания, согласуясь с внутренним стремлением студента.

Почему такого уровня достигают его дипломники, стало ясно, когда профессор А. Н. Крылов показал мне иконостас Казанского собора, восстановленный им самим и его учениками. Новый образ свт. Вениамина Петроградского, выполненный профессором Крыловым, кажется, всегда находился в этом соборе, настолько точно он выдержан в каноне и стиле храма. Так как целью поездки было ознакомление с опытом работы этой мастерской, то я задал профессору Крылову ряд вопросов, касающихся проблемы подготовки специа-

листов церковно-исторической живописи. Предлагаю вам это интервью:

Москвитин: Кого готовит факультет — живописцев, иконописцев или же специалистов широкого профиля?

Крылов: Художников — живописцев церковной живописи. Основная специализация этой живописи. Техники различны: фреска, мозаика, станковая картинка или икона.

Москвитин: Какие у вас предметы главные, какие второстепенные?

Крылов: Основной предмет — композиция, ей подчинены рисунок и живопись. Вспомогательные: Священная и церковная история, иконография и богословие иконы, техника стенописи, живописи, иконописи и мозаики.

Москвитин: Как осуществляется работа над дипломом и что нужно представить на защиту, чтобы получить право называться церковным живописцем?

Крылов: Работа над дипломом ведется в течение целого года. Выпускник может продолжить дальнейшую разработку преддипломного эскиза (выполняется на V курсе) или, по желанию, изменить объект или тему. Темой для дипломной работы могут стать разработки росписи и иконостаса храма; живописного декора Духовного учебного заведения или другого общественного здания, предназначенного для нужд Церкви, создание станковой картины или панно на церковно-исторический или библейский сюжет. Дипломом может стать иконостас или большая храмовая икона. Цель дипломной работы — показать уровень мастерства, приобретенного в институте, степень профессиональной зрелости живописца, его художественные позиции, создать высокохудожественное произведение, достойное храмового интерьера. На защиту представляются:

I. Полный рабочий проект-эскиз в архитектурной развертке (масштаб 1:10), техника исполнения эскиза должна соответствовать технике будущей росписи (темпера, фреска, мозаика, энкаустика и др.).

II. Перспектива в технике акварельно-тушевой отмывки; аксонометрические чертежные проекции; макет в масштабе (1:10; 1:20).

III. Живописный фрагмент — картон одной или нескольких композиций. Картон-фрагмент исполняется в натуральную величину и даст представление о том, как должна, по замыслу автора, выглядеть осуществленная на стене роспись.

IV. Фрагмент в материале (фреска, мозаика, майолика, и др.) даст представление об эстетических качествах техники исполнения предполагаемой росписи, о технических навыках автора.

Будущие иконописцы

Преподаватели РПУ

В. Икона, исполненная в традиционной технике (доска, паволока, левкас, яичная темпера, олифление и т.д.), разработка житийных клейм и колористическое решение образа даст представление о технико-иконописной подготовке выпускника.

Москвитин: Кто преподает спецпредметы?

Крылов: Люди, закончившие Академию, те, кто профессионально подготовлен, обязательно церковные и дисциплинированные. Жесткая дисциплина на факультете обеспечивает успехи в учебе и творчестве.

Москвитин: Какую практику проходят ваши студенты, копийную или на объекте в качестве подмастерьев?

Крылов: Нечестно привлекать студента в работу преподавателя — это хамство и подлость! Недостатки учителя и коммерческий интерес переходят к ученикам. Безобразно использовать служебное положение в корыстных целях!

Практика первого курса — это живопись интерьера храма, например, Казанского собора в Санкт-Петербурге, второй курс копирует икону древнерусскую или классицистическую, третий курс — стенопись и фреску (мозаику) в Пскове, Новгороде, Ярославле и т.д. На четвертом идет свободный выбор темы, на пятом — подготовка к дипломной композиции — сбор материала: эскизов, этюдов, набросков с натуры, копий композиций старых мастеров.

Москвитин: Каким направлениям и школам иконописи отдается предпочтение?

Крылов: Архитектура диктует стиль. Архитектура дисциплинирует ученика и заставляет структурно мыслить. Расписывать классицистически памятник в стиле других эпох — недопустимо! Архитектура классических эпох задает такие масштабные пропорции, ритмические пространственно-пластические параметры, которые диктуют необходимость при воссоздании стенописи и внутреннего убранства храма руководствоваться заданным стилем этой архитектуры. Эклектика разрушает гармонию, единство и подобие, что противоречит основному признаку Святой Троицы.

Предпочтению какому-либо стилю не отдается, потому что нового стиля не существует кроме модернизма и соцреализма, а старые стили не освоены. Изучение освоения старых стилей, в особенности постижения закономерности стилообразования, является залогом создания нового стиля в будущем, которого пока еще нет. Пока под соблюдением стилей подразумевают, к сожалению, срисовывание с репродукций хорошо сохранившихся образов христианского искусства Средиземноморья и т.д.

Москвитин: Учат ли писать маслом?

Крылов: Конечно. Живопись и рисунок у нас идут по общеакадемической программе плюс перспектива и анатомия. Основание любого стиля, в том числе византийского и древнерусского, которые основательно забыты, требуют отличной рисовальной подготовки, которая уцелела только в академических учебных заведениях, в виде умения владеть пропорциями, линиями, тоном, а совокупно — большой пластической формой. Только в рамках академии постигаются законы колорита, а великий В. И. Суриков говорил, что если нет колорита, нет и художника.

Москвитин: Кого из современных иконописцев Вы уважаете и копируют ли Ваши студенты их иконы?

Крылов: Марию Николаевну Соколову и ее учеников и последователей, архимандрита Зенона, но копировать их нет смысла — это не классика. Мы учим на первоисточниках.

**Подписка принимается
в любом отделении связи
по каталогу "Роспечата"
с любого месяца**

**Подписные индексы
на полугодие (6 номеров):**

48542

для индивидуальных
подписчиков

48543

для библиотек
и учебных учреждений

на год (12 номеров):

79172

для индивидуальных
подписчиков

79173

для библиотек
и учебных учреждений

**Подписаться на журнал
или приобрести его оптом
и в розницу можно по адресу:
Комсомольский проспект, д. 13
(м. "Парк культуры")**

**Редакция приглашает
к сотрудничеству распространителей
Тел./факс: (095) 246-03-47**

Учредители: В. Н. Ганичев
Издатель: Редакционно-издательский дом
"Роман-газета XXI век"

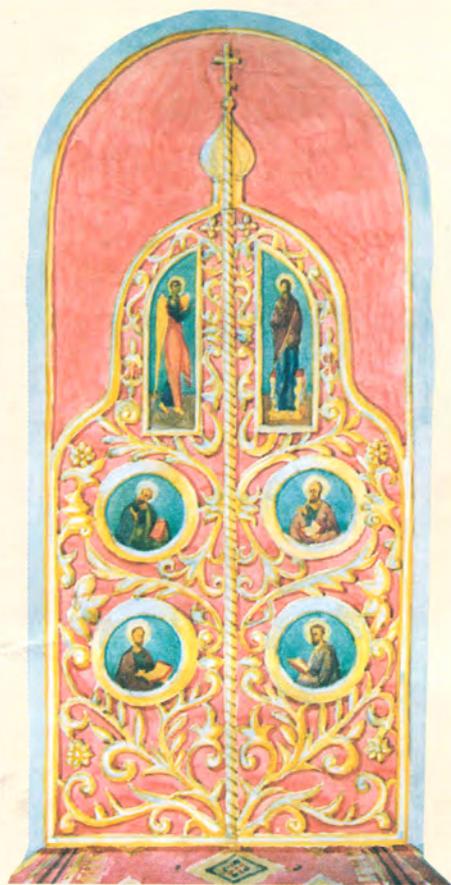
Адрес редакции: 119146, Москва,
Комсомольский проспект, 13.
Телефон: (095) 246-03-47, факс: (095) 246-03-47
© АНО РИД "Роман-газета XXI век", 2004 г.

Компьютерная верстка С. Панфилов
Корректор Е. В. Феоктистова

**Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.**

Отпечатано в ОАО
ордена Трудового Красного Знамени
«Чеховский полиграфический комбинат»
142300 г. Чехов Московской области
Тел. (272) 71-336. Факс (272) 62-536

Тираж 5000 экз.
Цена свободная
Заказ № 1238.

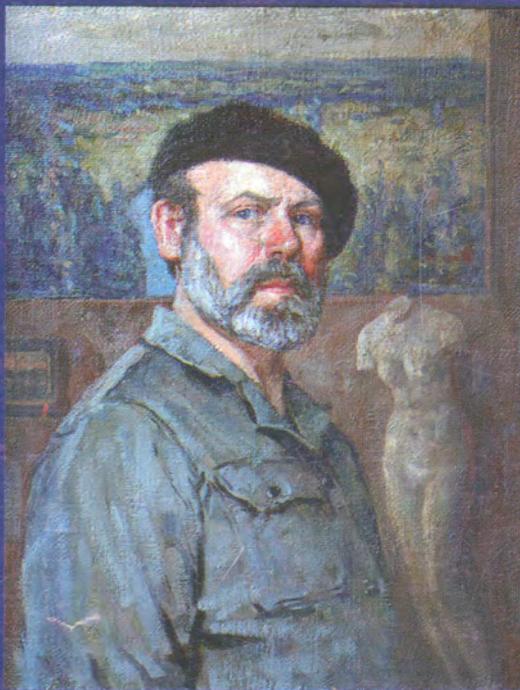
Д. Храмов. II курс

Преображение
А. Соловьева. II курс

«Мы учим
на первоисточниках...»

Худ. А. Шалаев.
Автопортрет
в мастерской

Худ. А. Шалаев. Артист из народа Афанасьев В.П.

Сергей Марков

БЕЛЫЙ ГУСЬ

Из глаз верблюжьих недаром грусть
Глядит сквозь прозрачный лед.
Смотри и знай — это Белый Гусь
Крыльями небо рвет!

Он путь держал на далекий юг,
Отбился от шумных стад.
И лучшую из подруг
Ему не вернуть назад.

На снежных тучах потерял путь,
В просторах страшных высот,
И Гусь, расправляя избитую грудь,
Ее терзает и рвет.

И белые перья на землю летят
Сквозь туч замедленный бег,
И к ним привык человеческий взгляд,
И перья зовутся: снег.

Ты слышишь голос? Гуденье труб,
Бессильный гнев и тоска...
Полночный ветер, жесток и груб,
Луну свалил в облака.

Слезай с седла у ревущих границ!
В степи не щадит беда.
На ковыле верблюжьих ресниц —
Гроздь жемчужного льда.

В глазах верблюда — покорная грусть,
Нежданной гибели взгляд.
Перьями сыплет Белый Гусь,
Закрыты пути назад.
1926